

ЦИРКУМПОНТИКА

THE CIRCUMPONTICS

2020

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркулянт. Вып. II. 256 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II. 256 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....	8
---------------------	---

Скоробогатов А. М. Изделия из клыка кабана в неолите-энеолите Восточно-Европейской степи и лесостепи.....	10
Файферт А. В. Койсугский курганный могильник. Погребения койсугского типа	28
Николова Л. Трансформация и эволюция соообществ раннебронзового века от энеолита к бронзовому веку (IV–III тысячелетия до нашей эры)	56
Кекеев Э. А. Погребальные комплексы энеолита и бронзового века Архаринской курганной группы (анализ соотношения и взаиморасположения)	64
Коньков А. С. Популяционные связи носителей культуры шаровидных амфор, воронковидных кубков и шнуровой керамики согласно данным палеогенетики	78
Скржинецкий Р., Скржинецка В. Личность воина. Социальная стратификация и оценка воинских доблестей в мире культур шнуровой керамики	89
Яровой Е. В. Позднеямное погребение с повозкой у села Петрешты на Среднем Пруте	106
Коваленко П. П., Красильников К. И. Результаты исследования кургана у г. Червонопартизанск на Донецком кряже (материалы охранных раскопок 1982 г.).....	114
Пыслару И., Гераськова Л. Исследования Северско-Донецкой экспедиции в Провальской степи.....	128
Николаева Н. А., Сафронов А. В. Курганы у с. Ногир и проблемы среднебронзового века Северной Осетии	164
Худавердян А. Ю., Амаякян С. Г., Тирицян Н. Г., Амаякян М. С. Биоархеология костных останков из захоронений VII в. до н. э. из могильника Нор Армавир (Армения).....	180
Коровчинский И. Н. Надписи из Ай-Ханума и Танаиса: возможные аналогии	220
Клемешов А. С., Малышев А. А. Новые данные о христианизации Северо-Восточного Причерноморья	231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К юбилею Надежды Алексеевны Николаевой.....	247
Шустер К. Памяти выдающегося ученого. Петре Роман	251
Яровой Е. В. Знак судьбы. Памяти Вячеслава Юрьевича Мурзина.....	254

CONTENTS

CIRCUMPONTICA

EDITOR COLUMN	8
---------------------	---

A. Skorobogatov. Neolithic – Eneolithic Wild Boar Tusk Artifacts Found in the East European Steppe and Forest Steppe	10
A. Faifert. The Koisug Kurgan. Burials of the Koisug Type	28
L. Nikolova. Copper Age–Bronze Age Transformation and Evolution of the Early Bronze Communities (IV–III Millennium cal. BCE)	56
E. Kekeev. Copper and Bronze Age Burial Complexes of the Arkhara Mound Group: Interrelation and Relationship Analysis	64
A. Konkov. Populational Relationship Between the Globular Amphora, Funnelbeaker and Corded Ware Cultures According to Paleogenetics Data	78
R. Skrzyniecki, W. Skrzyniecka. The „I” of a Warrior. Social Complexity and Cultural Recognition of Warrior Virtues in the Corded Ware Culture	89
E. Yarovoy. Late-Yamnaya Burial With a Cart Near the Village of Petreshty on the Middle Prut	106
P. Kovalenko, K. Krasilnikov. Study of a Tumulus Near Chervonopartizansk, the Donetsk Ridge (Rescue Excavations, 1982)	114
I. Pyslaru, L. Geraskova. Field Research of the Seversk-Donetsk Expedition in the Provalskaya Steppe	128
N. Nikolaeva, A. Safronov. A Kurgan Near the Village of Nogir and the Problem of Cultural Attribution of Middle Bronze Age Monuments in North Ossetia	164
A. Khudaverdyan, S. Hmayakyan, N. Tiratsyan, M. Hmayakyan. Bioarcheology of Bone Remains from the 7 th Century BC Burials Found in the Nor Armavir Burial Ground (Armenia)	180
I. Korovchinskiy. Inscriptions from Aï Khanoum and Tanais: Possible Analogies	220
A. Klemeshov, A. Malyshev. New Data on the Christianization of the North-Eastern Black Sea Region	231

SCIENTIFIC LIFE

To the Anniversary of Nadezhda Nikolayeva	247
K. Shuster. In Memory of the Outstanding Scientist. Petre Roman	251
E. Yarovoy. Sign of Destiny. In Memory of Vyacheslav Murzin	254

ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Во втором выпуске¹ международного ежегодника «Циркумпонтика» (спецвыпуск «Вестника Московского государственного областного университета») мы продолжаем публиковать материалы и результаты археологических исследований в Причерноморье. Нет сомнений, что изучение истории Черноморского побережья и связанных с ним территорий объединяет учёных разных стран, исследующих различные периоды и культуры этого региона. В результате авторами второго сборника стали учёные из Армении, Болгарии, Польши, России, Румынии и Украины. Можно констатировать, что первый выпуск вызвал значительный интерес в научном мире. Предварительный мониторинг показал, что за первые шесть месяцев с ним ознакомились в более чем 20 странах Европы, Азии, Северной Америки и даже Австралии.

Причерноморье – регион с богатейшей древней историей, поэтому тематика публикаций номера отличается широтой и разносторонностью. Но основной акцент редколлегии ежегодника делает на публикацию материалов, полученных со второй половины XX в. до настоящего времени. В представленном номере удалось собрать и подготовить к публикации курганные источники из различных регионов Причерноморья: Подонья, Кавказа, Донбасса и Северо-Западного Причерноморья. В научный оборот вводятся не только погребальные комплексы от энеолита и эпохи бронзы до раннего средневековья, но и антропологические источники и христианские памятники ранневизантийского времени. Одновременно мы предостав-

ляем возможность и для аналитических реконструкций исторического процесса, публикуя работы по антропологии, палеогенетике и сравнительной эпиграфике.

Редакторская работа с присланными статьями приводит к заключению о насущной необходимости выработки единых стандартов при описании археологических источников. В первую очередь, это касается погребальных комплексов. К сожалению, разноречивое в описании близких и даже аналогичных памятников за последние годы несколько не сократился, и работа редакторов одного издания не может заменить работу авторов и кардинально исправить сложившуюся ситуацию. Следует особо отметить, что редколлегия ежегодника даёт полную свободу для изложения своих идей и гипотез, но авторы несут персональную ответственность за научный уровень своих статей.

К сожалению, за прошедший период пришли печальные новости о кончине членов Оргкомитета проекта «Циркумпонтика» Вячеслава Юрьевича Мурзина (Украина) и Петре Романа (Румыния). На страницах этого сборника мы отдаём дань памяти нашим ушедшим друзьям и коллегам.

В 2020 г. согласие представлять свои страны в Оргкомитете дали ведущие учёные из Украины, Молдовы, Румынии и Северной Македонии. В настоящее время Оргкомитет ежегодника «Циркумпонтика» состоит из представителей 10 стран, в него вошли:

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет, Москва, Россия (председатель);

Пыслару Ион – доктор исторических наук, археолог-эксперт, Музей архео-

¹ Первый выпуск Циркумпонтики был опубликован в 2019 г. (см. Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 5).

логии «Каллатис», Мангалия, Румыния (зам. председателя);

Клемешов Алексей Станиславович – кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный областной университет, Москва, Россия (секретарь);

Аветисян Павел Седракович – доктор исторических наук, член-корреспондент НАН РА, Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения;

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет, Москва, Россия;

Браунд Дэвид – доктор философии, почётный профессор, Эксетерский университет, Эксетер, Великобритания;

Кузман Паско – советник-археолог, докторант, Охрид, Республика Северная Македония;

Минчев Александр – доктор исторических наук, профессор, Археологический музей, Варна, Болгария;

Мочалов Олег Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия;

Оздоган Мехмет – доктор археологии, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Постика Георге – доктор хабилитат исторических наук, профессор, Государственный Университет Молдовы, Кишинёв, Молдова;

Сегеда Сергей Петрович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт народоведения НАНУ, Киев, Украина;

Хохоровский Ян – доктор хабилитат, профессор, Ягеллонский университет, Краков, Польша;

Шустер Кристиан – доктор исторических наук, директор Центра фракологии, Институт археологии Академии Румынии.

Как уже отмечалось ранее (Циркумпонтика, 2019), в фокусе научных интересов нашего издания лежат различные проблемы истории и археологии Причерноморья в хронологических рамках от неолита до ранневизантийского периода. Мы приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных специалистов, занимающихся изучением данного региона.

Яровой Е. В. – доктор исторических наук, председатель Оргкомитета, ответственный за специальный выпуск журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. Циркумпонтика. Вып. II».

УДК 902.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-10-27

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КЛЫКА КАБАНА В НЕОЛИТЕ-ЭНЕОЛИТЕ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ

Скоробогатов А. М.

ООО «Терра»

394055, г. Воронеж, ул. Лётчика Злобина, д. 20, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Дать обзор изделий из клыка кабана, получивших распространение в степной и лесостепной зонах Восточной Европы с раннего неолита до позднего энеолита (период с VII до IV тыс. до н.э.).

Процедура и методы. Материалы из погребальных и поселенческих комплексов рассматриваются с учётом географического и хронологического принципов. Особое внимание уделено вопросам абсолютной хронологии.

Результаты. Выдвинуто предположение о возникновении традиции изготовления орудий и украшений из клыка кабана в Прикаспии и Нижнем Поволжье в раннем неолите. В позднем энеолите традиция сопровождать умерших украшениями из клыка кабана утрачивается. Орудия из данного материала использовались, в основном, в гончарном производстве.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье впервые представлена подборка изделий (украшений и орудий) из клыка кабана в широком хронологическом диапазоне (ранний неолит – поздний энеолит) на территории Восточно-Европейской степи, лесостепи и Кавказа.

Ключевые слова: клык кабана, орудие, украшение, неолит, энеолит, погребальная обрядность, хронология

NEOLITHIC – ENEOLITHIC WILD BOAR TUSK ARTIFACTS FOUND IN THE EAST EUROPEAN STEPPE AND FOREST STEPPE

A. Skorobogatov

LLC «Terra»

23 Letchika Zlobina ul., Voronezh 394055, Russian Federation

Abstract

Aim. To review original artifacts made of wild boar tusk, which had been widespread across the vast steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe starting from the Neolithic. In absolute dates, the chronology of the investigated materials covers the period from 7th to 6th millennium BC.

Methodology. The paper considers materials from burial and settlement complexes taking into account geographical and chronological principles. Particular attention is paid to issues of absolute chronology.

Results. The author advances the idea of the emergence of the tradition of making tools and jewelry from wild boar tusk in the Caspian Sea and the Lower Volga region in the early Neolithic. In the Late Eneolithic, the tradition of burying personal adornments made of wild boar tusk along with the dead was lost. Tools from this material were mainly used in pottery.

Research implications. For the first time, the article presents a selection of wild boar tusk items (jewelry and tools) found across the East European steppe and forest-steppe and the Caucasus in a wide chronological range (Early Neolithic – Late Eneolithic).

Keywords: wild boar tusk, tool, personal adornment, Neolithic, Eneolithic, burial rituals, chronology

Введение

Впервые массово изделия (украшения) из клыка кабана на рассматриваемой территории были обнаружены Н. Е. Макаренко в Мариупольском могильнике. Вскоре после исследования памятника материалы были оперативно введены в научный оборот. Ещё до публикации материалов могильника Н. Е. Макаренко отмечал важность этой категории находок. «При погребённых – обильный инвентарь из кремня и кости. Особую роль играют клыки дикого кабана и вырезанные из этого материала пластины. Их очень много» [29, с. 413].

К настоящему моменту коллекция изделий из клыка кабана Мариупольского могильника является наиболее полной и разнообразной. Наряду с целыми клыками, готовые изделия встречены в 41 погребении из исследованных 124 [46, с. 19; 23, с. 116]. Н. Е. Макаренко была предложена типология пластинок из клыка кабана (типы А, Б, В и Г), различающихся по способу фиксации (крепления) и с учётом размеров изделий. Несколько позднее А. Д. Столяр предложил объединить два типа изделий в один, т.к. типы А и В различались лишь размерами [32, гл. ХLI; 46, с. 20]. Помимо пластинок, в комплексе могильника были обнаружены и другие виды интересующих нас изделий – целые клыки кабана со сверлёными отверстиями на противоположных концах [32, гл. XXXV] и зооморфные изделия из этого же материала [32, гл. XXXVIII].

Позднее подобные украшения стали находить и в других погребальных комплексах неолита–энеолита, названных могильниками мариупольского типа (с вытянутыми на спине погребениями), и в хронологически более поздних погребальных комплексах Днепро-Донско-Волжского междуречья (со скорченными на спине погребениями), а также, спорадически, в культурных слоях поселенческих памятников.

Насколько нам известно, специальной публикации, посвящённой изделиям из клыка кабана эпохи позднего неолита –

энеолита Восточно-Европейской степи и лесостепи, к настоящему моменту нет. Однако существуют работы, где эти изделия рассматриваются в совокупности с иными категориями инвентаря (как правило, погребального) новокаменного века и эпохи раннего металла как редкий вид украшений погребальной одежды [27] или же как «предмет социальной символики» [33, с. 265].

Предмет исследования

Нас интересуют все изделия, изготовленные из клыков кабана, даже с минимальными признаками обработки любой формы (типа) и предназначения (функции).

География и хронология. По данным И. В. Манзуры, изделия из клыка кабана в виде серповидных подвесок или пекторалей, как одна из рассматриваемых нами категорий находок, встречены в памятниках неолита–энеолита практически от Атлантики до Поволжья [33, с. 265]. В рамках данной публикации мы ограничимся территорией от Поволжья до Днепро-Днестровского междуречья в границах степной и лесостепной зон эпох неолита и энеолита (рис. 1). Подборка немногочисленных изделий из клыков кабана для лесной зоны Центра Русской равнины недавно приведена Е. А. Кашиной [59]. Характеристику изделий мы будем проводить по географическому принципу, поделив рассматриваемую территорию на несколько регионов: Подонье и Приазовье; Поволжье и Прикаспий; Предкавказье (включая Прикубанье) и Кавказ; Днепро-Днестровское междуречье.

Сырьём являются клыки кабана. Как правило, древнее население предпочитало использовать нижнюю пару клыков, что, вероятно, связано с их более крупными размерами. Кабан как вид известен с позднего плейстоцена (в Западной Европе – с раннего плейстоцена), обитает в самых разнообразных ландшафтах, от темной тайги до гор и пустынь. Населяет широколиственные и хвойные леса, тугай по рекам, заболоченные долины, тростни-

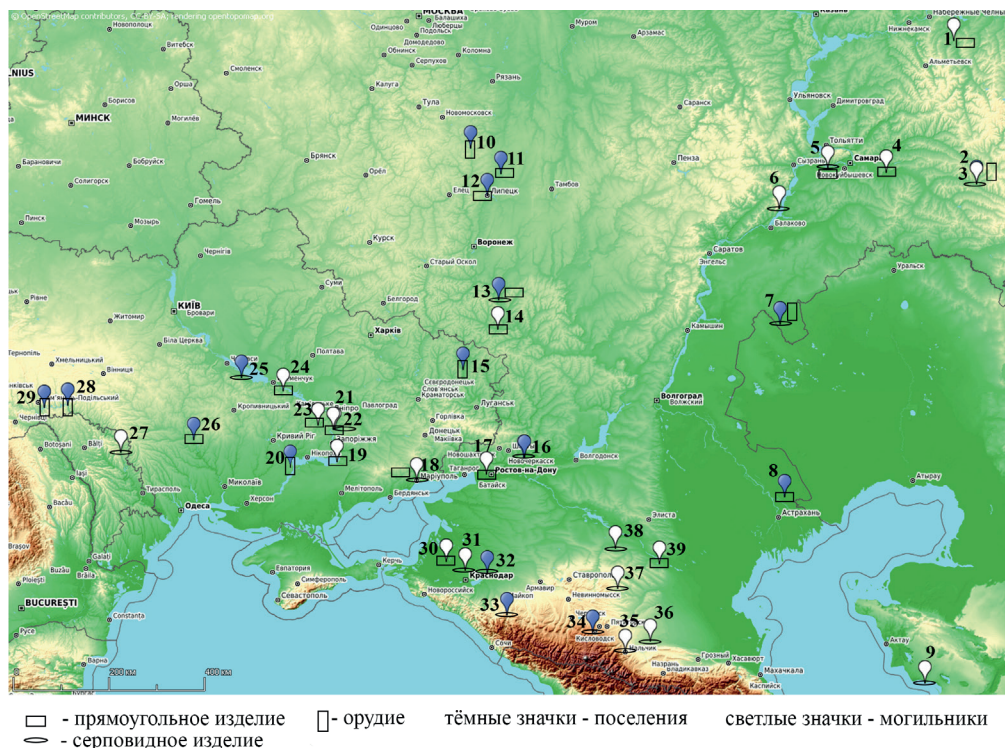

Рис. 1 / Fig. 1. Карта памятников с изделиями из клыка кабана / A map of monuments, where wild boar tusk items were found.

1 – Меллятамак V; 2 – Ивановская; 3 – Красноярка; 4 – Съезжее; 5 – Екатерининский мыс; 6 – Хвалынские I и II; 7 – Варфоломеевка; 8 – Каир-Шак III; 9 – Токмак; 10 – Долгое; 11 – Васильевский Кордон 17; 12 – Липецкое Озеро; 13 – Черкасская; 14 – Голубая Криница; 15 – Подгоровка I; 16 – Раздорское I; 17 – Ливенцовский; 18 – Мариупольский; 19 – Лысогорский; 20 – Михайловка; 21 – Ясиноватский; 22 – Петро-Свистуново; 23 – Никольский; 24 – Деревинский; 25 – Молюхов Бугор; 26 – Пугач-2; 27 – Выхватинский; 28 – Бернашевка; 29 – Лука-Врублевская; 30 – Старонизестеблиевская; 31 – Новотитаровская; 32 – Свободное; 33 – Мешоко; 34 – Замок; 35 – Нальчикский; 36 – Черноярская; 37 – Весёлая роща; 38 – Айгурский; 39 – Чограй.

1 – Mellyatamak V; 2 – Ivanovskaya; 3 – Krasnoyarka; 4 – S"ezzhee; 5 – Ekaterinovskii Mys; 6 – Khvalynskie I and II; 7 – Varfolomeevka; 8 – Kair-Shak III; 9 – Tokmak; 10 – Dolgoe; 11 – Vasil'evskii Kordon 17; 12 – Lipetskoe Ozero; 13 – Cherkasskaya; 14 – Golubaya Krinitza; 15 – Podgorovka I; 16 – Razdorskoe I; 17 – Liventsovskii; 18 – Mariupol'skii; 19 – Lysogorskii; 20 – Mikhailovka; 21 – Yasinovatskii; 22 – Petro-Svistunovo; 23 – Nikol'skii; 24 – Dereivskii; 25 – Molyukhov Bugor; 26 – Pugach-2; 27 – Vykhatinskii; 28 – Bernashevka; 29 – Luka-Vrublevetskaya; 30 – Staronizhesteblievskaya; 31 – Novotitarovskaya; 32 – Svobodnoe; 33 – Meshoko; 34 – Zamok; 35 – Nal'chikskii; 36 – Chernoyarskaya; 37 – Vesylaya roshcha; 38 – Aigurskii; 39 – Chograi.

ковые крепни по берегам озер. Дикий кабан может достигать массы 250–300 кг и более. По находкам его костей в остеологических материалах из древних поселений нельзя делать вывод об окружающей их природной среде [11, с. 47–48].

Бассейн Дона и Приазовье

Всего на данной территории к настоящему моменту известно три погребаль-

ных и шесть поселенческих памятников, среди материалов которых встречены изделия из клыка кабана.

Мариупольский могильник. Эталонный памятник для рассматриваемой темы. Раскопан в 1930 г. Н. Е. Макаренко, который предложил типологию изделий (пластинок) из клыка кабана, позже доработанную А. Д. Столяром (рис. 2: 1-8). Важно то, что в одном из погребений

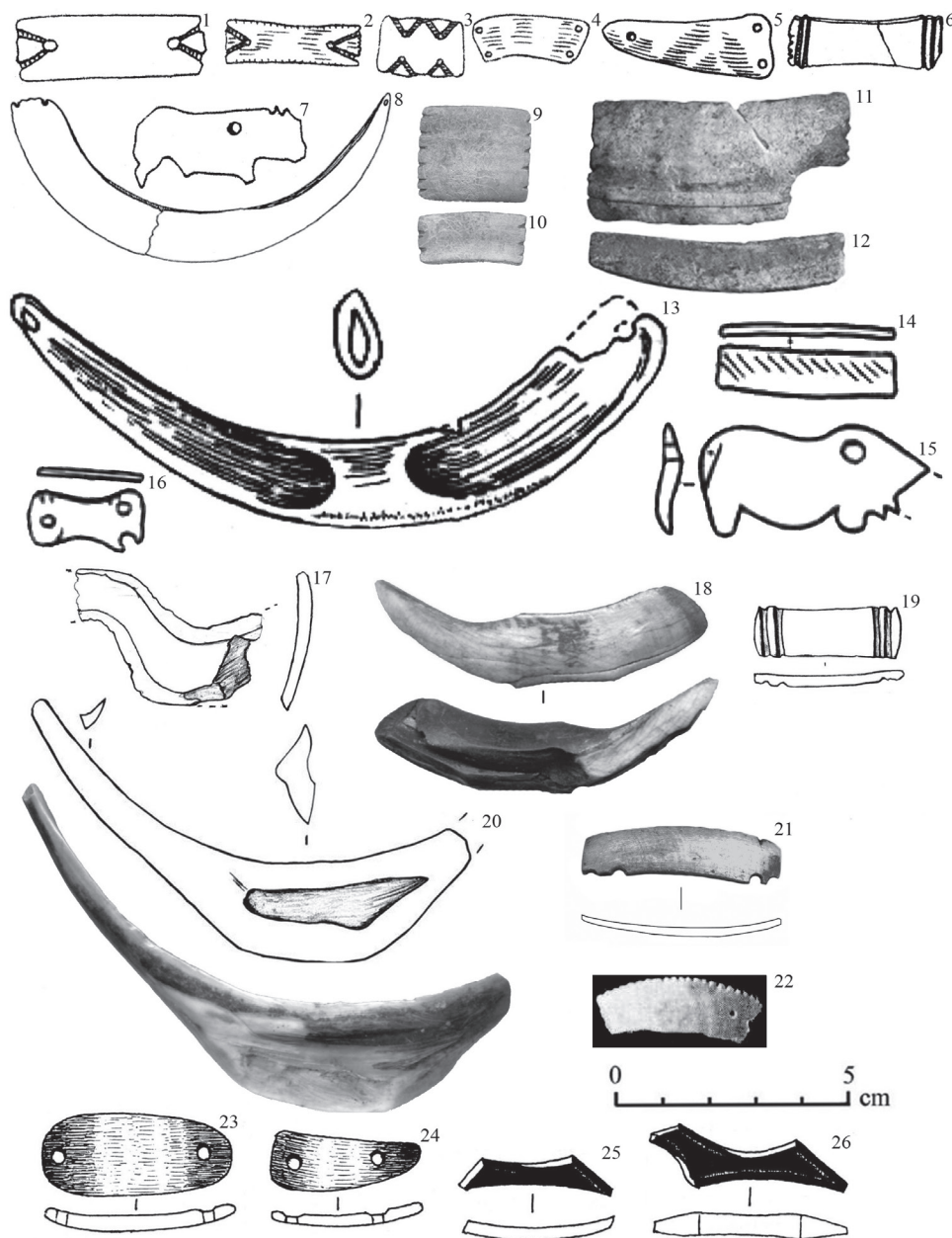

Рис. 2 / Fig. 2. Изделия из клыка кабана с территории бассейна Дона и Приазовья / Wild boar tusk items from the territory of the Don and Azov basin.

1-8 – Мариупольский могильник (1-7 [по 49, рис. 7, с. 17]; 8 [по 34, рис. 35]; 9-12 – грунтовый могильник Голубая Криница; 13 – Ливенцовский грунтовый могильник, п. 4 [по 17, рис. 37, с. 123]; 14-16 – поселение Раздорское I [по 16, рис. 1, с. 74, рис. 2, с. 76]; 17-20 – стоянка Черкасская; 21 – поселение Васильевский Кордон 17; 22 – стоянка Долгое [по 33, рис. 4, с. 225]; 23-26 – поселение Липецкое Озеро [по 44, рис. 100, с. 148].
 1-8 – Mariupol burial ground (1-7 [by 49, Fig. 7, p. 17]; 8 [by 34, Fig. 35]; 9-12 – Golubaya Krinita burial ground; 13 – Liventsovsky burial ground, p. 4 [by 17, Fig. 37, p. 123]; 14-16 – the settlement of Razdorskoye I [by 16, Fig. 1, p. 74, Fig. 2, p. 76]; 17-20 – Cherkasskaya site; the settlement of Vasil'evskii Kordon 17; 22 – the Dolgoe camp [by 33, Fig. 4, p. 225]; 23-26 – the Lipetskoe Ozero settlement [by 44, Fig. 100, p. 148].

были обнаружены изделия различных типов (погр. № XXXa), что говорит об их синхронном появлении и развитии в рамках могильников мариупольского типа. Однако А. Д. Столяр считал пластины типа Г наиболее поздними [46, с. 33].

Ливенцовский грунтовый могильник. Расположен на окраине г. Ростова-на-Дону [15]. Обнаружено одно изделие, его особенность – наличие утолщения с отверстием в центральной части (рис. 2: 13).

Грунтовый могильник Голубая Криница находится на юге Воронежской области, на коренном правом берегу реки Чёрная Калитва, возле места её впадения в Дон. В небольшом по площади могильнике изучено 18 погребений, совершённых по традиции могильников мариупольского типа. В двух мужских погребениях обнаружены пластины прямоугольной формы. Материалы одного из погребений опубликованы, проведён трасологический анализ находок, в результате чего высказано предположение, что пластины из клыка кабана изготавливались с помощью металлического ножа [3, с. 79]. В погребении № 1 обнаружено 24 изделия и их обломки, в п. № 7 (костяк 3) – ещё 24. В целом в комплексе, помимо широких пластин, есть и несколько узких, что говорит об определённом рационализме по отношению к сырью при изготовлении украшений (рис. 2, 9–12). Судя по размещению пластин, зафиксированных *in situ* на костяках, в данном могильнике их использовали как элемент украшения пояса, входящего в комплект погребальной одежды.

Среди материалов поселений Донского бассейна интересующие нас изделия представлены (по интерпретации авторов работ), в основном, украшениями, и лишь в одном случае – орудием. Несколько находок имеются в нижних слоях поселения Раздорское I [14; 15], как простой формы (рис. 2: 14, 16), так и зооморфного облика (рис. 2: 15), и в культурном слое неолита – энеолита стоянки Черкасская [44], где они повторяют формы изде-

лий, типичных для могильников (рис. 2: 17–20). По упоминанию Ю.Г. Гурина, в культурном слое поселения Подгоровка I встречен «челнок из клыка кабана для вязания сетей» [10, с. 84], однако прорисовка предмета в публикации отсутствует.

На Верхнем Дону интересны изделия с поселения Липецкое Озеро [43], представленные двумя типами – с отверстиями по краям изделий (рис. 2: 23, 24), так и без отверстий (рис. 2: 25, 26). Одно украшение происходит из культурного слоя поселения Васильевский Кордон-17 [41], необычное тем, что для фиксации изделия на нём выполнены как сверлёные сквозные отверстия, так и насечка-пропил (рис. 2: 21). Как орнаментир для керамики [31, рис. 4] интерпретировано изделие с мелкими зубцами по одной из боковых граней и двумя небольшими сквозными отверстиями со стоянки Долгое на Верхнем Дону (рис. 2: 22).

Поволжье и Прикаспий

Судя по публикациям, в регионе известно всего три поселенческих памятника, шесть – погребальных и одно святилище (рис. 1). Среди поселенческого материала своей ранней хронологией выделяются ранненеолитические стоянки Каир-Шак III и Варфоломеевка. С первой происходит два изделия оригинальной формы (рис. 3: 1, 2), интерпретированные авторами публикации как украшения [7, с. 43]. На Варфоломеевской стоянке в нижнем и средних слоях обнаружены изделия, функциональное назначение которых (по данным экспериментально-трасологического анализа) – штампы (рис. 3: 3, 4) для орнаментации керамической посуды [58, с. 87]. Ещё два артефакта (рис. 3: 5) отнесены к категории украшений [58, с. 104]. Также одно изделие имеется в культурных слоях неолита-энеолита Ивановской стоянки (рис. 3: 6), отнесенное Н. Л. Моргуновой к категории орудий из кости [35, см. цветная вкладка].

В погребальных комплексах изделия из клыка кабана представлены исклю-

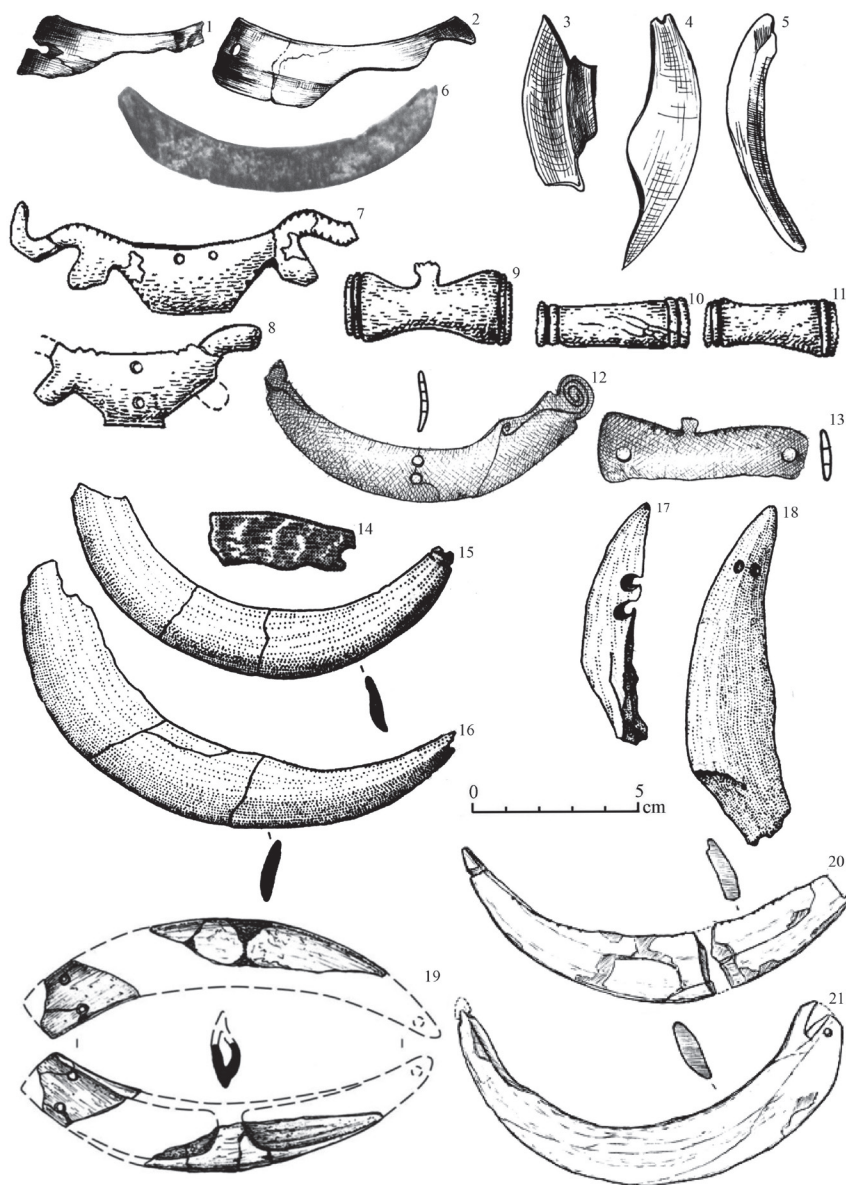

Рис. 3 / Fig. 3. Изделия из клыка кабана с территории Поволжья и Прикаспия / Wild boar tusk items from the Volga and Caspian regions.

1, 2 – стоянка Каир-Шак III [по 7, рис. 16]; 3-5 – стоянка Варфоломеевка [по 58, рис. 64: 5,6; рис. 73: 22]; 6 – Ивановская стоянка [по 37, цветная вкладка]; 7-11 – Съезженский могильник [по 8, рис. 3, с. 152]; 12, 13 – могильник Екатериновский Мыс [по 22, рис. 1, с. 515]; 14 – могильник Меллятамаский V [по 14, рис. 69: 3]; 15-18 – Хвалынский I могильник [по 1, рис. 30]; 19 – могильник в урочище Красноярка [по 5, рис. 2]; 20-21 – святилище Токмак [по 2, рис. 15].

1, 2 – Kair-Shak III settlement [by 7, Fig. 16]; 3-5 – Varfolomeevka settlement [by 58, Fig. 64: 5,6; Fig. 73: 22]; 6 – Ivanovskaya settlement [by 37, tsvetnaya vkladka]; 7-11 – S'ezzhenskii burial ground [by 8, Fig. 3, p. 152]; 12, 13 – Ekaterinovskii Mys burial ground [by 22, Fig. 1, p. 515]; 14 – Mellyatamaskii V burial ground [by 14, Fig. 69: 3]; 15-18 – Khvalynskii I burial ground [by 1, ris. 30]; 19 – Krasnoyarka burial ground [by 5, ris. 2]; 20-21 – Tokmak sanctuary [by 2, Fig. 15].

чительно украшениями. В Съезженском могильнике [8], помимо традиционных пластин прямоугольной формы (рис. 3: 10, 11) и пластин-«бабочек» (рис. 3: 9), встречены зооморфные изделия с изображением двухголовых животных (рис. 3: 7, 8), характерных лишь для этого региона. Следует также отметить материалы могильника Екатериновский мыс [60], где среди опубликованных комплексов имеются пластины из клыка кабана (рис. 3: 12–13). Всего одно изделие (рис. 3: 14) и один необработанный клык кабана встречены в Волго-Камье, в материалах грунтового могильника Меллятамакский V [12]. Данный пункт – самый северо-восточный в нашей подборке, однако нахождение изделий из клыка кабана здесь не случайно, так как в этих погребениях также встречены резцы сурка, что характерно для мариупольской погребальной обрядности.

Остальные изделия в регионе представлены однотипными серповидными подвесками – «пекторальями» (рис. 3: 15–21), наиболее массово встреченными в Хвалынских I и II могильниках [1; 52], а также имеющиеся в разрушенном грунтовом погребении в урочище Красная Оринбургской области [5] и в культовом памятнике-святилище Токмак на полуострове Мангышлак в Казахстане [2]. Интересные наблюдения сделаны по остеологическому материалу с Хвалынского II могильника, где для изделий использовались исключительно правые нижние клыки взрослых самцов кабанов [13, с. 363; 364; 367; 368].

Таким образом, в Поволжье и Прикаспии находки из клыка кабана использовались не только как украшения, но и как орудия для орнаментации керамики. В могильниках Екатериновский мыс и Съезжее изделия встречены в детских погребениях, что не характерно для остальных известных могильников, за исключением Мариупольского.

Предкавказье и Кавказ

В регионе интересующие нас находки встречены среди четырёх поселенческих и семи погребальных комплексов, и везде представлены исключительно украшениями (типологически). Это изделия из клыка кабана в культурном слое поселения (рис. 4: 1) и навеса (рис. 4: 2, 3) Мешоко, поселения Свободное (рис. 4: 4, 5) и Замок (рис. 4: 6) [47; 38; 37; 16].

Самый известный погребальный комплекс в регионе с интересующим нас инвентарём (рис. 4: 7, 8) – Нальчикский могильник [28]. Здесь обнаружен редкий тип украшений с округлыми орнаментированными окончаниями по краям и двумя отверстиями по центру (рис. 4: 8). Он известен также лишь в грунтовом могильнике Екатериновский мыс на Средней Волге. Возможно, грунтовыми были погребения, позже перекрытые курганной насыпью из ст. Старонижестеблиевской [56]. Интересно, что там обнаружены изделия лишь прямоугольной и подтреугольной формы, в том числе и «бабочковидной», что сближает их с могильниками мариупольского типа (рис. 4: 15–19). В остальных случаях подобные находки были обнаружены под курганными насыпями – Айгурский 2/17 (рис. 4: 9, 10); могильник Веселая Роща II, к. 1 п. 15 (рис. 4: 11); ст. Новотитаровская, к. 10 п. 5 (рис. 4: 12); могильник Чограй II, к. 12 п. 3 (рис. 4: 13); ст. Чернаярская, к. 2, п. 2 (рис. 4: 14) [17; 18].

Днепро-Днестровское междуречье

На неолитических поселениях буго-днестровской культуры, по информации Н. Т. Товкайло, изделие из клыка кабана встречено лишь в одном случае – среди материалов памятника Пугач-2. Находка с одним зубчатым краем и двумя отверстиями по бокам (рис. 5: 1), боковые поверхности и все грани залощены [50, с. 30]. Отметим, что на памятнике есть керамика раннего Триполья, причём с примесью раковины. Среди поселений интересующие

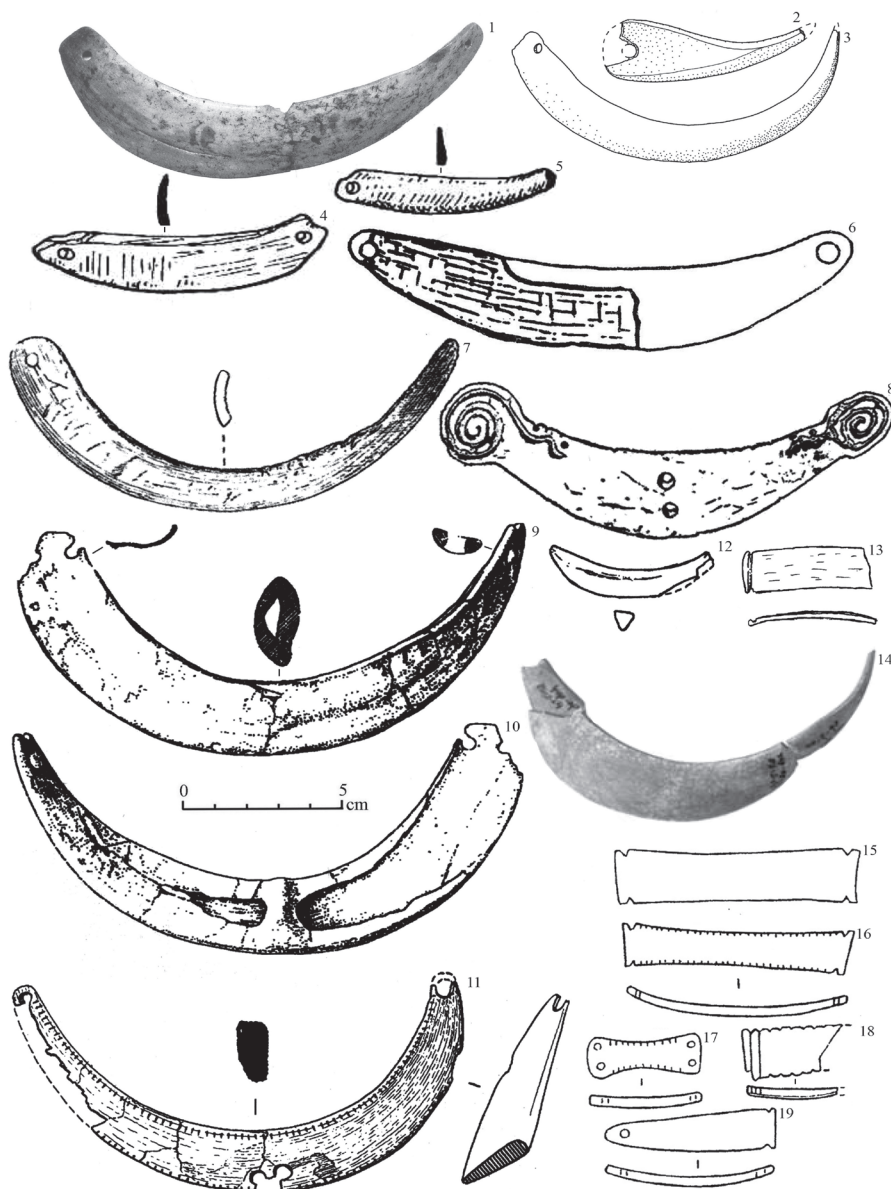

Рис. 4 / Fig. 4. Изделия из клыка кабана с территории Предкавказья и Северного Кавказа / Wild boar tusk items from the Ciscaucasia and the North Caucasus regions.

1 – поселение Мешоко [по 48, рис. 25, с. 95]; 2, 3 – навес Мешоко [по 41, рис. 1, с. 50]; 4, 5 – поселение Свободное [по 40, рис. 3]; 6 – поселение Замок [по 18, рис. 7: 1]; 7, 8 – Нальчикский могильник [по 31, рис. 27; рис. 38]; 9, 10 – Айгурский 2/17 [по 19, рис. 8]; 11 – Могильник Веселая Роща II, к. 1, п. 15 [по 19, рис. 11]; 12 – ст. Новотитаровская, к. 10, п. 5 [по 19, рис. 42]; 13 – могильник Чограй II, к. 12, п. 3 [по 19, рис. 28]; 14 – ст. Чернаярская, к. 2, п. 2 [по 20, рис. 1]; 15-19 – курган у ст. Старонизестеблиевская [по 56, рис. 3].

1 – Meshoko settlement [by 48, Fig. 25, p. 95]; 2, 3 – Meshoko canopy [by 41, Fig. 1, p. fifty]; 4, 5 – Svobodnoye settlement [by 40, Fig. 3]; 6 – Zamok settlement [by 18, Fig. 7: 1]; 7, 8 – Nalchik burial ground [by 31, Fig. 27; Fig. 38]; 9, 10 – Aigurskiy 2/17 [by 19, Fig. 8]; 11 – Veselaya Roshcha II burial ground, k. 1, p. 15 [by 19, Fig. 11]; 12 – Novotitarovskaya station, k. 10, p. 5 [by 19, Fig. 42]; 13 – Chograi II burial ground, k. 12, p. 3 [by 19, Fig. 28]; 14 – Chernoyarskaya station, k. 2, p. 2 [by 20, Fig. 1]; 15-19 – Staronizhesteblievskaya station kurgan [by 56, Fig. 3].

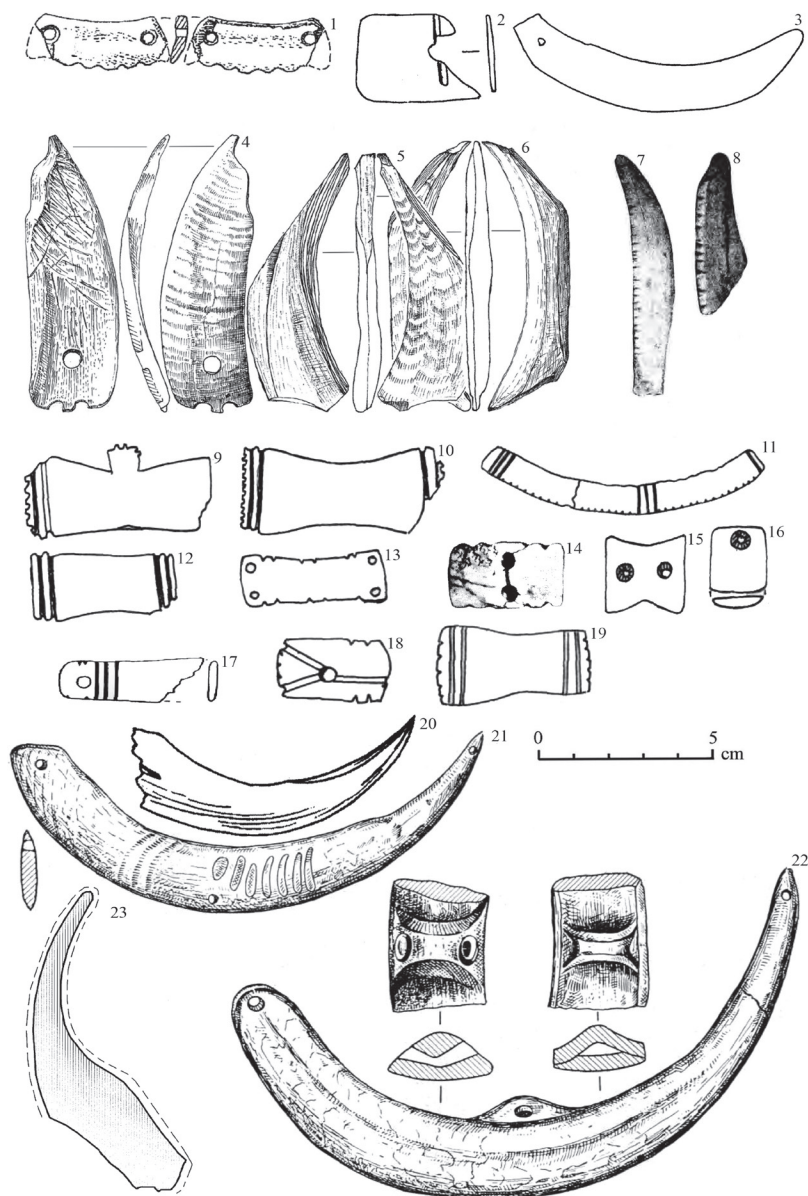

Рис. 5. Изделия из клыка кабана с территории Днестро-Днестровского междуречья. 1 – поселение Пугач-2 [по 51, рис. 43: 1]; 2, 3 – поселение Молюхов Бугор [по 29, рис. 140: 8, 9]; 4-6 – поселение Бернашевка I [по 46, рис. 4: 18-20]; 7, 8 – поселение Лука-Врублевцевская [по 4, рис. 10]; 9, 10 – могильник Ясиноватка; 11-17 – могильник Никольский; 18, 19 – могильник Деревинский [9-13, 15-17 – по 26, рис. 19; 14, 18, 19 – по 49, рис. 23, рис. 41]; 20 – могильник Выхватинский [по 36, рис. 6: 10]; 21, 22 – могильник Петро-Свистуново [по 6, рис. 6]; 23 – поселение Михайловка [по 21, рис. 61: 15].

Fig. 5. Wild boar tusk items from the Dnieper-Dniester interfluvium. 1 – Pugach-2 settlement [by 51, Fig. 43: 1]; 2, 3 – Molyukhov Bugor settlement [by 29, Fig. 140: 8, 9]; 4-6 – Bernashevka I settlement [by 46, Fig. 4: 18-20]; 7, 8 – Luka-Vrublevetskaya settlement [by 4, Fig. 10]; 9, 10 – Yasinovatka burial ground; 11-17 – Nikolsky burial ground; 18, 19 – Dereivsky burial ground [9-13, 15-17 – by 26, Fig. 19; 14, 18, 19 – by 49, Fig. 23, Fig. 41]; 20 – Vykhvatinsky burial ground [by 36, Fig. 6: 10]; 21, 22 – Petro-Svistunovo burial ground [by 6, Fig. 6]; 23 – Mikhailovka settlement [by 21, Fig. 61: 15].

нас изделия встречены на раннетрипольских памятниках (рис. 5: 4–8), и интерпретируются, в основном, как орудия – ножи и скребки [45, с. 212], либо как штампы для орнамента керамики [4, с. 26]. Интересно, что на Луке-Врублевской обнаружены украшения из раковины *Unio*, типологически близкие украшениям из клыка кабана [4, с. 61, рис. 38], характерные для могильников мариупольского типа. Это прямоугольные пластины с четырьмя отверстиями по краям для фиксации предмета. Ещё два изделия – пектораль и прямоугольный обломок пластины (рис. 5: 2, 3) – выявлены в культурном слое поселения Молюхов Бугор, в слое с поздней стреднестоговской (дереивской) керамикой [26, с. 38]. Отметим комбинированное орудие – «шпатель-орнаментир для керамики» (рис. 5: 23) из нижнего слоя поселения Михайловка на Днестре [19, с. 93, рис. 61: 15].

Изделия, относимые к украшениям, встречены в могильниках мариупольского типа и связаны с погребальной обрядностью оставившего их населения. Следует отметить, что для данных памятников украшения из клыка кабана не являлись частой категорией находок (рис. 5: 9–19). В Никольском могильнике в 137 исследованных погребениях обнаружено 12 изделий [48, с. 55], в Лысогорском могильнике, при изученных более 50 погребениях, имелось всего семь изделий [48, с. 75–76], в Ясиноватском – 68 погребений и 11 изделий, причём все располагались лишь у одного костяка [48, с. 79], в Деревском – 173 погребения и всего две пластины [48, с. 83]. Три изделия – пекторали (рис. 5: 20, 21) обнаружены при раскопках грунтового могильника Петро-Свистуново стреднестоговской культуры в Поднепровье А. В. Бодянским [6, с. 122]. Самое крупное из них достигало длины 18,8 см.

Завершают подборку две находки из грунтового Выхватинского могильника позднего Триполья на Среднем Днестре (рис. 5: 22), отнесённые к категории украшений [34, с. 117].

Вопросы абсолютного датирования

В работе используются только калиброванные радиоуглеродные значения (CalBC , 2σ). Если в публикациях авторов не указана калибровка по 2σ , то мы проводили её самостоятельно в программе *OxCal* 4.3. Необходимость пересмотра имеющихся C-14 дат, сделанных по костям человека, в связи с резервуарным эффектом также здесь не будет рассматриваться, т.к. это тема отдельного исследования [57; 61].

Из всего массива учтённых в данном случае материалов самые ранние абсолютные даты имеются для стоянок Каир-Шак III и Варфоломеевка. Это два опорных памятника, которые открывают неолитическую эпоху в Северном Прикаспии и Нижнем Поволжье. Для первого есть достаточно ранние даты, начинающиеся от 7080–6590 BC, и в целом охватывающие интервал от конца VIII до первой половины VII тыс. до н.э. [40, с. 48–49]. Даты по кости моложе дат по органике из керамики и по нагару, которые и дали самые ранние результаты, в среднем на 500 радиоуглеродных лет, но также указывающие на ранненеолитический возраст [40, с. 50]. Однако есть и третья, поздняя группа дат, выполненная по почвам, в том числе и верхнего культурного слоя – от 6010–5660 BC до 5220–4840 BC [40, с. 57]. Однако сказать, с каким слоем памятника и с каким массивом дат связаны изделия из клыка кабана, не представляется возможным.

Для стоянки Варфоломеевка есть чёткие привязки находок к датированным культурным слоям. По данным А. И. Юдина, изделия из клыка кабана обнаружены в нижнем и средних слоях, которые охватывают период от 7050–6400 BC до 5050 – 4300 BC [39, с. 70–72], при синхронизации ранних дат нижнего слоя с памятником Каир-Шак III.

Остальные имеющиеся даты C-14 по региону Поволжья представлены материалами погребальных комплексов. Даты

по Съезженскому могильнику есть лишь по керамике: 5800–5510 BC, 5670–5320 BC и 4960–4520 BC [9, с. 138]. Для материалов могильника Екатериновский мыс имеются даты как по костям человека [60, р. 395; 51, с. 300], так и по керамике, происходящей с площади памятника [21, с. 29], от 5479–5343 BC до 4794–4326 BC.

Следующий массив дат представлен по комплексам Хвалынских I и II могильников – от 5360–4930 BC до 4490–4330 BC [54, с. 123]. Также имеется одна дата С-14 по материалам разрушенного могильника в урочище Краснаярка – 4076–3702 BC [5, с. 209].

Для региона Подонья и Приазовья абсолютные даты есть лишь для двух погребений (четыре образца) Мариупольского могильника с датами от 5674–5477 BC до 5472–5206 BC [24, с. 95; 25, с. 80]. Комплексы Днепро-Днестровского междуречья датированы в значительном количестве. Большинство абсолютных датировок принадлежит погребальным памятникам.

– Ясиноватский могильник: от 5527–5319 BC до 4343–4148 BC;

– Никольский могильник: от 5470–5195 до 4453–4349 BC;

– Деревинский могильник: от 5316–5020 BC до 5317–4767 BC [49, с. 109].

Имеются даты для используемых нами материалов с трипольских поселений. Лука Врублевская: 4942–4653 BC и 4806–4579 BC; и Бернашевка: 5509–5305 BC и 5565–5361 BC [49, с. 110].

Для поселения буго-днестровской культуры Пугач-2 есть пять дат, от 5846–5643 BC до 4964–4678 BC [50, с. 45]. Слой с энеолитическими материалами поселения Молухов Бугор имеет две даты: 4332–3991 BC и 4270–3957 BC [26, с. 417–418].

Заключительный блок дат связан с регионом Предкавказья и Кавказа. Самая ранняя дата имеется для Нальчикского могильника: 4840–4842 BC [17, с. 63]. Даты поселения Свободное: от 4460–4350 BC до 4466–3965 BC;

– поселение Мешоко: от 4240–4040 BC до 3700–3370 BC [17, с. 63];

– навес Мешоко: от 3848–3635 BC до 3789–3621 BC [53, с. 43];

– поселение Замок: от 4458–4265 BC до 3628–3368 BC [17, с. 64].

Выводы

Судя по имеющимся датам С-14, впервые использование изделий из клыка кабана начинает практиковаться в Нижнем Поволжье и, вероятно, в Северном Прикаспии местным населением в раннем неолите. Изделия представлены как украшениями, так и специализированными орудиями, применяемыми в гончарном производстве.

Дальнейшее распространение изделий связано с функционированием могильников мариупольского типа. Именно в это время (вторая половина VI тыс. до н.э. – начало V тыс. до н.э.) появляются все основные типы украшений – как прямоугольной формы с различными способами фиксации, так и серповидной формы (так называемые пекторали). Однако в количественном отношении украшения не относятся к массовым находкам в могильниках.

В западном ареале (Днепро-Днестровское междуречье) традиция изготавливать украшения из клыка кабана в период раннего Триполья не получила широкого распространения, и неутилитарные изделия, близкие морфологически, делались из других материалов – морской и речной раковины, меди. Клык кабана как сырьё использовался исключительно для изготовления орудий.

Орудия из клыка кабана часто применялись для обработки либо ornamentации керамики (что подтверждено экспериментально-трассологическими данными). Вероятно, здесь мы сталкиваемся с той же практикой древних гончаров, о которой применительно к ямочно-гребенчатой керамике лесной зоны писали Е. Л. Костылева и И. В. Калинина, отмечая охранительные функции подобных инструментов [22]. Эти же авторы высказали предположение, что сами

«подвески» или иные категории находок из костей либо зубов животных, относимые к «украшениям», могли выполнять роль орнаментов для керамики [22, с. 248]. Однако нельзя исключать и практическую составляющую, связанную с прочностью, а соответственно, и долговечностью изделий из клыка кабана, которые могли служить древним гончарам не один сезон. Важно, что именно для памятников, где встречены изделия из клыков кабана, характерна техника прочерченной орнаментации керамики.

В период развитого энеолита (Триполье В) наблюдается стандартизация в типологии украшений из клыка кабана: как правило, это серповидные изделия из расколотого вдоль клыка. И если в могильниках мариупольского типа при одном погребённом могло находиться до нескольких десятков изделий, то позже – лишь одна «пектораль». Данные находки, безусловно, подчёркивают особый со-

циальный статус их владельцев, так как зачастую при этих погребённых находились изделия из металла, оружие, неординарные украшения.

Далее, с переходом к позднему энеолиту (Триполье С), традиция сопровождать умерших изделиями из клыка кабана утрачивается, однако для Волго-Уральского региона иногда встречается в древнеямных погребениях [30; 36]. Определённая консервация традиций и длительное использование подобных украшений, судя по имеющимся датировкам, наблюдается для региона Предкавказья и Кавказа. В эпоху ранней и средней бронзы на рассматриваемой территории в подкурганых комплексах изредка встречаются необработанные клыки кабанов [напр.: 55, с. 201; 42, рис. 32: 6, 7] – вероятно, как реминисценция более ранних обрядов.

Статья поступила в редакцию 01.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1990. 160 с.
2. Астафьев А. Е. Энеолитические святилища полуострова Мангышлак // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы. 2011. С. 166–198.
3. Березуцкий В. Д., Килейников В. В., Скоробогатов А. М. Погребение Мариупольского типа на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011. С. 76–88.
4. Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // Материалы и исследования по археологии СССР. № 38. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 460 с.
5. Богданов С. В., Хохлов А. А. Энеолитический могильник в урочище Красноярка // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14. 2012. № 3. С. 205–213.
6. Бодянский О. В. Энеолитичний могильник біля с. Петро-Свистунове // Археологія. 1968. № 21. С. 117–125.
7. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В. Исследования неолитической стоянки Каир-Шак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1989. С. 18–45.
8. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. 1979. № 4. С. 147–166.
9. Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2008. 490 с.
10. Гурин Ю. Г. Памятники раннего энеолита бассейна Северского Донца. Луганск: Издательство Осирис, 1998. 160 с.
11. Журавлев О. П. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев: Институт археологии Национальной академии наук Украины, 2001. 200 с.
12. Казаков Е. П. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань: Фолиант, 2011. 180 с.
13. Кириллова И. В. Изделия из органических материалов в погребениях Хвалынского II могиль-

- ника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара: Поволжье, 2010. С. 359–378.
14. Кияшко В. Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // Краткие сообщения института археологии. 1987. № 192. С. 73–80.
15. Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов: Издательство Азовского краеведческого музея, 1994. 131 с.
16. Кореневский С. Н. Новые исследования на поселении «Замок» у Кисловодска // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Самарский государственный педагогический университет. 1998. С. 106–128.
17. Кореневский С. Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус, 2012. 256 с.
18. Кореневский С. Н. Проблемные ситуации «пост-убейдского периода» в Предкавказье (4500–3500 гг. до н. э.) // *Stratum plus*. 2016. № 2. С. 37–62.
19. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры. СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.
20. Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 3 (2). 2015. С. 514–517.
21. Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 18–32.
22. Костылева Е. Л., Калинина И. В. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. Вып. 5. 2002. С. 248–256.
23. Котова Н. С. Мариупольская культурно-историческая область // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. Вип. 1. Луцьк: Издательство Вежа, 1994. 167 с.
24. Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 267 с.
25. Котова Н. С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Видавництво Східноукраїнського національного університету імені В. Даля, 2006. 328 с.
26. Котова Н. С. Дереевская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев, Харьков: Майдан, 2013. 486 с.
27. Котова Н. С., Тубольцев О. В. Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины // Российская археология. 1999. № 3. С. 22–34.
28. Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике // Материалы и исследования по археологии СССР. № 3. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 67–135.
29. Кузьминых С. В., Усачук А. Н. «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!» (Хельсинкская коллекция писем Н. Е. Макаренко А. М. Тальгрену) // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Кишинёв: *Stratum plus*, 2016. С. 379–428.
30. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Орнебургской области / Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Крюкова Е. А., Харламов П. В., Файзуллин А. А. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14. Оренбург: Издательство Оренбургского государственного педагогического института, 2019. С. 4–39.
31. Левенок В. П. Долговская стоянка и её значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // Материалы и исследования по археологии СССР. № 131. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1965. С. 223–251.
32. Макаренко М. Мариупольский могильник. Кпев: Всеукраїнська Академія наук, 1933. 210 с.
33. Манзура И. В. Владеющие скипетрами // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 237–295.
34. Манзура И. В. Некоторые аспекты социальной организации носителей позднетрипольской культуры (по материалам Выхватинского могильника) // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2014. С. 93–123.
35. Моргунова Н. Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Издательство Оренбургского государственного педагогического института, 2011. 220 с.
36. Моргунова Н. Л., Кулькова М. А. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14. Оренбург: Издательство Оренбургского государственного педагогического института, 2019. С. 39–45.

37. Нехаев А. А. Домайкопская культура Северного Кавказа // *Археологические вести*. 1992. № 1. С. 76–96.
38. Осташинский С. М., Черленок Е. А. Комплекс энеолитических украшений из навеса Мешоко (по результатам работ 2011–2015 гг.) // *Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.)*. СПб.: 2016. С. 49–52.
39. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья / Выборнов А. А., Юдин А. И., Кулькова М. А., Гослар Т., Посснерт Г. // *Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э.* Смоленск: Свиток, 2016. С. 62–73.
40. Радиоуглеродные данные по неолиту Северного Прикаспия / Выборнов А. А., Барацков А. В., Гречкина Т. Ю., Кулькова М. А., Зайцева Г. И., Посснерт Г. // *Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э.* Смоленск: Свиток, 2016. С. 48–61.
41. Свиридов А. А. Раскопки поселения Васильевский Кордон 17 // *Археологические открытия 2012 года в Липецкой области*. Липецк, 2013. С. 14.
42. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1983. 192 с.
43. Синюк А. Т., Клоков А. Ю. Древнее поселение Липецкое озеро. Липецк: Липецкое издательство, 2000. 160 с.
44. Скоробогатов А. М. Черкасская стоянка в Среднем Подонье. Результаты исследований 2009–2010 гг. // *Тверской археологический сборник*. Вып. 11. 2018. С. 161–195.
45. Слесарев Е. С., Радомский И. С., Шидловский П. С. Новые исследования Бернашевского поселения // *Верхнедонской археологический сборник*. Вып. 6. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2014. С. 209–217.
46. Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник (опыт историко-культурного анализа памятника) // *Советская археология*. 1955. Т. 23. С. 16–37.
47. Столяр А. Д., Формозов А. А. Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа 1958–1965 гг. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. 249 с.
48. Телегин Д. Я. Неолитические могильники мариупольского типа (свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1991. 96 с.
49. Телегин Д. Я. О хронологии и периодизации культур неолита и медного века Юго-Запада Восточной Европы // *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии*. СПб: Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2004. С. 106–121.
50. Товкайло М. Т. Неоліт Степового Побужжя / Кам'яна доба України. Вип. 6. Киев: Шлях, 2005. 160 с.
51. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге / Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А., Хохлов А. А., Рослякова Н. В. // *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 285–302.
52. Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Составитель и научный редактор С. А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. 584 с.
53. Черленок Е. А., Осташинский С. М. Пятый слой навеса Мешоко: проблема синхронизации с памятниками степного неолита Восточной Европы // *Археология Восточно-Европейской степи*. Вып. 15. Саратов: Саратовский государственный университет, 2019. С. 31–43.
54. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов*. Самара: Поволжье, 2010. С. 121–129.
55. Черных Л. А., Дараган М. Н. Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка. Серия: Курганы Украины. Т. 4. Киев: Издатель Олег Филук, 2014. 568 с.
56. Шаталин Ю. А., Резепкин А. Д. Неолитический могильник с инвентарём мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей Юго-Восточной Европы // *Stratum plus*. 2001–2002. № 2. С. 44–457.
57. Шишлина Н. И., Турецкий М. А., ван дер Плихт Й. Радиоуглеродное датирование образцов из могильника Лебяжинка V эпохи энеолита: верификация и интерпретация данных // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2017. Т. 19. № 3. С. 196–202.

58. Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004. 200 с.
59. Kashina E., Macane A. Personal adornments and tools made of wild boar tusks in the Final Stone Age of Central Russia (Poster on XVIII UISPP Congress) Available at : https://www.academia.edu/36958969/Personal_adornments_and_tools_made_of_wild_boar_tusks_in_the_Final_Stone_Age_of_Central_Russia (accessed: 10. 04.2020).
60. Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D. The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovskiy Cape in the forest-steppe Volga region. In: *Documenta Praehistorica*, 2019, vol. 46, pp. 388–397.
61. Kotova N. Revisiting the neolithic chronology of the Dnieper steppe region with consideration of a reservoir effect for human skeletal material. In: *Sprawozdania Archeologiczne*, 2018, vol. 70, pp. 47–66.

REFERENCES

1. Agapov S. A., Vasilyev I. B., Pestrikova V. I. *Khvalynskiy entoliticheskiy mogil'nik* [Eneolithic Khvalynsk Burial Ground]. Saratov, Saratov State University Publ., 1990. 160 p.
2. Astafiev A. E. [Eneolithic sanctuaries of the Mangyshlak Peninsula]. In: *Voprosy arkheologii Kazakhstana* [Questions of archaeology of Kazakhstan]. Iss. 3. Almaty, 2011, pp. 166–198.
3. Berezutsky V.D., Kileynikov V.V., Skorobogatov A.M. [Burial of the Mariupol type in the Middle Don]. In: *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Evropy* [Archaeological sites of Eastern Europe]. Iss. 14. Voronezh, Voronezh State pedagogical University Publ., 2011, pp. 76–88.
4. Bibikov S. N. [Early-Tripilian settlement Luka-Vrublevetskaya on the Dniester]. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and Research in the USSR Archaeology]. No. 38. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953. 460 p.
5. Bogdanov S. V., Khokhlov A. A. [Eneolithic burial ground in the Krasnoyarsk tract]. In: *Izvestiya Saratovskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Saratov scientific center of the Russian Academy of Sciences], vol. 14, no. 3, 2012, pp. 205–213.
6. Bodyansky O. V. [Eneolithic burial ground near the village of Petro-Svistunove]. In: *Arkheologiya* [Archaeology], 1968, no. 21, pp. 117–125.
7. Vasiliev I. B., Vybornov A. A., Kozin E. V. [Research of the Neolithic site Cairo-Shak III]. In: *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiya* [Neolithic and Eneolithic of the Northern Caspian region]. Kuibyshev, Kuibyshev State Pedagogical Institute Publ., 1989, pp. 18–45.
8. Vasiliev I. B., Matveeva G. I. [Burial ground near the village Syezzhaye at the Samara river]. In: *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet archaeology], 1979, no. 4, pp. 147–166.
9. Vybornov A. A. *Neolit Volgo-Kam'ya* [The Neolithic of the Volga-Kama Region]. Samara, Samara State Pedagogical Institute Publ., 2008. 490 p.
10. Gurin Yu. G. *Pamyatniki rannego eneolita basseina Severskogo Donetsa* [Monuments of the Early Eneolithic of the Seversky Donets basin]. Lugansk, Osiris Publ., 1998. 160 p.
11. Zhuravlev O. P. *Osteologicheskie materialy iz pamyatnikov epokhi bronzy lesostepnoi zony Dnepro-Don'skogo mezhdurech'ya* [Osteological materials from the monuments of the Bronze Age in the forest-steppe zone of the Dnieper-Don interfluvium]. Kiev, Institute of archaeology of the national Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2001. 200 p.
12. Kazakov E. P. *Pamyatniki epokhi kamnya v Zakam'e* [Monuments of the Stone Age in the Trans-Kama region]. Kazan, Foliant Publ., 2011. 180 p.
13. Kirillova I. V. [Articles made of organic materials in the burials of the Khvalynsk II burial ground]. In: *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura* [Khvalynsk Eneolithic burial grounds and Khvalynsk Eneolithic culture. Materials research]. Samara, Volga region Publ., 2010, pp. 359–378.
14. Kiyashko V. Ya. [Multilayer settlement Razdorskoe I on the Lower Don]. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology], 1987, no. 192, pp. 73–80.
15. Kiyashko V. Ya. [Between stone and bronze (Lower Don region in V-III millennia BC)]. In: *Donskiye drevnosti* [Don antiquities]. Iss. 3. Azov, Azov Museum of Local Lore Publ., 1994. 131 p.
16. Korenevskii S. N. [New research at the settlement "Zamok" near Kislovodsk]. In: *Problemy drevney istorii Severnogo Prikaspiya* [Issues of the ancient history of the Northern Caspian region]. Samara, Samara State Pedagogical Institute Publ., 1998, pp. 106–128.
17. Korenevskii S. N. *Rozhdenie kurgana (pogrebal'nye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya)*

- I Volgo-Donskogo mezhdurech'ya* [Emergence of kurgan: Burial monuments of the Eneolithic period in The Northern Caucasus and Volga – Don interfluvium]. Moscow, Taus Publ., 2012. 256 p.
18. Korenevskii S. N. [Problematic situations of the “post-Ubeid period” in the Ciscaucasia (4500–3500 BC)]. In: *Stratum plus* [Stratum plus], 2016, no. 2, pp. 37–62.
 19. Korobkova G. F., Shaposhnikova O. G. *Poselenie Mikhailovka – etalonnyi pamyatnik drevneyamnoi kul'tury* [The Mikhailovka settlement as a reference monument of the ancient pit culture]. Saint Petersburg, European House Publ., 2005. 316 p.
 20. Korolev A. I., Kochkina A. F., Stashenkov D. A. [Yekaterinovsky Cape – a new Eneolithic burial ground in the forest-steppe Volga region]. In: *Izvestiya Saratovskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Saratov scientific center of the Russian Academy of Sciences], vol. 17, no. 3 (2), 2015, pp. 514–517.
 21. Korolev A. I., Kochkina A. F., Stashenkov D. A. [Ceramics of the underground burial ground at Cape Yekaterinosky]. In: *Povolzhskaya arkheologiya* [Povolzhskaya archaeology], 2019, no. 1 (27), pp. 18–32.
 22. Kostyleva E. L., Kalinina I. V. [Use of animal bones for ornamentation of pit-comb ceramics]. In: *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection]. Iss. 5. 2002, pp. 248–256.
 23. Kotova N. S. [Mariupol cultural and historical region]. In: *Arkheologichni pamyatki ta istoriya starodavniogo naseleniya Ukraini* [Archaeological monuments and history of the ancient population of Ukraine]. Vol. 1. Lutsk, Vezha Publ., 1994. 167 p.
 24. Kotova N. S. *Neolitizatsiya Ukrainy* [Neolithization of Ukraine]. Luhansk, Shlyakh Publ., 2002. 267 p.
 25. Kotova N. S. *Rannii eneolit stepnogo Podneprov'ya i Priazov'ya* [Early Eneolithic of the steppe Dnieper and Azov regions]. Luhansk, Vladimir Dahl East Ukrainian National University Publ., 2006. 328 p.
 26. Kotova N. S. *Dereivskaya kul'tura i pamyatniki Nizhnemikhailovskogo tipa* [Dereivskaya culture and monuments of the Nizhnemikhailovskiy type]. Kiev, Kharkov, Maidan Publ., 2013. 486 p.
 27. Kotova N. S., Tuboltsev O. V. [Reconstruction of the burial clothes of the Neolithic population of Ukraine]. In: *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1999, no. 3, pp. 22–34.
 28. Kruglov A. P., Piotrovsky B. B., Podgaetsky G. V. [Burial ground in Nalchik]. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and Research in the USSR Archaeology]. No. 3. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, pp. 67–135.
 29. Kuzminykh S. V., Usachuk A. N. ["My dear friend Mikhail Markovich!" (Helsinki collection of N. E. Makarenko letters to A. M. Thalgren)] In: *Kul'turnye vzaimodeistviya. Dinamika i smysly* [Cultural interactions. Dynamics and meanings]. Kishinev, Stratum plus Publ., 2016, pp. 379–428.
 30. Morgunova N. L., Evgeniev A. A., Kryukova E. A., Kharlamov P. V., Faizullin A. A. [Krasikovskiy burial mound of the 1st Bronze Age in the Orneburg region]. In: *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological sites of the Orenburg region. Iss. 14]. Orenburg, Orenburg State Pedagogical Institute Publ., 2019, pp. 4–39.
 31. Levenok V. P. [Dolgovskaya site and its significance for the periodization of the Neolithic in the Upper Don]. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and Research in the USSR Archaeology]. No. 131. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1965, pp. 223–251.
 32. Makarenko M. *Mariupil'skii mogil'nik* [The Mariupol Burial-place]. Kiev, All-Ukrainian Academy of Sciences Publ., 1933. 210 p.
 33. Manzura I. V. [Possessing scepters]. In: *Stratum plus* [Stratum plus], 2000, no. 2, pp. 237–295.
 34. Manzura I. V. [Some aspects of the social organization of the Late Tripolye culture (based on the materials of the Vykhvatinsky burial ground)]. In: *Drevniye kul'tury Yugo-Vostochnoy Yevropy i Zapadnoy Azii* [Ancient cultures of South-Eastern Europe and Western Asia]. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 93–123.
 35. Morgunova N. L. *Eneolit Volzhsko-Uralskogo mezhdurech'ya* [Eneolithic in Volga-Ural interfluvium]. Orenburg, Orenburg State Pedagogical Institute Publ., 2011. 220 p.
 36. Morgunova N. L., Kulkova M. A. [Results of radiocarbon dating of the Krasikovskiy I burial mound]. In: *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Iss. 14. Orenburg, Orenburg State Pedagogical Institute Publ., 2019, pp. 39–45.
 37. Nekhayev A. A. [Domaikop culture of the North Caucasus]. In: *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological news], 1992, no. 1, pp. 76–96.
 38. Ostashinskiy S. M., Cherlenok Ye. A. [A complex of Eneolithic decorations from the Meshoko canopy (the results of work in 2011–2015)]. In: *Vneshniye i vnutrenniye svyazi stepnykh (skotovodcheskikh)*

- kul'tur Vostochnoy Yevropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.)*. [External and internal relations of the steppe (cattle-breeding) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (V–II mill. BC)]. Saint Petersburg, 2016. pp. 49–52.
39. Vybornov A. A., Yudin A. I., Kulkova M. A., Goslar T., Possnert G. [Radiocarbon data for the chronology of the Neolithic of the Lower Volga region]. In: *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Yevropy VII–III tys. do n.e.* [Radiocarbon chronology of the Neolithic era of Eastern Europe VII–III mill. BC]. Smolensk, Svitok Publ., 2016. pp. 62–73.
40. Vybornov A. A., Baratskov A. V., Grechkina T. Yu., Kulkova M. A., Zaitseva G. I., Possnert G. [Radiocarbon data on the Neolithic of the Northern Caspian region]. In: *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Yevropy VII–III tys. do n.e.* [Radiocarbon chronology of the Neolithic era of Eastern Europe VII–III mill. BC]. Smolensk, Svitok Publ., 2016. pp. 48–61.
41. Sviridov A. A. [Excavations of the settlement of Vasilievsky Cordon 17]. In: *Arkheologicheskiye otkrytiya 2012 goda v Lipetskoy oblasti* [Archaeological discoveries of 2012 in the Lipetsk region]. Lipetsk, 2013. p. 14.
42. Sinyuk A. T. *Kurgany epokhi bronzы Srednego Dona (Pavlovskii mogil'nik)* [Mounds of the Bronze Age of the Middle Don (Pavlovsky burial ground)]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1983. 192 p.
43. Sinyuk A. T., Klovov A. Y. *Drevneye poseleniye Lipetskoye Ozero* [Ancient settlement Lipetsk Lake]. Lipetsk, Lipetsk publishing house Publ. 2000. 160 p.
44. Skorobogatov A. M. [Cherkasy site in the Middle Don region. Research results 2009–2010]. In: *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik* [Tver archaeological collection]. Iss. 11. 2018. pp. 161–195.
45. Slesarev Ye. S., Radomskiy I. S., Shidlovskiy P. S. [New studies of the Bernashevsk settlement]. In: *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik* [Verkhnedonskoy archaeological collection]. Iss. 6. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2014. pp. 209–217.
46. Stolyar A. D. [Mariupol burial ground as a historical source (historical and cultural analysis of the monument)]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1955, vol. 23, pp. 16–37.
47. Stolyar A. D., Formozov A. A. *Meshoko – drevneishaya krepost' Predkavkaz'ya. Otchety Severokavkazskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha 1958–1965 gg.* [Meshoko – the most ancient fortress of the Ciscaucasia. Reports of the North Caucasian Expedition of the State Hermitage 1958–1965]. Saint Petersburg, State Hermitage Publ., 2009. 249 p.
48. Telegin D. Ya. *Neoliticheskie mogil'niki mariupol'skogo tipa (svod arkheologicheskikh istochnikov)* [Neolithic burial grounds of the Mariupol type (collection of archaeological sources)]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1991. 96 p.
49. Telegin D. Ya. [On the chronology and periodization of the cultures of the Neolithic and Copper Age in the South-West of Eastern Europe. The concept of the neo-Eneolithic time of the region]. In: *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeystvii v neolite Evrazii* [Problems of chronology and ethno-cultural interactions in the Eurasia Neolithic]. Saint Petersburg, Institute of history of material culture of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. pp. 106–121.
50. Tovkaylo M. T. [Neolithic Steppe Pobuzhzhya]. In: *Kamyana doba Ukrayiny* [Stone Age of Ukraine]. Vol. 6. Kiev, Shlyakh Publ., 2005. 160 p.
51. Korolev A. I., Kochkina A. F., Stashenkov D. A., Khokhlov A. A., Roslyakova N. V. [Unique burial of the burial ground of the early Eneolithic era Yekaterinovskiy Cape on the Middle Volga]. In: *Stratum plus* [Stratum plus], 2018, no. 2, pp. 285–302.
52. Agapov S. A. compiler and scien. ed. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov* [Khvalynsk Eneolithic burial grounds and Khvalynsk Eneolithic culture. Materials research]. Samara, Volga region Publ., 2010. 584 p.
53. Cherlenok Ye. A., Ostashinskiy S. M. [The fifth layer of the Meshoko canopy: the problem of synchronization with the monuments of the steppe Eneolithic of Eastern Europe]. In: *Arkheologiya Vostochno-Yevropeyskoy stepi* [Archaeology of the East European steppe]. Iss. 15. Saratov. Saratov State University Publ., 2019. pp. 31–43.
54. Chernykh Ye. N., Orlovskaya L. B. [Radiocarbon chronology of Khvalynsk necropolises]. In: *Khvalynskiy eneoliticheskiye mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov* [Khvalynsk Eneolithic burial grounds and Khvalynsk Eneolithic culture. Materials research]. Samara, Volga region Publ., 2010. pp. 121–129.

55. Chernykh L. A., Daragan M. N. *Kurgany epokhi eneolita-bronzy mezhdu rech'ya Bazavluka, Solenoi, Chertomlyka. Seriya: Kurgany Ukrainy* [Mounds of the Eneolithic-Bronze Age between the Bazavluk, Solyonaya, Chertomlyk rivers. Series: Mounds of Ukraine]. Vol. 4. Kiev, Oleg Filyuk Publ., 2014. 568 p.
56. Shatalin Yu. A., Rezepkin A. D. [Neolithic burial ground with Mariupol-type implements in the Kuban region and its place in the system of antiquities of South-Eastern Europe]. In: *Stratum plus* [Stratum plus], 2001–2002, no. 2, pp. 37–62.
57. Shishlina N. I., Turetskiy M. A., van der Plikht Y. [Radiocarbon dating of samples from the Lebyazhinka burial ground of the V Eneolithic epoch: verification and interpretation of data]. In: *Izvestiya Saratovskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Izvestia of the Saratov scientific center of the Russian Academy of Sciences], vol. 19, no. 3, 2017, pp. 196–202.
58. Yudin A. I. *Varfolomeevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzh'ya* [Varfolomeevskaya site and the Neolithic of the Volga steppe]. Saratov, Saratov State University Publ., 2004. 200 p.
59. Kashina E., Macane A. Personal adornments and tools made of wild boar tusks in the Final Stone Age of Central Russia (Poster on XVIII UISPP Congress) Available at : https://www.academia.edu/36958969/Personal_adornments_and_tools_made_of_wild_boar_tusks_in_the_Final_Stone_Age_of_Central_Russia (accessed: 10. 04.2020).
60. Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D. The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovskiy Cape in the forest-steppe Volga region. In: *Documenta Praehistorica*, 2019, vol. 46, pp. 388–397.
61. Kotova N. Revisiting the neolithic chronology of the Dnieper steppe region with consideration of a reservoir effect for human skeletal material. In: *Sprawozdania Archeologiczne*, 2018, vol. 70, pp. 4 –66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скоробогатов Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, начальник археологического отдела ООО «Терра»;

e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey M. Skorobogatov – Cand. Sci. (History), head of the archaeological department LLC Terra;

e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Скоробогатов А. М. Изделия из клыка кабана в неолите-энеолите Восточно-Европейской степи и лесостепи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 10–27.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-10-27

FOR CITATION

Skorobogatov A. M. Neolithic – Eneolithic wild boar tusk artifacts found in the East European steppe and forest-steppe. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 10–27.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-10-27

УДК 903.53

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-28-55

КОЙСУГСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. ПОГРЕБЕНИЯ КОЙСУГСКОГО ТИПА

Файферт А. В.*Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области «Донское наследие»
344022, Ростов-на-Дону, ул. Нижнебульварная, д. 29, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Введение в научный оборот описания важнейшего опорного памятника эпохи энеолита – Койсугского курганного могильника.

Процедура и методы. При помощи сравнительно-типологического метода проанализированы 43 энеолитических погребения могильника. Создана дробная типология погребений, установлено их стратиграфическое соотношение. Показан культурно-хронологический контекст.

Результаты. Проведённый анализ показал культурное своеобразие указанных комплексов, их более раннее происхождение по сравнению с первым этапом ямной культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введено описание нового опорного памятника эпохи энеолита.

Ключевые слова: энеолит, Нижнее Подонье, курган, погребальный обряд, тип

THE KOISUG KURGAN. BURIALS OF THE KOISUG TYPE

A. Faifert*State autonomous cultural institution of the Rostov region «Don heritage»
29 ul. Nizhnebulvarnaya, Rostov-on-Don 344022, Russian Federation***Abstract**

Aim. To introduce an important reference monument of the Eneolithic era into scientific circulation.

Methodology. The author analyzed 43 Eneolithic burials in the kurgan under study using a comparative typological method. A fractional typology of the burials was created, and their stratigraphic ratio was established. The cultural and chronological context was shown.

Results. The analysis showed the cultural identity of these complexes, their earlier chronological position in relation to the early stage of the Yamnaya culture.

Research implications. The article summarizes new data on the topic under study and introduces a new reference monument of the Eneolithic period.

Keywords: Eneolithic, low Don region, kurgan, burial rites, type

Введение

Койсугский курганный могильник был исследован в 1966–1970 гг. В. Е. Максименко. Он стал, наряду с Константиновским поселением, важнейшим памятником, давшим первоначальное понимание содержания энеолитической эпохи на Нижнем Дону. К сожалению, этот яркий памятник остался неопубликованным, а историческое явление, которое он отражает, почти полностью выпало из исторических реконструкций эпохи энеолита южнорусских степей.

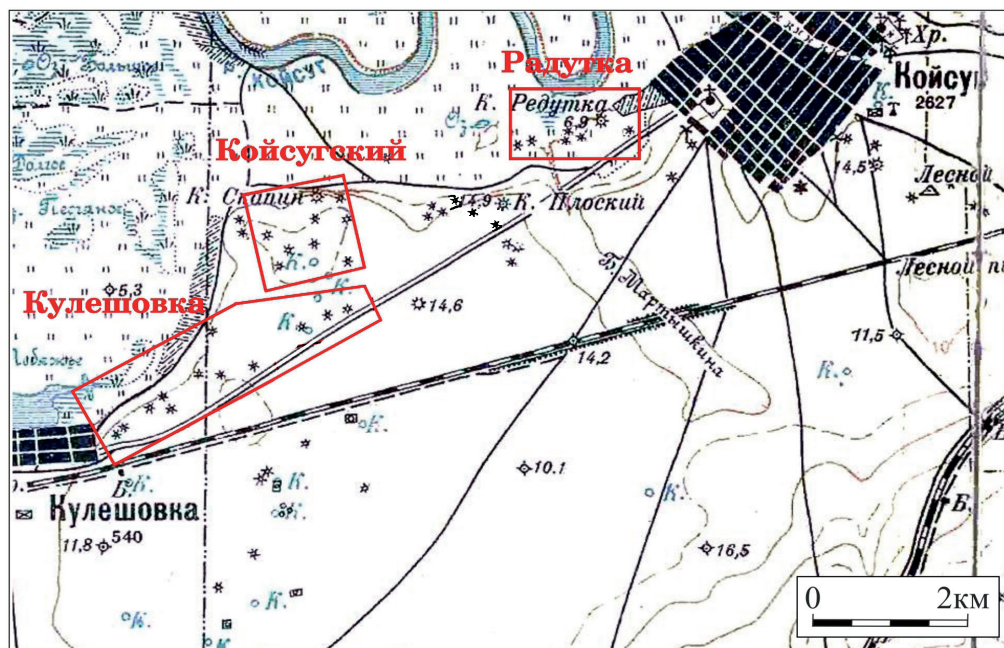

Рис. 1 / Fig. 1. Схема расположения курганных могильников, исследованных В. Е. Максименко в 1966–1974 гг. / Layout of the burial mounds investigated by V. Ye. Maksimenko in 1966–1974.

Койсугский могильник располагается на Левобережье Дона, к западу от г. Батайска, на краю сильно выдающегося на север мыса плоской первой надпойменной террасы р. Койсуг (рис. 1). Эта река является одним из крупных рукавов дельты Дона. В состав памятника В. Е. Максименко, помимо основной группы, включил группы Радутка и Кулешовка, являющиеся довольно удалёнными отдельными курганными могильниками. Здесь и далее Койсугским могильником будет называться только основная группа, состоявшая из семи насыпей. Из этой группы не раскопанным остался 7-метровый Скопин Курган (рис. 2, к-3). Подробный план памятника не был составлен. Имеется лишь план 1966 года, по фото и описаниям трудно достоверно установить точное местоположение курганов 5, 6 и 7. В могильнике была обнаружена беспрецедентно большая серия ранних погребений, причём погребальный обряд большинства из них довольно редок на территории Нижнего Подонья. Курган 4 был раскопан в 1966 г.

(работами руководил Ю. П. Ефанов, который скоропостижно скончался в том же году), курганы 1 и 2 – в 1967 г., курганы 5 и 6 – в 1968 г., курган 7 – в 1970 г.¹

Самая яркая серия погребений, включая одно из кургана Радутка, была вскоре опубликована [4]. В. Е. Максименко отметил своеобразие поз погребений в заплечиковых ямах, сходство обряда и инвентаря с материалами майкопской и кемпи-обинской культур.

Важное место данный памятник занял в диссертации В. Я. Кияшко. Он указывает, что только на основе этих курганов впервые удалось выделить две новые обрядовые группы среди ранних подкурган-

¹ Максименко В. Е. Отчёт о раскопках Койсугского курганного могильника в 1966 г. Ростов-на-Дону. Архив ИА РАН, № 3239; Максименко В. Е. Отчёт о раскопках Койсугского курганного могильника в 1967 г. Ростов-на-Дону. Архив ИА РАН, № 3449; Максименко В. Е. Отчёт о работах 2-го отряда археологической экспедиции РГУ в Константиновском и Азовском районах в 1968 г. Ростов-на-Дону. Архив ИА РАН, № 3873; Максименко В. Е. Отчёт о раскопках Койсугского отряда в 1970 г. Ростов-на-Дону. Архив ИА РАН, № 4078.

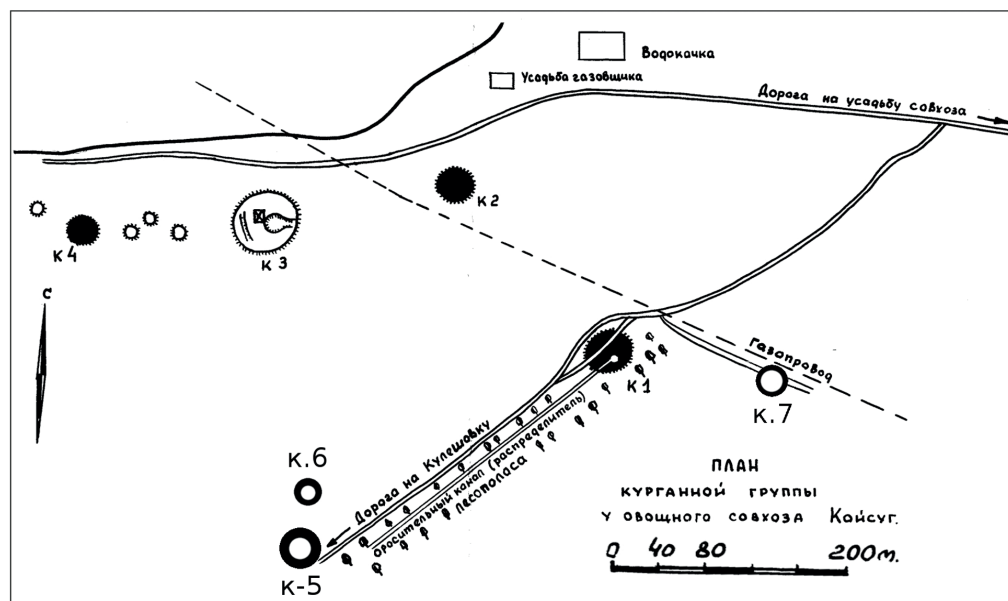

Рис. 2 / Fig. 2. Койсугский курганный могильник. План памятника от 1966 года с дополнениями / Koisug Kurgan. Layout of the monument from 1966 with additions.

ных захоронений¹, которые не были известны Н. Я. Мерперту. В тексте описаны особенности погребального обряда и инвентаря, приведены сопоставления с близкими памятниками Левобережья Дона. Также автор предположил возможность сопоставления этих комплексов с Нальчикским могильником. Важным наблюдением стало установление предшествования могил с западной ориентировкой погребениям в «сидячей» позе. Несмотря на сложную планиграфию, В. Я. Кияшко установил круговую планировку могил в кургане и распределение типов погребений по секторам. К сожалению, автор использовал только материалы курганов 5 и 7, что не позволило выявить другие закономерности обряда этого времени.

В 2015 г. была издана монография В. С. Яценко [6], в которой также лишь частично были использованы материалы Койсугского могильника, групп Радутка, Кулешовка и др. Эта работа вызывает множество возражений: «сидячие» по-

гребения включены во вторую энеолитическую группу, а погребения с западной ориентировкой включены во вторую ямную группу, что прямо противоречит данным стратиграфии. Погребения с ногами ромбом и руками, отведёнными от корпуса, включены в первую энеолитическую и в первую ямную группы. Существенную часть работы занимает группа погребений, не вошедших в обрядовые группы, что недопустимо. Это означает наличие противоречий между схемой систематизации и материалом. Тем не менее работа В. С. Яценко, как и диссертация В. Я. Кияшко, имеет значительную ценность в плане проработки источниковой базы.

Важнейшее место этот памятник занимает и в нашей работе. Сопоставление с Койсугским могильником дало возможности для убедительной культурно-хронологической атрибуции материалов грунтового могильника Дюнное I [2]. Также он дал материал для сопоставления с Ивановбургским могильником на Среднем Дону [5]. Данный памятник имеет важное значение для решения вопроса о происхождении ямной культуры на Нижнем Дону.

¹ Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1974. Архив ИА АН РФ, № 2143.

Описание погребений

Текст приведён в соответствии с полевыми отчётами В.Е. Максименко.

Курган 1 (рис. 2). Насыпь была почти полностью разрушена в 1937 году при строительстве водораспределительного коллектора и подводящих каналов. Кур-

ган изначально имел высоту не менее 3 м, диаметр до 50 м и входил с курганами 2 и 3 в группу «Три Брата». Исследовалась лишь северная половина насыпи.

В бровке прослежены 4 насыпи. Под первой насыпью, на уровне погребённой почвы, были найдены фрагменты

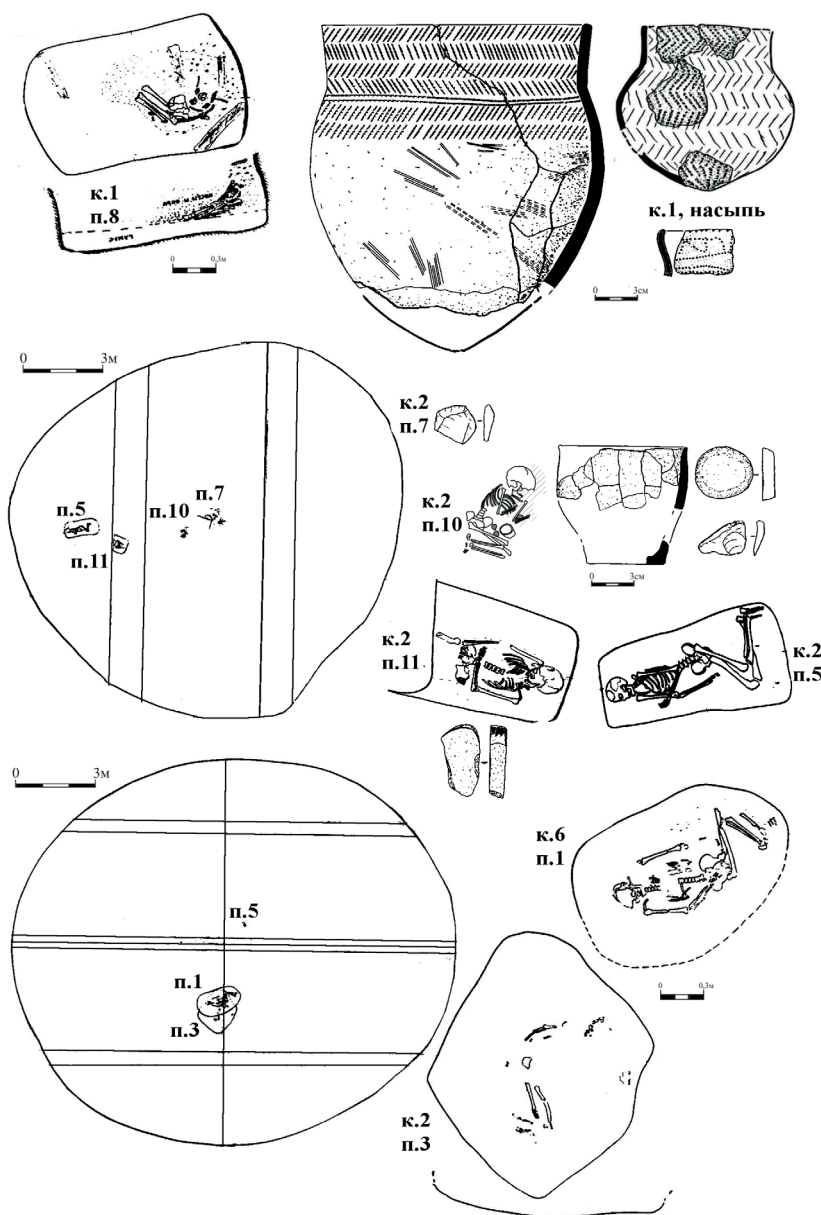

Рис. 3 / Fig. 3. Койсугский курганный могильник. А — сосуды из насыпи к. 1; к. 1, п. 8; план к. 2, п. 5, п. 7, п. 10, п. 11; план к. 6, п. 1, п. 3, п. 5 / Koisug Kurgan. A – vessels from the embankment of kurgan 1.

двух сосудов. *Сосуд 1* светло-серого цвета с желтовато-коричневым оттенком от неравномерного обжига, глина тёмная, с примесью толчёной ракушки (цвет в изломе серый). Имеет прямой высокий венчик и яйцевидное тулово с острым дном. Венчик украшен горизонтальным ёлочным орнаментом, нанесённым зубчатым штампом (четыре ряда насечек). Двойным рядом насечек украшены и плечики сосуда. Высота сосуда 28–30 см. Наибольший диаметр 21 см. Диаметр по венчику 18 см. Высота венчика 5 см. *Сосуд №2*. Аналогичной первому формы, но меньших размеров. Цвет чёрный, глина в изломе с примесью толчёной ракушки. Весь сосуд орнаментирован горизонтальным ёлочным орнаментом, нанесённым зубчатым штампом. На нём видны следы охры, особенно на днище. Высота венчика 3 см. Дно округлое, слегка заострённое. Размеры не восстанавливаются.

Погребение 8. Основное. Находилось под первой насыпью. Глубина 123 см. На уровне погребённой почвы в центре глиняного выкида было выявлено четырёхугольное пятно могильной ямы, ориентированной по линии В–З с небольшим отклонением к СВ. Длина ямы 140 см, ширина – 90 см. В заполнении ямы прослеживались следы очень сильного огня. Края ямы сильно обожжены. В заполнении много углей и обожжённой глины. Сохранились также части обгоревшего перекрытия ямы, состоявшего из небольших брёвен диаметром 10–15 см. Под перекрытием, на глубине 30 см (от перекрытия) прослежена обильная посыпка из охры. Под охрой находились кости скелета очень плохой сохранности, частично кальцинированные. Судя по расположению костей, погребённый находился в сидячем положении, лицом к западу. Ноги подогнуты к груди, руки опущены вдоль туловища. Кисть правой руки лежала на головке бедренной кости. Под левой бедренной костью обнаружен кремнёвый отщеп размером 5×4 см без следов обработки. Кости густо посыпаны охрой и углями.

Курган 2 (рис. 2). Высота до 3 м, диаметр 55 м. Северная и западная полы нарушены окопами.

Погребение 5. Глубина 206 см. Яма прямоугольной формы размером 145×70 см, ориентирована по линии В–З. Восточная часть ямы несколько шире западной (87 см). Погребённый мужчина лежал на правом боку. Скорченность средняя. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута и кисть лежит на локте правой руки. Погребённый ориентирован головой на ЗЮЗ. На стенках могильной ямы прослеживались следы плоского тесловидного орудия и камыш.

Погребение 7. Разрушено при ограблении скифского погребения 4. Глубина 100 см. Могильная яма не прослеживалась. Человеческие кости лежали в беспорядке. Западная часть погребения разрушена грабительской воронкой. Часть костей срезана острым орудием. Среди костей найден кремнёвый отщеп без следов подработки размерами 3×3,5 см.

Погребение 10. Контур ямы не прослеживался. Погребение находилось в предматериковом суглинке. Погребённый подросток лежал на левом боку головой на СВ, с сильно поджатыми ногами. Руки согнуты в локтях и подведены к лицу. Под локтевым суставом левой руки лежала необработанная галька и кремь. Под костями в области головы и груди прослеживалась густая подсыпка из охры. Между локтем левой руки и коленями лежал маленький сосуд баночной формы, с вертикальными стенками и плоским дном. Поверхность сосуда чёрного цвета. Глина в изломе чёрного цвета с примесью ракушки. Высота сосуда 10 см. Диаметр дна 9 см. Под сосудом и костями таза лежали ещё три необработанных гальки.

Погребение 11. Глубина 115 см. Яма прямоугольной формы шириной 85 см (длина не установлена, т.к. западная часть погребения разрушена более поздним катакомбным погребением 13). Кости ног погребённого уничтожены. Костяк лежал

на спине, возможно, с подогнутыми ногами. Левая рука согнута и её кисть упиралась в лучевые кости правой руки. Череп повернут вправо. Под костяком прослеживалась обильная подсыпка охрой. На левой тазовой кости лежал кусок песчанника, слегка стёртого с двух сторон.

Погребение 16. Глубина 98 см. Сильно разрушенное детское погребение находилось под сводом катакомбного погребения 15. Кости разрушенного скелета густо покрыты охрой. Положение костяка не установлено.

Курган 4 (рис. 4). Насыпь была почти полностью разрушена, а оставшаяся часть распахана. Высота 0,45 м, диаметр 36×32 м, вытянут по линии 3–В. В центре располагался блиндаж размерами 5,2×2,6 м.

Погребение 21. Частично разрушено. Погребение представляло собой овальную яму размерами 195×115 см, ориентированную по линии СВ–ЮЗ. Контур ямы были прослежены на глубине 92 см. На дне ямы на глубине 114 см лежали кости ног, тазовые кости и поясничные позвонки. Судя по их положению, костяк лежал на правом боку, головой на ССВ. Степень скорченности средняя.

Погребение 25. Открыто в 10 м к югу от центра, у южного обреза бровки. Яма не прослежена. Глубина 107 см. Костяк лежал на левом боку, головой на ВСВ, в сильно скорченном положении. Туловище завалилось назад. Ноги сильно согнуты в коленях и подведены к груди. Правая рука согнута и кистью подведена под кости правой ноги ниже колена. Левая рука выдвинута локтем вперёд и подогнута кистью к груди. Фаланги лежали на нижней части грудной клетки, а локоть – под коленом правой ноги. Костяк сильно разрушен, череп и таз раздавлены. У правого колена найдены обломки маленькой лепной чашечки. Тесто с примесью ракушки. Под костяком – прослойка охры и угольки.

Погребение 31. Открыто во II зоне ЮЗ сектора. На глубине 86 см прослеже-

на яма в виде неправильного овала. Костяк, ориентированный головой на ЗСЗ, лежал на глубине 109 см на спине, с резко подогнутыми вверх ногами. Ноги распались в обе стороны и лежали наклонно под углом 45°. Руки погребённого лежали кистями на тазовых костях. Череп первоначально находился в вертикальном положении, но затем свалился на правую сторону грудной клетки. Сохранность костяка очень плохая. У левой ноги погребённого в заполнении найден обломок лепного сосуда.

Погребение 33. Открыто в 7 м к ССЗ от центра. Яма не прослежена. Костяк взрослого человека лежал на глубине 103 см, на правом боку в скорченном положении. Ноги резко подогнуты в коленях. Правая рука вытянута вдоль туловища, её кисть лежала у колена. Левая рука согнута, кистью лежала у правого локтя. Костяк завалился на спину. Ориентировка южная с чуть заметным отклонением к востоку.

Погребение 41. Открыто в одном метре от центра на глубине 115 см. Прямоугольная широкая яма ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Дно ямы находилось на глубине 199 см. Костяк лежал на правом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой к СЗ. Правая рука находилась на костях таза. Левая рука вытянута по направлению к коленям. Сверху костяка прослежены следы дерева или коры, а у правой руки комки охры. Под костяком – подстилка из дерева или коры.

Курган 5 (рис. 5–6). Сильно разрушен, высота 1,6 м, вершина срезана, диаметр 45 м.

Погребение 6. Глубина 135 см. Прямоугольная яма размером 140×90 см. Ориентирована по линии В–З. Костяк очень плохой сохранности, частично растащен грызунами. В западной части лежали обломки черепной коробки. Среди них найден обломок кремнёвого наконечника стрелы треугольной формы, обработанный мелкой ретушью. Размеры стрелы: 1,8×2, 8×2,5 см. Судя по положению ко-

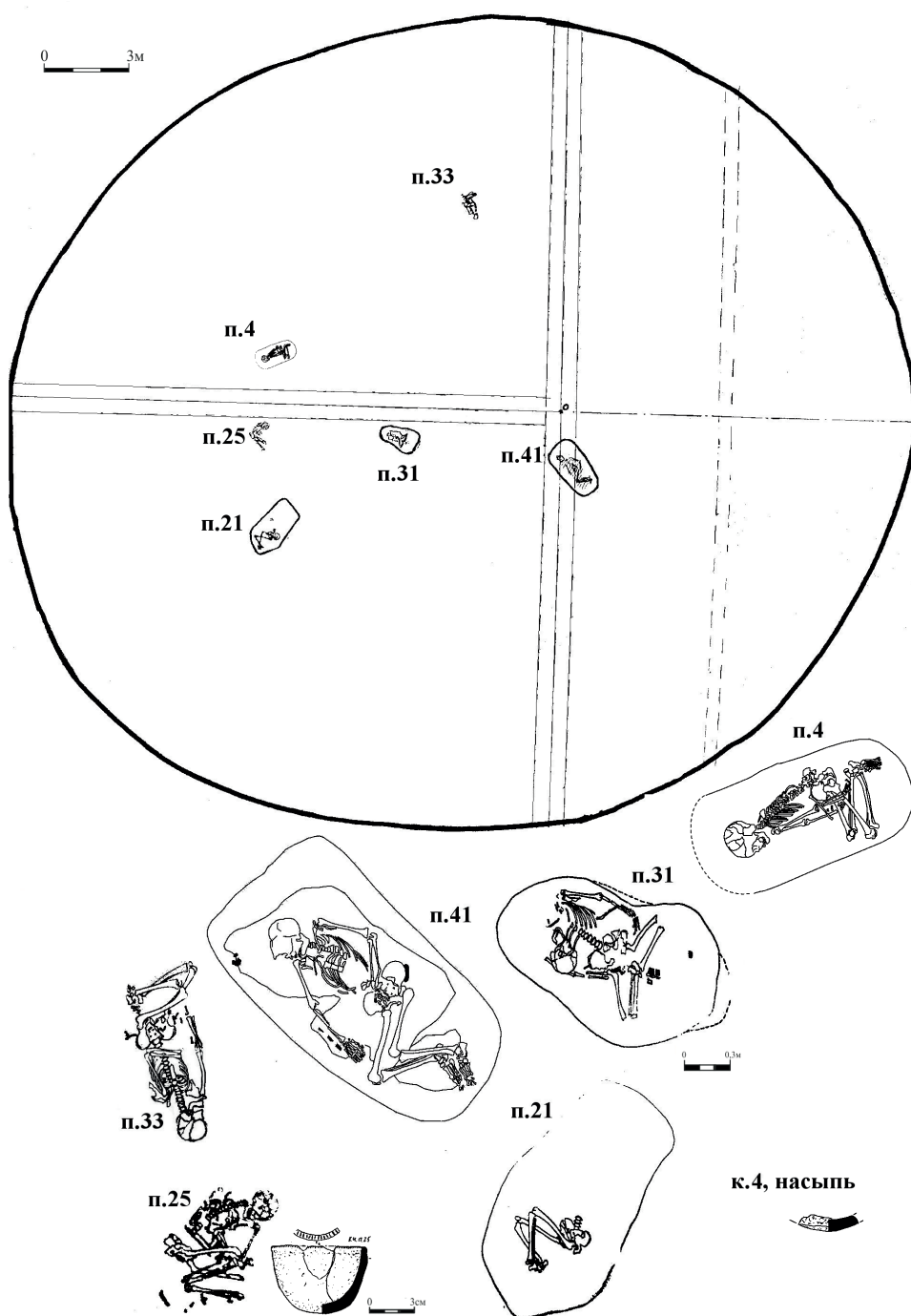

Рис. 4 / Fig. 4. Койсугский курганный могильник. План к. 4, п. 21, п. 25, п. 31, п. 33, п. 41 / Koisug Kurgan. Layout of kurgan 4.

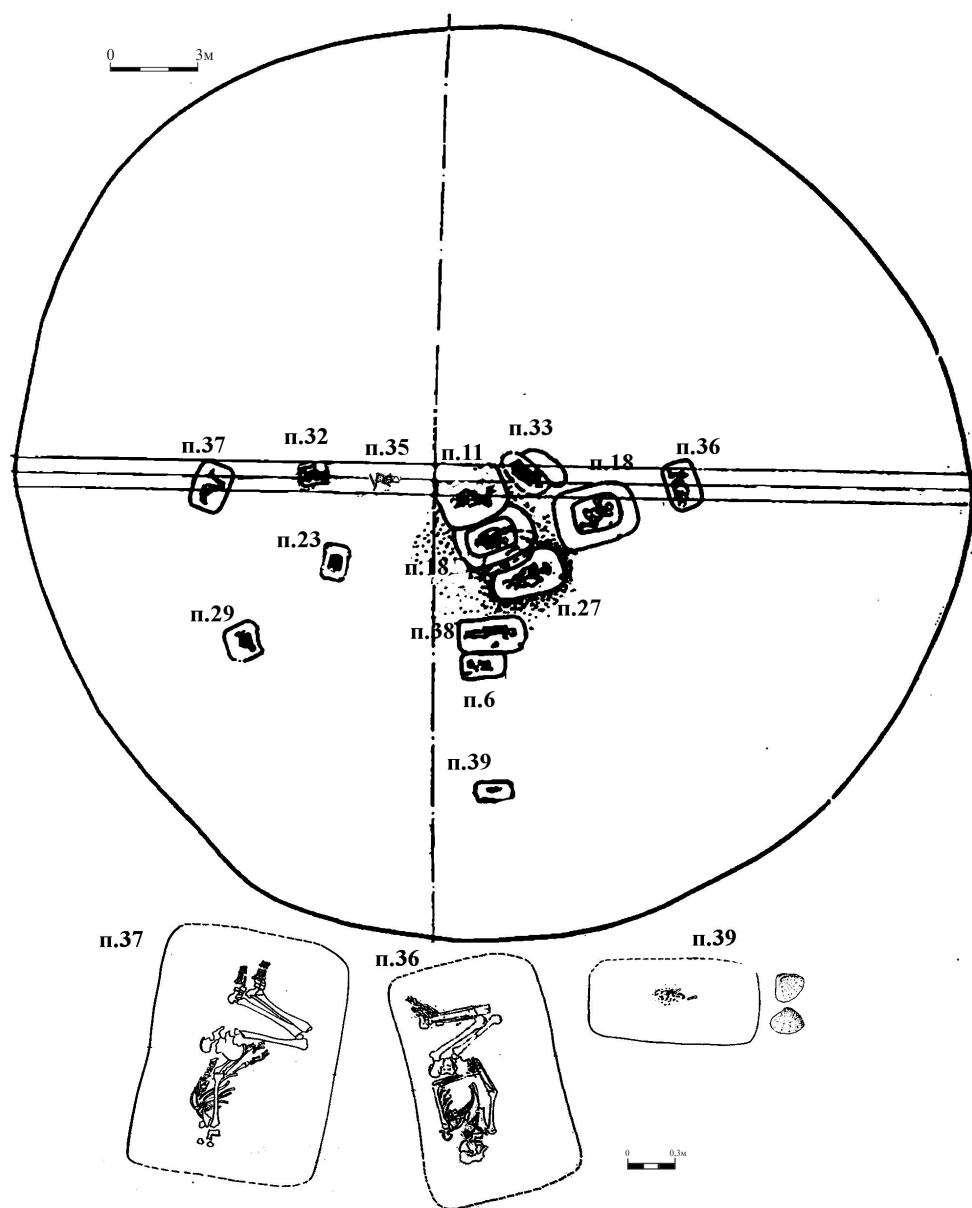

Рис. 5 / Fig. 5. Койсугский курганный могильник. План к. 5, п. 36, п. 37, п. 39 / Koisug Kurgan. Layout of kurgan 5.

стей, умерший был погребён в сидячем положении, лицом к востоку. Впоследствии скелет завалился на спину. Этим и объясняется то, что нижние конечности лежат сверху костей таза, рёбер и позвонков. Кости обильно покрыты красной краской, иногда её слой достигает 3–4 мм.

В заполнении ямы много краски и встречались угольки.

Погребение 11. Глубина 175 см. Яма квадратной формы размером 220×137 см. Ориентирована по линии В–З. Её стенки и дно хорошо прослеживались. На стенках ямы имеется налёт белого цвета. Погре-

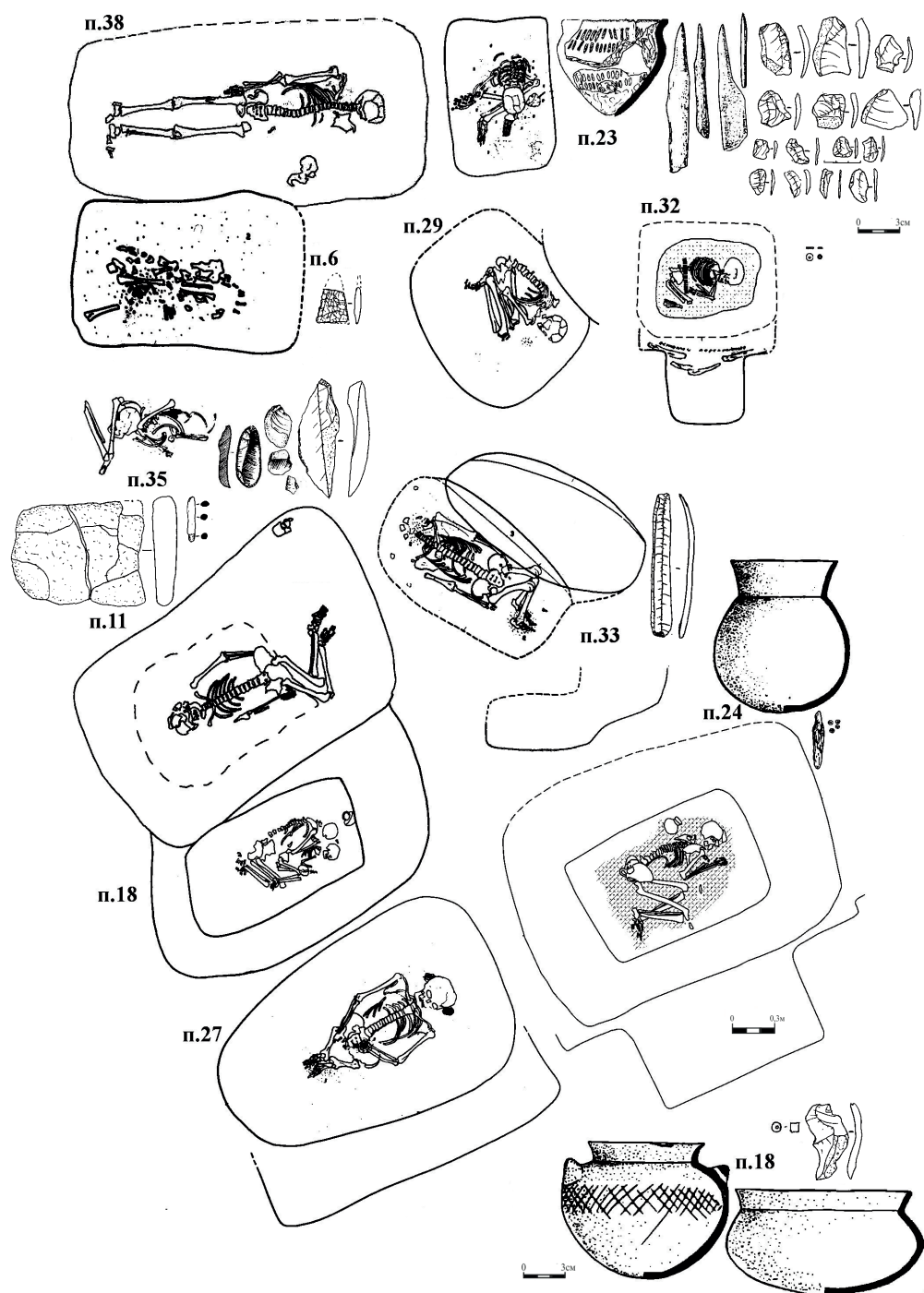

Рис. 6 / Fig. 6. Койсугский курганный могильник. К. 5, п. 6, п. 11, п. 18, п. 23, п. 24, п. 27, п. 29, п. 33, п. 35, п. 38 / Koisug Kurgan. Kurgan 5.

бение прорезало выкид основного захоронения 27 и срезало часть ямы погребения 18. Яма была перекрыта массивными брёвнами, остатки которых найдены в заполнении, состоящем из рыхлого гумусного грунта. Скелет лежал головой на З, с небольшим отклонением к ЮЗ, на спине, с подогнутыми ногами, которые свалились вправо. Руки вытянуты вдоль тела, левая кисть находилась под тазом. Сохранность костяка очень плохая. На дне ямы сохранился тлен коричневого цвета от подстилки и красная краска. Особенно сильно окрашены ступни ног, кисти рук и область таза. Под черепом тлен белого цвета толщиной 2–3 см, вероятно, от камыша или травы. В погребении были найдены два предмета неясного назначения: небольшая поделка из кости длиной 3,6 см, напоминающая наконечник стрелы, и довольно большая – 16×8 см, толщиной 2–2,5 см – глиняная лепёшка квадратной формы из чёрной необожжённой глины.

Погребение 18. Глубина 205 см. Прямоугольная яма размером 290×200 см (?) прослеживалась с поверхности кургана (под пахотой). Ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Несколько глубже по всему периметру ямы были прослежены заплечики шириной 0,3–0,7 м. На уступах сохранились остатки деревянных плах от перекрытия и камышовый настил. В центре ямы настил провалился (размеры меньшей ямы 175×90 см). Её северная часть срезана более поздним погребением 11. Дно ямы расположено в материковом суглинке. Её глубина от уровня заплечиков 80 см в восточной части и 50 см в западной. Юго-восточный угол ямы погребения 18 частично срезало более раннее погребение 19. В заполнении встречены два кремнёвых отщепа, охра и фаланги стоп. До уровня перекрытия заполнение было плотным и глинистым, под перекрытием – мягким и сильно гумусированным. В нём встречались угольки. Захоронение парное: взрослого и подростка. Костяки лежали на левом боку, головой на ВЮВ. Скорченность сильная.

Кисти рук находились у черепа. Стопы ног второго костяка (подростка) лежали на коленных суставах взрослого человека. У костяков в области таза (на уровне пояса) найдено огромное количество перламутровых бисеринок (остатки поясов). Диаметр бисеринок 2–3 мм. Диаметр отверстий 1–1,5 мм. Толщина 0,4 мм. Под костями стоп и кистями рук отмечено большое количество охры, а под костяками остатки подстилки. У восточной стенки ямы стоял небольшой лощёный сосуд серого цвета с примесью ракушки в тесте, с пролощённым сетчатым орнаментом. Сосуд имеет два сосцевидных ушка с вертикальными отверстиями. Дно сосуда круглое. Его высота 11 см, диаметр по горлу – 8 см. Венчик слегка отогнут. Высота горла 1,8 см, высота ушек – 1,5 см, диаметр отверстий – 0,5 см. Второй сосуд находился под костями правой руки и правой ноги костяка подростка. Сосуд типа глубокой миски с круглым дном, лощёный, почти чёрного цвета. В тесте примесь ракушки. Его высота 8,5 см, диаметр горла 14 см, наибольший диаметр 17 см. Венчик слегка отогнут. У изголовья костяков найден кремнёвый отщеп без следов ретуши. Костяки лежали на «земляной подсыпке», состоящей из смеси гумуса, охры, углей и мела, толщиной 15–20 см. Черепа деформированы (?).

Погребение 19. Глубина 137 см. Яма не прослеживалась. Часть погребения срезана ямой погребения 18. От костяка сохранились лишь отдельные кости. Под костями отмечено очень много охры. В погребении найден кусочек необработанного кремня и маленькая бронзовая обоймочка.

Погребение 20. Глубина 139 см. Частично срезано погребениями 19 и 18. От костяка сохранились правая бедренная и обе берцовые кости. Вероятно, он лежал на спине, головой на В, с подогнутыми в коленях ногами. Под стопами ног отмечено большое количество охры.

Погребение 23. Глубина 130 см. Находилось под погребением 15. Умерший

был похоронен в сидячем положении лицом к югу. Его кисти лежали у ног. Яма небольшая, прямоугольная, размером 100×70 см. Ориентирована по линии С–Ю. В заполнении встречено очень много охры. Справа от костяка, на уровне лопаток, лежало большое количество кремнёвых отщепов, костяные проколки и кости барана. Слева у ног стоял раздавленный лепной остродонный сосуд. Над сосудом найдено медное шило. Скелет принадлежал очень пожилому человеку. В заполнении помимо большого количества охры попадались угли, мел, тлен и несколько костей младенца (зубы и кусочек челюсти). В погребении найдены:

а) остродонный сосуд с широким, коротким горлом и маленьким, слегка отогнутым венчиком (в реставрации). Обжиг плохой. Поверхность светлоохристая. Глина в изломе тёмно-серая с очень большой примесью толчёной ракушки. Верхний край венчика орнаментирован насечками. Верхняя половина сосуда орнаментирована насечками, расположенными вертикально, полосой до 3 см. Высота сосуда 9 см, диаметр горла 8 см. Наибольший диаметр 9 см.

б) Кремнёвые отщепы (серый кремень). Всего 106 штук, из них 97 мелких неретушированных отщепов и 2 крупных отщепа без ретуши. 7 концевых скребков с крупной ретушью.

в) Медное, сильно окисленное шило-проколка. Длина 5,3 см, диаметр 0,3 см.

г) Костяная проколка из мелкой трубчатой кости, в обломках. Длина 12,2 см, ширина 0,8 см.

д) Костяная проколка из трубчатой кости. Длина 9 см.

е) Большая полированная костяная проколка. Длина 10,4 см.

Погребение 24. Глубина 160 м. Яма с уступом. Ориентирована по линии 3–В. Размеры уступа 235×165 см, ямы – 132×085 см. Ширина уступа 30–50 см. Глубина дна от уступа 40–50 см. Яма перекрыта брёвнами диаметром 10–15 см. Костяк пожилого человека крупных размеров ле-

жал на левом боку головой на В. Скорченность сильная. Коленные суставы левой ноги находились у локтей погребённого. Руки согнуты. Кисть правой руки лежала под подбородком, левой – «сжата в кулак». Сохранность костей очень плохая. У левой лопатки, за спиной скелета, стоял великолепной выделки круглодонный лощёный сосуд охристого цвета с довольно большим воронкообразным горлом. Высота сосуда 13 см, высота горла 3 см, диаметр шейки 9 см, наибольший диаметр 12 см. Перед локтем лежал миниатюрный бронзовый «ножичек» с черенком. Длина ножичка 4,5 см, ширина 1 см. Длина черенка 0,4 см. Под костями прослежены остатки подстилки и гумусированная прослойка с вкраплениями мела, охры и углей.

Погребение 27. Основное. Глубина 237 см. Яма овальной формы размером 213×122 см. Ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Выкид из этой ямы хорошо прослеживался в насыпи на уровне погребенной почвы. Яма была перекрыта плашками и брёвнами. Костяк очень пожилого человека лежал на спине головой на СВ, лицевой частью черепа вверх, с поднятыми вверх коленями. Кисти рук уложены на таз. Под костяком отмечен толстый слой камышовой подстилки и подсыпка из охры. Слева от черепа лежал кусок краски бурого цвета, справа – комок красной краски.

Погребение 29. Глубина 160 см. Яма квадратной формы с закруглёнными углами размером 120×120 см. Ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Северо-восточная часть ямы срезана колодцем погребения 28. Костяк взрослого человека лежал в сильно скорченном положении на левом боку головой на ЮВ. Кисти лежали у лицевой части черепа. Возможно, умерший был спелёнут. Под костяком отмечен коричневый тлен и следы охры.

Погребение 32. Глубина 140 см. Контуры ямы с уступом прослеживались плохо. Размер уступа 105×09 см, ямы – 50×70 см. Глубина дна от уступа 50 см. Ширина уступов 15–20 см. На уступах

сохранились остатки деревянного перекрытия из брёвен. На дне ямы лежал скорченно на левом боку скелет ребёнка 5–6 лет. Его кисти находились у пояса. Локти вывернуты от туловища. В нижней части позвоночника, у таза сохранились остатки пояса из огромного количества маленьких перламутровых бисеринок шириной до 3 см, аналогичных бисеру из погребения № 18. Под костяком отмечены следы охры, а также угольки и меловая подсыпка.

Погребение 33. Глубина 250 см. Катакомбное. Колодец овальной формы размером 150×70 см. Ориентирован по линии ЮВ–СЗ. Камера отделена от колодца пологой ступенькой высотой 15 см. Свод камеры и вход не сохранились. Камера квадратной формы, размером 170×80 см, расположена к юго-западу от колодца и смещена от него к СЗ. На дне камеры на спине, головой на СЗ лежал костяк взрослого человека плохой сохранности. Руки вытянуты вдоль туловища. Кисть левой руки находилась на тазе. Ноги согнуты и слегка свалились влево. В области грудной клетки найден кремнёвый нож длиной 12 см, шириной 1,8 см, толщиной 0,5 см. Под костяком сохранились остатки подстилки и большое количество охры. Вход в камеру был закрыт камышом.

Погребение 35. Глубина 165 см. Яма не прослеживалась. Костяк взрослого человека очень сильно потревожен грызунами. Судя по сохранившимся костям, умерший был похоронен в сидячем положении, лицом на запад. Среди костей найдено 7 кремнёвых отщепов и один концевой скребок. Кости густо окрашены красной краской.

Погребение 37. Глубина 151 см. Яма прямоугольной формы размером 150×110 см. Ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением к З. Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку, головой на юг. Руки слегка согнуты. Кисти положены перед тазом, правая рука под туловищем, левая поверх него. Перед кистями отмечена охра, а под левы-

ми лучевыми костями – бронзовый окисел.

Погребение 38. Глубина 166 см. Прямоугольная узкая яма со слегка закруглёнными углами. Ориентирована по линии В–З. Длина ямы 210 см, ширина 100 см. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на В. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая половина скелета (кости рук и рёбра) растащена грызунами. Под костяком отмечены тлен коричневого цвета, подсыпка из охры и две небольшие раковины улиток.

Погребение 39. Глубина 140 см. В прямоугольной яме размером 100×60 см, ориентированной по линии В–З, лежали фрагменты костей грудного младенца. Его положение установить невозможно. Вероятно, лежал головой на В. Под костями отмечена охра, в заполнении найдены две мелкие речные ракушки.

Курган 6 (рис. 3). Насыпь полностью разрушена. Сохранившийся диаметр 15 м, высота 0,2 м.

Погребение 1. Глубина 80 см. Яма овальной формы размером 160×100 см. Ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Костяк взрослого человека лежал на спине с подогнутыми ногами (свалились влево). Руки согнуты, кисти на тазе. Костяк ориентирован головой на З. На дне ямы отмечены мел и красная краска.

Погребение 3. Глубина 102 см. Яма ромбовидной формы размером 140×130 см. Костяк плохой сохранности (сохранилась незначительная часть трубчатых костей) лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. У лицевой части черепа лежала раковина перловицы. Под черепом и в области таза отмечены следы подстилки и красной краски.

Погребение 5. Основное. Разрушено колодцем катакомбного погребения 6. Сохранилось несколько фаланг костей стопы, сильно окрашенных красной краской. Форму могильной ямы и положение погребённого установить невозможно.

Курган 7 (рис. 7). Насыпь была полностью разрушена до начала раскопок. Сохранившаяся высота 0,3 м.

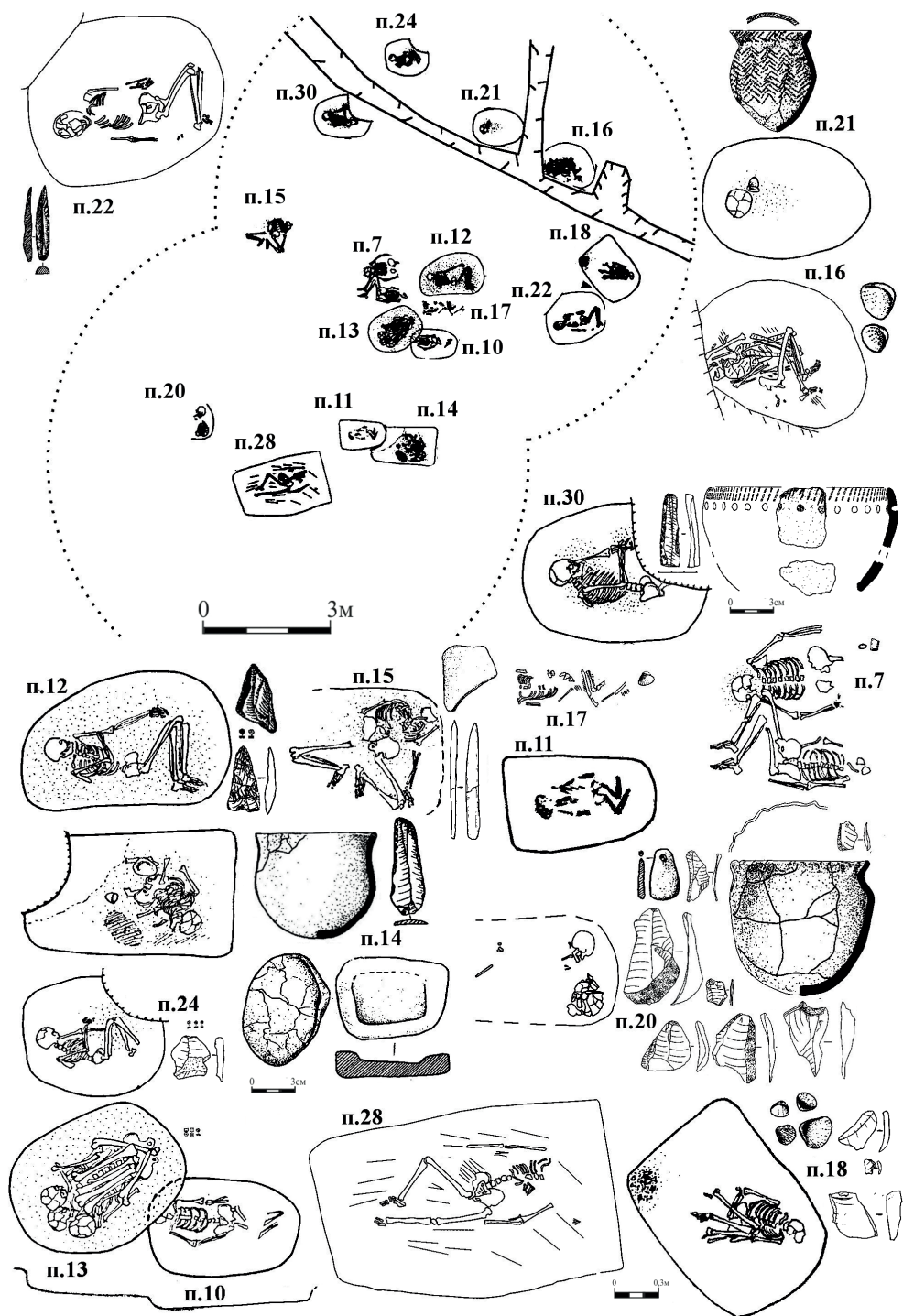

Рис. 7 / Fig. 7. Койсугский курганный могильник. План к. 7 (реконструкция первой насыпи), п. 7, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14, п. 16, п. 17, п. 18, п. 20, п. 21, п. 22, п. 28, п. 30 / Koisug Kurgan. Layout of kurgan 7 (reconstruction of the first embankment).

Погребение 7. Глубина 85 см. Контуры ямы не прослеживались. Погребение парное (?). Первый скелет взрослого человека (мужчины?) лежал головой на ВСВ, с небольшим завалом на правый бок. Кости плохой сохранности. Ноги резко согнуты, лежали вправо. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – слегка согнута и помещена кистью под бедренными костями. В заполнении, на 5 см выше правой бедренной кости обнаружена бронзовая пронизка из тонкой полоски бронзы толщиной 0,1 см и шириной 1,2–1,6 см. Она свернута в трубочку, концы которой заходят друг за друга. Пронизка слегка сдавлена, её внутренний диаметр 0,7–1 см. У правого локтя находились угольки. К северу от правого скелета лежал второй костяк взрослого человека (женщины) очень плохой сохранности. Отсутствуют кости ног. Колени первого костяка уперлись в голову второго, который лежал на спине, головой к ЗЮЗ. Руки согнуты и лежали вдоль туловища. Череп лежал на правом виске, лицевой частью на Ю. Под черепом и над ним отмечена красная краска. Возможно, что захоронения являются разновременными, и первый костяк относится к более позднему времени.

Погребение 10. Глубина 117 см. Погребение сооружено в овальной, сужающейся в ногах яме, ориентированной по линии В–З размерами 100×65 см. В заполнении встречались угольки и комки пережжённой глины, возможно, попавшей из других погребений. Северо-западная часть ямы нарушена погребением 13. На дне лежал скелет подростка плохой сохранности. Черепа нет, видимо, он был выброшен при совершении погребения 13. От него осталась лишь нижняя челюсть. Скелет лежал на спине головой на З, с подогнутыми вверх ногами. Руки вытянуты вдоль туловища, правая слегка согнута. На костях левой руки и на ребрах прослеживалась в малом количестве красная краска.

Погребение 11. Глубина 113 см. В об-
резе насыпи яма погребения 11 прослежи-

валась от самой вершины. Оно частично перекрыло погребение 14, нарушив северо-западный угол его ямы. Погребение совершено в подпрямоугольной яме размерами 115×90 см, ориентированной по линии В–З, суженной и округлой в ногах погребённого. В заполнении находилось несколько крупных комьев обожжённой глины. Скелет ребёнка плохой сохранности (кости истлели) лежал на спине головой на ЗЮЗ. Ноги, вероятно, были подогнуты коленями вверх и упали вправо. Раздавленный землёй череп лежал на правом виске, лицевой частью к югу. Руки, слегка согнутые в локтях, вытянуты вдоль тела. Вдоль южной стенки ямы обнаружено скопление угольков. Там же, но ближе к скелету — пятна охры. У левого плеча найден маленький невыразительный фрагмент керамики с жёлто-серой поверхностью в чёрных пятнах и такого же цвета в изломе. Размеры фрагмента 3,9×3,2 см, толщина – 0,6 см.

Погребение 12. Глубина 160 см. Погребение совершено в округлой, неправильной формы яме размером 160×100 см, впущенной в материк и ориентированной по линии В–З. В засыпке прослеживался очень толстый слой пережжённой глины. В западной половине ямы он лежал выше (на уровне горизонта), в восточной – постепенно опускался почти до дна. Скелет взрослого мужчины большого роста удовлетворительной сохранности лежал на левом боку, головой на З. Череп лежал на левом виске, лицом на север. Ноги умеренно скорчены. Левая рука вытянута вдоль туловища кистью к коленям, правая согнута, кистью положена на середину левой плечевой кости. За спиной костяка и частично под ним прослеживался белёсый тлен от растительной подстилки. В засыпке над костяком, перед лицом, грудью и в других местах находилась красная охра. Погребение обильно посыпано пережжённой глиной красного цвета (особенно перед костяком и в ногах). За правой плечевой костью лежала костяная (?) мелкая бусина цилинд-

дрической формы, аналогичная «бисеру» из погребения 13. Диаметр бусины 0,4 см, высота 0,2 см, диаметр отверстия 0,15 см. Такая же бусина была обнаружена на левой половине таза. Перед лицевой частью черепа, на левом плече, найдено орудие из мелового серого кремня на отщепе, асимметрично-подтреугольной формы. Передняя часть орудия (ножевидной пластины?) обработана отжимной ретушью только с одной стороны. Размер пластины по периметру 3,2×4,2×5,4 см, толщина – 0,7 см. Орудие, которое, вероятно, служило ножом, лежало неретушированной частью к черепу. Ниже шейных позвонков и челюсти лежало другое орудие, возможно, наконечник дротика. Древко, вероятно, находилось в правой руке. Наконечник сделан на отщепе серого мелового кремня в форме равнобедренного треугольника. Его размеры по периметру 5,2×5,3×2,6 см, толщина 0,8 см. Обработан отбивной и слегка отжимной ретушью с обеих сторон. Основание прямое и также ретушировано. Острие ярко выражено. Под костяком находился толстый слой охры и обожжённой глины, смешанной с охрой. Под грудью и костями стоп отмечена почти чистая охра.

Погребение 13. Глубина 113 см. Погребение частично нарушает более раннее погребение 10. Погребение совершено в овальной яме размерами 120×90 см, ориентированной по линии ЮЗ–СВ. В засыпке восточной половины зафиксированы угольки. Охра встречалась в заполнении, а также покрывала скелет и дно ямы. В погребении находилось 3 скелета. Умершие были захоронены в сидячем положении (?) (или на спине), вероятно, сразу втроём, в связанном состоянии. Руки были согнуты в локтях и, во всяком случае, у первого скелета, находились кистями у колен. Скелеты в очень плохом состоянии. Черепа расплющены, все кости смещены и сочленения нарушены. Положение скелетов в момент вскрытия погребения было следующим. Примерно посредине лежал скелет молодого муж-

чины. Позвоночник был вынесен вверх, а грудная клетка сместилась вниз, кости ног и рук расчленены и смещены, но можно судить о его захоронении в сидячем положении. Череп наклонен на левый висок. В правой части темени – пролом. Этот костяк перекрывает второй, принадлежавший, возможно, очень молодой женщине. Положение второго костяка восстанавливается ещё менее чётко, но отчётливо видно, что руки согнуты в локтях и кистью находились у колен. Под вторым костяком находился третий, очень плохо сохранившийся костяк ребёнка, положение которого не восстанавливается. Видимо, оно было аналогично положению взрослых. Скелеты лежали головами на ЮЗ. На левом колене мужского скелета и под его нижней челюстью находились кусочки жёлтого пигмента (ауропигмента?), аналогичного зафиксированному в погребении 15. У женского черепа найдено 32 штуки костяного (?) рубленного бисера цилиндрической формы – диаметром 0,4 см, длиной от 0,35 см до 0,1 см, с отверстием диаметром 0,1–0,15 см. 12 штук было в 2-х низках на правом виске, 20 штук в 2-х низках под левым виском наклонённого черепа.

Погребение 14. Глубина 135 см. Совершено в прямоугольной яме размерами 170×110 см, слегка сужающейся в западной части. Яма ориентирована по линии В–З. В западной половине яма была нарушена погребением 11. В засыпке в большом количестве зафиксирована обожжённая глина, смешанная с землёй, охра и угольки. На уровне скелета отмечен толстый слой красной краски, смешанной с обожжённой землёй. Этот слой частично покрывал скелет, частично подстилал его. В засыпке северо-восточного угла ямы найден невыразительный фрагмент от крупного сосуда с красноватой поверхностью. В восточной половине ямы находились остатки скелета взрослой женщины, ориентированного головой на ЮВ. Череп лежал на левом виске, лицевой частью к Ю. Остальные кости

были смещены и находились в различном положении. Кости левой руки были расчленены и находились в смещённом состоянии ниже скелета. Правая рука согнута в локте, кости предплечья находились под ребром и у таза. Скелет был сильно потревожен грызунами. Кости ног были зафиксированы ниже верхней части скелета. Левая бедренная кость лежит «коленом» к шейным позвонкам. Правая бедренная кость – в том же положении, но находилась глубже. Кости голеней расчленены и находятся в беспорядке ещё ниже. Судя по положению скелета, умершая была похоронена в сидячем положении на корточках. Затем скелет опрокинулся на спину, и кости конечностей были смещены. Ниже рёбер, у таза, находились косточки эмбриона ребёнка. Насколько можно судить, он находился в неправильном положении, что, возможно, и было причиной смерти женщины. Южнее тазовых костей, в 20 см от них, сохранились косточки второго рождённого младенца. Положение его не восстанавливается. Все кости были густо посыпаны охрой, смешанной с землёй, а таз и грудная клетка были посыпаны чистой охрой. На посыпке, в некоторых местах, отмечен тлен чёрного цвета. У затылка погребённой лежал очень крупный коренной зуб. На нижних правых рёбрах находилась крупная раковина перловицы. На скрюченных фалангах пальцев правой руки лежал кремнёвый нож-скребок на плоской пластине, изготовленный из тёмного мелового кремня. Пластина расширяется до 2,4 см на одном конце и сужается до 1,6 см на другом. Длина ножа-скребка 8,1 см, толщина пластины 0,7 см. Орудие обработано по всему периметру хорошей отжимной ретушью. Широкий конец ножа-скребка находился под тазом. В 10 см к западу от таза лежал горлом к костяку лепной сосуд очень плохой сохранности. Сосуд небольших размеров, круглодонный, тулово круглое, плавно переходящее в невысокое (1,9 см) горло, слегка отогнутое наружу. Его по-

верхность светлая, охристо-серая, тесто в изломе светло-охристое с обильной примесью толчёных раковин. Высота сосуда 9,2 см, диаметр горла 10,5 см, максимальный диаметр 10,6 см, толщина стенок 0,5 см. Справа у таза находился предмет, на котором было немного золы, условно квалифицированный как «алтарик». Он был вылеплен прямо на мощной засыпке дна ямы (глина, смешанная с красной краской) из той же глины, смешанной с ярко-красной краской, и обмазан чистой охрой. Форма «алтарика» восстанавливалась как округло-прямоугольная, с широкими бортиками по краю. Его размеры 17×14 см, ширина бортика 1–3 см, высота 3–4 см.

Погребение 15. Глубина 98 см. Контуры ямы не прослеживались. В засыпке погребения встречались угольки и обожжённая глина. Костяк, вероятно, находился в северо-восточной части ямы. Череп отсутствовал. Кости смещены мало. Взрослый мужчина, погребён сидя, лицевой частью на ЮЗ. Его ноги сильно скорчены коленями вверх, кисти лежали на коленях. Под тяжестью земли кости ног упали в разные стороны, левая рука сохранила своё положение (кисть осталась на колене), а кисть правой руки сместилась. Костяк немного запрокинулся назад, головой на СВ, не приняв горизонтального положения. Скелет густо посыпан красной краской, смешанной с землёй и чистой охрой. На левом колене и между пяточными костями прослежен жёлтый пигмент (ауропигмент), аналогичный зафиксированному в погребении 13. Под левой берцовой костью лежал фрагмент (половинка) плитки камня, служившей для растирания красной краски. Плитка подпрямоугольной формы, изготовлена из крупнозернистого белого камня. Одна плоскость неровная, другая гладкая. Длина сохранившейся стороны 8,1 см, ширина 5 см, толщина камня 1,6 см. Плитка густо покрыта красной краской и лежала торцом к тазу. Рядом с ней, ближе к пяточным костям левой ноги, найдена ко-

стяная проколка с обломанным в древности остриём. Она сделана из плоской костяной пластинки толщиной 5 см, обработанной с одной стороны так, что поперечное сечение имеет форму сегмента. Длина проколки 9,4 см, ширина – 0,9 см. Она посыпана охрой и лежала острым концом к тазу.

Погребение 16. Глубина 188 см. Погребение было совершено во впускной в материк округлой яме шириной 95 см. Ее западная и южная стенки были нарушены поздней траншеей. Оба скелета, находившиеся в яме, сильно повреждены. Сохранились только кости ног, фрагменты тазовых костей и кости рук. В засыпке могилы встречались угольки и красная краска. Возможно, что первый скелет находился в сидячем положении или лежал на спине с подогнутыми вверх ногами, упавшими затем влево. Кисть левой руки находилась под левой бедренной костью. Между кистью и тазом лежали фрагменты створок раковины перловицы. Кости ног первого скелета перекрывали кости ног второго скелета, ориентированного, как и первый, головой на ЮВ. Костяк лежал скорченно на левом боку. Скорченность ног сильная. Руки, вероятно, были вытянуты с обеих сторон вдоль тела. Под скелетом и на костях отмечена посыпка красной краской, смешанная с землёй.

Погребение 17. Глубина 165 см. Погребение было впускно в насыпь кургана. Могильная яма не прослеживалась. Скелет подростка сохранился очень плохо – отсутствуют череп, таз и мелкие кости. Все кости фрагментированы. Скелет лежал на спине, головой на З, с подогнутыми вверх ногами, которые затем упали вправо. Правая рука слегка согнута, положение левой не восстанавливается. Отмечена незначительная посыпка красной краской. У поясных позвонков слева найден фрагмент створки раковины перловицы.

Погребение 18. Глубина 194 см. Погребение было совершено во впускной в материк подпрямоугольной яме, более

округлой у головы погребённого, размерами 140×50 см, ориентированной по линии ССЗ–ЮЮВ. На дне, посыпанном красной краской, лежал скелет взрослого мужчины (?) головой на ВЮВ. Кости плохой сохранности, частично смещены и частично отсутствуют. Череп фрагментирован, лежал лицевой частью вниз. Скелет густо посыпан охрой. Вероятно, умерший был связан и захоронен в сидячем положении, лицевой частью на З. Затем он опрокинулся на спину и кости сместились. Кости правой руки оказались под правой бедренной костью, кости левой руки расчленены. У локтя согнутой правой руки лежал отщеп серого кремня размером 5,2×3,5×1,3 см. В западном углу ямы отмечен толстый слой охры, на которой и в котором были зафиксированы различные находки: 3 кости ног животного (свиньи?), несколько молочных зубов животного, створки мелких речных ракушек (4 шт. и обломки). Кроме того, здесь найдены 2 не ретушированных отщепов серого кремня плохого качества размером 3,5×1,8×0,4 см и 1×0,9×0,2 см.

Погребение 20. Глубина 127 см. Очертания ямы полностью не прослежены. Погребение сильно потревожено грызунами и частично повреждено при снятии насыпи кургана. От скелета сохранился череп, лежавший на левом виске, лицевой частью на ЮВ. В яме отмечена обильная посыпка красной краской. На посыпке из охры, в 15 см к югу от лицевой части черепа, лежали 17 не ретушированных отщепов из кремня плохого качества с необбитой коркой. Размеры самого крупного кремня 7,8×2,1×0,4 см, самого маленького – 3,2×2,1×0,4 см. На ближайших к черепу отщепах лежала створка раковины перловицы, рядом – несколько кусочков каменного угля. Рядом, горлом к черепу, лежал, частично перекрывая кремнёвые отщепы, раздавленный землёй сосуд. Сосуд небольшой, круглодонный, горло широкое, венчик оформлен защипами и слегка отогнут наружу. Его высота 10,5 см, диаметр горла 11,6 см, максимальный

диаметр 11,5 см, толщина стенки 0,6 см. Поверхность охристого цвета, с тёмными пятнами, хорошо заглажена и местами подлощена. Тесто в изломе тёмно-серое, с обильной примесью толчёной ракушки. Сосуд был заполнен комками алой краски. За ним лежал большой желвак кремня без следов обработки. Размер желвака 12,5×10×4,3 см. Под нижней челюстью находилась подвеска из чёрного минерала округло-трапециевидной формы. В её верхней части имеется отверстие, просверленное с двух сторон (диаметр 0,5 см). Размеры подвески 4,1×2,5×1,6 см, толщина 0,5 см.

Погребение 21. Глубина 165 см. Погребение совершено во впущенной в материк округлой яме размерами 140×95 см, ориентированной по линии 3–В. На дне ямы лежал посыпанный красной краской скелет подростка, ориентированный головой на 3. От него остался лишь череп, раздавленный землёй, и несколько мелких косточек. Вплотную, к северо-востоку от черепа, лежал горлом к нему маленький сосуд с яйцевидным туловом. Горло широкое, выпуклое, резко отогнутое наружу. Венчик сверху украшен короткими косыми отпечатками мелкозубчатого штампа. Горло украшено рядом зигзаговидных вертикальных отпечатков этого штампа. В месте перегиба горла и тулова имеются 2 противоположных отверстия диаметром 0,4 см. Тулово сосуда за исключением нижней части украшено горизонтальными рядами зигзаговидных отпечатков мелкозубчатого штампа. Высота сосуда 7,8 см, диаметр горла 7 см, наибольший диаметр тулова 6,9 см, диаметр в месте перегиба 6,5 см, высота горла 1,3 см, толщина стенки 0,4 см. Поверхность сосуда охристая, тесто в изломе тёмное, с обильной примесью толчёной ракушки. В его заполнении обнаружены зубы (?) и органические остатки.

Погребение 22. Глубина 156 см. Погребение совершено в округлой яме неправильных очертаний, размерами 140×115 см, ориентированной по линии

В–3. Северо-западный угол ямы нарушен камерой катакомбного погребения 19. На дне ямы, на остатках подстилки, лежал скелет взрослого человека плохой сохранности. Череп раздавлен. Многие мелкие кости отсутствуют. Костяк лежал на спине, головой на запад, с вытянутыми вдоль тела руками и подогнутыми вверх ногами, которые затем свалились влево. Отмечена незначительная посыпка красной краской. На рёбрах у левого плеча, острием к тазу погребённого лежало кремнёвое орудие – нож, который мог выполнять и функции проколки, на что указывает ярко выраженное и отлично ретушированное острие. Орудие сделано на высокой, слегка изогнутой пластине темного мелового кремня хорошего качества. По всему рабочему краю имеется отжимная ретушь, а острие обработано отбивной, а затем отжимной ретушью. Размеры ножа 8,4×1,8×0,8 см.

Погребение 24. Глубина 107 см. Погребение было совершено в округлой яме, ориентированной по линии В–3, размером 110×90 см. Яма нарушена в северо-восточной части входным колодцем катакомбного погребения 26. Её дно посыпано красной краской, смешанной с землёй. Скелет подростка лежал на левом боку с умеренно скорченными ногами, головой на 3. Череп лежал на левом виске, лицевой частью на север. Левая рука была вытянута вдоль тела, её кисть находилась под правой бедренной костью. Правая рука согнута, лучевыми костями находилась на локте левой руки. Под нижней челюстью обнаружен не ретушированный отщеп серого кремня размером 3,7×3,0,6 см. Там же найдены 5 колец костяного бисера цилиндрической формы длиной 0,35–0,45 см, диаметром 0,35×0,45 см, диаметр отверстия 0,1 см.

Погребение 28. Основное (?). Глубина 180 см. Погребение совершено в обширной (205×130 см) прямоугольной яме, ориентированной по линии В–3. Дно густо посыпано охрой. Скелет взрослого человека плохой сохранности (отсутству-

ют череп, верхняя часть грудной клетки и мелкие кости) лежал на спине, головой на ВСВ. Левая нога вытянута, правая слегка согнута. Руки были вытянуты вдоль тела, причём левая слегка согнута. Позвоночный столб несколько искривлён, тазовые кости смещены. Кости покрыты охрой.

Погребение 30. Глубина 181 см. Погребение совершено в яме округлой формы размерами 140×100 см, ориентированной по линии 3–В. Северо-восточная часть ямы, где находились кости ног погребённого, уничтожена погребением 31. Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, ориентирован головой на 3 с небольшим отклонением к северу. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута, кистью положена на локоть левой руки. Костяк окрашен красной краской. У его левого плеча лежал маленький нож, сделанный из треугольной в сечении и слегка изогнутой кремнёвой пластины. Её рабочий край обработан отжимной ретушью. В верхней части орудия – скол (или часть рабочей площадки). Кремень серый, не очень хорошего качества. Размеры орудия 5,8×1,6×0,8 см. В засыпке сарматского погребения 31, которое нарушило данное захоронение, найдены фрагменты керамики, видимо, из погребения 30. Среди них 2 черепка с красноватой поверхностью и чёрные в изломе от дна (?) сосуда с поддоном и 6 фрагментов от сосуда с тёмной поверхностью. Эти фрагменты от сосуда с обильным включением толчёных раковин, украшены «жемчужинами» – круглыми вдавлениями.

Стратиграфия погребений

Всего в Койсугском могильнике насчитывается 43 погребения энеолита – ранней бронзы из 6 курганов. В стратиграфических разрезах курганов не удалось установить последовательность совершения погребений. Это связано как с сильными разрушениями насыпей, так и с качественным уровнем полевой археологии конца 1960-х гг. Сказывается и то, что часть «накопленных» в одном месте

погребений была единовременно перекрыта первой насыпью. Впрочем, это несколько противоречит круговой планировке погребений в кургане. Курган 7, по-видимому, состоял из двух слившихся насыпей, которые в дальнейшем были перекрыты одной большой досыпкой.

Имеющиеся стратиграфические наблюдения основываются только на прямом нарушении ранних захоронений при сооружении поздних. Первое соотношение было установлено в кургане 5 (рис. 5–6): одно из самых ранних погребений 27 перекрыто погребением с уступом 18, которое, в свою очередь, прорезало ямное погребение 11. Второй случай: погребение 6 прорезало стенку ямы вытянутого погребения 38. В кургане 6 захоронение 1 расположили ровно над погребением 3 (рис. 7). И вряд ли это случайность – площадь кургана весьма большая, кроме того, для погребений этого времени характерны глубокие ямы в материке, а значит, погребение 1 должно было полностью разрушить более раннее. В кургане 7 ямное погребение 11 прорезало «сидячее» погребение 14. А «сидячее» коллективное погребение 13 прорезало раннее ямное погребение 10. Впрочем, безынвентарное погребение 13 вызывает некоторые сомнения, во-первых, нетипичным для погребений этого времени обрядом, во-вторых, оно весьма похоже на погребение 14 из кургана 3 Радутки, с близким положением костей погребённого, окрашенных охрой, в котором была найдена катакомбная жаровня. В итоге, этот яркий могильник дал весьма ограниченную хронологическую информацию.

Типология погребений

Все приведённые погребения Койсугского могильника можно разделить на 15 типов (рис. 8). Сразу отметим, что типология всех энеолитических погребений региона выходит за рамки настоящей работы, поскольку на материалах Койсугского могильника она представлена не в полном объёме. Погребальный обряд

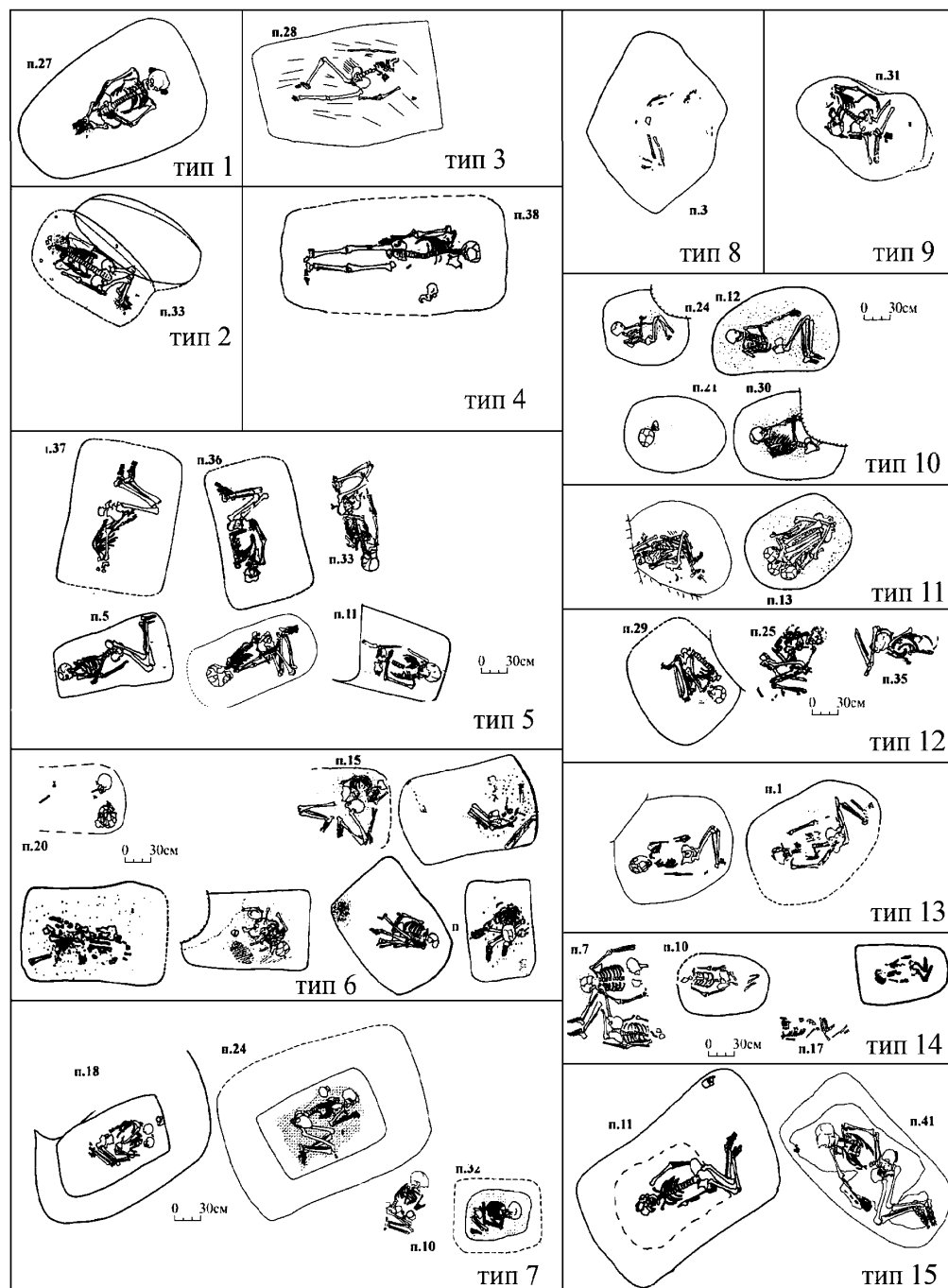

Рис. 8 / Fig. 8. Койсугский курганный могильник. Типы погребений / Koisug Kurgan. Types of burials. Тип 1: к. 5, п. 27. Тип 2: к. 6, п. 3. Тип 3: к. 7, п. 28. Тип 4: к. 5, п. 38. Тип 5: к. 2, п. 5, п. 11; к. 4, п. 4, п. 33; к. 5, п. 36, п. 37; к. 7, п. 10, п. 17. Тип 6: к. 1, п. 8; к. 4, п. 31; к. 5, п. 6, п. 23; к. 7, п. 14, п. 15, п. 18. Тип 7: к. 2, п. 10; к. 5, п. 18, п. 24, п. 29, п. 32. Тип 8: к. 2, п. 3. Тип 9: к. 4, п. 31. Тип 10: к. 7, п. 12, п. 21, п. 24, п. 30. Тип 11: к. 7, п. 13, п. 16. Тип 12: к. 4, п. 25; к. 5, п. 35; к. 7, п. 20. Тип 13: к. 6, п. 1; к. 7, п. 22. Тип 14: к. 7, п. 7, п. 11. Тип 15: к. 4, п. 41; к. 5, п. 11.

здесь очень разнообразен в выборе поз, ориентировок и других деталей. Однако собранные воедино погребения из всех шести раскопанных курганов дают возможность увидеть за этим многообразием явные закономерности.

Обычно типология погребений учитывает 5 групп признаков: 1) комплекс признаков трупоположения; 2) признаки коллективных погребений; 3) признаки погребальных конструкций; 4) погребальный инвентарь; 5) использование подстилок и посыпок. При создании типологической схемы можно было учесть только часть признаков, поскольку плохая сохранность большинства погребений, однообразие погребальных конструкций и безынвентарность не позволяют использовать вышеперечисленные группы признаков в полном объёме. Типология составлена, в основном, с учётом признаков первой группы, а именно: 1) общее положение умершего (на боку или спине, скорченно или вытянуто); 2) положение рук; 3) угол скорченности между голенями, бедрами и позвоночным столбом; 4) ориентировка; 5) положение ног; 6) формы сооружений; 7) наличие заплечиков.

Тип 1 объединяет самые ранние погребения могильника (рис. 8). Они совершены в скорченной позе на спине, с поднятыми коленями, с руками у таза или на паху. Прямо соотносится с погребениями новоданиловского типа.

Тип 2. Погребение 33 из кургана 5 совершено в подбое. Оно единственное в данной группе сопровождалось выразительным инвентарём — ножевидной пластиной без ретуши.

Тип 3. Слабоскорченное погребение на спине. Совершено в прямоугольной яме.

Тип 4 представлен одним вытянутым безынвентарным погребением в подпрямоугольной яме. Южную его стенку нарушило погребение 6 типа.

Тип 5 включает скорченные погребения на боку и с разворотом на спину, ориентированные на ЗЮЗ, ЮЗ, Ю, ВЮВ. Ноги сильно согнуты, руки вдоль кор-

пуса, в двух случаях предплечья левой руки помещены на груди. Погребение 11, ориентированное на ВЮВ, несколько выбивается из этой подборки, а безынвентарность и отсутствие стратиграфии оставляют место для сомнений. Инвентарь в этой группе отсутствует.

Тип 6 состоит из погребений с различными вариантами «сидячих» погребений. Ямы прямоугольной формы, погребённые ориентированы преимущественно в восточный сектор. В отличие от остальных типов, поза погребённого в положении сидя претерпевает со временем сильные изменения и трудна для графического отображения. Часть из них изначально находится в положении «полусидя», часть завалилась на спину. В инвентаре встречены керамика с примесью ракушки, кремнёвые пластины и отщепы, костяные проколки, треугольный наконечник с прямым основанием.

Тип 7 представлен погребениями в заплечиковых ямах, с погребёнными в сильно скорченной позе на левом боку, с руками у лица. Ориентированы на В, СВ и ЮВ. Сопровождающий инвентарь близок новосвободненской культуре.

Тип 8 представлен скорченным погребением на спине, ноги согнуты и завалены влево. Иллюстрирует наличие среди энеолитических погребений традиции трупоположения, характерной для раннего этапа ямной культуры.

Тип 9. Совершено в позе ноги «ромбом», пятки подтянуты под таз. Погребение 31 кургана 4 близко по обряду и позе к типу 6. Мы предполагаем, что оно может быть связано с константиновской культурой.

Тип 10 представлен четырьмя погребениями из кургана 7. Совершены на левом боку с завалом на спину, скорченно, левая рука прямая и отведена от корпуса, правая согнута под прямым углом в локте, кисть на локте левой. Ориентированы на З. В инвентаре встречены керамика с примесью ракушки, кремнёвая пластина, треугольный наконечник с выемкой в основании, бисер.

Тип 11 представлен двумя коллективными погребениями в позе, близкой к сидячей, ориентированы на 3. Инвентарь представлен двумя створками раковин и низками бисера. Представляют собой нечто среднее между типами 3 и 6.

Тип 12 включает скорченные на боку и спине с завалом ног налево. Ноги сильно согнуты, костяки ориентированы на В и СВ. Возможно, представляет собой некую противоположность типу 6. Инвентарь представлен кремнёвыми пластиной и отщепами, сосудом с примесью толчёной раковины, сверлёной каменной подвеской.

Тип 13 объединяет скорченные погребения на спине с завалом ног налево. Ноги сильно согнуты, костяки ориентированы на 3. Представляет собой промежуточный вариант между типами 6 и 10. Инвентарь представлен кремнёвым ножом на пластине.

Тип 14. Погребения совершены скорченно на спине, руки вытянуты и слегка

отведены от корпуса, ладони рук около таза, ноги сильно согнуты, завалены направо. Ориентированы на 3. Инвентарь представлен медной пронизкой из свернутого в трубочку листа металла. Двойное погребение 7 из кургана 7 отнесено сюда достаточно условно, тем более, что положение южного костяка не имеет аналогов на памятнике.

Тип 15 представлен двумя безынвентарными погребениями в скорченной на спине позе, ноги уложены вправо, ориентированы на ЮЗ и СЗ. Относятся к позднему этапу ямной культуры.

Инвентарь погребений

Ввиду малочисленности инвентаря его характеристика может быть дана только обобщённо для всех выделенных типов погребений. Керамика делится на три основных группы (рис. 9): с конусовидным туловом, с округлым (шаровидным) туловом и керамика погребений типа Радут-

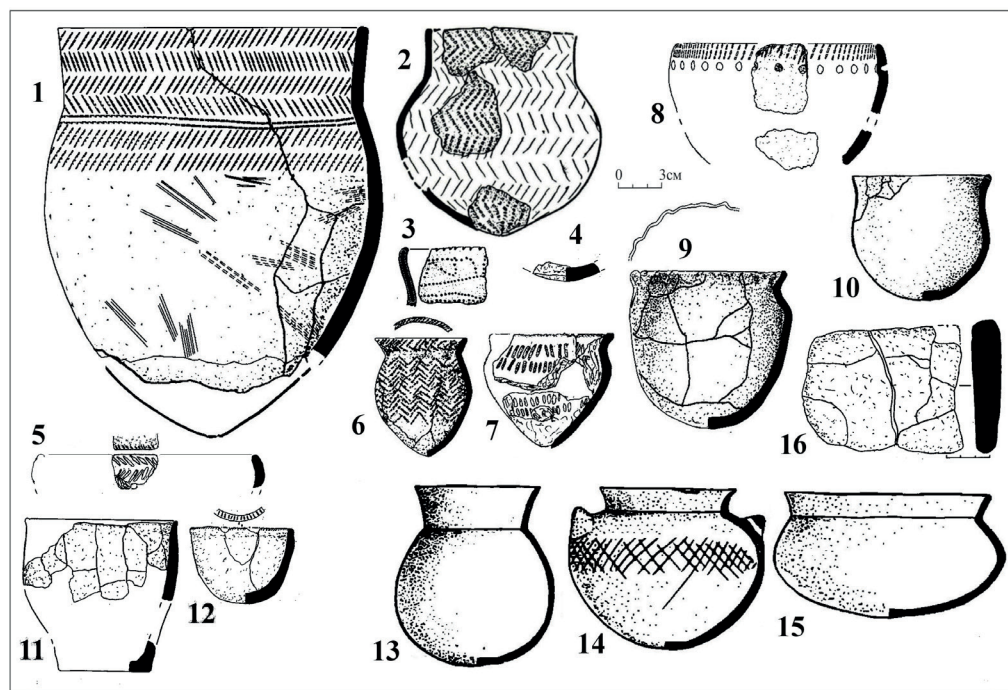

Рис. 9 / Fig. 9. Койсугский курганный могильник / Koisug Kurgan. Ceramics. Керамика. 1-3 – к. 1, насыпь; 4 – к. 4, насыпь; 5 – к. 3, сборы; 6 – к. 7, п. 21; 7 – к. 5, п. 23; 8 – к. 7, п. 30; 9 – к. 7, п. 20; 10 – к. 7, п. 14; 11 – к. 2, п. 10; 12 – к. 4, п. 25; 13 – к. 5, п. 24; 14-15 – к. 5, п. 18; 16 – к. 5, п. 11.

ки. Последняя будет охарактеризована в рамках отдельной работы. Керамика с конусовидным туловом происходит из погребений типов 3 и 6. Орнаментированы данные сосуды ёлочным орнаментом из оттисков зубчатого штампа. Эту группу можно разделить на два типа.

Тип А. Высокошейные горшки открытого и закрытого типа с отогнутым венчиком и яйцевидным туловом и слегка приострѐнным дном. Низких и средних пропорций.

Тип Б. Высокошейные горшки со слегка раструбным горлом и яйцевидным туловом и слегка приострѐнным дном. Высоких пропорций.

Вторая группа найдена в погребениях тех же типов 3 и 6, а также типа 9. Эти сосуды либо не имеют орнамента, либо орнамент представлен зубчатым штампом и вдавленными жемчужинами. Их также можно разделить на два типа.

Тип В. Бесшейные горшки (в том числе глубокие чаши) закрытого типа низких пропорций.

Тип Г. Короткошейные горшки с резко отогнутым венчиком и яйцевидным или шаровидным туловом.

Обобщѐнно основные признаки керамики погребений Койсугского могильника можно описать следующим образом: невысокое раструбное горло, высокие округлые плечи, шаровидная или конусовидная форма тулова, круглое или маленькое плоское дно. Представленные типы встречаются в одних и тех же типах погребений, а значит сосуществовали. В то же время на материалах других памятников очевидна тенденция в эволюции керамики: у более ранних керамических комплексов конусовидная форма тулова и сильно отогнутый венчик. Позже происходит переход к шаровидному тулову. На самом позднем этапе форма тулова приближается к яйцевидной, а венчик отогнут слабо. Для всех этапов характерна орнаментация по краю венчика насечками зубчатого штампа. Сам орнамент проходит эволюцию от псевдошнурово-

го на раннем этапе до орнамента в виде ёлочки и зигзагов из оттисков зубчатого штампа или «личинки».

Перейдѐм к другим категориям инвентаря. В погребении 14 кургана 7 найден предмет, условно квалифицированный как «алтарик» (рис. 7). Он был вылеплен из глины, смешанной с ярко-красной краской, и обмазан чистой охрой. Форма алтарика восстанавливалась как округло-прямоугольная, с широкими бортиками по краю. Эта находка пока не имеет аналогов в материалах региона. В нижнем слое Михайловского поселения на Днепре известны находки курильниц. Данный предмет может иметь то же предназначение.

В указанном погребении найдена крупная раковина перловицы. Более мелкие створки перловицы найдены в погребениях 16, 17 и 18, а также в погребении 39 кургана 5. В погребении 15 кургана 7 и в погребении 23 кургана 5 найдены костяные проколки, изготовленные из длинных фрагментов расколотых трубчатых костей.

В погребении 20 кургана 7 найдена подвеска из чёрного минерала, округло-трапециевидной (близкой к каплевидной) формы, длиной 41 мм. В тонкой части подвески имеется отверстие, просверленное с двух сторон.

В погребениях 12, 13 и 24 кургана 7 найден однотипный бисер, общим числом 39 штук. Диаметры колеблются в пределах 3,5–4,5 мм, длины 0,2–0,45 мм, диаметры отверстий 1–1,5 мм. Во всех случаях бисер найден у лица погребѐнных.

В 15 из 43 погребений найдены кремнёвые предметы. В погребении 23 кургана 5 найдена «горсть» из 106 мелких отщепов. По-видимому, кремнь играл важную роль в обряде типов 3, 6 и 9.

В погребении 33 кургана 5, в области грудной клетки, найдена крупная кремнёвая пластина, длиной 12 см (рис. 6). Пластина четырёхгранная, кремнь серый, матовый, с белыми включениями. Дистальный конец обломан, лезвие не имеет ретуши и следов употребления.

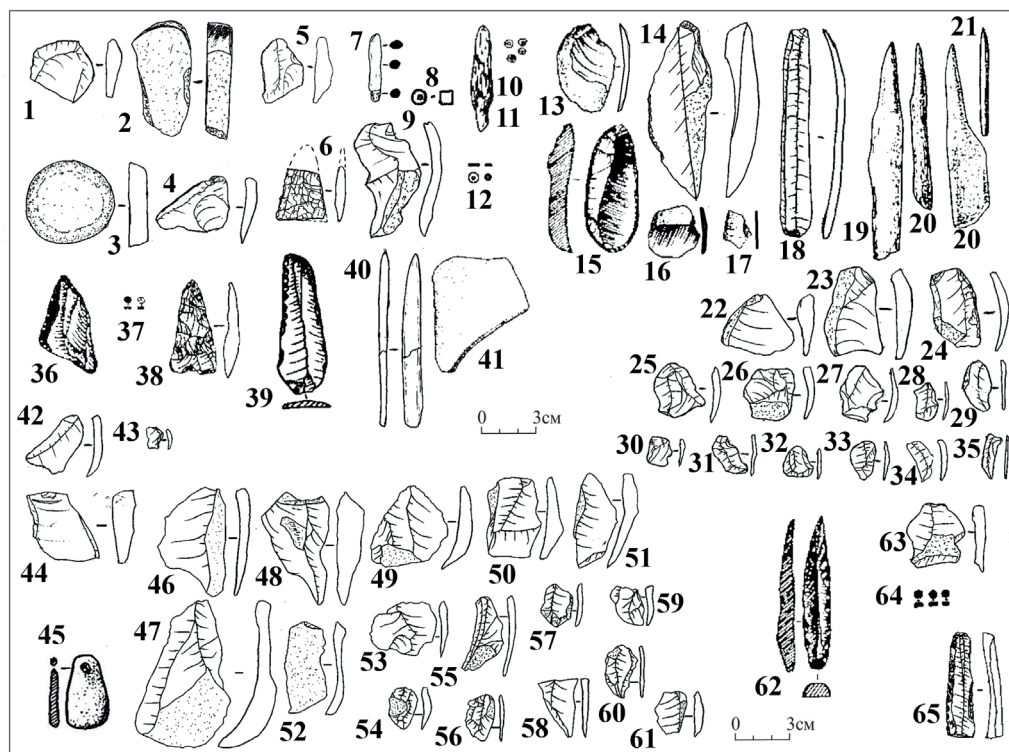

Рис. 10 / Fig. 10. Койсугский курганный могильник. Каменный и костяной инвентарь / Koisug Kurgan. Stone and bone inventory.

1 – к. 2, п. 7; 2 – к. 2, п. 11; 3-4 – к. 2, п. 10. 5 – к. 4, насыпь. 6 – к. 5, п. 6; 7 – к. 5, п. 11; 8-9 – к. 5, п. 18; 10-11 – к. 5, п. 24; 12 – к. 5, п. 32; 13-17 – к. 5, п. 35; 18 – к. 5, п. 33; 19-35 – к. 5, п. 23. 36-38 – к. 7, п. 12; 39 – к. 7, п. 14; 40-41 – к. 7, п. 15; 42-44 – к. 7, п. 18; 45-61 – к. 7, п. 20; 62 – к. 7, п. 22; 63-64 – к. 7, п. 24; 65 – к. 7, п. 30. 1 – к. 2, б. 7; 2 – к. 2, б. 11; 3-4 – к. 2, б. 10. 5 – к. 4, embarkment. 6 – к. 5, б. 6; 7 – к. 5, б. 11; 8-9 – к. 5, б. 18; 10-11 – к. 5, б. 24; 12 – к. 5, б. 32; 13-17 – к. 5, б. 35; 18 – к. 5, б. 33; 19-35 – к. 5, б. 23. 36-38 – к. 7, б. 12; 39 – к. 7, п. 14; 40-41 – к. 7, п. 15; 42-44 – к. 7, п. 18; 45-61 – к. 7, п. 20; 62 – к. 7, п. 22; 63-64 – к. 7, п. 24; 65 – к. 7, п. 30.

Погребальный обряд и размер пластины позволяет относить этот комплекс к погребениям новоданиловского типа. Конструкция этого погребения уникальна для региона, однако иные энеолитические погребения в подбоях и катакомбах известны здесь в количестве 5 штук.

Короткие пластины (до 8 см) найдены в погребениях 35 кургана 5 и в погребениях 14, 22, 30 кургана 7. Пластины находились у левого плеча или на кисти правой руки. Все пластины обработаны крутой ретушью, а проксимальный конец во всех случаях необработан. В погребении 35 найден крупный необработанный пластинчатый отщеп с желвачной коркой.

В погребении 6 кургана 5 и погребении 12 кургана 7 найдены кремнёвые наконечники стрел. Оба полностью ретушированы с двух сторон, выполнены в виде равнобедренного треугольника длинных пропорций, основание прямое или слегка вогнутое. Судя по другим находкам на Левобережье, такая форма наконечников является основной, но не единственной, для населения, оставившего Койсугский могильник и подобные ему памятники.

Койсугский тип погребений

Основой хронологической схемы стали хорошо стратифицированные курганы Левобережья. Для иллюстрации мы при-

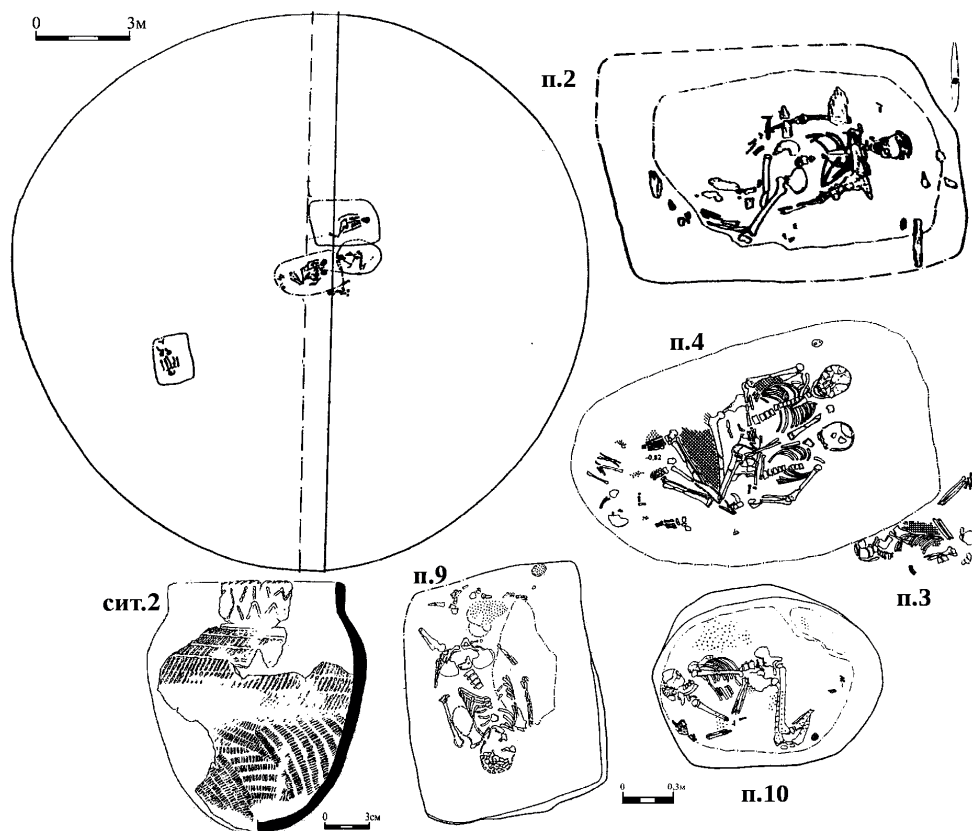

Рис. 11 / Fig. 11. Курганный могильник «Новопалестинский II», план к. 3, п. 2, п. 3, п. 4, п. 9, п. 10, сит. 2 / Novopalestinsky II burial mound.

водим лишь один из них, со схожим с койсугским набором погребений из могильника «Новопалестинский II» (рис. 11). Здесь, в кургане 3, самым ранним являлось погребение 10. Оно перекрыто погребением 4, которое прорезало погребение 3. Таким образом, хронологическое соотношение погребений 3 и 10 устанавливается на основе того, что автор раскопок считает погребение 10 основным. По стратиграфии центральной бровки самым поздним является погребение 2. Относительная стратиграфия для впускного погребения 9 не установлена.

Сопоставление данной стратиграфической колонки с типологической схемой Койсугского могильника даёт основания для определения относительной хронологии каждого из выделенных типов. Ис-

ходя из указанных данных стратиграфии, которая дополнительно подтверждается данными самого Койсугского могильника, можно реконструировать последовательность совершения каждого типа погребений. Погребение 10 из Новопалестинского II относится к типу 5, погребение 3 к типу 10, погребение 4 к типу 12, погребение 2 к типу 14. Обобщая имеющиеся данные относительной хронологии, можно реконструировать последовательность бытования каждого из типов поз погребённых. К сожалению, данные радиоуглеродного датирования по данному типу памятников полностью отсутствуют.

Хронологически первым является тип 1, по обряду он относится к новоданиловскому типу погребений. Следующими совершались погребения 2-3 типов.

Вероятно, к этому же хронологическому промежутку относятся вытянутые погребения (тип 4). Следующими совершались погребения типов 5 и 10. Затем, по имеющейся стратиграфической информации, совершались погребения в сидячей позе (типы 6 и 12). В более позднее время погребения совершались по обряду типов 7, 12, 13 и 14, а хронологическое соотношение между ними остаётся неясным. Последними из представленной выборки совершались погребения по обряду позднего этапа ямной культуры (тип 15). Представленная реконструкция не имеет противоречий со стратиграфией всех прочих курганов Левобережья.

Серии погребений из Койсугского могильника и Новопалестинского II повторяются в курганах могильников Тузлуки, Радутка, Кулешовка, Кулешовка-Дачи, Семенкин, Ясырев I, Колдыри, Москва I, Каменный II, Новый и др. Частично эти соотношения были сведены в таблицу и опубликованы [3, с. 490]. Эти повторяющиеся серии погребений распространены на довольно широкой территории Левобережья Дона, охватывая бассейны рек Сал, Западный Маныч, Егорлык, Средний Егорлык, Кагальник, а также небольшую часть Правобережья, вдоль долины р. Дон. Имея прямое сходство с комплексом погребений Койсугского могильника, они существенно дополняют представленные в нём типы. Это позволяет утверждать, что выделенные типы 2, 3, 6, 7, 8 составляют единый комплекс, который предлагается именовать «койсугским типом погребений». Вопрос об отнесении остальных доямных (т. е. помимо типа 11) типов к этому комплексу должен быть решён на большем объёме материала. Для объединения столь разных погребений в единую структуру есть довольно много аргументов.

1. Все доямные погребения Левобережья Дона укладываются в единую схему эволюции погребального обряда и проявляют очевидное единство. Погребения типов 2–4 и 6–9 бывают впускными только к новоданиловским или вытянутым.

2. Приведённый выше анализ показал, что они делятся на несколько типов труположения и всегда встречаются совместно. Не известно ни одного случая, когда в одном кургане были бы представлены несколько погребений только одного типа.

3. Последовательность использования этих типов труположения тоже всегда совпадает. Т.е. все они совершены в рамках единой погребальной традиции.

4. В трёх случаях погребения койсугского типа сопровождалось двумя сосудами, причём они относятся к разным обрядово-стратиграфическим группам. Важная особенность: во всех трёх случаях сосуды представляют собой однотипный набор со схожей морфологией. Представляется, что эти комплексы иллюстрируют развитие особой культурной традиции, присущей койсугскому типу погребений.

5. Памятники такого типа расположены довольно компактно, с юга ограничены памятниками степной майкопской культуры, с востока и севера памятники койсугского типа нам неизвестны. Также они неизвестны в Северном Приазовье и на Донбассе.

6. Наличие множества переходных форм между практически всеми типами труположения.

7. Единство преимущественно пластинчатой техники обработки кремня на всех этапах существования данного типа погребений. Общими являются и формы наконечников стрел. Ярким выражением этой традиции стали коллекции местонахождения Заливное и поселения Батай I. Характерна невысокая инвентарность – 14–38%, считая даже единичные кремнёвые отщепы.

Под термином «койсугский тип погребений» мы понимаем курганные и грунтовые энеолитические погребения, совершавшиеся в семи основных последовательно сменявшихся позах, но составляющие единые погребальные комплексы и объединённые общими при-

знаками материальной культуры. Близкий термин ранее употреблял А. Н. Гей [1, с. 208]. Однако нам представляется, что будет правильным вслед за В. Я. Кияшко и В. Е. Максименко называть эту серию погребений типом Радутка, а койсугским типом называть представленную в настоящей статье яркую серию энеолитических погребений в простых ямах.

Заключение

Таким образом, все известные погребальные памятники энеолита Левобережья Нижнего Дона укладываются в построенную нами схему эволюции койсугского типа погребений. Но есть некоторые оговорки. Во-первых, культурный статус и соотношение с койсугским типом новоданиловских погребений и типа Радутки остаётся неясным. Впрочем, есть основания предполагать, что со временем может быть обосновано их включение в койсугский тип в качестве «надкультурного явления», т.е. элемента практически всех культур энеолита степи. Вопрос о включении в состав выделенного нами койсугского типа погребений вытянутых

и слабоскорченных остаётся открытым. Приведённая схема не распространяется на низовья р. Сал, где совершенно достоверно фиксируются памятники константиновской культуры.

Представленная в настоящей работе типологическая схема не исчерпывает многообразия погребального обряда энеолита и начала раннего бронзового века Левобережья Дона, но даже представленных материалов достаточно, чтобы оценить, насколько изменчивыми в это время были детали ритуала захоронения. Противоположность этому явлению составляют раннеямные погребения, сменившие койсугские. Они достаточно стандартны и укладываются в 3 типа. В более позднее время они сменяются одним типом, которые мы знаем как «городцовская ямная культура» (рис. 8, тип 11). Таким образом, можно заключить, что формирование ямной культуры – это не только стандартизация погребального обряда, но и резкое снижение скорости его изменения.

Статья поступила в редакцию 11.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад: Институт археологии, 2000. 223 с.
2. Гудименко И. В., Файферт А. В. Погребения эпохи энеолита – ранней бронзы грунтового могильника «Дюнное I» // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 246. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. С.251–260.
3. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) / составитель А. В. Файферт. Ростов-на-Дону, 2014. 500 с.
4. Максименко В. Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // Советская археология. 1973. № 1. С. 249–253.
5. Файферт А. В. О культурно-хронологической принадлежности Ивановбургского могильника эпохи бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи: Материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18–20 декабря 2015 года. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. С. 157–160.
6. Яценко В. С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. Ростов-на-Дону, 2015. 256 с.

REFERENCES

1. Gey A. N. *Novotitorovskaya kul'tura* [Novotitorovskaya Culture]. Moscow, Stary sad, Institute of archeology Publ., 2000. 223 p.
2. Gudimenko I. V., Faifert A. V. [Burials of the Eneolithic- early bronze age of the Dunnoye I burial ground]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of archeology], iss. 246. Moscow, Publishing House YASK, Languages of Slavic culture Publ., 2017. pp. 251–260.

3. Faifert A. V. compiler. *Kurgannye pogrebeniya rannego bronzovogo veka (svod arkhеologicheskikh istochnikov)* [Burial Mounds of the early Bronze Age in the Lower Don region (set of archaeological sources)]. Rostov-on-Don, 2014. 490 p.
4. Maksimenko V. E. [New materials on the early bronze age on the Lower Don]. In: *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet archaeology], 1973, no. 1, pp. 249–253.
5. Faifert A. V. [The cultural and chronological reference of the Ivanobugorsky burial ground of the bronze age]. In: *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi: Materialy II Mezhdunarodnoy konferentsii. Voronezh, 18–20 dekabrya 2015 goda* [Archaeology of the Eastern European forest-steppe: Proceedings of the II-th International scientific conference. Voronezh, December 18–20, 2015]. Voronezh, Voronezh state pedagogical University Publ., 2016, pp. 157–160.
6. Yatsenko V. S. *Pamyatniki eneolita i rannego bronzovogo veka mezhdurechya Dona, Manycha i Ei* [Monuments of the Eneolithic and early Bronze Age between the rivers Don, Manych and Yeï]. Rostov-on-Don, 2015. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Файферт Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий археолог Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие»;
e-mail: faifert86@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly V. Faifert – Cand. Sci. (History), leading archaeologist at State autonomous cultural institution of Rostov region «Don heritage»;
e-mail: faifert86@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Файферт А. В. Койсугский курганный могильник. Погребения койсугского типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 28–55.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-28-55

FOR CITATION

Faifert A. V. The Koisug Kurgan. Burials of the Koisug type. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 28–55.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-28-55

УДК 904.7.031.1(1-924,57)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-56-63

COPPER AGE–BRONZE AGE TRANSFORMATION AND EVOLUTION OF THE EARLY BRONZE COMMUNITIES (IV–III MILLENNIUM CAL. BCE)

L. Nikolova*Karlovo Academy, 3 Pazarna St., Karlovo 4300, Bulgaria**& Open Global Research Academy, Salt Lake City, Utah, USA*

Abstract

Aim. To elaborate on the existing theoretical models describing cultural processes in the Balkans during the 4th and 3rd millennia cal. BCE from the perspective of the archaeology of pre-historic societies.

Methodology. The research was conducted using the methods of synthesis and comparative analysis, as well as interpretation of well-known and novel archaeological records.

Results. An evolutionary model was developed to describe two types of communities in the Balkans, including traditional and interactive communities.

Research implications. The research results contribute to the theory of evolution of culture in Prehistory, thereby elucidating our understanding of cultural processes in the Balkans during the 4th and 3rd millennia cal. BCE.

Keywords: Balkans, Copper Age, Early Bronze age, archaeology of pre-historic societies, traditional communities, interactive communities

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СООБЩЕСТВ РАННЕБРОНЗОВОГО ВЕКА ОТ ЭНЕОЛИТА К БРОНЗОВОМУ ВЕКУ (IV–III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ)

Николова Л.*Академия в Карлово, 4300, Карлово, ул. Пазарна, д. 3, Болгария**Открытая глобальная исследовательская Академия, Солт Лейк Сити, Юта, США*

Аннотация

Цель. Расширить теоретические модели культурных процессов на Балканах в IV и III тысячелетиях до н.э. с точки зрения археологии древних обществ.

Процедура и методы. В исследованиях использованы синтез, сравнительный анализ и интерпретация традиционных и новых археологических данных.

Результаты. Разработана эволюционная модель, основанная на двух типах обществ на Балканах: традиционного и интерактивного.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования способствуют дальнейшему развитию теории эволюции культуры первобытных обществ и обеспечивают более глубокое понимание культурных процессов на Балканах в период IV и III тысячелетий до н.э.

Ключевые слова: Балканы, медный век, ранний бронзовый век, археология древних обществ, традиционные общества, интерактивные общества

Introduction

Materiality of Prehistory is the primary and most important source for understanding the longest period of human history. It has different dimensions, including material cul-

ture reproduced by people as well as biological culture (plant, animal, and human remains) supplemented by the prehistoric geographical culture. Beyond the prehistoric material database, other sources exist for which genealogical roots go deep into prehistory—most importantly, historical linguistics.

Setting

The biggest problem related to prehistoric materiality is that evolution is under the pressure of time, and we need a considerable cultural material change to be able to recognize its historical dimension. This specific example of the historical record very easily opens the door to different migration theories. In particular, it prompts consideration of the theories of the Indo-European population's migration from east to west (the Aryan theory), from west to east (the Steppe theory), and from southeast to northwest (the Neolithic theory). None of them is without considerable gaps, however, and all of them are based on selective records and limited methodology [2].

From the perspectives of the Balkans, it appears that the problem of Copper Age–Bronze Age transformation in earlier 4th millennium cal. BCE in this region is a subject of debate in both past and modern historiography. However, in most of the cases, the debate was/is not about the records and their interpretation, but about how bigger theories have been applied to this chronological span and the documented cultures. Deductive reasoning dominates, including the most recent genetic replication of some of the archaeological models, in particular that of M. Gimbutas, although the latter was buried by the archaeological critical theory of the 20th century. The main gap in all migration models that propose invasions from the presumably proto-Indo-European region to the north of the Black Sea in westerly and southwesterly directions is the inability to incorporate the diversity of the records into a complex model replaced by the flattened population change model, which is easy to build but difficult to defend.

My task in this work is difficult: following the main directions of my research over the last several decades, I will model a Copper Age–Bronze Age change as *a transformation from one type of community into another type of community*. The meaning of this transformation comes from communities with a traditional pattern of reproduction changing into interactive communities in which the tradition functioned as an interactive mechanism of development showing cohesion between closer and more distant neighbors. That means *the interaction itself becomes a pattern of tradition*.

The earlier 21st century is more beneficial when researching later prehistoric material evidence from Eastern and Southeastern Europe. Embracing the democracy ushered in after 1989, the devastating practice of excavation over large areas with rough methodology has been gradually abandoned, and the main new data come from rescue excavations undertaken at different scales. Despite some exceptions, Prehistory is no longer a subject of political interest or a career path for people with specific political affiliations, and this creates a more academic environment for research and interpretation of the data. Beyond local archaeologists, international teams have been working to improve the quality of the research and to make Balkan prehistoric records a reliable source for interpretation based on the grounded theory. Different collections of research results also attempt to develop the understanding of the cultural processes using diverse methodologies (e.g. [27; 11; 22; 3]). The genetic data were also included in the research, with still very problematic conclusions (see [15] and ref. cited there).

The goal of this work is to develop an argument about the genesis and evolution of the interactive communities in the Balkans during the Bronze Age (abt. mid 4th–3rd millennium cal BCE). The general chronological frames follow Nikolova 1999, including the following stages:

Stage 1. Early Bronze I: abt. ?3600/3500–abt. 3000 BCE

Stage 2. Early Bronze II: abt. 3000–abt. 2500/2400 cal BCE

Stage 3. Early Bronze III: abt. 2500/2400–abt. 2000 cal BCE

Genesis and evolution of the Early Bronze communities in the Balkans

Early Bronze I

One of the most important directions of development of the hypothesis of interactive communities is the interpretation of the archaeological evidence from the Balkans and Anatolia [13]. Specific pottery shapes even connect the Balkans with Kuruzay. That, along with later 20th-century outlines [12] and some results from newer excavations, shows the genesis of the Early Bronze Age in the Balkans was a result of cultural interactions of communities, the origin of which was in different homelands – the Balkans, Anatolia / North Aegean, Central Europe and Northwest / North Black Sea.

The first component of Early Bronze communities included descendants of the Final Copper communities of Cernavoda I, Sălcuța IV-Telish IV, Yagodina, and similar communities of this period. For possible climatic and economic reasons, the population during the Final Copper Age in the Balkans gradually decreased. The general transformation from an agricultural toward a stockbreeding-based economy transformed the reproduction pattern into smaller families with demographic consequences. Among the recent findings is the site of Bezhanovo in Central Bulgaria from earlier 4th millennium cal. BCE [28]. The pottery of this site clearly shows the gradual devolution of the Krivodol-Sălcuța-Bubanj ceramic style and elements of Sălcuța IV without Scheibenhel components.

At the beginning of the Early Bronze Age, the second very important tendency was the population's interaction with Anatolia, along with the possible small-scale migrations from Anatolia to the Balkans. The biggest argument for such a hypothesis is Yunatsite tell, where urn baby burials were

very popular—in the earlier Bronze Age levels, in particular. Although Ezero is close to Anatolia, such burials are not specific to the tell. Since the material culture of Sitagroi IV has an analogy in Yunatsite I culture from the Western Upper Thrace (Dubene-Sarovka IIA), we believe part of the population in Thrace came from the North Aegean, possibly rooted in northwest Anatolia. Very important new discoveries from Katarraktes cave [23] add new characteristics to the Early Bronze in the Southern Balkans – the life in the caves of the stockbreeders which was typical of the Final Bronze Age in the Balkans, continued to characterize the style of life of Balkan population marking the continuity between the Final Copper and Early Bronze. The archaic features of the pottery of phase B include distant analogies even in Cernavoda I [23] and provide excellent evidence of the role of the interactions for the formations of the Early Bronze Age communities.

The very strong integration of the Lower Danube-Middle Danube communities has an expression in the Cernavoda III-Boleraz horizon. These interactions, evidenced most strongly in the similarity of pottery, can be explained by economic exchange and the free movement of people. This includes intermarriages and inner migrations of households mainly in the direction from west to east, since the Lower Danube was obviously considerably depopulated during the Final Copper Age. The hallmark of the Cernavoda III-Boleraz ceramic style – the elder ornament – originated in the Middle Danube, and it did not penetrate Thrace. This allows us to think about some ethnographic functions of the motif and the purposeful differentiation of the Thracian communities.

Last but not least, the penetration of the Pit Grave Culture from the northwest Black Sea toward the Lower Danube basin took place during the later Early Bronze I, with some traces also in northern Eastern Thrace. The material culture, and especially the gradual increase of the EBA I settlements in the Balkans (with the exception of Dobrudzha), clearly show PGC was a small population

component of the Balkan interactive communities during EBA I. Obviously, they occupied the steppe region of the eastern Lower Danube and easily became part of the Balkan multicultural interactive population. At the same time, new data and the use of the traditional typological contemporary approach (see e.g., [4] and cited lit.) clearly demonstrates that archaeologists are still far away from proposing models based on the grounded theory, and that we need innovations both in the methodology of excavations and in the interpretation of the archaeological evidence to promote more detailed pictures of the cultural processes related to the steppe-origin population presence in the Balkans.

Early Bronze Age I occupation on tells like Ezero (the earliest EB horizons) and Yunatsite (the earliest EB horizons) together with Dubene-Sarovka IIA covers only the later part of the period. The team of Drama believes that the Early Bronze I site resembles Cernavoda III culture. None of them can be dated to the very beginning of Early Bronze in Thrace. Accordingly, despite of the visible progress of filling with archaeological evidence the 4th millennium cal BCE, there are many chronological gaps at micro- and mezoregional levels.

Also, it is difficult to distinguish a specific chronological horizon of EB I tumuli and graves of PGC in the Balkans if we follow the grounded theory. For the time being, the problem is more theoretical – whether the migration was a gradual process during EB I and EB II, or the EB II buried population were descendants of EB I immigrants.

The archaeological characteristics of PGC in the Balkans and its chronological and cultural interrelations with the other Balkan cultures do not recognize the barriers of this culture as invaders or “mass migration” (e.g. [18; 17; 1; 7; 21]). PGC communities were pastoral immigrants who either were able to develop social systems of interacted households, or integrated with the local sedentary and semi-sedentary communities.

Early Bronze II

This was the period when the Balkan Early Bronze Age cultures flourished. The economic infrastructure was based on agriculture, stockbreeding, bronze metallurgy, and internal and external trade. It is very interesting to hypothesize how the interactive communities understood trade and how it functioned during the Early Bronze II, since trade was the main contributor to the prosperity of the communities.

One of the components of the hypothesis is the fact that different communities kept pottery as an ethnographic indicator of their cultural and possibly ethnical identity. Despite similar techniques of decoration and general similarities in the ceramic styles, the Balkan communities lived in their own ethnographic regions, determined by specific ceramic styles – Ezero and Yunatsite in Upper Thrace, Ezerovo II and Sozopol on the western Black Sea shore, SitagroiVa-Dikili Tash IIIB in the Northern Aegean, Pernik in Southwest Bulgaria, Coțofeni II-III in the western Lower Danube basin, Kostolac in the western Lower Danube, Vičedol in the southern Lower Danube, etc. Pit Grave Culture continued to occupy Dobrudzha and northern Central Bulgaria (Goran-Slatina), but the data do not show that Early Bronze II was a period of massive invasion. In contrast, it is very likely that the households of Pit Grave Culture in the eastern Lower Danube followed the social structure of the other Balkan ethnographic regions, and the absence of opportunities for free movement made them resistant to accepting big new groups of Pit Grave Culture from the Northwest Black Sea. Respectively, many PGC graves and tumuli in Coțofeni culture from the Early Bronze II could be a result of inner movements in the Balkans, including intermarriages. This is also the period of vast expansion of Coțofeni ceramic style in Eastern Serbia [24; 8].

Regional sustainability and prosperity resulted in the increase in both the population and the individual wealth of the households. Gold earrings and hair ornaments had be-

come standard expressions of prosperity, not a reflection of a specific high social status [5]. They show the role of gathering of placer gold, although the main exchange was of bronze implements and weapons. During the earlier 3rd millennium, the Balkans developed as a region and became an integral part of the Anatolian-Aegean-Balkan cultural system, as seen in the evidence of the trade of bronze implements/weapons. Meanwhile, the society evolved into a system of interactive chiefdoms, the sustainability of which was due to the general prosperity of the communities.

Among the most important bronze finds during Early Bronze II, which continued to be produced in Early Bronze III, as well, were the flange axes. They were distributed on both sides – to the north of the Danube basin [20] and to the south of the Danube [12]. Of special interest is the flange axe from Dubene-Sarovka, which was made of lead bronze and shows interactions of technology between two sizable regions: while lead bronze was characteristic of the Aegean, the shape was typical of Central Europe. Also, the encrusted pottery with typical zigzag ornament was very popular at Dubene-Sarovka IIB, connects Western Thrace with Sitagroi Va and even with Thasos. The techniques and ornamentation on the bowl from Limenaria ([9]: Fig. 25) is identical with the ceramic style of Dubene-Sarovka IIB.

In the context of the general picture of the Early Bronze II, the discovered gold jewelry from Dubene-Balinov Gorun [16] was not an exception for the Balkans, but a sign of the equally developed processes of accumulation of wealth in Anatolia, the Aegean, and the Balkans. Another such sign is the Rupite cemetery in Southwest Bulgaria [10].

This is the general difference between the traditional societies of the Late Copper Age and the interactive societies of the Early Bronze II – the most representative wealth was reserved during the Later Copper Age for single leaders as an expression of high social-religious status (Varna gold cemetery). During Early Bronze II, representative wealth was a marker of the prosperity of the interactive

communities, without being dependent on the political-religious hierarchical structure.

Early Bronze Age III

It seems that, during Early Bronze III, the economic center of the Balkans moved into the Carpathians. Guluvovo shows that Upper Thrace continued contacts with Anatolia, but gradually, the lifestyle was transformed into one in which stockbreeding societies dominated, with possible central places.

A prototype of such a structure may be Dubene-Sarovka. Although without visible hiatus on the site, the thickness of the cultural layer is inconsiderable in comparison to the Yunatsite tell. This could be a result of the lower intensity of life and of the fact that that part of the community was made up of stockbreeders who lived in the Stara Planina Mountains most of the time. Since there was production of bronze implements and weapons at Dubene-Sarovka, the gold jewelry in the style of Anatolian Troy jewelry could be a result of exchange or of traveling jewelers. Unfortunately, the nature of the Balinov Gorun site has remained unclear despite the lengthy excavations. The opportunity for numerous hypotheses – from the destroyed shallow cemetery to a place where the jewelry was hidden with the hope that it would be found after seasonal stockbreeder migration that never happened, makes it impossible to build reasonable, solid, historical hypotheses. No analysis of the gold is provided that would show whether the gold was of local origin. For the time being, it is just a sign of prosperity of the Yunatsite culture community during Early Bronze II-III, and it remains the largest Early Bronze gold jewelry finding in the Balkans.

Some signs of tensions between Thracian communities are well documented through pottery. In the Yunatsite culture during Early Bronze III, pointed-bottom cups were very popular. They were found only as an exception in the Ezero culture. Obviously, the communities of the Ezero culture did not accept the fashion of drinking alcohol that was common among Yunatsite males, despite the genuine attractiveness of the cups and the

existing strong interactions documented in numerous other similarities in the pottery and in the metal and stone industries. At the same time, the Thracian communities did not accept the drinking habits of the Aegean and Anatolian communities. It seems there was a regional dignity in the communities – a strong expression of the oppositional we-they, but only at the ethnographic level of feasts, songs, and folk rituals. Gradually, and for a complexity of reasons, the economic strategies of the mobile and semi-mobile stockbreeding styles of life won out in Thrace, much like in the Final Copper Age.

The life to the north of the Danube in the Balkans continued with strong integrations with the Middle Danube basin (to the west), and with the northwest Black Sea (to the east). The Carpathian communities interacted with the North, as well.

Considerations and conclusion

No records exist that can replace the material culture as the base of understanding the later prehistory of the Balkans. The Early Bronze Age Balkan material culture shows interactive communities with specific ethnographic characteristics. The formation of the sustainable Early Bronze economic and cultural system in the Balkans was built first by a multicultural society during Early Bronze I. This was a period of integration of communities, the origin of which was in the Balkan Final Copper Age, but also in Anatolia, the Middle Danube, and the Northwest Black Sea. The material culture during Early Bronze I-II is the strongest voice against any one-directional invasion hypothesis and any attempt to use archaeological data to explain the Indo-

European language distribution. Most likely, the interactive theory is the most reasonable model for resolving this linguistic problem, since the early I.-E. languages had similar structures, but also considerable differences. That means that, over vast territories, the Early Bronze Age was a period of unification of the cultural systems to serve more effective interactions that assisted the strategies of sustainable and secured communities. Development of an interactive language was a sort of law embraced by the elites, for whom close and distant trade and social-political communication were the bases of prosperity.

The later 20th- and early 21st-century discoveries including the Sarovka and BalinovGorun sites at Dubene in western Upper Thrace show that, during the Early Bronze Age in the Balkans, prosperous communities lived and had the opportunity to accumulate and express their wealth. Wealth became a standard of sustainable interactive communities, for whom trade, especially with metal, was extremely important. The metal industry developed on numerous sites, and the mining of copper was one of the integrative factors, along with placer gold. It is still unclear how important Ada gold mining was for Prehistory. It seems, however, that the Carpathians gradually developed as the leading mining copper source, and the later Early Bronze societies continued to flourish in this region. Meanwhile, south of the Balkans, the presumed process is a community transformation toward stockbreeding as characterized in the later Bronze Age in 2nd millennium cal BCE.

Статья поступила в редакцию 03.06.2020

REFERENCES

1. Comşa A., Bonsall C., Nikolova L. (eds.). Facets of the Past. The Challenge of the Balkan Neo-Eneolithic. Proceedings of the International Symposium Celebrating the 85th Birth Anniversary of Eugen Comşa. 6–12 October 2008. Bucharest, Romania. Bucharest, Romanian Academy Publ., 2013, 768 p.
2. Demoule J.-P., Laks B., Cleuziou S., Encrevé P. Origins and Evolution of Languages: Retrospectives and Perspectives. Laks B. (ed.). Origin and Evolution of Languages: Approaches, Models, Paradigms. London, Equinox Publishing Ltd., 2008. pp. 1–28.
3. Flaux C., Rouchet P., Popova Tz., et al. An Early Bronze Age pile-dwelling settlement of discovered in Alepu lagoon (municipality of Sozopol, department of Burgas), Bulgaria. In: *Méditerranée*, 2016, vol. 126, pp. 57–70.

4. Frînculeasa A., Mirea P., Trohani G. Local cultural settings and transregional phenomena: on the impact of a funerary ritual in the Lower Danube in the 4th millennium BC. In: *Buletinul Muzeului Județean Teleorman, Seria Arheologie*, 2017, vol. 9, pp. 75–116.
5. Frînculeasa A., Garvăn D., Mărgărit M., et al. Between worlds and elites at the beginning of the Early Bronze Age in the Lower Danube Basin: A pluridisciplinary approach to personal ornaments. In: *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2020, vol. 12. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01177-0>
6. Ganetsovski G. The prehistoric settlement in the Ezeroto locality near the village of Borovan, North-western Bulgaria. Tsirtsoni Z. (ed.). *The Human Face of Radiocarbon. Reassessing chronology in prehistoric Greece and Bulgaria, 5000–3000 cal BC (TMO 69)*. Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée Publ., 2016, pp. 115–123.
7. Horváth T. The Boleráz, Baden and Kostolac Cultures in the Late Copper Age and Early Bronze Age: Their Chronological and Spatial Distribution, and Intercultural Connections. *Specimina Electronica Antiquitatis*. 2011. vol. 12, pp. 51–112.
8. Kapuran A., Bulatović A. Culture on the Territory of North-Eastern Serbia. *Starinar Publ.*, 2012. vol. 62, pp. 1–30.
9. Koukouli-Chrysanthaki C., Papadopoulos S. The island of Thasos from the Neolithic to the Early Bronze Age. Excavation data and absolute dates. Tsirtsoni Z. (ed.). *The Human Face of Radiocarbon. Reassessing chronology in prehistoric Greece and Bulgaria, 5000–3000 cal BC (TMO 69)*. Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée Publ., 2016, pp. 339–358.
10. Leshtakov K. Bronze Age Mortuary Practices in Thrace: A Prelude to Studying a Long-term Tradition. Borgna E., Celka S.M. (eds.). *Ancestral Landscape. Burial Mounds in the Copper and Bronze Ages. Proceedings of the International Conference held in Udine, May 15th–18th 2008*. Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux Publ., 2012, pp. 567–577.
11. Nikolov V., Sheer W. (eds.). *Der Schwarzmeerraum von Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600. v. Chr.). Kulturelle Interferenzen in der Zirkumpontischen Zone und Kontakt mit ihren Nachbargebieten*. Leidorf, Rahden/Westf. 2016. 536 p.
12. Nikolova L. *The Balkans in Later Prehistory*. Oxford, BAR International Series. 1999. 442 p.
13. Nikolova L. Balkan-Anatolian Cultural Horizons from the Fourth Millennium BC and Their Relations to the Baden Cultural Complex. Furholt M., Szmyt M., Zastawny A. (eds.). *The Baden Complex and the Outside World*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH Publ., 2008, pp. 157–166.
14. Nikolova L., Merlini M., Comșa A. (eds.). *Western-Pontic Culture Ambience and Pattern*. In memory of Eugen Comșa. De Guyter Open. 2017. 356 p.
15. Nikolova L. *Cultural Genomics and the Changing Dynamics of Cultural Identity*. New York, Nova Science Publ., 2018. 262 p.
16. Nikolova L. Dubene and Troy: Gold and Prosperity in the Third Millennium Cal. BCE in Eurasia. In: *Stratum Plus*, 2018, no. 2, pp. 61–68.
17. Nikolova L. Pit Grave Culture in the Danube Basin: Immigrants or Invaders? (Cultural Evolution and Language Diversity). In: Comas A., Hortopan D. (eds.). *Digging in the Past of Old Europe. Studies in Honor of Cristian Schuster at His 60th Anniversary*. Brăila, Editura Istros a Muzeului Brăilei Carol Publ., 2019, pp. 277–282.
18. Nikolova L. 2000. The Pit Grave Culture in the Balkans (Dynamics of the Structure of the Burial Rites and its Relation to other Early Bronze Age Cultures). In: *Stratum Plus*, 2000, no. 2, pp. 423–458.
19. Oy H. West Anatolian mining in Early Bronze Age (3000–2000). In: *Journal of Ancient History and Archaeology*, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 12–24.
20. Preda-Bălănică B., Frînculeasa A., Garvăn D., Constantinescu B., Stan D. Unfortunate accidents – Prehistoric metal artefacts recently detected in northern Muntenia (Prahova County, Romania). Sirbu, V. Comșa A., Hortopan D. (eds.). *Digging in the Past of Old Europe. Studies in Honor of Cristian Schuster at his 60th Anniversary*. Târgu Jiu – Brăila: Istros a Muzeului Brăilei „Carol I” Publ., 2019, pp. 321–339.
21. Preda-Bălănică B., Frînculeasa A., Heyd V. The Yamnaya Impact North of the Lower Danube. A Tale of Newcomers and Locals. In: *Bulletin de la Société préhistorique française*, 2020, vol. 117, no. 1, pp. 85–101.
22. Popa C. I. (ed.). *The Carpathian Basin and the Northern Balkans between 3500 and 2500 BC: Common Aspects and Regional Differences*. Cluj-Napoca, Mega Publ., 2016. 262 p.

23. Siros A., Miteletsis M. The “Katarraktes” Cave at Sidirokastro, Serres District. In Tsirtsoni Z. (ed.). *The Human Face of Radiocarbon. Reassessing chronology in prehistoric Greece and Bulgaria, 5000–3000 cal BC* (TMO 69). Lyon, Maison de l’Orient et de la Méditerranée Publ., 2016. pp. 317–337.
24. Spasić M. Čoţofeni Communities at Their Southwestern Frontier and Their Relationship with Kostolac Population in Serbia. In: *Dacia*, 2010, vol. 54, pp. 157–175.
25. Todorova N. The Final Chalcolithic site in the “Gradishteto” locality near the village of DolnoDryanovo, Southwest Bulgaria. Tsirtsoni Z. (ed.). *The Human Face of Radiocarbon. Reassessing chronology in prehistoric Greece and Bulgaria, 5000–3000 cal BC* (TMO 69). Lyon, Maison de l’Orient et de la Méditerranée Publ., 2016. pp. 169–186.
26. Todorova N., Avramova M. The Yagodina Cave and the final stages of the Chalcolithic in the Western Rhodope Mountains. Tsirtsoni, Z. (ed.), *The Human Face of Radiocarbon. Reassessing chronology in prehistoric Greece and Bulgaria, 5000–3000 cal BC* (TMO 69). Lyon, Maison de l’Orient et de la Méditerranée Publ., 2016. pp. 249–268.
27. Tsirtsoni Z. (ed.). *The Human Face of Radiocarbon. Reassessing chronology in prehistoric Greece and Bulgaria, 5000–3000 cal BC* (TMO 69). Lyon, Maison de l’Orient et de la Méditerranée Publ., 2016. 516 p.
28. Valentinova M. An Early Fourth Millennium Settlement Near the Village of Bezhanovo, Lovech Region. Tsirtsoni Z. (ed.). *The Human Face of Radiocarbon. Reassessing chronology in prehistoric Greece and Bulgaria, 5000–3000 cal BC* (TMO 69). Lyon, Maison de l’Orient et de la Méditerranée Publ., 2016. pp. 99–114.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolova L. – PhD (Philosophy), professor at Karlovo Academy, Karlovo, Bulgaria & Open Global Research Academy, Salt Lake City, Utah, USA;
e-mail: lnikol59@abv.bg

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Л. Николова – доктор философии, профессор Академии в Карлово, Болгария, и Открытой Глобальной исследовательской академии, Солт Лейк Сити, Юта, США;
e-mail: lnikol59@abv.bg

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николова Л. Трансформация и эволюция сообществ раннебронзового века от энеолита к бронзовому веку (IV–III тысячелетия до нашей эры) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 56–63.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-56-63

FOR CITATION

Nikolova L. Copper Age–Bronze Age transformation and evolution of the Early Bronze communities (IV–III millennium cal. BCE). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 56–63.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-56-63

УДК 902 / 903.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-64-77

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА АРХАРИНСКОЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ (АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЯ)

Кекеев Э. А.*Калмыцкий научный центр Российской академии наук**358000, г. Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение соотношения и взаиморасположения погребальных комплексов (курганов и погребений) энеолита и бронзового века в Архаринской курганной группе.

Процедура и методы. Рассмотрены основные этапы создания курганной группы, представляющей собой цепь курганов, выстроенных в одну линию. При проведении исследования применены методы наблюдения, сравнительного сопоставления, обобщения, интерпретации результатов.

Результаты. В ходе работы были выявлены основные характерные черты использования около- и подкурганного пространства носителями ряда археологических культур энеолита и бронзового века.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение духовной культуры древнего населения энеолита и бронзового века степной зоны Восточной Европы.

Ключевые слова: Восточно-Европейские степи, Волго-Манычские степи, энеолит, ранний и средний бронзовый век, курганная группа, курган, планиграфия, этапы создания

COPPER AND BRONZE AGE BURIAL COMPLEXES OF THE ARKHARA MOUND GROUP: INTERRELATION AND RELATIONSHIP ANALYSIS

E. Kekeev*Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences**8 Ilshkin ul., Elista 358000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the relationship and mutual position of burial complexes (mounds and burials) of the Eneolithic and Bronze Age in the Arkhara mound group.

Methodology. The author considers the main stages of creating a mound group, which was built in one line, as a string of mounds. The methods of observation, comparative inventory, generalization and interpretation were used.

Results. The paper shows essential characteristics of using the mound space by the people of the Copper and Bronze age.

Research implications. The obtained results elucidate the spiritual culture of the ancient population of the Copper and Bronze Age steppe zone of Eastern Europe.

Keywords: Eastern-European steppes, Volga-Manych steppes, Copper Age, Early and Middle Bronze ages, mound group, mound, planigraphy, creation stages

Введение

Научное исследование археологических памятников Волго-Маньчжурских степей берёт свое начало с работ П. С. Рыкова в 1920–1930-х гг. Наибольшую известность они приобрели благодаря результатам изучения курганных групп южной части Ергенинской возвышенности: Три Брата (остатки деревянных повозок) [10, с. 205–216; 13, с. 115–157; 21], Бичкин Булук (наконечник копья из метеоритного железа) и др. [11, с. 34–36; 15, с. 143–160; 20, с. 17–33].

В послевоенные годы на территории Южных Ергеней археологические раскопки были продолжены И. В. Синицыным и У. Э. Эрдниевым (1961–1964 гг., 1968–1970 гг.). Отличием этих работ от довоенных является то, что они были спасательными. За короткий период были изучены две Лолинские, Архаринская и Элистинская курганные группы. Общим для этих памятников являлось линейное расположение курганов, группы имели устройство в виде цепи насыпей, вытянутых по линии водораздела в широтном направлении, характерное для наиболее крупных групп изучаемой территории [12, с. 397–404; 22, с. 222–257]. Большая часть курганов не выделялась своими размерами, и группы состояли из земляных насыпей малого (диаметр 8–9 м, высота не более 1 м) и среднего размеров (диаметр 15–25 м, высота от 1 до 1,5 м). В центре групп находилось от одного до трёх крупных курганов (диаметр до 60–70 м, высота до 6,5 м). В работе В. А. Сафронова впервые были выделены 7 культурных групп и 6 стратиграфических горизонтов [14]. В своей работе, посвящённой погребальным памятникам бронзового века степного Ставрополя, В. Л. Державин применил систему дифференцирования на культурные группы Сафронова, но объединил курганные группы Лола 1 и 2, Архара и Элиста в единую «элистинскую» группу памятников [2, с. 15].

Современные специальные работы, посвящённые подробному анализу погребальных традиций и изучению куль-

турогенеза на территории степной зоны европейской части России в энеолите и бронзовом веке, позволили добавить ряд новых археологических культур (степной энеолит, степная майкопская), а также трансформировать культурные группы В. А. Сафронова в культуры (степная северокавказская, раннекатакомбная, восточноманьчжурская катакомбная, лолинская, ямно-катакомбная и полиритикульная группа) [1; 2; 3; 5; 11; 22].

Сегодня, благодаря работам, вышедшим по результатам проведённых раскопок, есть возможность проанализировать особенности внутреннего устройства исследованных курганных групп [16, с. 6–16; 17, с. 3–9; 18, с. 3–30; 19, с. 3–34; 23, с. 3–24 и др.].

Целью данного исследования является изучение соотношения и взаиморасположения погребальных комплексов (курганов и погребений) энеолита и бронзового века в Архаринской курганной группе¹.

Результаты исследования

Архаринская курганная группа является одной из крупнейших из исследованных могильников на территории

¹ Поло-возрастные определения и культурно-хронологическая принадлежность отдельных памятников приведены в публикациях результатов полевых работ. В данной работе пол и возраст погребённых будут указываться в соответствии с этими источниками. Однако их культурно-хронологическая атрибуция была скорректирована с учётом вышеуказанных современных трудов. Особо будут отмечаться случаи нарушения погребений в кургане, произошедшие в результате создания впускных. Отдельно рассмотрены памятники, созданные путём досыпки существующих насыпей, будут приведены редкие случаи обратной стратиграфии. Для впускных погребений будет указываться их местоположение в насыпи или в материке, то есть ниже уровня погребённой почвы, что является дополнительной характеристикой при изучении внутреннего устройства погребальных памятников. В работе М. В. Андреевой, посвящённой памятникам восточноманьчжурской катакомбной культуры, приведены данные, иллюстрирующие существенные различия между этими видами впускных погребений, в том числе выявлен факт того, что материковые погребения чаще обладают большей «престижностью» [1, с. 63].

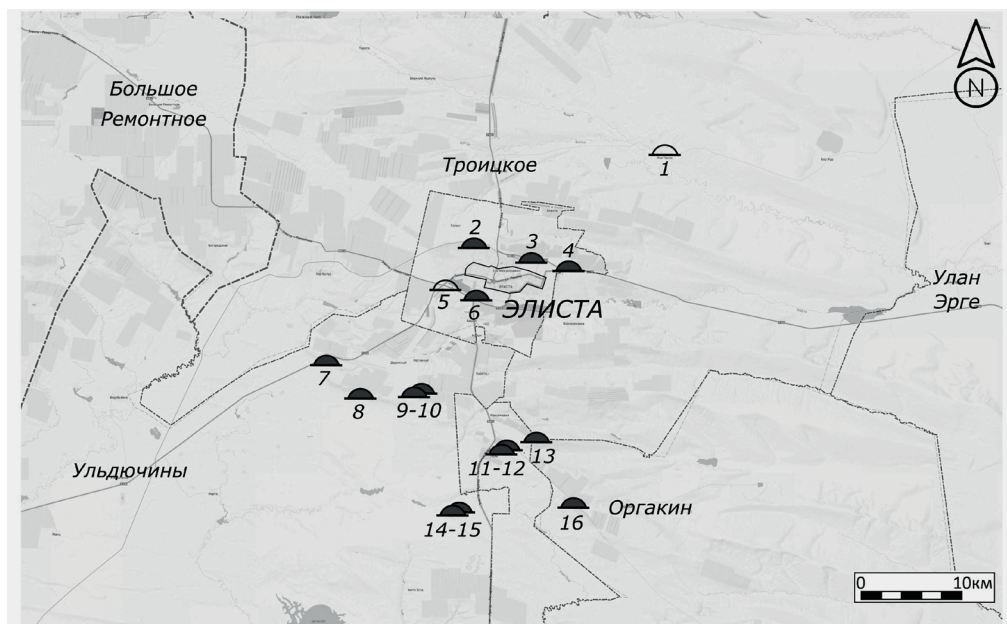

Рис. 1. Курганные могильники, исследованные на территории южной части Ергенинской возвышенности. Цифрами на карте обозначены: 1 – Чееря Хурул (1929); 2 – Элистинский (Элиста-3) (1964); 3 – Гашунский (1971); 4 – Элиста-1 (1929); 5 – Промзона (1997); 6 – Элиста-2 (1929); 7 – Бичкин Булук (1937); 8 – Цаган Эльсин (1937); 9 – Три Брата-1 (1933–1936, 1980); 10 – Три Брата-2 (1933–36); 11 – Лола-1 (1961–62); 12 – Лола-2 (1963); 13 – Архара (1962–1963); 14 – Хар Зуха (1991); 15 – Хар Зуха-2 (1991); 16 – Кермен Толга (1968–1970).

Fig. 1. Burial mounds under study in the southern part of the Ergeninskaya Upland. 1 – Cheerya Khurul (1929); 2 – Elista (Elista-3) (1964); 3 – Gashunsky (1971); 4 – Elista-1 (1929); 5 – Industrial zone (1997); 6 – Elista-2 (1929); 7 – Bichkin Buluk (1937); 8 – Tsagan Elsin (1937); 9 – Three Brothers-1 (1933–1936, 1980); 10 – Three Brothers-2 (1933–1936); 11 – Lola-1 (1961–62); 12 – Lola-2 (1963); 13 – Arkhara (1962–63); 14 – Har Zuha (1991); 15 – Khar Zuha-2 (1991); 16 – Kermen Tolga (1968–1970).

Ергенинской возвышенности (рис. 1). Спасательные раскопки производились в связи с отведением земель южнее г. Элисты под территории с регулярной сельскохозяйственной деятельностью и созданием защитных лесопосадок. Группа состояла из более чем 70 насыпей, которые непрерывной цепью протянулись с запада на восток на протяжении трёх километров. В центральной части группы находилось три больших кургана (диаметр 30–50 м, высота 3–5 м). Несколько курганов имели средние размеры (диаметр 25–30 м, высота 1,5–2 м) и были равномерно расположены по всей длине могильника, высота большей части насыпей не превышала 1 м (рис. 2, рис. 3, рис. 4). В 1962–1963 гг. в могильнике исследовано 38 курганов с 95 погребениями [18, с. 47].

Основное количество памятников было датировано эпохой энеолита и бронзового века: 23 кургана (60,5%) и 67 погребений (70,5%). Остальные памятники датированы более поздними эпохами: 8 курганов и 17 погребений – ранний железный век; 7 курганов и 11 погребений – эпоха средневековья¹.

¹ Перед анализом взаиморасположения курганов и использованием оригинального плана [18, рис. 16], было решено сверить его с современными картами из общедоступных сервисов Google Earth и SAS Planet. Так как большая часть курганов не была рекultивирована, на современных фотоснимках чётко видны следы проведённых раскопок, особенно заметны остатки крупных курганов. В результате сверки схем с современными снимками местности и идентификации отдельных объектов план Архаринского могильника был незначительно скорректирован, но в целом сохранил чёткую ориентировку цепи курганов по линии запад – восток (рис. 2).

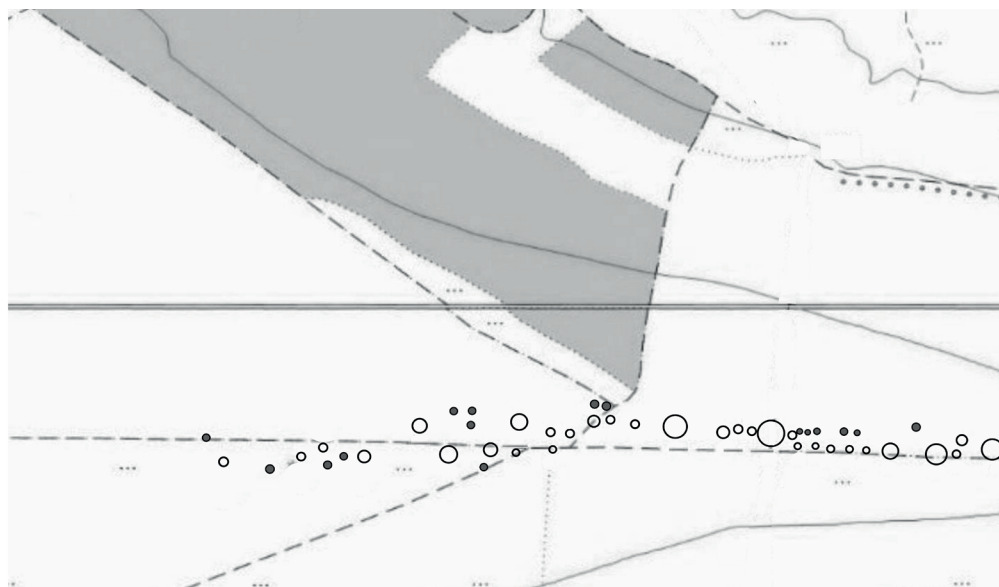

Рис. 2 / Fig. 2. Архаринская курганная группа (1962–1963). Местоположение на современной карте. Скорректированный план (1 – исследованные курганы, 2 – неисследованные курганы) / The Arkhara mound group (1962–1963) and its location on a modern map. Adjusted plan (1 – explored mounds, 2 – unexplored mounds).

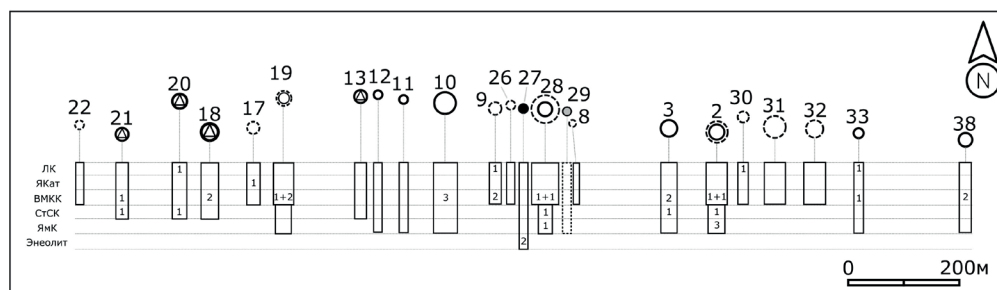

Рис. 3 / Fig. 3. Архаринская курганная группа. Культурно-хронологическая принадлежность курганов и погребений (ЯМК – ямная культура; СтСК – степная северокавказская культура; ВМКК – восточноманычская катакомбная культура; ЯКат – ямно-катакомбная группа; ЛК – долинская культура) / The Arkhara mound group. Cultural and chronological affiliation of the mounds and burial grounds (ЯМК – Yamnaya culture; СтСК – North Caucasian steppe culture; ВМКК – East Manych catacomb culture; ЯКат – Yamnaya-Catacomb group; ЛК – Lola culture).

Как указано выше, к эпохе энеолита и бронзовому веку отнесено 23 кургана, содержащих 67 погребений. Энеолитическим был курган 27 (три погребения); представителями ямной культуры создано 9 курганов, 13 погребений; степная северокавказская культура включает 4 кургана, 9 погребений; восточноманычская катакомбная культура – 8 курганов, 28 погребений; ямно-катакомбная груп-

па – 1 погребение; долинская культура – 3 погребения. 9 впускных погребений со схожим погребальным ритуалом бронзового века остались без точной культурно-хронологической атрибуции, а один курган бронзового века с единственным основным разрушенным погребением остался без точной датировки (рис. 3).

Наиболее древним хронологическим горизонтом среди погребальных памят-

ников степной зоны Евразии являются редкие подкурганные захоронения эпохи энеолита. По данным специалистов, на территории Ергенинской возвышенности известно два энеолитических памятника: курган 4 (погребение 5) группы Три брата I [22, с. 101] и курган 27 (все три погребения) группы Архара [4, с. 33–34].

Насыпь энеолитического кургана 27 Архаринской группы имела небольшие размеры – 15 м в диаметре, 0,65 м в высоту, что является одной из характерных черт энеолитических курганов Волго-Манычских степей [22, с. 36].

В кургане 27 погребение 2 было первым впускным, и его северо-восточный угол врзался на 0,2 м в юго-западный угол основного погребения. Само это погребение было практически полностью разрушено при сооружении следующего впускного погребения 1. Непотрево-

женными остались лишь кости стоп, а в юго-восточном углу был обнаружен глиняный круглодонный сосуд [18, с. 93–95]. В основном захоронении были обнаружены останки мужчины и женщины, погребение 2 являлось индивидуальным захоронением взрослого человека, а погребение 3 – захоронением взрослого мужчины. В дальнейшем этот курган не использовался более поздним населением, то есть в его насыпи не было обнаружено впускных погребений более позднего периода (рис. 4, 1).

Во впускном погребении 1 был обнаружен зооморфный скипетр, являющийся, по мнению специалистов, образом головы взнузданной лошади. Ближайшей аналогией является энеолитический скипетр Джангр из погребения 3, кургана 1, группы Улан Толга. Подобные предметы являются ключом к решению ряда исто-

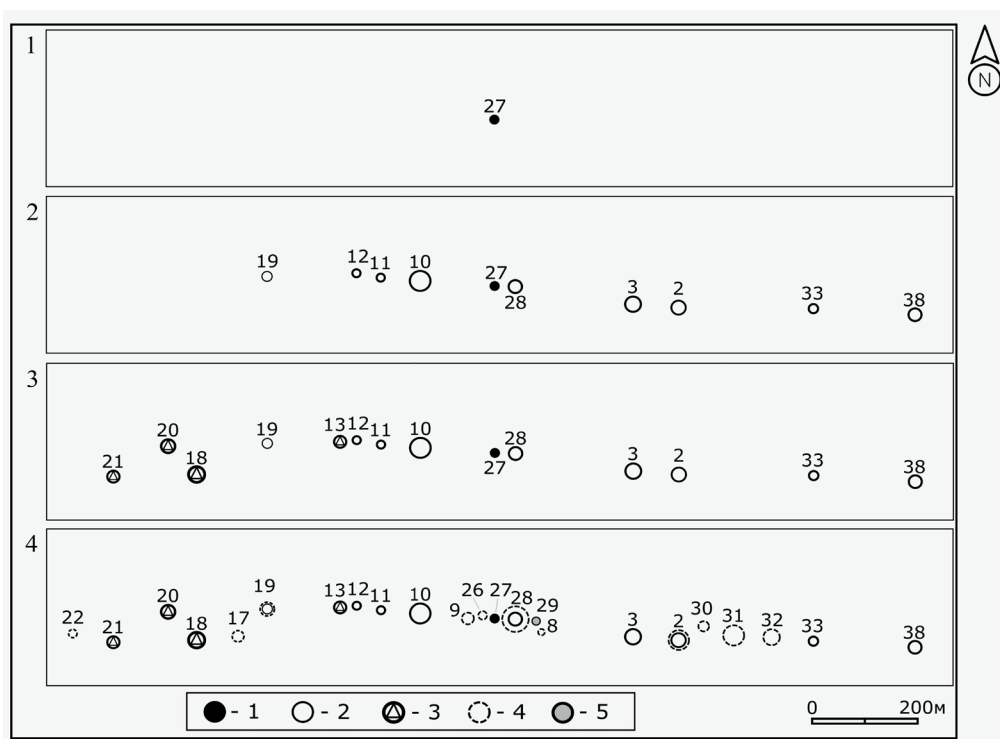

Рис. 4 / Fig. 4. Планиграфия Архаринской курганной группы: 1 – энеолит; 2 – ямная культура; 3 – степная северокавказская культура; 4 – восточноманычская катакомбная культура; 5 – бронзовый век (культура не определена) / Planigraphy of the Arkhara mound group: 1 – Eneolithic; 2 – Yamnaya culture; 3 – North Caucasian steppe culture; 4 – East Manych catacomb culture; 5 – Bronze Age (culture not defined).

рических проблем, таких, как место и время перехода к пастушеству; этнокультурной атрибуции первых пастухов в Европе и в евразийских степях; траектории их движения и контактов с автохтонным населением [4; 6; 7; 8; 9].

В Архаринском могильнике после энеолитических памятников появляются курганы и погребения раннего бронзового века (ямная, степная северокавказская и ямно-катакомбная культуры). Наиболее подробное их изучение было проведено В. А. Сафроновым [14] и Н. И. Шишиной [22].

Носители погребального обряда ямной культуры являлись продолжателями традиции подкурганых захоронений. Они создали здесь 9 насыпей по гребню водораздела, по линии запад – восток. Четыре кургана (19, 12, 11, 10 – здесь и далее в скобках приводится нумерация курганов согласно их расположению в группе с запада на восток) располагались западнее от кургана 27, а пять (28, 3, 2, 33, 38) – восточнее. Таким образом, созданная цепь курганов стала «костяком» группы, и все созданные позднее насыпи встраивались в общую цепочку, вытянутую по линии водораздела (рис. 4, 2).

Отметим тот факт, что 7 из 9 курганов содержали только по одному основному погребению и только в двух были впускные – курган 2 и 28. Основными погребениями являлись индивидуальные погребения взрослых людей, в том числе семь мужских и одно женское. В четырёх случаях останки погребённого описаны как принадлежащие мужчине «пожилого возраста». Размеры ямных курганов варьируются: от самых малых в группе (диаметр – 14 м, высота – 0,8 м) до самых крупных (диаметр – 36 м, высота – 2,5 м). Курган 38, сооружённый над женским погребением, являлся средним по размерам – 20 м в диаметре и 1,35 м в высоту.

Четыре впускных погребения, как и основные, являлись индивидуальными погребениями взрослых людей, в том числе два мужских (один «пожилой») и одно

женское. В кургане 28 (диаметр – 23 м, высота – 2 м) в материке в 4 м к югу от основного погребения было обнаружено ямное погребение взрослого человека. А вот в кургане 2 (диаметр – 28 м, высота – 1 м) исследовано три впускных ямных погребения. После совершения каждого из них производились небольшие досыпки [18, с. 56]. Общим для всех впускных погребений этой культуры является их расположение в материке. В кургане 28 впускное погребение располагалось к югу от центра, в кургане 2 – два погребения к юго-востоку, одно – к северо-западу от центра кургана. Отметим преобладание среди погребённых представителей мужского пола и отсутствие впускных погребений.

Группа памятников «степной северокавказской культуры», по Н. И. Шишиной, является довольно редкой на территории Волго-Манычских степей и характеризуется чаще одиночными погребениями под небольшими насыпями [22, с. 140]. В Архаринском могильнике таких курганов насчитывалось четыре (21, 20, 18 и 13). Насыпи имели примерно одинаковые размеры: диаметр – от 21 до 27 м, высота – от 1,25 до 1,5 м. Причём один из них (курган 13) встроен в существующую цепь, между ямными курганами 12 и 19, а три кургана образуют компактную группу памятников в западной оконечности могильника (рис. 4, 3).

В трёх курганах основными являлись индивидуальные мужские погребения, в одном – исследовано парное погребение женщины и ребёнка. По одному погребению той же культуры было впущено в двух курганах в западной части могильника (20 и 21). Это захоронение подростка и парное погребение женщины с ребёнком. Оба обнаружены ниже уровня погребённой почвы и располагались к югу от центра кургана.

Кроме того, в курганы с основными могилами ямной культуры было впущено три погребения степной северокавказской культуры. В кургане 28 (ямная культура) в 6 м к северу от основного

погребения, в материке, исследовано вытянутое мужское погребение. В кургане 3 (ямная культура) вытянутое погребение подростка было обнаружено в материке, в 4 м к северо-востоку от центра кургана. В третьем случае наблюдался редкий случай обратной стратиграфии.

Как и в случае с ямными памятниками, среди основных «северокавказских вытянутых» погребений преобладают захоронения мужчин. И хотя количество впускных погребений также остаётся небольшим (5 погребений в 5 курганах), очевидно, что использовались для погребения и курганы предшествующей ямной культуры. Отметим, что во впускных погребениях обнаружены останки людей всех возрастных групп (дети, подростки и взрослые), и все были обнаружены в материке (за исключением коллективно-погребения, описанного ниже).

Коллективное погребение мужчины и двух женщин в кургане № 2 является единственным известным памятником степной северокавказской культуры с таким количеством погребённых в одной могиле [22, с. 129]. Кроме того, с этим погребением связан редкий случай обратной стратиграфии – перекрывания им восточноманычского горизонта. Сам курган 2 был создан в ямное время и подвергнут значительной досыпке после создания погребения 5 (восточноманычская катакомбная культура). А степное северокавказское погребение 2 было впущено именно во вторую насыпь, созданную катакомбниками.

Следующий подобный пример выявлен в результате исследования кургана 17, где основное погребение 2 относится к катакомбному времени. Однако впускное погребение 3 было отнесено к группе ямно-катакомбных погребений и находилось в материке, в западной половине кургана. Авторами раскопок взаиморасположение погребений описано так – погребение 3 прорезало насыпь, и выкид из основного погребения 2; материковый выкид из погребения 3 намолил на поверх-

ность первоначальной насыпи; прослежены следы небольшой досыпки кургана после создания погребения 3 [18, с. 77–79]. Н. И. Шишлина считает, что этот комплекс является редким случаем перекрывания памятниками ямно-катакомбного типа восточноманычских погребений [22, с. 267]. Однако М. В. Андреева допускает возможность, что это ямно-катакомбное погребение было создано первым и не имело насыпи, а уже после сооружения восточноманычского погребения и создания насыпи это погребение оказалось под его западной полкой [1, с. 50]. Учитывая, что катакомбники впускали погребения в небольшие холмы, такое предположение кажется вполне вероятным.

Следующей и крупнейшей по количеству погребений в данном могильнике является восточноманычская катакомбная культура. Наиболее важным исследованием памятников данной культуры является работа М. В. Андреевой, в которой описан погребальный обряд и предложена реконструкция некоторых черт социальной структуры [1]. Представители этой культуры создали наиболее крупные по размерам курганы. В западной части могильника было насыпано два кургана (22 и 17), в центральной – три (9, 26 и 8), в восточной – три (30, 31 и 32). Кроме того, досыпкам были подвергнуты курганы ямного времени – 19, 28 и 2. Представителями восточноманычской катакомбной культуры были совершены впускные погребения практически во все существующие насыпи. Нетронутыми остались лишь несколько курганов – энеолитический курган 27 и курган 29 ямного времени (рис. 4, 4).

Большое количество памятников данной культуры позволило провести более подробный анализ, сопоставив выделяемые группы курганов и погребений. К моменту появления катакомбной культуры уже существовало 15 курганов, насыпанных ямными племенами, однако катакомбными было создано ещё 8. Три более ранних (ямных) кургана было досыпано. Созданные в катакомбное время

курганы (без учёта досыпок) имели разные размеры: от самых малых (диаметр 12 м, высота 0,55 м) до самых больших в группе (диаметр 35 м, высота 3,5 м). Новые насыпи не образовывали крупных скоплений. Курган 22 являлся самым западным в цепи, крайним после кургана 21 (степная северокавказская культура), курган 17 был встроен между курганом 18 (степная северокавказская культура) и курганом 19 (ямная культура). Более сгруппированными выглядят курганы в центральной и восточной части могильника. В центре, к западу от энеолитического кургана 27 было создано две насыпи (курганы 9 и 26), а восточнее – насыпан курган 8 и была увеличена насыпь кургана 28 (ямная культура). В западной части группы выделяется группа из трёх курганов (30, 31 и 32), все они содержали только по одному основному погребению. Насыпи располагались на расстоянии 35–60 м друг от друга. Курган 30 (основное погребение – кенотаф) не выделялся своими размерами (диаметр 20 м, высота 1,25 м), а вот два других являлись одними из самых больших в группе. Курган 31 (основное погребение – женщина и ребёнок) достигал 35 м в диаметре и 3,5 м в высоту, а курган 30 (основное погребение – мужское) – 30 м в диаметре и 2,75 м в высоту. Возможно, погребение в расположенных рядом курганах без допущения впускных погребений является показателем их близкого родства. Западнее кургана 30 находился курган ямного времени (курган 2), насыпь которого была подвергнута досыпке катакомбными племенами.

Перед анализом количества основных и впускных восточноманычских погребений следует оговорить, что три маныхских погребения, с которыми были связаны досыпки существующих курганов, будут упоминаться как «основное погребение второй насыпи».

Основными в восточноманычских курганах в трёх случаях были кенотафы (погребения без следов человеческих

останков), в четырёх – индивидуальные погребения, в одном – парное погребение женщины и ребёнка. Среди индивидуальных погребений два были женскими, одно мужское и одно подростковое. Основными погребениями второй насыпи в двух случаях были индивидуальными женскими, одно парным – останки женщины и ребёнка. Таким образом, можно констатировать преобладание в основных погребениях останков женщин.

Впускные погребения катакомбного времени можно разделить на три группы: впускные в однокультурные курганы (2 погребения), впускные в инокультурные насыпи, без совершения досыпок (12 погребений) и впускные в «чужие» курганы после досыпки (3 погребения).

Единственным восточноманычским курганом с впускными катакомбными погребениями был курган 9 (диаметр 20 м, высота 1,25 м). Основным погребением являлось захоронение женщины с разнообразным инвентарём. Первым из двух впускных являлось мужское погребение 4 в материке, которое находилось в 3,5 м к востоку от центра кургана. Второе впускное (подростковое) погребение 3 обнаружено также в материке, в 1,15 м к северу от основного погребения. Остальные семь катакомбных курганов не имели впускных однокультурных погребений.

В семи курганах ямной и степной северокавказской культур обнаружено 12 впускных катакомбных погребений. Из пятнадцати курганов докатакомбного времени только пять осталось без впускных восточноманычских погребений. В двух случаях впускное погребение являлось кенотафом, в одном – погребение подростка, в остальных девяти – индивидуальные погребения взрослых людей, в том числе пять женских и одно мужское. По распределению по секторам кургана следует сказать, что основная нагрузка легла на южную и восточную части – 10 погребений, четыре из которых располагались к юго-востоку от центра кургана. Интересен факт, выявленный после

рассмотрения местоположения этих погребений относительно уровня погребённой почвы. Так, 9 впускных погребений обнаружены в материке и только три погребения – в насыпи. Эти три погребения были исследованы в самом большом по размерам кургане ямного времени.

В инокультурных курганах после их досыпки обнаружено три впускных восточноманьчжских погребения. Во второй насыпи кургана 2, в 13 м к западу от центра исследовано погребение взрослого человека. Два погребения этого типа располагались под насыпью, на уровне погребённой почвы. Детское погребение в каменном ящике обнаружено к юго-западу от центра, а погребение взрослого человека – к северо-востоку.

Три ямных кургана досыпаны в катакомбное время. Примером незначительной досыпки ямного кургана является курган 19 с одним погребением ямного времени. После создания катакомбного женского погребения 4 была совершена небольшая досыпка, однако насыпь увеличилась только в высоту (от 1 м до 1,45 м), а диаметр остался тем же (25 м) (рис. 5). Отметим, что погребение 4 выделялось среди других катакомбных погребений разнообразным инвентарём: более 400 пастовых бусин, два глиняных сосуда и бронзовый нож [18, с. 83–84]. При сооружении

этого погребения было незначительно повреждено основное погребение 3: входная шахта катакомбного захоронения врезалась в южную стенку существующего погребения, и камни с южной стороны этой могилы были смещены и находились в засыпке впускного погребения.

Курган 2 с основным погребением ямной культуры на момент досыпки был одним из самых больших в группе. После создания первой насыпи (диаметр 28 м, высота 1 м) в неё было впущено три материковых ямных погребения с небольшими досыпками. В эту насыпь было впущено катакомбное погребение 5 – парное захоронение женщины с искусственно деформированным черепом и ребёнка. На краю погребения исследованы остатки жертвенника: кости овцы, костяная трубка, костяное кольцо и три глиняных сосуда, два из которых обнаружены в виде фрагментов. Само погребение содержало разнообразный инвентарь – височные подвески, более 250 пастовых и сердоликовых бусин, пять глиняных сосудов. Погребение было совершено в материке, в 9 м к юго-востоку от центра кургана [18, с. 52–53]. После этого насыпь была увеличена и достигла диаметра 30 м и высоты 3 м. При сооружении погребения 5 была повреждена верхняя часть ямного погребения 6, но, так как впускное погребение

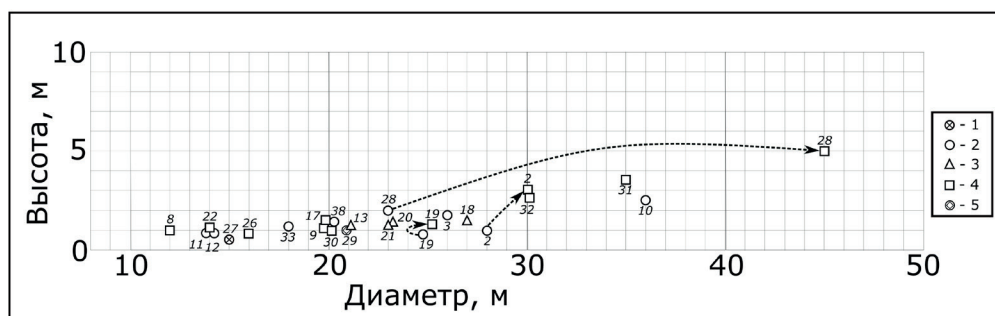

Рис. 5. Архаринская курганный группа. Размеры курганов (1 – энеолит; 2 – ямная культура; 3 – степная северокавказская культура; 4 – восточноманьчжская катакомбная культура; 5 – бронзовый век (культура не определена). Стрелками указаны случаи увеличения размеров насыпи кургана путём его досыпки.

Fig. 5. The Arkhara mound group. Sizes of the burial mounds (1 – Eneolithic; 2 – Yamnaya culture; 3 – North Caucasian steppe culture; 4 – East Manych catacomb culture; 5 – Bronze Age (culture not defined). The arrows indicate cases of mounds whose size was expanded by adding more filling.

углубилось в материк на глубину не более метра, само ямное захоронение осталось не потревоженным [18, рис. 18].

Ямный курган 28 содержал два ямных погребения и по одному погребению степной северокавказской и восточноманычской культур. Его первая насыпь была средних размеров: диаметр 23 м, высота 2 м. В неё было впущено катакомбное женское погребение 5. Это погребение, как и вышеописанные два, с которыми были связаны досыпки, выделялось среди однокультурных памятников. На перекрытии, над могилой была поставлена четырёхколёсная повозка. В составе погребального инвентаря обнаружены «абразивные инструменты» (выпрямители древков стрел), бронзовые нож и шило, рог сайгака, пять глиняных сосудов, пастовые и сердоликовые бусы (1570 бусин) [18, с. 97–98]. Погребение находилось в материке, в 4 м к востоку от основного погребения, и после совершения досыпки курган достиг максимальных размеров среди памятников Архаринского могильника – диаметр 45 м, высота 5 м (рис. 5).

Финальным горизонтом бронзового века в Архаринской курганной группе являются погребения лолинской культуры. Подробному изучению данной культуры посткатакомбного периода посвящена работа Р. А. Мимохода, в которой анализируется погребальный обряд и сопровождающий инвентарь, рассмотрены механизмы сложения этой культуры и её влияние на культурогенез позднего бронзового века [5].

Всего в Архаринском могильнике, по данным Р. А. Мимохода, было выявлено 3 лолинских погребения. Все они являются впускными в курганы более ранних эпох (рис. 3): два кенотафа (курган 9, погребение 1; курган 33, погребение 3) и погребение взрослого человека (курган 20, погребение 3) [18, с. 85–86, с. 104]. Характерным для лолинских погребений является то, что они являлись впускными в «чужих» курганах. Насыпи этих курганов не выделялись своими размерами

(диаметр от 18 до 23 м, высота от 1,25 до 1,3 м) и располагались в разных частях курганной группы. Оба кенотафа были обнаружены в материке, в 1–2 м к югу и к юго-востоку от центра насыпи. Следует отметить, что кенотафы являются редким случаем для лолинской культуры [5, с. 50]. Погребение взрослого человека располагалось в насыпи, в 3 м к северо-востоку от центра кургана.

В работе М. В. Андреевой выделен ещё один кенотаф лолинской культуры (курган 30, погребение 2), который был расположен в материке, под центральной частью кургана [1, с. 50].

Заключение

Характеризуя Архаринский могильник, отметим, что общая структура могильника начала формироваться в ямное время и окончательно памятник был сформирован курганами последующих культур бронзового века. Памятники, относящиеся к различным культурно-хронологическим группам, практически не образуют обособленных групп курганов. Можно лишь отметить группу из трёх курганов степной северокавказской культуры (курганы 21, 20 и 18) в западной части могильника и группу памятников восточноманычской катакомбной культуры, которые не содержали впускные однокультурные погребения (курганы 30, 31 и 32). В остальном же могильник представляет собой единую, непрерывную цепь из 23 курганов, в 21 из которых содержались погребения двух и более культур. Практически во всех этих курганах лолинский горизонт перекрывал все остальные культуры бронзового века (рис. 3).

Случаи обратной стратиграфии могут быть свидетельством сосуществования ряда археологических культур, смена которых не всегда происходила прямолинейно. По мнению специалистов, существование нескольких обрядовых традиций на одной территории могло продолжаться до нескольких столетий [1, с. 124; 22, с. 291; 24, с. 79–92].

Выявлены редкие случаи нарушения существующих погребений при создании впускных захоронений. В случае с энеолитическим курганом, скорее всего, это были преднамеренные действия, а в двух других разрушения были незначительными. За исключением ямной культуры, в бронзовом веке для создания впускных погребений активно использовались как «свои», так и инокультурные курганы.

Традиции подкурганных захоронений у разных археологических культур имели некоторые отличия. Общим для всех этих культур (кроме энеолитических и ямных погребений) являлся обряд создания впускных погребений как в «свои», так и в «чужие» курганы. Только 7 из 23 курганов не имели впускных погребений, в остальных 16 суммарно было введено 44 погребения (от одного до восьми в один курган). И только в трёх памятниках отмечены случаи повреждения существующих погребений, причиненные при создании впускных. Все три случая описаны выше, однако отметим, что пример энеолитического памятника (курган 27) является весьма редким, когда при создании каждого последующего погребения серьезно повреждалось

существующее захоронение. Два случая в кургане 2 и 19 имеют схожие и различные черты. Общим для них является то, что существующее погребение было повреждено в результате сооружения погребения, с которым была связана досыпка кургана. В обоих случаях повреждения носили незначительный характер. Случаи небольших досыпок курганов выявлены у носителей ямной культуры, однако значительное увеличение насыпей свойственно памятникам восточноманычской катакомбной культуры.

Безусловно, представители всех рассматриваемых археологических культур, будучи носителями традиции подкурганных захоронений, понимали значение существующих и созданных их руками памятников. И, судя по всему, традиции захоронений в насыпи или в материке, в «чужой» или в однокультурной насыпи, в кургане с досыпкой или без её следов несут гораздо больше информации о социальной структуре и духовной культуре древнего населения, чем кажется на первый взгляд, что требует дальнейшего подробного и комплексного изучения.

Статья поступила в редакцию 09.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
2. Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху бронзы. М.: Институт археологии АН СССР, 1991. 186 с.
3. Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002. 268 с.
4. Кореневский С. Н. Рождение кургана. М.: Таус, 2012. 246 с.
5. Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: Институт археологии РАН, 2013. 568 с.
6. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. по данным археологии, лингвистики и мифологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2009. № 223. С. 121–143.
7. Николаева Н. А. Юго-Восточная Европа и Кавказ: культурно-исторические связи в середине III тыс. до н. э. (проблема датировки «конеголовых» скипетров) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 1. С. 99–109.
8. Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций // Oriental Studies. 2019. Вып. 3. С. 355–364. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-355-364.
9. Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций // Oriental Studies. 2019. Вып. 4. С. 570–579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579.

10. Очиров Д. В., Очир-Горяева М. А. Курганная группа Три брата: история и современность // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2006. Выпуск 20. С. 205–216.
11. Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
12. Очир-Горяева М. А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: Калмыцкий национальный центр РАН. 2017. 420 с.
13. Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в урочище Три брата в Калмыцкой области, произведённые в 1933 и 1934 годах // Советская археология. 1936. Вып. 1. С. 115–157.
14. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. 7. М.: Знание, 1974. С. 23–199.
15. Сеницын И. В. Памятники предкифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // Советская археология. 1948. Т. 10. С. 143–160.
16. Сеницын И. В. Древние памятники Восточного Маньча. В 2 ч. Саратов: издательство Саратовского государственного университета, 1978. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 117 с.
17. Сеницын И. В., Эрдниев У. Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Труды Республиканского краеведческого музея. Вып. 1. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1963. 60 с.
18. Сеницын И. В., Эрдниев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Вып. 2. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1966. 186 с.
19. Сеницын И. В., Эрдниев У. Э. Элистинский курганный могильник. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1971. 139 с.
20. Шилов В. П. Курган 6 урочища Бичкин-Булак и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // Советская археология. 1985. № 2. С. 17–33.
21. Шилов В. П. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
22. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). Труды Государственного исторического музея. Вып. 165. М.: Государственный исторический музей, 2007. 400 с.
23. Эрдниев У. Э. Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1982. 153 с.
24. Яровой Е. В. Ещё раз о стратиграфии ямных и катакомбных захоронений Северо-Западного Причерноморья // Краткие сообщения Института археологии РАН. М. 2019. № 257. С. 79–92. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.257.79–92.

REFERENCES

1. Andreeva M. V. *Vostochnomanychskaya katakombnaya kul'tura: analiz materialov pogrebal'nykh pamyatnikov* [East Manych Catacomb Culture: analysis of burial sites]. Moscow, Taus Publ., 2014. 272 p.
2. Derzhavin V. L. *Stepnoe Stavropol'e v epokhu bronzy* [The Steppe Stavropol Region in the Bronze Age]. Moscow, Institute of the Archaeology of the USSR Academy of Sciences Publ., 1991. 186 p.
3. Kiyashko A. V. *Kyl'turogenез na vostoке katakombnogo mira* [Culture genesis in the east of the Catacomb world]. Volgograd. 2002. 268 p.
4. Korenevskiy S. N. *Rozhdenie kurgana* [Emergence of kurgan]. Moscow, Taus Publ., 2012. 246 p.
5. Mimokhod R. A. *Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyi Prikaspii na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka: materialy oxrannykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Lola culture of terminal Middle Bronze Age in the Northwestern Caspian Sea region]. vol. 16. Moscow, Institute of the Archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 568 p.
6. Nikolaeva N. A. [Ethno-cultural processes in the North Caucasus in the late III – first half of II mill. BC]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], Moscow, 2009, no. 223, pp. 121–143.
7. Nikolaeva N. A. [South-eastern Europe and the Caucasus: «horse-headed» scepters and historical connections in the middle of III mill. BC]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo univer-*

- siteta. *Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2011, no.1. pp 99–109.
8. Nikolaeva N. A. [The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations]. Part 1. In: *Oriental Studies* [Oriental Studies], 2019, iss. 3, pp. 355–364. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-355-364
 9. Nikolaeva N. A. [The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations]. Part 2. In: *Oriental Studies* [Oriental Studies], 2019, iss. 4, pp. 570–579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579
 10. Ochirov D. V., Ochir-Goryaeva M. A. [Mound Group «Tri Brata» (Three Brothers): History and Modernity]. In: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], 2006, iss. 20, pp. 205–216.
 11. Ochir-Goryaeva M. A. *Arkheologicheskie pamyatniki volgo-manychskikh stepei: (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.)* [Archaeological monuments of the Volga-Manych steppes: descriptions of monuments investigated in the territory of Kalmykia between 1929 and 1997]. Elista, Gerel Publ., 2008. 298 p.
 12. Ochir-Goryaeva M. A. *Drevnie nekropoli Ergeninskoi vozvysheynosti* [Ancient necropolises of the Ergeninsky Upland]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 420 p.
 13. Rykov P. S. [Archaeological excavations of mounds “Three Brothers” in the Kalmyk region, made in 1933 and 1934]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1936, iss. 1. pp. 115–157.
 14. Safronov V. I. [Classification and dating of bronze age monuments in the North Caucasus]. In: *Soobshcheniya Nauchno-metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov Ministerstva kul'tury SSSR* [Reports of the scientific and methodological Council for the protection of monuments of the USSR Ministry of culture]. Iss. 7. Moscow, Znanie Publ., 1974, pp. 23–199.
 15. Sinitsyn I. V. [Monuments of Pre-Scythian era in the steppes of the Lower Volga region]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1948, vol. 10, pp. 143–160.
 16. Sinitsyn I. V. *Drevnie pamyatniki Vostochnogo Manycha. V 2 chastyakh*. [Ancient monuments of the East Manych]. In 2 parts. Saratov, Saratov State University Publ., 1978. Part 1. 130 p.; Part 2. 117 p.
 17. Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Arkheologicheskie raskopki v Kalmytskoi ASSR v 1961 godu. Trudy Respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya* [Archeological excavations in the Kalmyk ASSR: 1961. Reports of the Kalmyk Republican Museum of Local History]. Iss. 1. Elista, Kalmyk Book Publ., 1963. 60 p.
 18. Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Novye arkheologicheskie pamyatniki na territorii Kalmytskoi ASSR (po raskopkam 1962–1963 gg.)*. *Trudy Kalmytskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii, Kalmytskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya* [The newly explored archeological monuments of Kalmykia (excavations of 1962–1963). Reports of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, and Kalmyk Republican Museum of Local History]. Iss. 2. Elista, Kalmyk Book Publ., 186 p.
 19. Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Elistinskii kurgannyi mogil'nik* [The Mound Burial Site of Elista]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1971. 139 p.
 20. Shilov V. P. [Mound 6 from the Bichkin-Buluk stow and the problem of chronology of the beginning of the Middle Bronze age in Kalmykia]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1985, no. 2, pp. 17–33.
 21. Shilov V. P. *Drevnie skotovody kalmytskikh stepei* [Ancient Livestock Breeders of the Kalmyk Steppe]. Elista, Gerel Publ., 2009. 303 p.
 22. Shishlina N. I. *Severo-Zapadnyi Prikaspii v epokhu bronzy (V–III tys. do n. e.)*. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The Northwest Caspian in the Bronze Age: 5th to 3rd Mill. BC. Proceedings of the State Historical Museum]. Iss. 165. Moscow, State Historical Museum Publ., 2007. 400 p.
 23. Erdniev U. E. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnykh Ergenei* [Archaeological Monuments of the Southern Ergeni]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1982. 153 p.
 24. Yarovoy E. V. [The stratigraphy of the yamnaya and catacomb culture graves in the Northwestern Pontic region revisited]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Brief Communications of the Institute of the Archaeology of the Russian Academy of Sciences], Moscow, 2009, no. 223, pp. 121–143. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.257.79-92

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: AAAA-A19-119011490038-5).

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by government subsidy – project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кекеев Эрдни Анатольевич — научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской Академии наук;

e-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Erdni A. Kekeev – Research Assistant, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

e-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кекеев Э. А. Погребальные комплексы энеолита и бронзового века Архаринской курганной группы (анализ соотношения и взаиморасположения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 64–77.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-64-77

FOR CITATION

Kekeev E. A. Copper and Bronze age burial complexes of the Arkhara mound group: interrelation and relationship analysis. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 64–77.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-64-77

УДК 575.; 903;94(3)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-78-88

ПОПУЛЯЦИОННЫЕ СВЯЗИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ШАРОВИДНЫХ АМФОР, ВОРОНКОВИДНЫХ КУБКОВ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ СОГЛАСНО ДАННЫМ ПАЛЕОГЕНЕТИКИ

Коньков А. С.*Центр палеоэтнологических исследований**109012, Москва, Новая площадь, д.12/5, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проверка гипотезы об общем происхождении носителей культуры шаровидных амфор и шнуровой керамики от создателей культуры воронковидных кубков при помощи данных палеогенетики.

Процедура и методы. Исследование проведено методом сравнительного анализа и сопоставления имеющихся в научной литературе данных археологии и палеогенетики.

Результаты. На основании данных палеодНК установлено, что носители культуры шаровидных амфор имеют общее происхождение с создателями культуры воронковидных кубков и разное – с населением, относящимся к культурной общности шнуровой керамики. Соответственно, не представляется возможным выводить носителей культуры шаровидных амфор из Причерноморья, а носителей культуры шнуровой керамики – с севера Европы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования можно использовать для проверки достоверности альтернативных гипотез расселения индоевропейцев в Европе.

Ключевые слова: индоевропейцы, генетика, палеодНК, культура шаровидных амфор

POPULATIONAL RELATIONSHIP BETWEEN THE GLOBULAR AMPHORA, FUNNELBEAKER AND CORDED WARE CULTURES ACCORDING TO PALEOGENETICS DATA

A. Konkov*Paleoethnology research center**12/5 Novaya sq., Moscow 109012, Russian Federation*

Abstract

Aim. Using paleogenetics data, to verify a hypothesis about the common origin of globular amphora and corded ware populations from the carriers of the funnelbeaker tradition.

Methodology. A comparison of the data published in various literature sources was conducted.

Results. According to ancient DNA data, the carriers of the globular amphora culture and those of the corded Ware culture were of different origin. The population of the globular amphora and corded ware cultures cannot be associated with the Black Sea region and Northern Europe, respectively.

Research implications. The obtained results can be used for testing the reliability of alternative models describing the Indo-European settlement in Europe.

Keywords: Indo-Europeans, genetics, ancient DNA, Globular Amphora culture

Введение

Для решения проблемы поиска индоевропейской прародины и реконструкции расселения ранних групп индоевропейцев у исследователей прошлого в последние десятилетия появился новый источник информации – данные древней ДНК. Особенно ценными по богатству и полноте введённой в научный оборот информации стали исследования второй половины текущего десятилетия. На основе большого количества выборок были проведены полногеномные анализы образцов из древних могильников [1; 5; 6; 8; 11; 12; 13; 14; 16; 17; 18; 19]. Их результаты позволили получить твёрдо обоснованную картину перемещений и популяционного влияния различных групп древнего населения эпохи неолита и бронзы в Европе, Центральной и Средней Азии, на Кавказе и, в меньшей степени, на Ближнем Востоке. Сами по себе данные генетики не позволяют принять однозначного решения в пользу большей достоверности какой-либо версии о нахождении индоевропейской прародины. Это отчасти объясняется как сложностью, комплексностью и неоднородностью демографических и миграционных процессов, так и сложностью связей между популяционными и культурными процессами [1]. В свою очередь, культурные изменения могут сопровождаться, а могут и не сопровождаться популяционными трансформациями. Но вместе с тем исследования древней ДНК выявили ряд твёрдых фактов, устанавливающих определённые ограничения, которые невозможно не учитывать в археологических и лингвистических реконструкциях, особенно если речь идёт о смене или постоянстве населения. В данной работе, для рассмотрения через призму генетики, был выбран один из важных узлов индоевропейской проблемы – генезис носителей культуры шаровидных амфор и её взаимосвязи с другими культурами.

Согласно гипотезе Н. А. Николаевой – В. А. Сафронова [3; 4], культура шаро-

видных амфор имеет общие корни с культурой шнуровой керамики, уходящие в культуру воронковидных кубков на севере Центральной Европы. Это противоречит данным генетики и сделанным на их основе реконструкциям [9; 10]. Согласно генетическим исследованиям, носители культуры шнуровой керамики ведут своё происхождение от населения Северного Причерноморья, связанного общностью с представителями ямной культурной и отличающегося от создателей культуры воронковидных кубков [8; 11; 14]. При этом археологические данные убедительно указывают на происхождение многих черт культуры шнуровой керамики от культурных традиций воронковидных кубков в Северной Европе [4; 9], куда входит, согласно концепции В. А. Сафронова, и область формирования культуры шаровидных амфор [4].

Согласно гипотезе Марии Гимбутас, происхождение культуры шаровидных амфор может быть связано со степной зоной [7; 9; 18]. В этом случае носители культуры шаровидных амфор представляют собой раннюю волну миграции в Центральную и Северную Европу близкого к ямной культуре населения, которая предшествовала более мощной миграции шнуровиков.

Таким образом, для разрешения противоречия, вызванного не согласующимися между собой данными археологии и генетики, исключительно важное значение имеет информация о популяционных особенностях носителей культуры шаровидных амфор, которая позволит определить их место в истории Европы эпохи неолита и бронзы.

Популяционный контекст истории Европы в период неолита и бронзы

Для понимания того, как соотносятся носители культуры шаровидных амфор с носителями культуры шнуровой керамики, воронковидных кубков и других культур, а также её места в истории индо-

европейцев, необходимо дать предварительное описание общего популяционно-исторического контекста трансформаций в эпоху неолита и бронза Европы.

В конце мезолита население Европы состояло из нескольких основных групп: охотников-собирателей Западной Европы с ареалом от востока Греции до юга Балтии; охотников-собирателей Восточной Европы от Карелии до Приуралья; скандинавских охотников-собирателей, возникших в ходе метисации первых двух групп.

Начало неолита Западной Европы определяется приходом населения, близкого генетически земледельцам Анатолии. В ходе освоения Европы оно разделилось на два потока: первый из них продвигался вдоль северного побережья Средиземного моря в сторону Иберийского полуострова, а оттуда – в сторону Британских островов, второй был направлен во внутриконтинентальные районы Европы и достиг юга Скандинавии. Это движение охватило всю западную половину Европейского континента, включая её периферию [11; 12; 14; 18], и везде сопровождалась ассимиляцией прежнего населения. Поэтому к середине неолита практически на всей этой территории произошло некоторое уменьшение доли пришлых земледельцев и увеличение доли популяционно-генетических компонентов, характерных для автохтонного населения за счёт инфильтрации сохранившихся групп мезолитического населения в земледельческие общины. Впрочем, ни в одной части Европы, включая Скандинавию, Ирландию и Иберийский полуостров, этот процесс не привёл к полному вытеснению пришлого неолитического населения коренными группами.

Вклад анатолийских земледельцев, хотя и уменьшился во всех европейских средненеолитических популяциях, остался значительным во всех районах, куда был привнесён. Население культуры воронковидных кубков было одной из подобных групп, сочетавшей превалирую-

щий анатолийский компонент с вкладом скандинавских охотников-собирателей. Такими же чертами отличались и популяции культуры шаровидных амфор, что говорит о происхождении населения этих двух культурных традиций из общего круга центрально-, северо- и западноевропейских популяций среднего неолита [18].

Население Восточной Европы испытало демографическое влияние «неолитической революции» иным образом. Миграции анатолийских мигрантов не охватили массово эти территории [8; 11; 12; 13; 16]. Ранее генетиками предполагалось, что анатолийский земледельческий компонент вообще не был принесён на эту территорию в эпохи неолита и энеолита. Но в последних исследованиях [19], обнаружено *небольшое влияние на степной пояс Восточной Европы носителей анатолийского земледельческого компонента в эпоху позднего неолита и энеолита*. Оно происходило через посредство средненеолитических земледельческих групп Южной или Центральной Европы, которые сформировались уже после установившегося смешения между местными группами с западноевропейским и пришлым анатолийским земледельческим компонентом [19]. На северные районы лесного пояса восточной части Европы влияние носителей европейских земледельцев с анатолийским компонентом не оказало влияния, что видно по материалу древней ДНК из Балтии [17; 18].

Хотя население степной зоны и включило в свой состав группы людей, несущих анатолийский компонент, его вклад был здесь незначительным. В отличие от современных им популяций неолита Центральной, Южной, Северной и Западной Европы, генофонд степных популяций формировался не на основе анатолийского компонента. Его основными компонентами были другие группы населения, а его генезис связан с иными миграционными процессами. Ядро генофонда популяций степного пояса Восточной Европы,

связанного с ареалом ямной культуры в Калмыкии, Украине, Предкавказье и Поволжье, возникло от смешения восточноевропейских охотников-собирателей (носителей одноименного компонента) и другой группы пришельцев с Ближнего Востока, генетически отличной от анатолийских земледельцев. Этой группой мигрантов были носители иранско-кавказского компонента, которые двигались в степную зону через горную систему Северного Кавказа [11; 19]. Таким образом, группа ближневосточных переселенцев, влиявшая на степное население Восточной Европы в ареале ямной культуры, несла не только иной генетический компонент, но и продвигалась отличающимся маршрутом, который не пересекался с путём анатолийских мигрантов в западную часть Европы.

Многие популяции степного пояса Восточной Европы, начиная с неолита, сочетали в примерно равном отношении восточноевропейский компонент охотников-собирателей и компонент, близкий неолитическому и палеолитическому населению Кавказа и Ирана [19]. Так, этими чертами отличались в том числе и удалённые от Предкавказья степные жители Среднего Поволжья, связанные с могильником Хвалынк-2. При этом неолитическое население Украины (представленное могильниками Деревка, Вильнянка, Васильевка, Вовниги) данного периода не имело ощутимой кавказской примеси, а в их генофонде, как и группах украинского мезолита (представленного могильниками Васильевка, Деревка из более ранних слоев), преобладал восточноевропейский компонент [19]. Следовательно, процесс смешения местного восточноевропейского населения с южными выходцами с Кавказа включал в себя не всю степную зону. А за пределы степной зоны этот процесс вообще не распространялся, так как вклад кавказского компонента там полностью отсутствует в мезолите, неолите и энеолите Центральной и Западной Европы [11; 12; 13].

Следом за первой миграционной волной со стороны Кавказа последовала новая волна переселения из этого региона в степь, которая также не вышла за пределы степной полосы, но внутри охватила её на этом этапе целиком. Популяции ямной культуры в широкой степной зоне Восточной Европы – Калмыкии, Украине и Поволжье – подверглись генетическому влиянию со стороны сообществ галюгаевско-серегинских поселений, часто относимых к майкопской культуре [19]. Таким образом, носители ямной культуры наряду с культурными воздействиями получили в свою степную среду новый дополнительный популяционный приток населения со стороны Северного Кавказа [19]. А доля кавказско-иранского компонента закономерным образом ещё более возросла [11; 19].

На общем фоне популяционной истории Европы в указанный период стоит выделить страны Скандинавии и страны Балтии. В Скандинавии была широко распространена *культура ямочной керамики*, принадлежащая охотникам-собирателям. Последние, сосуществуя с другими культурами вплоть до эпохи бронзы, сохраняли в беспримесном состоянии генетический компонент, характерный для скандинавского населения мезолита [5; 13]. В странах Балтии вплоть до эпохи бронзы местное население (включая такие культуры, как нарвская, культура ямочно-гребенчатой керамики) оставалось незатронутым миграциями. Оно сохраняло в южных областях генофонд, близкий западноевропейским охотникам-собирателям, а в северных областях – генофонд восточноевропейских охотников [13; 16].

Начиная с эпохи бронзы, обитатели Европы вступили в новую полосу трансформации, испытав мощное миграционное давление со стороны населения, сходного с носителями ямной культуры. Носители этого влияния, сочетая в своём генофонде компоненты восточноевропейских охотников-собирателей и обитателей Кавказа,

распространялись на восток [6; 7; 14] и на запад [11] от степей Северного Причерноморья. Восточные группы этих мигрантов связаны с носителями афанасьевской культуры, а западные группы связаны с носителями культурной общности шнуrowой керамики [6; 7; 11; 14]. Носители культуры шнуrowой керамики с генофондом, близким населению ямной культуры, широко распространились в Центральной и Северной Европе, в северной части той территории, которая до их прибытия была освоена неолитическими земледельцами. В этот процесс были включены и некоторые новые территории, такие, как Балтия [13; 16]. Но экспансия культуры шнуrowой керамики не оказала или оказала небольшое влияние на население Британии и Южной Европы.

На заключительном этапе в западной и центральной части Европы происходит распространение культуры колоколовидных кубков, ощутимо изменившее только население Британии и отчасти Иберии. В Восточной Европе после смешения восточноевропейских пришельцев с местными группами, сложившихся к концу неолита на основе неолитических земледельцев (с примесью мезолитических охотников), произошёл отток этого населения в степную зону. Здесь наряду с носителями таких культур, как синташтинско-петровская, андроновская и срубная, расселялось население, включавшее неолитический земледельческий, кавказский и восточноевропейский компоненты. Это разновекторное движение (с востока на запад, с запада на восток и юго-восток) охватило всю евразийскую степь, достигло юга Сибири, Северо-Западного Причерноморья, а также Индостана [6; 7; 14; 19].

Таким образом, какая бы из гипотез о прародине всех индоевропейцев не оказалась верна (степная или малоазийская), где бы ни находились промежуточные прародины её дочерних групп, со стороны генетики присутствует ряд фактов, которые необходимо учитывать при любых интерпретациях:

1) расселение в раннем неолите выходцев из Анатолии, которые поглотили мезолитические группы во всей западной половине Европы, кроме Балтии;

2) расселение выходцев со стороны Кавказа и, возможно, Ирана, в степи Восточной Европы;

3) восстановление доли автохтонного элемента в Западной и Центральной Европе в середине неолита;

4) новая волна замещения в Центральной и Северной Европе потомками степного населения Причерноморья, сочетающего восточноевропейский и кавказский компоненты;

5) возвратная миграция носителей восточноевропейского, кавказского и неолитического компонента в степи Восточной Европы и их расселение на обширных пространствах Евразии вплоть до Сибири и Индостана.

Связь населения культур шаровидных амфор, шнуrowой керамики, воронковидных кубков между собой и её истоки

Генофонд населения культуры воронковидных кубков севера Центральной Европы, существовавшей в период 3500–2500 лет до н.э., сложился на основе ранненеолитического населения Северной Европы, которое, в свою очередь, сформировалось за счёт смешения потомков анатолийских земледельцев, пришедших сюда ранее из бассейна Дуная, с потомками мезолитических охотников-собирателей Скандинавии [5; 11; 13; 18].

Население культуры шаровидных амфор (КША) может иметь несколько истоков, согласно компонентам своей материальной культуры. В соответствии с первой моделью, оно происходит от населения неолитической культуры Лендель, которая включила отдельные элементы культуры воронковидных кубков с севера [2; 10]. Согласно второй близкой ей модели, КША может представлять собой и смесь с ушедшими на юг группами носителей культуры воронковидных

кубков, объединившихся с локальными группами центральноевропейских неолитических земледельцев [2]. Кроме того, существует ещё и модель М. Гимбутас, согласно которой носители культуры шаровидных амфор – потомки более ранней, чем представители ямной культуры, волны мигрантов со стороны степной зоны [7; 18].

Согласно данным палеогенетики, генофонд населения КША, сформировался на основе неолитических земледельцев, происходящих от аграрных популяций Анатолии, частично смешавшихся с западноевропейскими охотниками-собираателями. Он лишён вклада степного населения и какого-либо следа популяционного влияния со стороны популяций с геномным компонентом восточноевропейских охотников-собираателей в своём генофонде. Это было дополнительно подтверждено биоинформатическими методами, такими как ADMIXTURE-graph, и алгоритмами на основе f3-статистики [17; 18], что полностью исключает модель М. Гимбутас.

Популяции ареала КША очень схожи с широким кругом популяций современных им культур энеолита и предшествующей ему эпохи позднего неолита Северной и Центральной Европы [18]. Так как облик этих популяций сформировался в середине неолита и не менялся до эпохи распространения шнуровой керамики, то и генофонд населения шаровидных амфор также сформирован в эту эпоху. Локальную специфику населения шаровидных амфор по отношению к другим группам неолита и энеолита Северной Западной и Центральной Европы пока трудно вычленишь. Генофонд этих популяций мало различается между собой. Если формирование КША происходило за счёт смешения населения воронковидных кубков с населением центральноевропейских культур, то в этом случае в смешении участвовало генетически близкое население. Однако оценить удельный вес переселенцев и прежних насельников

на той фактологической базе, которой располагает сейчас палеогенетика, невозможно [18]. Следовательно, население КША может происходить как от местных культур типа Лендель, усвоивших северные традиции культуры воронковидных кубков, но также оно может происходить от мигрантов из ареала культуры воронковидных кубков, поглотивших схожее с ним в популяционном отношении население на юге. Также возможна гибридная модель, сочетающая оба этих сценария.

Но население воронковидных кубков и культуры шаровидных амфор так или иначе связано родством с общим кругом популяций и едиными популяционными процессами, которые формировали западную часть Европы в эпоху неолита.

Население культурной общности шнуровой керамики существенно отличается от населения культуры воронковидных кубков и населения культуры шаровидных амфор. Оно несёт восточноевропейский и кавказский геномные компоненты, отсутствующие у населения этих двух групп, и вообще оказывается генетически очень близко к большей части своего ареала степному населению ямной культуры [11; 12]. Потому, откуда бы ни были заимствованы культурные элементы традиции шнуровой керамики, её население происходит, бесспорно, от населения ямной культуры, и имеет иное происхождение, чем население культуры шаровидных амфор.

Можно было бы допустить, что население культуры шнуровой керамики могло происходить от какой-то другой группы, близкой ямной культуре генетически, но проживающей в отрыве от неё, или изолированным анклавом в Северной или Центральной Европе, по соседству с группами, близкими генетически носителям культуры воронковидных кубков и шаровидных амфор. В эпоху среднего и позднего неолита большая часть населения Северной и Центральной Европы, включая популяции воронковидных кубков и шаровидных амфор, близка между

собой. А те немногие группы, которые от них отличаются, резко отличны и от населения КША и воронковидных кубков.

Стоит совершенно исключить и такой особый альтернативный сценарий, согласно которому население культуры и шнуровой керамики и ямной культуры, как и носители культуры ямочной-гребенчатой керамики, близки скандинавскому населению эпохи мезолита, так как в ядре генофонда неолитического населения юга-востока Балтийского побережья преобладает компонент западноевропейских охотников-собираателей. У популяций северных районов Балтии преобладает восточноевропейский компонент, но присутствует здесь без кавказского компонента. Однако именно равное соотношение кавказского и восточноевропейского компонента отличает генофонд населения и шнуровой керамики, и ямной культуры. Поэтому иного пути появления кавказского компонента в генофонде шнуровой керамики, как только через посредство населения степной зоны Причерноморья, быть не может, поскольку этот компонент не проникал в Европу через Балканы.

Таким образом, если население КША может иметь общее происхождение от популяций культуры воронковидных кубков (во всяком случае, связано с ним близким родством), то население культуры шнуровой керамики происходит из иного источника. Но сходные элементы материальной культуры могут возникнуть не только благодаря культурным контактам. Они также могут быть обязаны двум эпизодам популяционных встреч этих двух групп отличающегося между собой населения.

Влияние населения шаровидных амфор на население Причерноморья

Согласно результатам биоинформатического моделирования qpWave и qpAdm в исследовании Ванга, именно население КША могло оказать некоторое влияние на популяции ямной культуры. Имен-

но через посредство носителей КША, мигрирующих на восток, население ямной культуры, скорее всего, включило примесь генофонда неолитических земледельцев Центральной Европы [19]. В степное население энеолита вместе с анатолийским земледельческим генетическим компонентом был привнесён и генетический компонент, характерный для западноевропейских охотников-собираателей [19].

Согласно данным моделирования с помощью биоинформатических методов qpWave и qpAdm, доля вклада со стороны южно- или центральноевропейских групп была равна 16% в генофонде популяций ямной культуры Украины. Такой же процент был отмечен и в генофонде популяций ямной культуры Предкавказья, и несколько ниже – 13% – в генофонде популяций ямной культуры региона Самары, хотя эта разница указана как статистически незначимая [19].

Коллективом Ванга допускается, что часть «земледельческого» компонента могла быть принесена и с населением культуры Кукутень-Триполье [19]. Поэтому нельзя исключать того, что процесс появления этого компонента был комплексным, многоэтапным и мог быть обусловлен не только вкладом населения культуры шаровидных амфор. И первый эпизод инфильтрации носителей анатолийского земледельческого компонента мог происходить уже от первых групп аграриев, осваивавших Европу (в этом случае они бы принесли анатолийский компонент). Второй эпизод мог быть со стороны Центральной Европы от групп, прочно освоившихся в Европе и смешавшихся с местными охотниками-собираателями (в этом случае они бы принесли анатолийский компонент в смешении с компонентом западноевропейских охотников-собираателей).

Таким образом, первый импульс миграций в степи можно было бы связать с буго-днестровской культурой, второй – с новоданиловской, а уже третий мог про-

никнуть в степь с культурой шаровидных амфор. В поддержку этой версии в настоящее время пока не хватает генетических данных. Но в то же время ничто ей не противоречит. И проверка такой схемы перспективна с использованием достижений палеогенетики.

Археологические признаки новосвободненской культуры указывают на участие КША и воронковидных кубков в формировании её облика [3]. Потому, охватив степную зону, это влияние могло затронуть и территорию Северного Кавказа. Хотя по данным полных геномов такое влияние не обнаружено, оно является по данным митохондриальной ДНК [15; 19]. Вот почему сходство материальных признаков новосвободненской культуры и КША не случайно и обязано не только культурно-хронологической трансформации, но и прямым миграционным контактам, доля и степень которых может иметь разные оценки и не может быть определена однозначно.

Как уже упоминалось, в эпоху так называемой «майкопской культуры» эпохи энеолита кавказское население и популяции степной зоны Восточной Европы получили дополнительный приток населения из Закавказья. Следовательно, степной ареал ямной культуры, которая стала основой для формирования населения шнуровой керамики, оказался в этот момент на пересечении двух популяционных влияний. И хотя кавказское влияние играло здесь более значительную роль в популяционном отношении, но и влияние со стороны Центральной Европы и / или Балкан с носителями анатолийского компонента также внесло свою выраженную лепту. Это влияние достигло Среднего Поволжья и Кавказа. В этой связи важно обратить внимание археологов на этот факт двустороннего влияния на степную зону и предгорья Кавказа. Сочетание этих двух влияний имело какое-то отношение, технологическое или социальное, к оттоку степного населения из Причерноморья в лесную зону Европы и генезису населе-

ния культуры шнуровой керамики, сформировавшегося на его основе.

Влияние населения шнуровой керамики на население культуры шаровидных амфор

После формирования населения культурной общности шнуровой керамики, которое происходило, по данным генетики, на основе генофонда популяций ямной культуры, началось его стремительное распространение в Центральной, Восточной и Северной Европе [9; 11; 12; 13]. Оно неизбежно вступило в соприкосновение с населением КША. Это взаимодействие сопровождалось конфликтами, о чём свидетельствуют генетические и археологические данные из могильника КША в Кошице на юге Польши [17].

Соперничество и вражда этих групп не способствовали их метисации. Анализ коллективной могилы в Кошице указывает на обособленность этих групп населения друг от друга [17]. Носители культуры шнуровой керамики по мере укрепления влияния в ареале КША вытесняли и поглощали носителей традиции шаровидных амфор. Данные митохондриальной ДНК указывают на то, что включение автохтонного населения в состав генофонда пришельцев происходило преимущественно через женскую часть населения, что типично для победителей.

Заключение

Согласно данным генетики население КША и культуры воронковидных кубков сходно между собой, поэтому либо население КША происходит от населения воронковидных кубков, либо имеет с ним единое происхождение от близкой к ним археологической культуры. В данном случае сходство материальных черт этих двух культур отражает и их генетическое родство с населением среднего неолита Северной и Центральной Европы. Напротив, население культуры шнуровой керамики, по данным генетики, не может

быть выведено ни из культуры воронковидных кубков, ни из других неолитических групп Северной и Центральной Европы. Его происхождение связано с группой населения, близкого ямной культуре, которое сформировалось за счёт влияния восточноевропейского и кавказского компонента. Но тем не менее, население ямной культуры, которое предшествует населению шнуровой культуры, могло испытать ограниченное влияние от населения шаровидных амфор (или генетически близких им групп), которое достигло Кавказа и Поволжья. Опреде-

лённое сходство культуры шаровидных амфор и новосвободненского культурного комплекса на Северном Кавказе должно быть обязано реальным контактам этого населения. Влияние населения шнуровой керамики на население КША привело к поглощению и вытеснению последнего. Поэтому присутствие общих черт культуры между носителями культуры шнуровой керамики и шаровидных амфор может быть не только результатом культурных заимствований.

Статья поступила в редакцию 13.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Козинцев А. Г. Начальный этап индоевропейской истории: свидетельства лингвистики, палеогенетики и археологии // Вестник Томского государственного университета. История. Т. 43. 2016. № 5. С. 152–157.
2. Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 61–82.
3. Николаева Н. А. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 556 с.
4. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. 402 с.
5. Coutinho A. et al. The Neolithic Pitted Ware culture foragers were culturally but not genetically influenced by the Battle Axe culture herders. In: American Journal of Physical Anthropology, 2020. DOI: 10.1002/ajpa.24079
6. Damgaard de Barros et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. In: Science, 2018, vol. 360, iss. 6396. DOI: 10.1126/science.aar 7711
7. Gimbutas M. The three waves of the Kurgan people into old Europe. In: Archives Suisses d'Anthropologie Générale, 1979, no.43, pp. 113–117.
8. Jeong C. et al. Bronze Age population dynamics and the rise of dairy pastoralism on the eastern Eurasian steppe. In: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2018, vol. 115, no. 48, pp. 11248–11255. DOI: 10.1073/pnas.1813608115
9. Klein L. S. et al. Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West? In: European Journal of Archaeology, 2017, pp. 1–15.
10. Mallory J. et al. The Impact of Genetics Research on Archaeology and Linguistics in Eurasia. In: Russian Journal of Genetics, 2019, vol. 55, no. 12, pp. 1472–1487.
11. Mathieson I. et al. Eight thousand years of natural selection in Europe. In: BioRxiv—the preprint server to biology, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1101/016477>
12. Mathieson I. et al. The genomic history of southeastern Europe. In: Nature, 2018, vol. 555, iss. 7695, pp. 197–203. DOI: 10.1038/nature 25778
13. Mittnik A. et al. The genetic prehistory of the Baltic Sea region. In: Nature Communication, 2018, vol. 9, no.442. DOI: 10.1038/s41467-018-02825-9
14. Narasimhan V.M. et al. The Genomic Formation of South and Central Asia. In: Science, vol. 365, iss. 6457. DOI: <https://doi.org/10.1101/292581>
15. Nedoluzhko A.V. et al. Analysis of the Mitochondrial Genome of a Novosvobodnaya Culture Representative using Next-Generation Sequencing and Its Relation to the Funnel Beaker Culture. In: Acta Naturae, 2014, vol.6, no.2, pp. 31–35.
16. Saag L. et al. Extensive Farming in Estonia Started through a Sex-Biased Migration from the Steppe. In: Current Biology, 2017, vol 27, iss. 14, pp. 2185–2193. DOI: 10.1016/j.cub.2017.06.022

17. Schroeder H. et al. Unraveling ancestry, kinship, and violence in a Late Neolithic mass grave. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2019, vol. 116, no. 22, pp. 10705–10710. DOI: 10.1073/pnas.1820210116
18. Tassi F. et al. Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages. In: *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2017, vol. 284, iss. 1867, p. 20171540. DOI: 10.1098/rspb.2017.1540
19. Wang C. C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. In: *Nature Communication*, 2019, vol. 10, no. 1. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8

REFERENCES

1. Kozintsev A. G. [The earliest stage of Indo-European history: evidence of linguistics, paleogenetics and archeology]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 2016, vol. 43, no 5, pp. 152–157.
2. Mallory J. P. [Indo-European ancestral homelands]. In: *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of ancient history], 1997, no1, pp. 61–82.
3. Nikolaeva N. A. *Etno-kul'turnye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n.e. v kontekste drevnei istorii Evropy i Blizhnego Vostoka* [Ethno-cultural processes in the North Caucasus in the III–II millennium B.C. in the context of the ancient history of Europe and the Middle East]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2011. 556 p.
4. Safronov V. A. *Indoevropeiskie prarodiny* [The Indo-European homelands]. Gorki, Volga-Vyatka book Publ., 1989. 402 p.
5. Coutinho A. et al. The Neolithic Pitted Ware culture foragers were culturally but not genetically influenced by the Battle Axe culture herders. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2020. DOI: 10.1002/ajpa.24079
6. Damgaard de Barros, et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. In: *Science*, 2018, vol. 360, iss. 6396. DOI: 10.1126/science.aar7711
7. Gimbutas M. The three waves of the Kurgan people into old Europe. In: *Archives Suisses d'Anthropologie Générale*, 1979, no.43, pp. 113–117.
8. Jeong C. et al. Bronze Age population dynamics and the rise of dairy pastoralism on the eastern Eurasian steppe. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2018, vol. 115, no. 48, pp. 11248–11255. DOI: 10.1073/pnas.1813608115
9. Klein L. S. et al. Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West? In: *European Journal of Archaeology*, 2017, pp.1–15.
10. Mallory J. et al. The Impact of Genetics Research on Archaeology and Linguistics in Eurasia. In: *Russian Journal of Genetics*, 2019, vol. 55, no. 12, pp.1472–1487.
11. Mathieson I. et al. Eight thousand years of natural selection in Europe. In: *BioRxiv—the preprint server to biology*, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1101/016477>
12. Mathieson I. et al. The genomic history of southeastern Europe. In: *Nature*, 2018, vol. 555, iss. 7695, pp.197–203. DOI: 10.1038/nature 25778
13. Mittnik A. et al. The genetic prehistory of the Baltic Sea region. In: *Nature Communication*, 2018, vol. 9, no.442. DOI: 10.1038/s41467-018-02825-9
14. Narasimhan V. M. et al. The Genomic Formation of South and Central Asia. In: *Science*, vol. 365, iss. 6457. DOI: <https://doi.org/10.1101/292581>
15. Nedoluzhko A. V. et al. Analysis of the Mitochondrial Genome of a Novosvobodnaya Culture Representative using Next-Generation Sequencing and Its Relation to the Funnel Beaker Culture. In: *Acta Naturae*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 31–35.
16. Saag L. et al. Extensive Farming in Estonia Started through a Sex-Biased Migration from the Steppe. In: *Current Biology*, 2017, vol. 27, iss. 14, pp. 2185–2193. DOI: 10.1016/j.cub.2017.06.022
17. Schroeder H. et al. Unraveling ancestry, kinship, and violence in a Late Neolithic mass grave. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2019, vol. 116, no. 22, pp. 10705–10710. DOI: 10.1073/pnas.1820210116
18. Tassi F. et al. Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages. In: *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2017, vol. 284, iss. 1867, pp. 20171540. DOI: 10.1098/rspb.2017.1540

19. Wang C. C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. In: *Nature Communication*, 2019, vol. 10, no. 1. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коньков Андрей Сергеевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра палеоэтнологических исследований;

e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Konkov – Cand. Sci. (Biology), Senior research assistant, Paleoethnology research center;

e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коньков А. С. Популяционные связи носителей культуры шаровидных амфор, воронковидных кубков и шнуровой керамики согласно данным палеогенетики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 78–88.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-78-88

FOR CITATION

Konkov A. S. Populational relations between the globular amphora, funnelbeaker and corded ware cultures according to paleogenetics data. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 78–88.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-78-88

УДК 902.01:572.029

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-89-105

THE „I” OF A WARRIOR. SOCIAL COMPLEXITY AND CULTURAL RECOGNITION OF WARRIOR VIRTUES IN THE CORDED WARE CULTURE

R. Skrzyniecki, W. Skrzyniecka*Adam Mickiewicz University in Poznań**1 Wieniawskiego ul., Poznań 61-712, Poland*

Abstract

Aim. The aim of this paper is to elaborate a contemporary approach to warriors in archaeology. This particular type of social identity has been sufficiently researched and described in cultural anthropology. However, despite the abundance of information, the recognition of this phenomenon in the debate concerning prehistoric societies has been by no means satisfactory. Therefore, an attempt to provide new interpretations, incorporating various types of interdisciplinary data, must be made.

Methodology. One of the ways to better comprehend the essence of warriorhood is to emphasize its universal “core”, consisting of a set of physiological reactions to confrontation and social mechanisms covering mutual relations between warriors and other members of a society they belonged to. As a social figure of great importance, a warrior was entangled in a vast network of social relations, which constituted his/her social being. Taking that into account, it is mandatory to study not only material symbols of martial prowess, such as weapons or anthropomorphic figurines, but also the so-called contextual background, including sex, age of weapon-wielders, burial customs attributed to them, as well as their relations to community members buried without attributes of war. This particular goal is often difficult to achieve, mostly due to poor preservation of skeletons or elusive and ambiguous character of social differences displayed in burial ritual. Nevertheless, few cultural traditions from the pre-state era in prehistory offer an invaluable field for this kind of research. The Corded Ware culture is undoubtedly one of them. It puts a strong emphasis on virility and martial prowess, by transcending these values from the world of the living into domain of the dead. Therefore, it will constitute the focal point of the presented idea of warriorhood.

Results. The authors’ intention was to emphasize the fact that, despite its spatio-temporal variety, the phenomenon of *warriorhood* is characterized by a number of unique features, which occur universally in many cultures all over the world.

Research implications. The approach to *warriorhood* presented in this paper combines the socio-anthropological background with the analysis of archaeological data in order to provide a more subject-oriented line of interpretation.

Keywords: Corded Ware culture, warriorhood, social identity, weaponry, skeletal injuries

ЛИЧНОСТЬ ВОИНА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ОЦЕНКА ВОИНСКИХ ДОБЛЕСТЕЙ В МИРЕ КУЛЬТУР ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ

Р. Скржинецкий, В. Скржинецка*Познаньский университет имени Адама Мицкевича**61-712, г. Познань, ул. Венявского д. 1, Польша*

Аннотация

Цель. Разработать современный подход к изучению воинской идентичности в археологии и попытаться дать новую интерпретацию этого феномена.

© СС BY Р. Скржинецкий, В. Скржинецка, 2020.

Процедура и методы. В исследовании использованы социально-антропологический и междисциплинарный подходы для анализа археологических данных.

Результаты. Установлено, что, несмотря на пространственно-временное разнообразие, феномен воинственности характеризуется рядом конкретных, уникальных черт, которые встречаются повсеместно во многих культурах по всему миру.

Теоретическая/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют более предметно-ориентированно интерпретировать феномен воинской идентичности.

Ключевые слова: культура шнуровой керамики, воинская идентичность, социальная идентичность, вооружение, травмы скелета

Introduction

The presence of weaponry in some prehistoric burials has attracted researchers' attention for at least seven decades, and probably even earlier [7, pp. 126–139]. Because of the lack of textual evidence, as well as often elusive & ambiguous nature of burial ritual, there is no unified approach towards its interpretation. The debate on this matter is unchangeably polarized [36, pp. 449–470] albeit one particular term seems to represent a common ground. This keyword, or rather a key figure, is a warrior. But who is he (or she), exactly? In other words, what does it mean to be a warrior and whether such information can be accessed through archaeological record?

According to a general definition, warrior is a person whose vocation is warfare. He (or she) engages in actual, physical activity of fighting. In contrast to conscripted soldiers, warriors are not subordinate to any superiors and usually fight for their own, individual purposes. Their everlasting desire to achieve more and more glory often ends with violent death. Therefore, as stated by P. Clastres [8, pp. 305–307], warriorhood could be compared to a lethal burden which only chosen are brave enough to carry.

Tripartite definition of warriorhood

Taking into account the complex and interdisciplinary nature of warriorhood, it is proposed that it should be examined in at least three different aspects or dimensions: physiological, social and cultural.

Physiology and psychology of fighting

The first dimension encompasses warrior's physical and psychological reactions to battle conditions. In other words, it represents an attempt to conceptualize feelings and emotions warriors encounter on their "warpath" and also the way those affect their physicality.

As some researchers claim, human beings are anatomically adapted to the instrumental use of violence. They developed a precise grip necessary for the effective use of throwing weapons. Their wide field of sight facilitates detection of threats and enables an acute assessment of distance to the target. Finally, upright posture along with slender constitution and relatively long legs allow to cover long distances in relatively short time [31, pp. 47–54]. But the true mastery in warriorhood lies not in anatomical predispositions, but in the comprehension of one's physiology and the ability to control it.

The direct experience of a battle usually triggers various reactions, or rather physiological states, which are controlled by a human nervous system. When an individual finds himself in a life-threatening situation, his sympathetic nervous system (SNS) begins to take over. Heart starts to beat faster than normal, and adrenaline and norepinephrine are being released. The individual systematically loses the ability to fully control their movements, which poses a serious threat for an inexperienced warrior, as it decreases one's martial proficiency. People who face the enemy for the first time sometimes experience even more severe reactions, such as nausea, temporal loss of hearing and sight,

as well as paralysis [13, pp. 114–134]. However, these physiological limitations could be effectively mitigated by high-repetitive weapon training in simulated battle conditions, such as duels. A long process of adaptation to fighting grants better control of physiological excitation, and therefore higher combat effectiveness. It means that true weapon mastery could only be achieved by a narrow group of people meeting certain economic conditions allowing them to invest most of their lifetime into highly sophisticated training [29, pp. 188–202]. Therefore, the nascence of economic and social inequality probably played a major role in the development of a professional warrior class in the past [40, pp. 813–827].

What is more, it is scientifically proven that using different types of weaponry may affect the level of willingness to kill [12, p. 98]. The longer the distance between the killer and his victim, the easier the decision to eliminate the enemy. It happens so because individual traits of the target are blurred and hardly recognizable, and therefore the perception of one's humanity is limited. Generally, it is easier to dispatch an enemy using a bow, than, for instance, an axe or a mace. The reasons for it are manifold: apart from psychological background briefly mentioned above, the risk of receiving a killing blow from an unsuspecting individual hit by an arrow is significantly lower than in close-combat encounter. Moreover, many warriors are unwilling to expose themselves to the enemy arrows in order to shorten the distance to their targets and attack them with their hand-weapons. This tactic is almost impossible to incorporate in pre-state societies, where the lack of institutionalized military leadership usually prevents the execution of orders and therefore hinders the cooperation between diversified units on the battlefield [31, pp. 1–18]. It is believed that pre-Bronze Age war parties utilised primarily ambushes and surprise attacks and relied heavily on their bows and arrows rather than clubs and axes. Only with the rise of social stratigraphy and all its socio-economic after-effects the

mastery in using such sophisticated weapons as swords became possible [40, pp. 813–827].

Social dimension of warriorhood

The second aspect of being a warrior relates to the issues associated with internal organisation and obligations towards society. It covers various mechanisms of interaction, such as structure and hierarchy of warrior institutions, rules of competition and cooperation, as well as attitude towards the Other, i.e. enemy. For instance, an individual might be considered a warrior after reaching certain age threshold or fulfilling a specified task, such as taking an enemy's scalp [8, p. 298]. There were also warrior societies in prehistory, where warriorhood was not granted, but rather "inborn", as it formed an integral part of an elite social status [44, pp. 515–528]. In many pre-state communities being a warrior meant additional social privileges [8, p. 302]. However, bellicose individuals were often treated with mistrust and isolated from the social life. As G. Dumézil implied, all who devoted their lives to warlike profession ended as double-beings, entrapped between the good and evil side of morality [9, pp. 105–111]. Their might and prowess were commonly revered, but often feared and dismayed at the same time; uncontrolled lust for violence and disdain for social rules could easily turn them from heroes and saviours to the worst predators.

Therefore, communities with warrior institutions were forced to develop social mechanisms of control and security to minimize the risk of being wiped out and subdued by their own, bellicose kin [8, pp. 297–298]. Warriors mostly fight for glory, and glory constitutes a foundation of their prestige [23; 34]. However, the latter is an arbitrary value administered by the community. It is socially profitable and desired, but in order to achieve it a warrior must willingly expose oneself to constant evaluation. What is more, prestige is never permanent. It actually depends on warrior's actions. One's exploits were broadly discussed and evaluated by the members of a community and on this basis deemed more or

less glorious. Every other achievement must be greater than the previous, or prestige will be gradually lost. Eventually warriors become addicted to community's evaluations and fall into an on-going struggle to achieve more and more glory by embarking on more and more life-threatening tasks. In the end, every war-devoted individual must embrace his final destiny, i.e. the completion of an ultimate deed which will grant him immortality through death. This is the main sorrow of a pre-state warrior, as P. Clastres put it in his magnificent *Archaeology of Violence* [8, p. 311].

It is also important to properly address the place of a warlike way of life in the social milieu of prehistoric communities. Origins of warriorhood are often discussed in a broader perspective regarding the process of institutionalisation of violence [42]. Researchers mostly agree that some types of its organized forms, e.g. raids and massacres, occurred in Neolithic or even earlier [41, pp. 145–165; 11, pp. 112–131]. But, as Rick Schulting [35, pp. 24–26] states, it was merely a war without warriors. In other words, being a warrior at that time was not a profession or vocation, but rather a role every able-bodied man had to fulfil when the need arose. In case of central Europe, this situation changed presumably at the turn of the IV and III millennia [37, pp. 94–96]. This period saw major ideological changes, which are, to some degree, reflected in archaeological record. One of them, i.e. the custom of placing weapons in male burials, deserves particular attention.

It was noticed that incorporation of weaponry into the burial ritual in the 3rd millennium BC was somehow associated with reduction of skeletal trauma, best visible when compared to earlier Neolithic samples. One of the most reasonable explanations utilizes R. Kelly's hypothesis of social substitutability [20]. In general, in egalitarian societies lives of people belonging to competing populations have the same value. As a result, killing a random enemy is considered a sufficient "payback" for a murder, even if the victim was not an actual killer. This rule has gradually lost its importance in the course of the

3rd millennium BC, most probably as a result of growing social inequalities. Life of particular individuals, belonging to privileged groups, had grown in value, which in turn disturbed the previously maintained social balance. Every offence, assault and especially murder that affected member of a privileged group had to be properly avenged. The only way to achieve this was to offend, assault or kill the victim's counterpart from the hostile group. As a result, distribution of violence has become restricted to people of particular social rank, presumably associated with combat. The emergence of "warrior burials" and decrease of skeletal trauma are therefore linked together.

Cultural dimension. Weapons to display, virtues to commemorate

The last, cultural dimension is represented by means of emphasizing and commemorating warriorhood through material culture. It is also the most archaeologically accessible aspect of identity under discussion. As for the two former dimensions, they represent a necessary context for understanding the latter.

One of the longest discussed matters in funerary archaeology addresses the degree to which material objects buried with an individual "reflected" one's identity [28, pp. 223–235; 16, pp. 327–379]. It is likely that among illiterate societies of prehistoric Europe grave goods were used to display and therefore emphasize values and beliefs of great importance, especially to the mourners. On the more individual level, they could as well represent powerful statements about true or idealized identity of their "owner" [39, pp. 167–176; 47, p. 185]. On the one hand, archaeologists might deal with personal belongings considered essential for their extraordinary value or utility. It is possible that an object was precious to an individual because it represented a part of one's identity which was considered prestigious by its "owner", as well as other members of community. On the other hand, an item or a whole set of funerary offerings could be used to impose a whole new identity

on the deceased. Therefore, the nature of relations between individual and his or her offerings may be metonymic or metaphoric [45, p. 394]. In the first case, particular categories of grave goods are associated with one's social roles and related responsibilities. Alternatively, the posthumous identity may be manipulated by the mourners by using objects with symbolic meaning. A suggestive example of this custom is represented by child burials furnished with weaponry or other categories of material culture usually restricted for adults [51, pp. 341–351; 50].

The idea of transferring weaponry into the funerary domain is at least 6500 years old and was documented among the communities of Hamangia-Varna cultural circle from the Balkan Peninsula [19, pp. 278–280]. It was also known in different parts of Carpathian zone, as well as Central Europe [1; 38, pp. 875–889; 14]. However, this custom was mostly abandoned during the first half of the 4th millennium BC. Its renaissance is dated to the threshold of the 4th and 3rd millennia BC and associated with the emergence of new cultural phenomena stimulated by the contact between the Eastern European cattle herders and farming communities of the Old Europe.

One of the most up-to-date narratives dealing with the spread of this new warrior tradition might be used as a plausible introduction to this section. An organised collective of bellicose iuvenes [32, p. 345], belonging to the Eastern European Yamnaya culture, constitutes its focal point. Encumbered by social restrictions, they developed an idea of a one-way expedition westward in order to acquire land to inhabit and space to establish their own social order. Leadership was naturally granted to the bravest and most fearsome warriors with an ability to attract large numbers of their peers. A hope for a better future and a sense of camaraderie bound these men together and their martial experience ensured them military superiority over farmers of Old Europe. According to Kristian Kristiansen and his colleagues, members of those warrior groups practiced

exogamy, most probably by kidnapping women from villages they encountered. Due to their limited numbers, the newcomers were eventually incorporated [absorbed?] into local societies, but probably still maintained the memory of their warlike past. A new cultural phenomenon, that is Corded Ware culture (later CWC), emerged and, judging by its origin, celebration of warriorhood constituted an important part of its ideology. In the next part of the paper, different approaches to war-related virtues and the way they were “immortalized” through the CWC burial ritual, will be discussed.

Approaches to warriorhood in chosen zones of the Corded Ware culture ecumene

The issue of warrior ideology and its emanations among local European communities sharing the Corded Ware tradition was discussed in detail in doctoral thesis of one of the authors. Its central assumption was that both social and cultural dimensions of warriorhood, albeit elusive and in most part non-material, can be accessed and reconstructed through the analysis of particular archaeological and biological characteristics of burials [37]. This approach was influenced by the work of Quentin Bourgeois and Eric Kroon [3; see also Fig. 1], who analysed approx. 1100 burials from the so-called western part of the CWC [15, pp. 83–123] and identified recurring patterns regarding the presence or absence, as well as location of different categories of grave goods in graves of female and male individuals. According to their interpretation, weaponry was one of the most sex-dependent types of funerary gifts, which indicates the social recognition, and therefore ideological importance of warlike-related activities in the Corded Ware society.

In order to develop a more detailed approach to the matter, the Authors' assumptions were compared to the burial customs of the chosen CWC communities from the Oder and Dniester interfluvium, i.e. Małopolska & Lublin Uplands, Kańczuga Heights and the Sokal Ridge (Fig. 2).

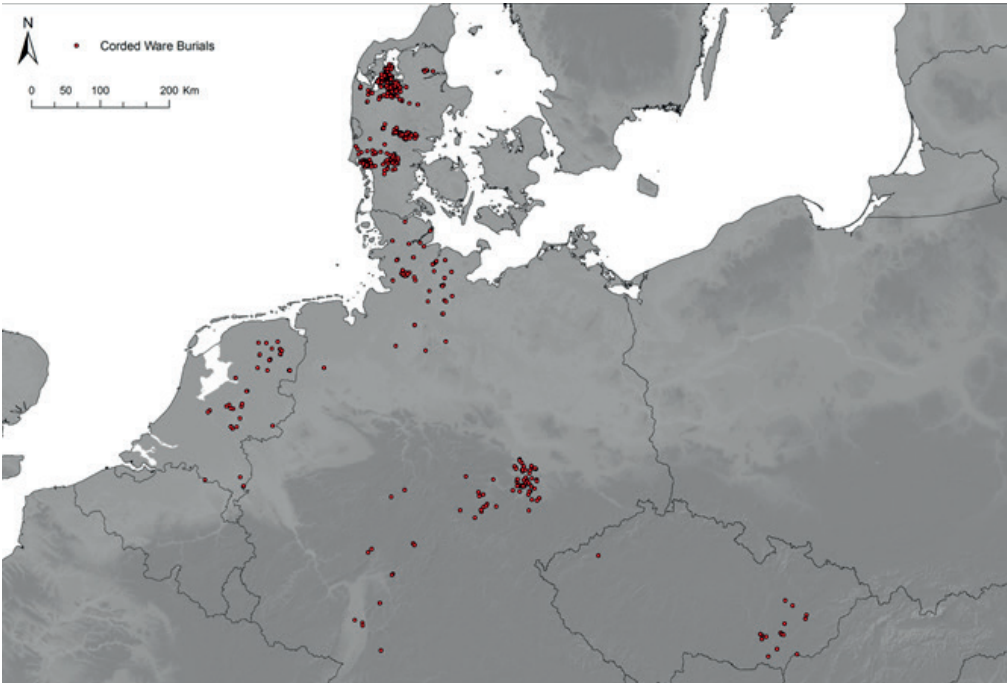

Fig. 1. CWC cemeteries included in the sample collected and analysed by Bourgeois and Kroon. Source: Bourgeois and Kroon 2017.

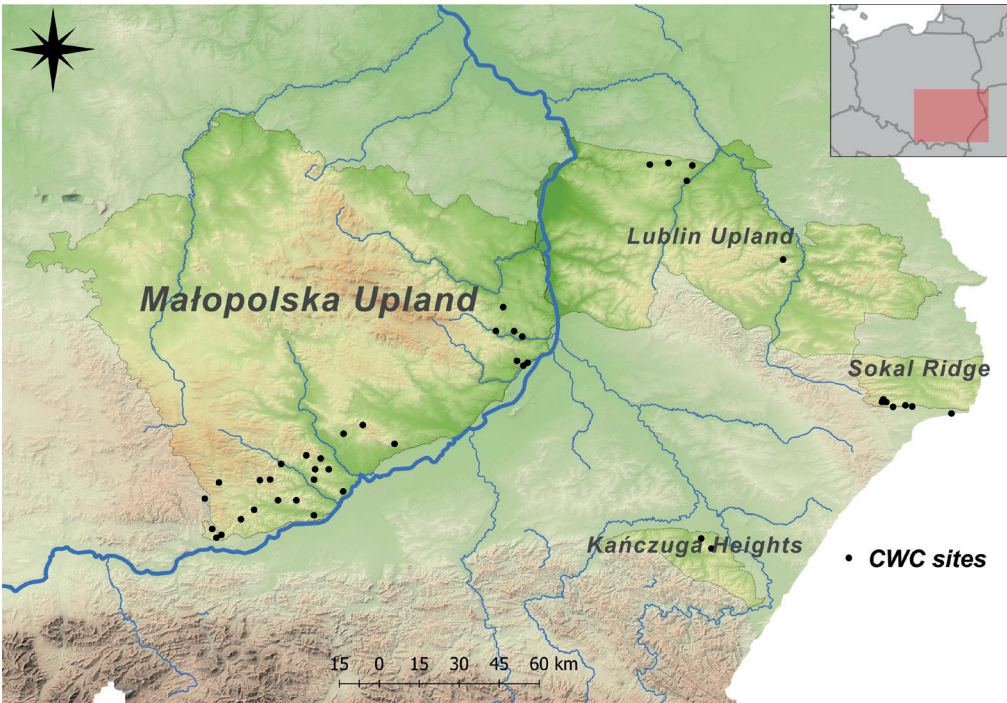

Fig. 2. Geographical range of selected cemeteries from the eastern part of the CWC ecumene. Source: the authors' data.

Boldly embracing the “New”. Warriors among Corded Ware people of Małopolska Upland

The region in question is widely known for its abundance of skeletal burials associated with the Corded Ware tradition [17; 51; 24]. Significant amount of data, as well as relatively good state of bone preservation offers favourable conditions for the analysis of relations between biological (sex and age) and cultural (body orientation, limbs' arrangement, types of equipment and its location on the bottom of the burial pit) characteristics of the deceased [37, pp. 185–199]. As in the so-called western zone, weaponry was almost exclusively deposited in graves of males. What is more, all weapon-wielders were buried in a particular position, that is on their right-hand side with heads towards south and faces turned to the east. The dominant age category was *maturus*, although few cases of weaponry associated with individuals of pre-adolescent age were also documented.

Similarly to the areas studied by Bourgeois and Kroon [3], a stone battle axe with a shaft-hole was probably the most iconic weapon of a CWC warrior from Małopolska Upland. Items of this kind were found exclusively in burial pits with right-hand sided interments. Due to the absence of material remains of bows, the incorporation of this type of weaponry into the funerary sphere cannot be confirmed. Nevertheless, many graves contained non-organic arrowheads, mostly made of flint. Flint axes, although having potential for self-defence or assault purposes, were not considered specialized tools of war, although there is still some controversy over their possible function [51; 5, pp. 55–64]. On the one hand, those items were deposited in graves of men and women alike. On the other, only men buried on their right-hand side were interred with two or more flint axes. In addition, “warrior axes” were often larger, heavier, and better crafted than specimens found in women and non-combatants' graves [2, pp. 293–306].

Małopolska Upland

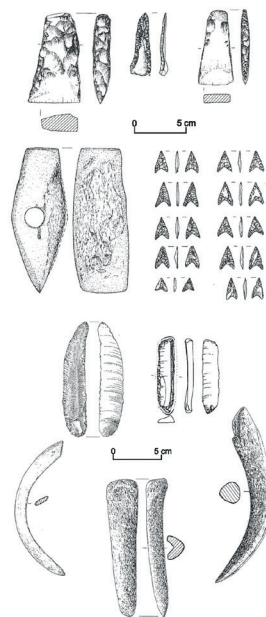
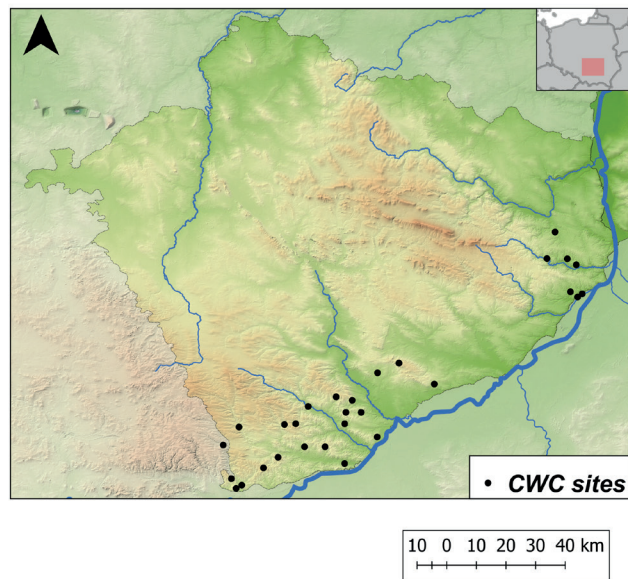

Fig. 3. Location of cemeteries with CWC warrior graves from Małopolska Upland and a selection of objects from their inventory. Source: Compiled by the authors according to various works.

Apart from weaponry, warrior's equipment included a considerable array of tools made of bone, flint and stone. Some of those objects, such as bone chisels, boar tusks, antler and bone batons, large flat whetstones, flint strikers and ample collections of flint half-products (probably a part of arrowmaker's kit), were almost exclusively deposited in graves of males buried on their right-hand side. It is therefore possible that they constituted a part of a metonymic representation of activities associated with warriorhood.

It is important to emphasize that customs related to the re-creation of warriorhood in the funerary sphere were gradually changing over time. The most notable difference between Małopolska Upland and Corded Ware settlements lying more to the west is the growing importance of long-distance weapons. It is especially evident in the 2nd half of the 3rd millennium BC, when local communities of South-Eastern Poland intensified their contacts with people occupying areas between Dniester and Dnieper rivers. From that period the approach to warriorhood in the CWC ecumene, previously rather uniform in its core principles, had begun to diversify and slowly evolved on its eastern margins into more Bell Beaker-like affirmation of archery.

However, the association between warrior identity and elitism was still in its infancy. In contrast to the culture of warlords, characteristic for the upcoming archaeological epoch, warriors of the Corded Ware culture were most probably revered for their individual prowess and skill, but not for their social superiority [37, pp. 495–527].

Respect for- or the rejection of the ways of the fathers? Local differences in celebration of warrior virtues in different areas of South-Eastern Poland

From the analysis of archaeological data, it appears that warrior ideal in the whole area of interest was conceptualized according to a set of commonly-shared rules, like an association of military prowess and masculinity, or right-hand-sided orientation of the

individual's body. However, there is also a considerable degree of variety in local posthumous celebrations of warriorhood, which is especially evident in terms of quality and quantity of deposited grave goods, along with their placement in the burial pit.

For instance, CWC communities of the Sokal Ridge [26, pp. 137–144; see also Fig. 4] only partially participated in the transition from close-combat to archery-based concept of warriorhood. Like in the West, stone battle-axe remained the most iconic, and therefore important symbol of power and military prowess. On the contrary, the number of lithic arrowheads found in funerary contexts is relatively low when compared to the Małopolska Upland. There are also no direct indications of using flint axes as a substitute for a stone battle-axe. Moreover, the association between weaponry and particular type of tools is far less marked. This situation is similar to that from the end of the 2nd/beginning of the 3rd chronological phase in the Małopolska Upland [37, pp. 512–513]. The absence of weaponry in children's burials suggests that this particular type of warriorhood was celebrated in a metonymical, rather than metaphorical way.

The approach to warriorhood among CWC communities of the Lublin Upland (Fig. 5) represents a case similar to that of the Małopolska Upland, as indicated by the custom of transferring arrows, as well as parts of arrowmaker's kit into the funerary sphere [18, pp. 509–532]. Another feature worth mentioning is the presence of peculiar weapon sets consisting of two flint axes and arrows. Similar combinations of weaponry were documented in warrior graves dated to the sub-phase IIIB and unearthed on the Vistula's left bank. In addition, an association of weaponry with particular types of tools, i.e. bone chisels, boar tusks and bone/antler batons is also evident. The absence of weaponry in graves of children was previously documented for the Sokal Ridge. At the same time weapons were placed in graves of senilis individuals. Therefore, it is likely that one's social rank established during lifetime didn't

Sokal Ridge

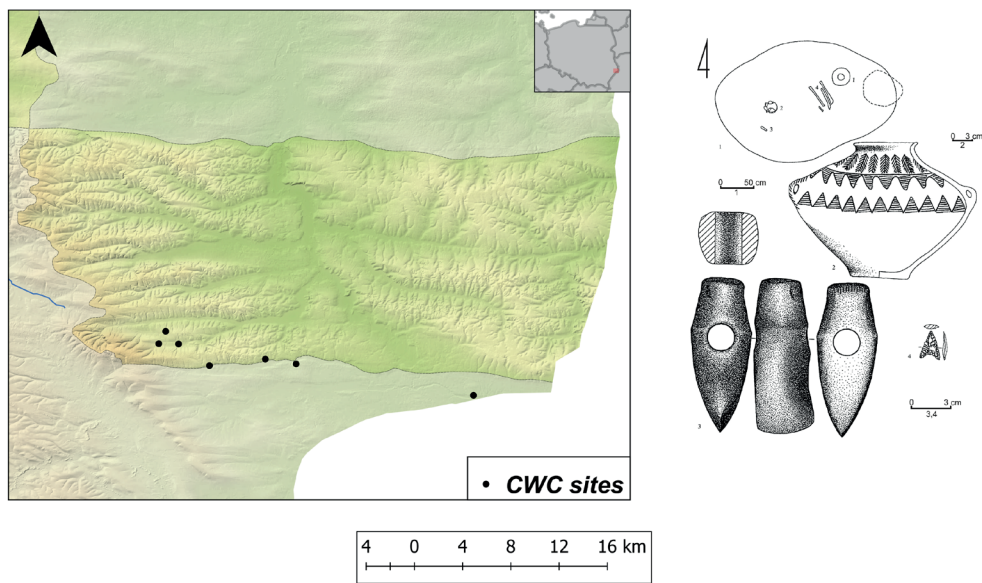

Fig. 4. Location of CWC sites from the Sokal Ridge and a typical inventory from a warrior's grave. Source: Compiled by the authors according to Machnik et al. 2009.

Lublin Upland

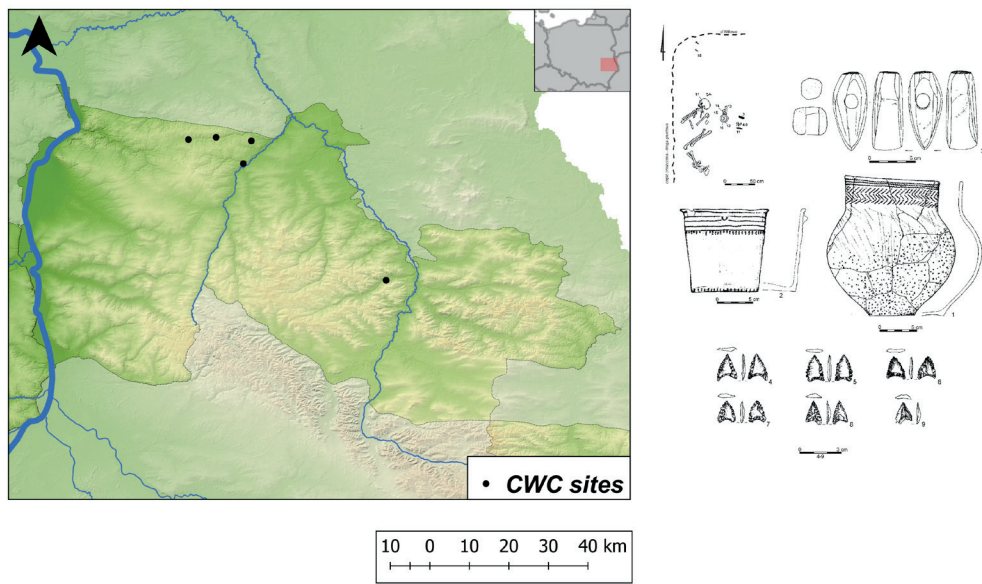

Fig. 5. Location of CWC sites from Lublin Upland and a selection of equipment from a warrior's grave. Source: Compiled by the authors according to Jarosz et al. 2016.

lost its actuality with age, as was the case in Vlketice, Moravia [48; 49].

Similarly to Małopolska and Lublin Uplands, dead warriors from the region of Carpathian Foothills, also known as Kańczuga Heights (Fig. 6), were interred with stone battle axes and arrows. What is more, one of the graves from Szczytna, site 6, contained an extraordinary shaft-hole battle axe made of arsenic bronze [17, pp. 44–46]. The custom of placing more than one flint axe in the burial pit, characteristic for later phases of the CWC development in South-Eastern Poland, is also present. In two cases the deceased were buried with a full warrior set, consisting of a stone battle-axe, arrows and two axes made of flint. In addition, one of the aforementioned weapon-wielders was given a large flat whetstone, which represents a peculiar combination of old (stone battle axe, whetstone) and new (archer's toolkit, two flint axes) material symbols of warriorhood and other associated activities [37, pp. 516–519].

Contrarily to the Sokal Ridge and Lublin Upland, weaponry was also placed in graves of pre-adolescents, which suggests more metaphorical dimension of warrior identity: two young individuals of infans age were interred with smaller, meticulously shaped battle-axes adjusted to their size. However, this by all means symbolic representation does not include archer's equipment. This rule was also followed by the CWC communities from Małopolska Upland. Given these examples, it might be concluded that battle-axes functioned as a material symbol of the distinct, social group privileged to carry and display their weapons, while bows represented more pragmatic and lethal way of waring, restricted only to the actual warriors.

In the discussed case, presence of weaponry seems to be associated more with biological sex, than age of the deceased. The custom of placing stone battle-axes next to the pre-adolescents suggests that warriorhood was an important, but rather symbolic than

Kańczuga Heights

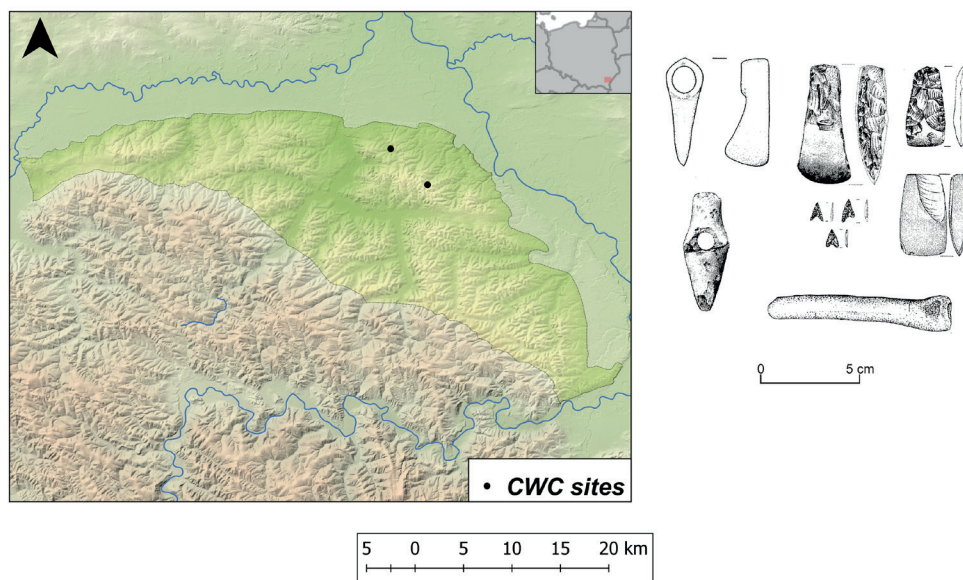

Fig. 6. Location of the largest CWC cemeteries from Kańczuga Heights and a selection of equipment from a warrior's grave. Source: Compiled by the authors according to Hozer et al. 2017.

actual, part of collective identity of a particular social group. If one takes into account that limited number of females from Szczytna were also buried with very rich inventory, it might be assumed that some CWC communities from the region in question were internally diversified according to a particular social rank system, as was suggested by H. Vandkilde in her study of the Vikletice cemetery in Moravia [45, pp. 393–422].

Fairly large number of prestigious grave goods made of metal might be a result of intensified contacts with communities of the Steppe zone. The most spectacular example of a richly furnished warrior grave is the object no. 4 from Szczytna, site 6 [17, pp. 38–47]. It contained an arsenic bronze shaft-hole battle-axe and a copper tool for flint processing, as well as four pieces of metal jewellery, non-organic remains of archer's kit and previously mentioned flint half-products for arrow-making. Quite surprisingly, a man buried with such remarkable gifts was a young individual of adultus age. Judging by his equipment, he must have played an important role in his community. The presence of weaponry and metal adornments indicates that his exceptional status was related to the ideal of warriorhood. On the other hand, it may as well represent an important step into the elitisation of warriorhood, which occurred in a fully developed form in the succeeding age of bronze [46, pp. 37–63].

Warriors in the West. General remarks on ways of celebrating warriorhood in the western zone of the CWC settlement zone

Before proceeding to the final assessment of the coherence of the CWC warriorhood in its wider geographical scope, a brief summary of its western part must be presented. It is based on the study of Bohemian CWC funerary rites [4; 48; 49; 21, pp. 191–208]; as well as the data published by Bourgeois and Kroon [3].

The burial ritual of the CWC communities from Bohemia was gender-differentiated, with males buried on their right-hand-

and women on their left-hand side. Some particular types of grave goods, such as bone chisels, metal tools and stone axes, were deposited only in pair with weapons [21; 48; 49]. The presence or absence of weaponry was sex-dependent. However, similarly to the Małopolska Upland, part of male population was interred according to different rules, i.e. on a left-hand side and without attributes of war. There are, though, some striking differences, and an almost total lack of archer's equipment is without doubt one of the most intriguing. Moreover, the symbolic significance of close-combat is emphasized by the presence of additional categories of arms, i.e. stone maceheads.

Warriorhood in Bohemia appears to be related to the particular age span stretching from *iuvenis* to *maturus* [48, pp. 129–140; 49]. The lack of weaponry designed for middle-range combat might be an important hint on the actual methods of fighting. Bows were most likely considered tools, while stone battle-axes and maces functioned as the main symbols of martial prowess. Some researchers claim that their extraordinary significance actually reflects the duel-like nature of CWC *warfare*. Similar customs were recorded for modern pre-state societies [6], as well as Mycenaean military organisations of the late Bronze Age [29, pp. 188–202]. The purpose of this mode of interaction is, of course, extremely difficult to determine. It could be a way of establishing internal hierarchy among young warriors, as well as a method of settling down matters without unnecessary bloodshed. Needless to say, expertise gained in such controlled duels was invaluable during encounters with real enemies.

As for the western and northern part of the CWC range weaponry was also placed only in graves of males buried on their right-hand side. This particular feature appears to be universal in the whole CWC *ecumene*. Stone battle-axe was the primary symbol of warriorhood and its symbolic significance was additionally emphasized by placing the weapon in front of the upper part of the

body of the deceased. This specific custom is also evident in the Małopolska Upland and adjacent areas, although the battle-axe was usually located behind the individual, at the level or slightly above his arms [37, pp. 412–420]. More surprisingly, flint axes from Bourgeois and Kroon's database were located in the same zone of the burial pit as stone battle-axes. This practice bears some resemblance to that from the Małopolska and Lublin Uplands, where flint axes were sometimes deposited in graves instead of a stone battle-axe. However, these objects were usually placed in other, less representative zones of the burial pit, often in the vicinity of tool-like objects intended for everyday use [37, p. 412–420]. Another major difference is the lack of archer's equipment, characteristic also for the previously discussed groups from Bohemia. Most likely the bow was considered a hunting weapon, well suited for shooting game, but not humans. However, burials of the victims from Eulau [27] clearly show that ranged weapons were used for killing people in the time when Corded Ware tradition was still present.

Facing the Enemy. An insight into the Corded Ware ways of fighting

Remains of arrows and large deposits of flint half-products intended for arrow-making constituted an important part of posthumous warrior image among CWC communities from Vistula and, most likely, also the Dnieper basin. According to a metonymic interpretation of warrior equipment, objects interred with the deceased were connected to personhood and therefore reflected certain part of one's social identity. A steady increase in numbers of middle-range weaponry deposited in CWC graves from South-Eastern Poland during the second half of the 3rd millennium BC might indicate the occurrence of changes both in ideological, as well as practical approach to warriorhood. A significant number of examples demonstrating the socio-ideological importance of archery comes from late Yamnaya and Catacomb cultures funeral contexts [33]. Despite considerable

geographical distance, communities from the Małopolska Upland, as well as other adjacent regions, were affected by the Steppe tradition and adopted new ideal of manhood and power, epitomized by the expertise in archery and other associated activities, such as flint processing, and probably also hunting.

Incorporation of archer's equipment into the funerary sphere clearly indicates that effective use of this weapon was considered one of the important aspects of idealized image of manhood. What is more, some burials from the South-Eastern Poland bear traces of arrow wounds, which obviously suggests that bows, apart from their symbolic role, were also actively used in real combat. One of the cases of skeletal trauma was identified in a female burial from large, flat cemetery in Żerniki Górne, site 1. Among the pelvis bone of an adult woman a single flint arrowhead was found. This observation demonstrates that both males and females were treated as potential targets.

Similar association between weaponry interred with the deceased and the character of skeletal trauma could be observed in Germany and Bohemia. Skulls of some adult males bore traces of blunt trauma, located predominantly on the left side of their parietal bones. It is likely that they took part in ritualized duels, during which contestants attacked each other with heavy implements such as stone axes or maces. According to Neubert et al. [30, pp. 217–224], the purpose of this activity was not to kill, but rather to stun an opponent, presumably in order to gain prestige and confirm or renegotiate one's social position. Taking into account all presented data, it might be assumed that the difference in means of commemoration of warrior identity in Western and Eastern zones of the CWC settlement were to some degree related to the nature of actual fighting. Use of bows, as well as the presence of possible female victims indicate, that warfare in SE Poland was less ritual and probably more brutal. This observation is particularly interesting when compared to R. Schulting's idea of eneolithic warriorhood, which, in

his opinion, marks the transition between voluntary and professional organisation of warrior's craft. It seems that CWC communities from Eastern Europe were under the influence of the previously mentioned Steppe cultural traditions, and adjusted their combat techniques to warlike and aggressive neighbours. The killing of women also suggests that the rule of social substitutability could have been partially restored.

Discussion

Comparative analysis of burial rituals from the discussed regions of the CWC ecumene demonstrates that customs associated with celebration and commemoration of warriorhood were not uniform. Limited numbers of archer's equipment in burials from Denmark, Germany and Bohemia stand in contrast to its large quantity recorded in graves from SE Poland. However, the incorporation of middle-range weaponry into the funerary sphere became widespread slightly before or shortly after the beginning of the 2nd half of the 3rd millennium BC. Male burials from the earlier period did not contain arrows and were predominantly furnished with stone battle-axes. It appears that between 2800 and 2600 BC warrior identity and its funerary representations were more coherent. After that period, the older, close-combat oriented pattern of warriorhood was still present in the west, but not in the east.

The change that occurred in the conception of warrior's identity in SE Poland is difficult to interpret. The oldest barrow graves of the CWC did not contain any symbols of military prowess, which bears some resemblance to the description of the funerary customs of the oldest Yamnaya migrants published by Kristiansen et al. On the other hand, no evidence of direct Yamnaya migration to the areas of today's SE Poland have been found so far, which weakens the allochthonic line of interpretation.

It is striking that the "explosion" of military symbolism in the funerary sphere occurred in the second half of the 3rd millennium BC. During that time, a major change in

mortuary rituals took place. Older customs, which emphasized the dominant role of adult male headmen-patriarchs were replaced with more "liberal" approach, in which individuals of both sexes and all age categories were granted the right for being interred after death. However, a great emphasis was put on the differences between male and female burials, not only in terms of body position, but also assembling of grave goods. This rule does not pertain to the group of adult males interred on their left-hand side. Despite the constant growth of archaeogenetic and bioarchaeological data, the meaning of this peculiar practice still remains obscure. Further assumptions on this matter are possible only from the broader, cross-cultural perspective.

Some male individuals from North American indigenous tribes deliberately renounced their male responsibilities in order to live a life of berdache – a two-spirit being free from restrictions and able to benefit both from male and female social roles. This social category was proposed as a possible explanation for the presence of similar burials among the CWC communities from Bohemia [48, pp. 129–140; 43, pp. 285–293]. In case of SE Poland, it does not appear to be adequate, mostly because of a complete lack of grave goods that could be associated with masculine activities, such as hunting, flint processing, warring, etc. This observation leads to an assumption, that those individuals, as well as women, were presumably excluded from certain social and, perhaps, also economic activities. The latter possibility seems to be of particular interest. During the second half of the 3rd millennium BC, CWC communities from SE Poland, and especially from Małopolska Upland, underwent changes in settlement patterns. The appearance of large cemeteries of flat graves indicate the growth of stability, possibly associated with rising importance of agriculture in contrast to the previous domination of animal husbandry, or even pastoralism [25, pp. 137–144]. Certain groups of men accustomed to the old ways of living were still responsible for animal rearing, and therefore maintained

the idealized pattern of manhood based on ideas of power and warrior prowess [10, pp. 26–27]. Others were engaged in different economic activities, probably also taken up by women, and, in consequence, could not share the social and symbolic identity of their male counterparts. The considerable growth of quantity, as well as quality of weaponry and associated grave goods deposited in warrior graves could represent an ideological reaction of pastoralists for the previously mentioned re-introduction of agriculture. Reaction aimed at emphasizing their social and ideological distinctiveness, especially in contrast to individuals who did not share their activities and beliefs. The actuality [22, pp. 15–32] of social identity of a warrior, as well as other associated roles, might have also increased as a response for threat represented by pastoralists from Eastern Europe, who, due to the lack of natural borders, were able to penetrate regions of SE Poland. The growing presence of traumata associated with arrow wounds demonstrates that the nature of warfare changed from ceremonial to more lethal, presumably as a consequence of adaptation to more effective fighting techniques utilized by the communities of the Steppe zone.

Afterword

The approach to warriorhood presented in this paper combines socio-anthropological background with the analysis of archaeological data in order to provide a more subject-oriented line of interpretation. Author's intention was to emphasize the fact, that despite its spatio-temporal variety, the phenomenon of warriorhood is character-

ized by a number of unique features, which occur universally in many cultures all over the world. It is an experience firmly rooted in our species' physiology that appears to remain unchanged for the last tens of thousands of years. From the anthropological point of view, warrior virtues among the pre-state societies revolve around the economy of glory. This arbitrary value constituted a powerful factor in social relations, especially in non-centralized political systems [31]. Having that knowledge, the researcher is able to go beyond simple qualitative and quantitative analysis of material objects; from one properly asked question to another, one gradually acquires deeper understanding of the foundations of the conflict in question, and eventually the way it affects all social actors engaged in the process. In order to reconstruct social identity without textual information, all possible threads must be taken into account. Spatial relations between the deceased and their "possessions" represent just "a tip of an iceberg". Patterns of collective violence, and therefore bellicose behaviour, are embedded in: subsistence and its susceptibility for changing climate conditions; social organisation of the group under study; types, amount and access to strategic resources; potential competition and, finally, ethnical and cultural distance to neighbours. These are very general issues, but the logic behind their entanglement constitutes a key to understanding how the physicality of violence was ascended to a new, ideological level and eventually became an essential part of new, social identity.

Статья поступила в редакцию 29.05.2020

REFERENCES

1. Bognár-Kutzián I. The Copper Age Cemetery of Tiszapolgár-Basatanya. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1963. 352 p.
2. Borowska J., Budziszewski J., Włodarczyk P. Grób kultury ceramiki sznurowej ze stanowiska 18 w Snopkowie, pow. Lubelski. In: Schyłek neolitu na Wyżynie Lubelskiej. Warszawa, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2016, pp. 293–306.
3. Bourgeois Q., Kroon E. 2017. *The impact of male burials on the construction of Corded Ware identity: Reconstructing networks of information in the 3rd millennium BC*. Plos one. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0185971> (accessed: 03.04.2020).

4. Buchvaldek M., Koutecký D. Vikletice, einschnurkeramisches Gräberfeld, Praehistorica III. Prague, Universita Karlova, 1970, pp. 95–96.
5. Budziszewski J., Włodarczak P. *Die schnurkeramischen Beile aus den kleinpolnischen Gräbern*. In: H.-J. Beier H.J. Einicke R., Biermann E. (eds) *Varia Archaeologica* 7. Dechsel, Axt, Beil & Co-Werkzeug, Waffe, Kultgegenstand? Aktuelles aus der Neolithforschung, Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Langenweissbach, Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur, 2011, vol. 63, pp. 55–64.
6. Chagnon N. *Noble Savages. My Life Among Two Dangerous Tribes – The Yanomamö and the Anthropologists*. New York–London–Toronto–Sydney–New Delhi, 2013, pp. 247–279.
7. Childe V.G. *War in Prehistoric Societies*. In: *The Sociological Review*, 1941, no. 33, pp. 126–39.
8. Clastres P. *Archaeology of Violence*. Semiotext, 1994, pp. 279–323.
9. Dumézil G., Hildebeitel A. *The Destiny of the Warrior*. Chicago, University of Chicago Press, 1970, pp. 105–111.
10. Eliade M. *Historia wierzeń i idei religijnych*. Warszawa, Instytut Wydawniczy Pax, 1988, vol. 1, pp. 26–27.
11. Ferguson R.B. *The Prehistory of War and Peace in Europe and the Near East*. In: *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 112–131.
12. Grossman D. *On Killing. The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society*. Boston–New York–London, Back Bay Books, 1996, pp. 5–141.
13. Grossman D. *On combat: The psychology and physiology of deadly conflict, in war and in peace*. Millstadt, IL, Warrior Science Publications, 2004, pp. 1–403.
14. Grygiel R. *The Neolithic and Early Bronze Age in the Brześć Kujawski and Oślonki Region*. Łódź, Fundacji Badań Archeologicznych Imienia Profesora Konrada Jażdżewskiego, 2008. vol. 2, part 2, pp. 97–118.
15. Häußler A. *Bemerkungen zu den östlichen Regionalgruppen der schnurkeramischen Becherkulturen*. In: *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*, 2014, vol. 94, pp. 83–123.
16. Heyd V. *Families, Prestige Goods, Warriors & Complex Societies: Beaker Groups of the 3rd Millennium cal BC Along the Upper & Middle Danube*. In: *Proceedings of the Prehistoric Society*, 2007, vol. 73, pp. 327–379.
17. Hozer M., Machnik J., Bajda-Wesołowska A. *Groby kultury ceramiki sznurowej i domniemane kultury mierzanowickiej w Szczytnej, pow. Jarosław – źródła, analiza, wnioski*. In: *Nekropolie kultury ceramiki sznurowej z III tys. przed Chr. w Szczytnej na Wysoczyźnie Kańczuckiej*, *Via Archaeologica Ressoiviensia* vol. 12, Rzeszów, 2017, pp. 7–130.
18. Jarosz P., Libera J., Włodarczak P. *Schyłek neolitu na Wyżynie Lubelskiej*. Kraków, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2016, pp. 257–380.
19. Kadrow S. *The Early Copper Age: socio-cultural process in modern sociological interpretation*. In: *Analecta Archaeologica Ressoiviensia*, 2011, vol. 4, pp. 265–302.
20. Kelly R. *Warless Societies and the Origin of War*. Ann Arbor, University of Michigan, 2000, pp. 41–163.
21. Kolař J. *Idealized World or Real Society? Social Patterns of Corded Ware Culture in Moravia (Czech Republic)*. In: *Transitional Landscapes? The 3rd Millennium BC in Europe. Proceedings of the International Workshop “Socio-Environmental Dynamics over the last 12,000 Years: The Creation of Landscapes III (15th – 18th April 2013)”* in Kiel. Bonn, 2016, pp. 191–208.
22. Korostelina K. V. *Social Identity as Social Phenomenon and Scientific Concept*. In: *Social Identity and Conflict. Structures, Dynamics and Implications*. Palgrave Macmillan US, 2007, pp. 15–32.
23. Lincoln B. 1987. *War and Warriors: An Overview*. Available at: <https://www.encyclopedia.com/environment/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/war-and-warriors-overview> (accessed: 20.11.2018).
24. Machnik J. *Studia nad kulturą ceramiki sznurowej w Małopolsce*. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966, pp. 191–234.
25. Machnik J. 2004. *Pasterstwo u społeczeństw kultury ceramiki sznurowej w dorzeczu górnej Wisły, górnego Bugu i Dniestru*. In: *Nomadyzm a pastoralizm w międzyrzeczu Wisły i Dniepru*, *Archeologia Bimaris: Dyskusje* vol. 3. Poznań, 2004, pp. 137–144.
26. Machnik J., Bagińska J., Koman W. *Neolityczne kurhany na Grzędzie Sokalskiej w świetle badań archeologicznych w latach 1988–2006*. Kraków, 2009, pp. 9–214.
27. Meyer C., Brandt G., Haak W., Ganslmeier R.A., Meller H., Alt K.W. *The Eulau Eulogy: Bioarchaeological Interpretation of Lethal Violence in Corded Ware Multiple Burials from Saxony-Anhalt, Germany*. In: *Journal of Anthropological Archaeology*, 2009, no. 28, pp. 412–423.

28. Mizoguchi K. Time in the reproduction of mortuary practices. In: *World Archaeology*, 1993, vol. 25 (2), pp. 223–235.
29. Molloy B., Grossman D. Why can't Johnny kill? The psychology and physiology of interpersonal combat. In: *The Cutting Edge: Studies in Ancient and Medieval Combat*, Stroud, 2007, pp. 188–202.
30. Neubert, A., Wicke, J., Bruchhaus, H. Mit der Axt – durch die Axt. Der Zusammenhang von Schädeldefekt und Waffenbeigabe in Bestattungen des schnurkeramischen Kulturkreises. In: Link, T., Peter-Röcher, H. ed. *Gewalt und Gesellschaft. Dimensionen der Gewalt in ur- und frühgeschichtlicher Zeit*. Bonn, Habelt, 2014, pp. 217–224.
31. Otterbein K. Anthropology of War. Long-Grove, Waveland Press Inc. Publ., 2009, pp. 1–110.
32. Petrosyan A. Armenian traditional Black Youths: the earliest sources. In: *Journal of Indo-European Studies*, 2011, no. 39, pp. 342–353.
33. Razumov S.M. Flint Artifacts of Northern Pontic Populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200–1600 BC. In: *Baltic-Pontic Studies*, 2011, vol. 16, pp. 147–153.
34. Sanders A. Warriors, Anthropology of. In: Kurtz L. red. *Encyclopedia of Violence, Peace, and Conflict*. 2008, pp. 2432–2442.
35. Schulting R. War without Warriors? The Nature of Interpersonal Conflict before the Emergence of Formalized Warrior Elites. In: *The Archaeology of Violence. Interdisciplinary Approaches*. New York, State University of New York, 2013, pp. 19–36.
36. Skrzyniecki R. Problem genezy zorganizowanej przemocy w świetle źródeł archeologicznych. In: *Folia Praehistorica Posnaniensia*, 2015, vol. 20, pp. 449–470.
37. Skrzyniecki R. Wojownicy społeczności kultury ceramiki sznurowej w Europie Środkowej w III tys. przed Chr., typescript of a doctoral thesis. 2018.
38. Sofaer-Derevenski J. Age and gender at the site of Tiszapolgár-Basatanya, Hungary. In: *Antiquity*, 1997, vol. 71 (274), pp. 875–889.
39. Sørensen M.L.S. Stating identities: the use of objects in rich Bronze Age Graves. In: *Explaining Social Change: Studies in Honour of Colin Renfrew*. Cambridge, McDonald Institute for Archaeological Research Publ., 2004, pp. 167–176.
40. Suchowska P., Skrzyniecki R. *Opowieść o chwale i mieczu. Kilka uwag o wojnie i wojownikach w epoce brązu*. In: *Vir Bimaris. Od kujawskiego matecznika do stepów nadczarnomorskich. Studia z dziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Koško, Archeologia Bimaris. Dyskusje*, 2019, vol. 5, pp. 813–827.
41. Thorpe I.J.N. Anthropology, Archaeology and the origin of warfare. In: *World Archaeology*, 2003, vol. 35, pp. 145–165.
42. Thorpe I.J.N. The ancient origins of warfare and violence. In: *Warfare, violence and slavery in prehistory: proceedings of a Prehistoric Society conference at Sheffield University (BAR International Series, vol.1374)*. Oxford, Archaeopress, 2005, pp. 1–18.
43. Turek J. Social and symbolic foundations of the Beaker Phenomenon. In: Besse M. ed. *Around the Petit-Chasseur Site in Sion (Valais, Switzerland) and New Approaches to the Bell Beaker Culture. Proceedings of the International Conference (Sion, Switzerland – October 27th – 30th 2011)*. 2014, pp. 285–293.
44. Vandkilde H. Warfare and Gender According to Homer: An Archaeology of an Aristocratic Warrior Culture. In: *Warfare and Society. Archaeological and Social Anthropological Perspectives*. Aarhus, Aarhus University Publ., 2006, pp. 515–528.
45. Vandkilde H. Warriors and Warrior Institutions in Copper Age Europe. In: *Warfare and Society. Archaeological and Social Anthropological Perspectives*, Aarhus, Aarhus University Press, 2006, pp. 393–422.
46. Vandkilde H. Warfare in Northern European Bronze Age Societies: Twentieth-Century Presentations and Recent Archaeological Research Inquiries. In: *The Archaeology of Violence. Interdisciplinary Approaches, IEEMA Proceedings vol. 2*. New York, State University of New York, 2013, pp. 37–63.
47. Westermann J. Stepping From Male to Warrior Identity. Male Identity in Late Neolithic/Early Bronze Age Europe, 2800–2300 BC. In: *Archaeologia Baltica*, 2007, no. 8, pp. 22–31.
48. Wiermann R.R. An anthropological approach to burial customs of the Corded Ware culture in Bohemia. In: Benz M., van Willigen S. eds. *Some Approaches to the Bell Beaker Phenomenon. Lost Paradise...? Proceedings of the 2nd Meeting of the „Association Archéologie et Gobelets”, Feldberg (Germany), 18th–20th April 1997*, BAR International Series 690. 1998, pp. 129–140.

49. Wiermann R.R. Zur Sozialstruktur der Kultur mit Schnurkeramik in Böhmen. In: *Vom Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Muster sozialen Wandels? (Tagung Bamberg 14–16 Juni 2001, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. vol. 90)*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH. Publ., 2002, pp. 115–131.
50. Włodarczak P. Pochówki dzieci w kulturze ceramiki sznurowej na przykładzie cmentarzysk z Wyżyny Małopolskiej. In: *Dusza maluczka, a strata ogromna (Funeralia Lednickie. Spotkanie 6)*. Poznań, 2004. pp. 341–351.
51. Włodarczak P. Kultura ceramiki sznurowej na Wyżynie Małopolskiej. Kraków, 2006, pp. 13–165.

ACKNOWLEDGMENTS

Research funded by the National Science Centre, Poland (“Preludium” project no. NCN 2016/21/N/HS3/00047; title: “Reconstruction of cultural and biological dimensions of warriorhood in Corded Ware Culture communities of Lesser Poland”).

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансировании Национальным научным центром Польши (проект “Preludium” no. NCN 2016/21/N/HS3/00047: “Реконструкция культурных и биологических измерений воинской доблести в общинах культуры шнуrowой керамики Малой Польши”).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Skrzyniecki Rafał – PhD, Adam Mickiewicz University in Poznań, Department of History, Poznań;
e-mail: rskrzyniecki@gmail.com

Skrzyniecka Weronika – MA, Adam Mickiewicz University in Poznań, Department of Archaeology, Poznań;
e-mail: wskrzyniecka@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рафал Скржинецкий – доктор истории, исторический факультет Университета имени Адама Мицкевича, Познань;
e-mail: rskrzyniecki@gmail.com

Вероника Скржинецка – аспирант, факультет археологии Университета имени Адама Мицкевича, Познань;
e-mail: wskrzyniecka@gmail.com

FOR CITATION

Skrzyniecki R., Skrzyniecka W. The „i” of a warrior. Social complexity and cultural recognition of warrior virtues in the corded ware culture. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 89–105.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-89-105

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Скржинецкий Р., Скржинецка В. Личность воина. Социальная стратификация и оценка воинских доблестей в мире культур шнуrowой керамики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 89–105.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-89-105

УДК 903.2(477)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-106-113

ПОЗДНЕЯМНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОВОЗКОЙ У СЕЛА ПЕТРЕШТЫ НА СРЕДНЕМ ПРУТЕ

Яровой Е. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Целью статьи является публикация редкого памятника – погребения позднеямного времени с повозкой, обнаруженного в многослойном кургане ямной культуры на левобережье Среднего Прута (Республика Молдова).

Процедура и методы. Автором при помощи сравнительно-типологического метода проанализированы стратиграфия и погребальный обряд захоронения и относительная хронология кургана.

Результаты. В результате проведённых исследований удалось установить, что ареал находок колёсного транспорта в Пруто-Днестровском междуречье можно расширить, как минимум, до Среднего Попрутья и связать его с поздним этапом развития ямной культуры.

Теоретическая и практическая значимость. В статье обобщён материал по исследуемой теме и поставлен вопрос об интерпретации древних захоронений с колёсным транспортом эпохи ранней бронзы. В научный оборот введён редкий погребальный комплекс, содержащий конструктивные остатки повозки.

Ключевые слова: курган, ямная культура, Северо-Западное Причерноморье, Прут, повозка, колёсный транспорт

LATE-YAMNAYA BURIAL WITH A CART NEAR THE VILLAGE OF PETRESHTY ON THE MIDDLE PRUT

E. Yarovsky*Moscow Region State University**24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To present a rare monument – a late-Yamnaya burial with a cart, discovered in a multi-layered mound of the Yamnaya culture on the left bank of the Middle Prut (Republic of Moldova).

Methodology. The author uses a comparative typological method to analyse the stratigraphy, burial rite and relative chronology of the burial mound under study.

Results. The area of wheeled transport finds in the Prut-Dniester interfluvium can be extended to at least the Middle Prut region. These finds can be associated with the late stage of the Yamnaya culture.

Research implications. The article summarizes the data on the topic under study and raises the question of interpretation of ancient burials with wheeled transport of the early Bronze Age. A rare burial complex containing the structural remains of a cart was introduced into scientific circulation.

Keywords: kurgan, Yamnaya culture, North-Western Black sea region, Prut, cart, wheeled transport

Введение

В 1986 г. Прутская новостроечная археологическая экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения Академии наук МССР провела исследования 4 курганов эпохи бронзы у с. Петрешты Унгенского района МССР (рис. 1). Раскопки велись в зоне строительства оросительной системы на левобережье Прута. Все курганы были раскопаны с использованием профилей, количество которых зависело в каждом случае от размеров конкретной насыпи.

Материалы. Процедура и методы

КУРГАН 3 – находился на равнинном плато левого берега р. Прут, в 0,25 м к западу от перекрёстка дороги Унгены–Бельцы и дороги, ведущей в с. Петрешты. Расположенная в центре поля, курганная насыпь длительное время распахивалась

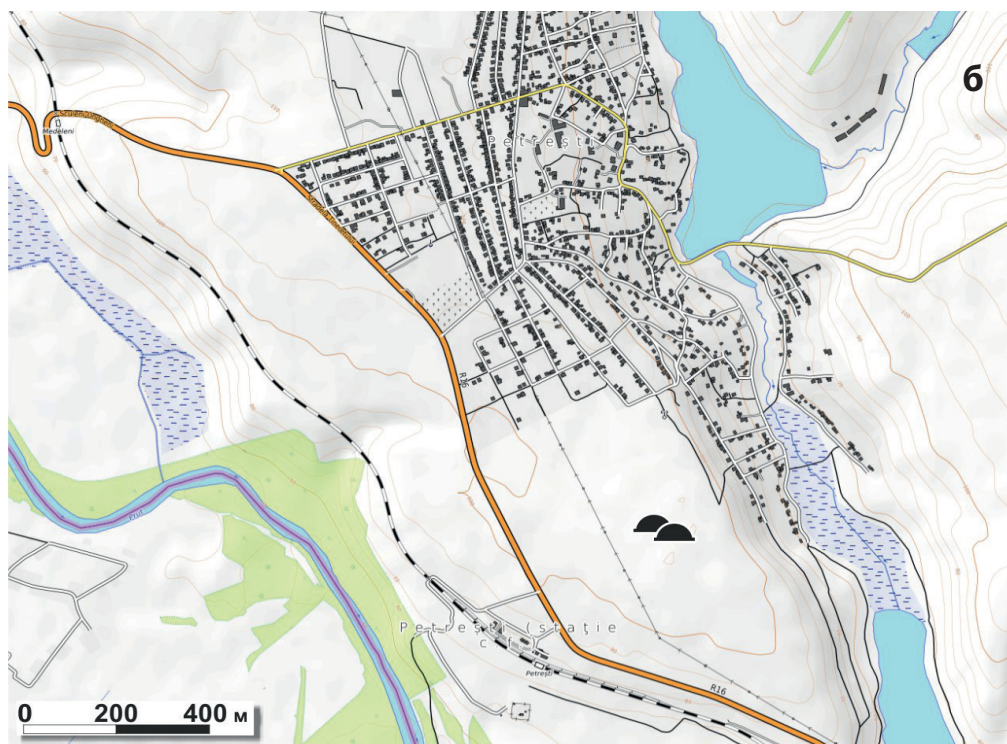
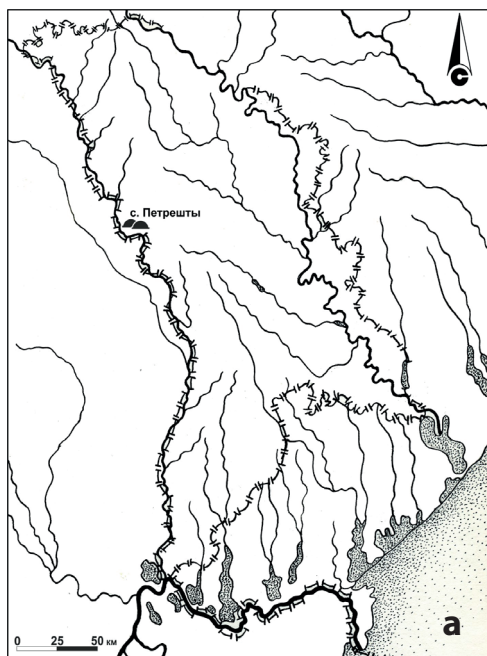

Рис. 1 / Fig. 1. Местоположение курганной группы в Пруто-Днестровском междуречье (а) и у с. Петрешты (6) / Location of the mound group in the Prut-Dniester interfluve (a) and near the Petreshty village (6)

Источник: по данным автора

и в результате этого равномерно расплылась во все стороны. Высота кургана от погребённой почвы – 3,7 м, высота от материка – 4,5 м, диаметр насыпи – 60 м.

Курганная насыпь исследована при помощи семи профилей, расположенных на расстоянии 5 м один от другого. В кургане обнаружено 19 погребений различных культур. Самую большую группу составляли захоронения различных

периодов ямной культуры. Наибольший интерес из них представляло позднеямное погребение 9, содержавшее остатки повозки (рис. 2).

Погребение 9 (ямное, основное для насыпи II) обнаружено в профиле 3 и в насыпи кургана. Находилось в северо-западном секторе кургана, на расстоянии 0,3 м к северу и 4,3 м к западу от центра насыпи, на глубине 0,70 м от нуля.

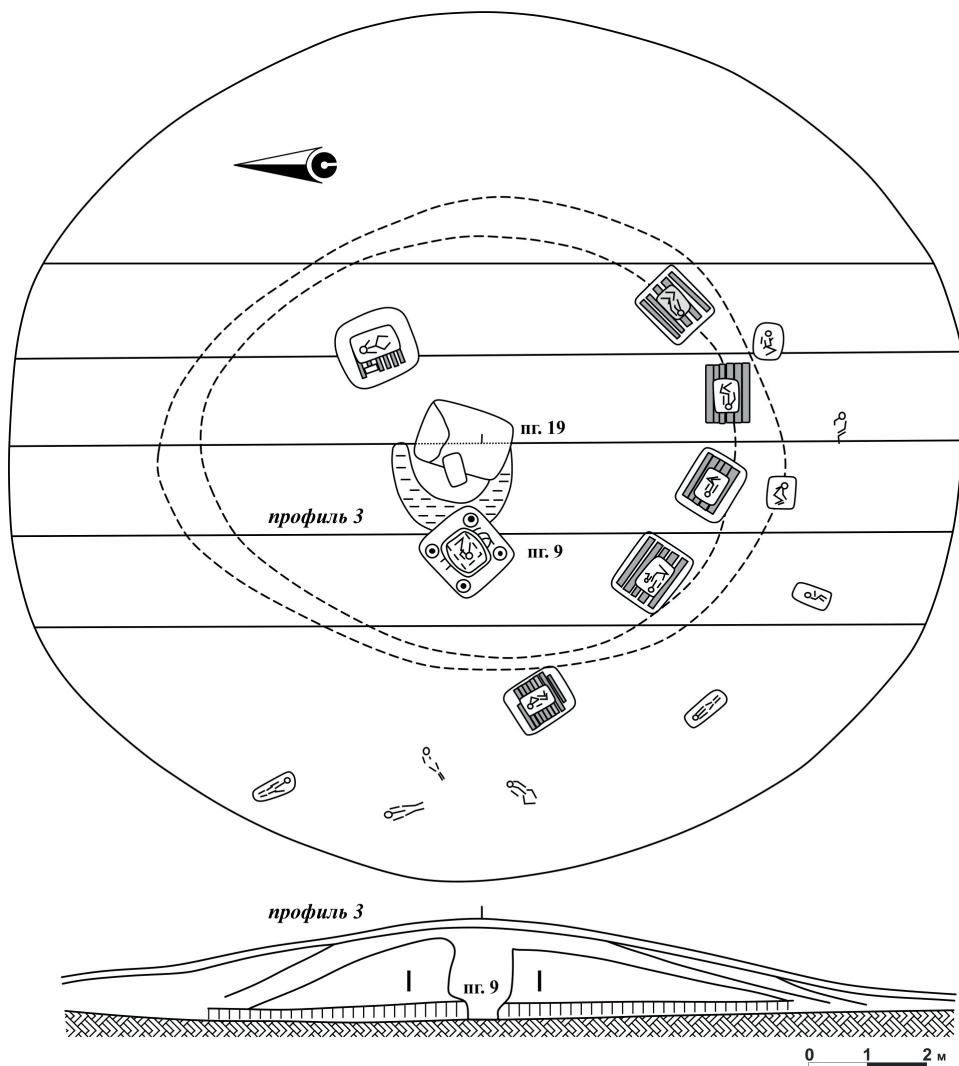

Рис. 2 / Fig. 2. План и профиль 3 кургана 3 у с. Петрешты / Plan and profile 3 of mound 3 near the Petreshty village

Источник: Яровой Е. В. Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции в 1986 г. // Архив Национального музея истории Молдовы, № 252, Кишинёв, 1987

Яма с уступом. Уступ прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами длиной 3,2 м, шириной – 2,8 м и глубиной от поверхности кургана – 2,3 м был ориентирован по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Профиль 3 показал, что уступ имел в сечении колоколовидную форму и на глубине 2 м от поверхности кургана стены перешли в слегка покатую ступеньку шириной 0,4 м, которая плавно опустилась ко дну уступа. При максимальном расширении длина уступа достигала 4 м, ширина – 3,6 м (рис. 2, профиль 3).

Погребальная камера бочонковидной формы с закруглёнными углами длиной 2,1 м, шириной 1,4 м и глубиной от уступа 1,2 м была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Верхние границы ямы обвалились в древности почти наполовину. На уровне уступа яма была перекрыта деревянным накатом, от которого сохранилось два фрагмента дубовых брёвен диаметром 0,15 м и длиной до 0,4 м, лежавшие вдоль погребения. Фрагменты продольных брёвен встречались и в заполнении ямы.

Поверх бревенчатого перекрытия, скорее всего, была уложена деревянная повозка, от которой сохранилось четыре колеса диаметром 0,6 м. Колёса лежали под углом в 25 градусов у стенок уступа. В заполнении ямы, над черепом и коленями погребённого, были обнаружены два поперечно лежавших дубовых бруска размерами 10х15 см. Ниже их встречались отдельные фрагменты круглых в сечении жердей диаметром до 5 см. Возможно, они являлись остатками каркаса повозки. В юго-западном углу уступа сохранился отпечаток конструкции повозки овальной в плане и клиновидной в сечении форм. Его длина 15 см, ширина – 10 см, глубина – 10 см. На уступе, у длинных стен погребальной камеры, хорошо отпечатались остатки прямых и изогнутых деревянных жердей, обмотанных, скорее всего, верёвками. Судя по ним, диаметр жердей достигал 5 см, диаметр верёвок – 1 см. Вся площадь уступа

была покрыта тонким – до 0,5 см – слоем материковой глины, поверх которой хорошо сохранились следы тростниковой циновки. Она, вероятно, была закреплена на уступе 5 небольшими колышками, от которых остались ямки диаметром 0,03 м и глубиной 0,07 м. Их разрезы показали, что все колышки были круглыми в сечении и были вбиты в уступ вертикально.

Костяк мужчины зрелого возраста лежал в скорченном положении на спине с наклоном вправо, головой на юго-юго-запад. Череп повёрнут вправо, лицевой частью на юго-восток. Правая рука прямая, несколько отведена в сторону. Её кисть была направлена к бедренным костям и лежала под прямым углом к лучевым. Левая рука слегка согнута, кистью положена на таз. Ноги средне согнуты, повёрнуты коленями вправо. Сохранность скелета удовлетворительная (рис. 3).

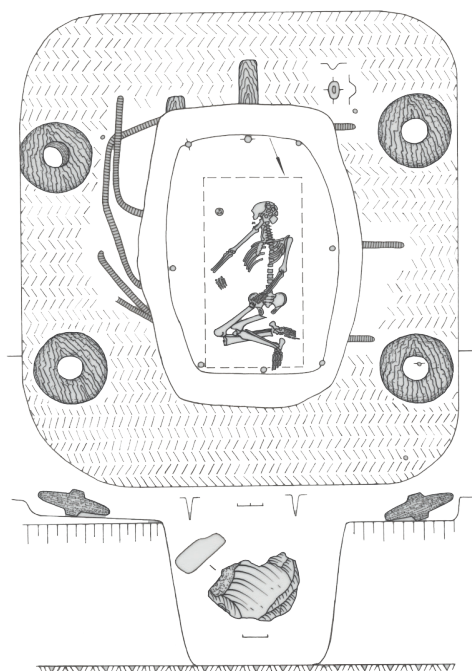

Рис. 3/ Fig. 3. План погребения 9 кургана 3 у с. Петрешты / Burial plan 9 of mound 3 near the Petreshty village

Источник: Яровой Е. В. Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции в 1986 г. // Архив Национального музея истории Молдовы, № 252, Кишинёв, 1987

Костяк равномерно окрашен ярко-красной охрой, но череп окрашен интенсивно. Погребённый лежал на растительной циновке, от которой сохранился коричневый тлен прямоугольной формы длиной 1,6 м и шириной 0,8 м. Толщина тлена под черепом достигала 0,5 см. В 0,25 м от лицевой части черепа погребённого лежал комок ярко-красной охры диаметром 0,06 м. Вдоль стен и по углам погребальной камеры отмечены 8 круглых ямок от вертикально вбитых деревянных колов диаметром 0,04–0,06 м. Разрезы показали, что все колья были подгранены и вбиты в дно ямы на глубину от 0,17 до 0,2 м. В трёх случаях угловые колья, за исключением северо-восточного, врезались в стенки погребальной камеры. На стенках сохранились вертикальные желобчатые следы от работы орудием с острым краем.

Находка: кремнёвый скребок, обнаружен на уступе. Скребок концевой, изготовлен из местного тёмно-серого кремня и частично обожжён. Его рабочая часть покрыта мелкой ретушью. Размеры орудия – 3,8×2,8×1 см (рис. 3).

Результаты. Стратиграфия кургана и относительная хронология погребений

В результате исследований удалось установить три строительных горизонта кургана 3. Древнейшая насыпь была возведена над основным разрушенным погребением 18 ямной культуры. Судя по профилям, её высота от погребённой почвы достигала 2,9 м, а диаметр составлял 22 м.

В вершину насыпи I было впущено два погребения 9 и 19 ямной культуры, причём последнее оказалось полностью разрушенным. Материковый выброс из этих захоронений лёг на полы первой насыпи и был зафиксирован в профилях 3 и 4. Профиль 3 показал, что уступ погребения 9 был прокопан с расширением к низу до уровня погребённой почвы, а

погребальная камера была сооружена с уровня древней дневной поверхности. При этом её дно находилось на уровне материка, а глубина соответствовала толщине погребённой почвы. Оба захоронения были перекрыты насыпью II. Однако вследствие сильной распаханности кургана определить её реальную высоту не представляется возможным. Сохранившаяся высота насыпи II от погребённой почвы – 3,7 м, диаметр – 30 м. В поверхность второй насыпи было впущено ямное погребение 11, возможно, основное для третьего строительного горизонта кургана. После этой подсыпки курган достиг современных размеров, хотя его высота была значительно выше сохранившейся.

В насыпи III были сооружены ещё 6 ямных погребений, расположенных с соблюдением круговой планировки вокруг центра насыпи, почти на одинаковом расстоянии от неё. Таким образом, все строительные горизонты кургана связаны с ямной культурой. Ещё 10 впускных захоронений были связаны с более поздними скотоводческими культурами.

Выводы

Раскопки курганной группы у села Петрешты привели к открытию очередного погребального комплекса с повозкой. В отличие от восточных регионов степей Северного Причерноморья, в Пруто-Днестро-Дунайском междуречье подобные памятники встречаются довольно редко. Достаточно лишь отметить, что к концу XX в. в восточноевропейских степях и в Предкавказье было известно 248 погребений, в которых находились целые и разобранные повозки или их детали. При этом 70% из них приходится на комплексы раннего бронзового века, а 30% связано с различными катакомбными культурами [3, с. 6]. Абсолютное большинство из них (120) было обнаружено в Прикубанье и связывается с новотиторовскими памятниками [1, с. 80–81; 2]. В

свою очередь, в Северо-Западном Причерноморье к настоящему времени известно 13 местонахождений, содержащих 16 комплексов с повозками (рис. 4). Все они обнаружены в ямных захоронениях и пока не известны в более поздних культурах (в частности, в катакомбных погребениях). Показательно, что почти все находки сконцентрированы в южной части Пруто-Днестро-Дунайского междуречья, и повозка в кургане у с. Петрешты является пока самой северной находкой в регионе.

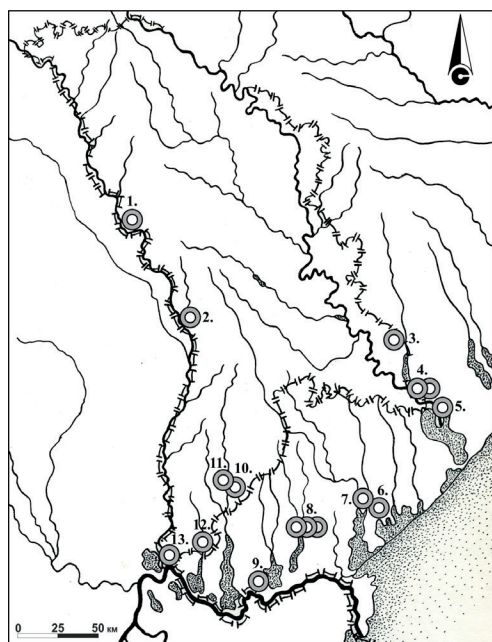

Рис. 4 / Fig. 4. Местонахождения колёс и повозок в Северо-Западном Причерноморье / Locations of wheels and carriages in the North-Western Black Sea region:

1 – Петрешты, 3/9; 2 – Саратены, 1/4; 3 – Никольское, 7/33;
4 – Яски, 1/18, 2/2; 5 – Маяки, 3/5; 6 – Вишнево, 9/16;
7 – Новоселица, 19/16; 8 – Холмское, 1/7, 2/10, 2/17; 9 – Богатое, 1/6;
10 – Тараклия, 18/4; 11 – Балабан, 13/13; 12 – Этулия, 1/14;
13 – Джурджулешть, 2/9

1 – Petreshty, 3/9; 2 – Saratenes, 1/4; 3 – Nikolskoe, 7/33;
4 – Jasski, 1/18, 2/2; 5 – Lighthouses, 3/5; 6 – Cherry, 9/16;
7 – Novoselitsa, 19/16; 8 – Kholmское, 1/7, 2/10, 2/17; 9 – Rich, 1/6;
10 – Taraclia, 18/4; 11 – Balaban, 13/13; 12 – Etulia, 1/14;
13 – Giurgiuilesti, 2/9.

Источник: по данным автора

За исключением одного случая (Этулия, 1/14), где в погребальную камеру, скорее всего, была помещена целая повозка [6, с. 58–70], во всех погребениях колёса лежали на углах уступов. Если же их было меньше четырёх, они укладывались плашмя или стоя на уступе, возле коротких стен погребальных камер. В этих случаях повозки, наиболее вероятно, разбирались по частям и, находясь над ямой, образовывали единое целое с деревянным перекрытием. При этом деревянное перекрытие ямы могло символизировать платформу кибитки.

Погребение у села Петрешты уникально тем, что на уступе удалось зафиксировать и различные детали её конструкции, возможно, дышла, и платформы. Хорошо сохранившиеся на уступе отпечатки веревок свидетельствуют о том, что ими были плотно обмотаны деревянные жерди конструкции. Изогнутость жердей, зафиксированных на восточном уступе, можно предварительно объяснить конструктивными особенностями повозки.

Устойчивое положение колёс на уступах позволяет интерпретировать эти комплексы как имитацию повозки с погребённым внутри. Если виртуально перевернуть погребение с уступом, по углам которого стоят колёса, то имитация повозки становится очевидной. В таком случае получают объяснение и такие черты погребального обряда, как циновки под деревянным накатом, деревянные столбики по периметру погребальной камеры и обкладка стен тростниковыми матами. Эти черты погребального обряда нельзя объяснить никакими конструктивными целями: циновки под деревянным перекрытием не могли изолировать яму от грунта насыпи, а небольшие вертикальные колья вдоль стен не могли надёжно укрепить часто очень мощное перекрытие из дерева или камня над захоронением. Но при этом они вполне были способны укрепить растительную обкладку стен (например, тростниковыми матами), напоминающую внутренность повозки.

Представляется, что эти факты подтверждают мнение ряда исследователей, что колёса и остатки деревянных конструкций в погребениях представляют собой имитацию кибитки. Согласно этой гипотезе, повозка (как и колесница, а позднее – конь) служила средством для души умершего совершить путь из земной сферы в сферу небесную [1, с. 78–113; 4, с. 68–87; 5, с. 189–199; 7, с. 28 и др.].

Следует отметить ещё один аспект. Анализ погребального обряда и инвентаря ямной культуры Северо-Западного Причерноморья не позволяет сделать вывод о каких-либо принципиальных отличиях погребений с повозками от общей массы захоронений данного времени. Они не выделяются ни богатством, ни количеством инвентаря. Достаточно лишь указать, что половина из них (в том числе и данное захоронение) вообще не содержала каких-либо находок, а в остальных были обнаружены немногочисленные и стандартные изделия. Нельзя также не отметить, что большинство аналогичных погребений оказалось впустыми и

не связаны с первой волной курганного строительства. Тем не менее определённая стратиграфическая закономерность находок колёс всё же наблюдается. Видимо не случайно они ни разу не были найдены в центральных погребениях курганов. Но над семью из них совершены очередные досыпки насыпи: в двух случаях они были основными для второй насыпи, в четырёх – для третьей и в одном – для четвёртой.

Стратиграфические наблюдения позволяют связать появление повозок в погребениях в основном с позднейшими и постъямными племенами [8]. Судя по обнаруженным фрагментам, они имели массивную форму и вполне могли заменять кочевнику дом. Указанная категория находок представляет большой интерес, так как не только символизирует освоение степных пространств, но и даёт возможность производить реконструкцию идеологических представлений древнейших скотоводческих племён.

Статья поступила в редакцию 27.08.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Гей А. Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Издательство Восточная литература, 1999. С. 78–113.
2. Гей А. Н. Новотиторовская культура / РАН Институт археологии. М.: Старый сад, 2000. 223 с.
3. Избицер Е. В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 24 с.
4. Кузьмина Е. Е. Колёсный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // Вестник древней истории. 1974. № 4. С. 68–87.
5. Мурзин В. Ю. «Города» кочевых скифов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 189–199. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-189-199.
6. Серова Н. А. Исследование кургана у с. Етулия // Археологические исследования в Молдавии 1974–1976 гг. Кишинёв: Штиинца, 1981. С. 58–70.
7. Трифонов В. А. Погребения с повозками эпохи палеометалла в степном Прикубанье // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: Тезисы докладов к всесоюзному совещанию «Археология в XI пятилетке». Л.: Наука, 1983. С. 27–29.
8. Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 47 с.

REFERENCES

1. Gei A. N. [On some symbolic moments of the funeral rituals of the steppe cattle breeders of the Ciscaucasia in the Bronze Age]. In: *Pogrebal'nyi obryad. Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideo-*

- logicheskikh predstavlenii* [Funeral rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological concepts]. Moscow, Staryi sad Publ., 2000. 223 p.
3. Izbitser E. V. *Pogrebeniya s povozkami stepnoi polosy Vostochnoi Evropy i Severnogo Kavkaza III–II tys. do n. e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Burials with carts in the steppe zone of Eastern Europe and the North Caucasus, III – II millennium BC: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 1993. 24 p.
 4. Kuz'mina E. E. [Wheeled transport and the problem of ethnic and social history of the ancient population of the southern Russian steppes]. In: *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of ancient history], 1974, no. 4, pp. 68–87.
 5. Murzin V. Yu. ["Cities" of the nomadic Scythians]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 5, pp. 189–199. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-189-199.
 6. Serova N. A. [Exploration of the mound near the village Etulia]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya v Moldavii 1974–1976 gg.* [Archaeological research in Moldova in 1974–1976]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1981. pp. 58–70.
 7. Trifonov V. A. [Burials with carts of the Paleometal era in the steppe Kuban region]. In: *Novye ekspeditsionnye issledovaniya arkheologov Leningrada: Tezisy dokladov k vsesoyuznomu soveshchaniyu «Arkheologiya v XI pyatiletke»* [New Expeditionary Research of Leningrad Archaeologists: Abstracts of the All-Union Meeting "Archeology in the XI Five-Year Plan"]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. pp. 27–29.
 8. Yarovoi E. V. *Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya epokhi rannego metalla: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Cattle-breeding population of the North-Western Black Sea region in the Early Metal Age: abstract of D. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2000. 47 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;

e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenij V. Yarovoy – Dr. Sci. (History), Prof., Departmental Head, Department of Archaeology and History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Region State University;

e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е. В. Позднеямное погребение с повозкой у села Петрешты на Среднем Пруте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 106–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-106-113

FOR CITATION

Yarovoy E. V. Late-Yamnaya burial with a cart near the village of Petreshty on the Middle Prut. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 106–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-106-113

УДК 903.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-114-127

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА У Г. ЧЕРВОНОПАРТИЗАНСК НА ДОНЕЦКОМ КРЯЖЕ (МАТЕРИАЛЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК 1982 г.)

Коваленко П. П., Красильников К. И.

*Центр археологии и этнографии, Луганский государственный педагогический университет
91011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2*

Аннотация

Целью данной статьи является публикация результатов охранно-спасательных исследований кургана эпохи бронзы, расположенного у г. Червонопартизанск на северных склонах Донецкого кряжа (Луганщина, бассейн среднего течения Северского Донца).

Процедура и методы. Основное содержание исследования отводится описанию и предварительной характеристике выявленных погребальных комплексов. При анализе материала применялись как общенаучные (анализ, синтез), так и специальные, традиционные для археологической науки, методы (хронологический, типологический и метод аналогий).

Результаты. По итогам исследования авторами, на основании интерпретации инвентарных наборов, деталей погребального обряда и анализа стратиграфии кургана, предлагается культурно-хронологическая характеристика выявленных материалов.

Теоретическая и практическая значимость. В научный оборот вводятся ранее неизвестные захоронения эпохи средней и поздней бронзы, погребения финала средней бронзы и раннего железного века републикуются с учётом контекста кургана и некоторыми существенными дополнениями.

Ключевые слова: Среднее Подонцовье, эпоха бронзы, катакомбная культурно-историческая общность, курган, погребение

STUDY OF A TUMULUS NEAR CHERVONOPARTIZANSK, THE DONETSK RIDGE (RESCUE EXCAVATIONS, 1982)

P. Kovalenko, K. Krasilnikov

*The Archaeology and Ethnography Center of Lugansk State Pedagogical University
2 ulitsa Oboronnaya, Lugansk 91011*

Abstract

Aim. To present the results of rescue excavations of a Bronze Age tumulus located near the Chervonopartizansk town on the northern slope of the Donetsk ridge (Luhansk region, Severskiy Donets Middle Valley).

Methodology. A preliminary characterization of the discovered burial complexes was given. The materials were analysed using both general scientific (analysis, synthesis) and specific archaeological (chronological, typological and analogues) methods.

Results. A cultural and chronological description of the discovered materials was proposed on the basis of an analysis of inventory sets, burial rite details and the tumulus' stratigraphic positions.

Research implications. Previously unknown burials of the Middle and Late Bronze Age were introduced into scientific circulation. Known burials of the end of the Middle Bronze Age and the Early Iron Age were republished taking into account new data.

Keywords: Severskiy Donets Middle Valley, Early Metal Age, Catacomb cultural and historical community, tumulus, burial mound

Введение

В 1982 г. совместная экспедиция Ворошиловградского государственного педагогического института имени Тараса Шевченко и Ворошиловградского областного общества охраны памятников истории и культуры под руководством одного из авторов настоящей работы провела охранно-спасательные исследования частично разрушенного кургана у г. Червонопартизанск на северных склонах Донецкого кряжа (рис. 1.1)¹.

Общая характеристика кургана: местоположение, параметры, этапы возведения

Исследованная насыпь входила в состав крупной группы, расположенной на северо-восточной окраине г. Червонопартизанск в промышленной зоне, непосредственно прилегающей к территории шахты «1-я Богучарская» (Провальская) в верховьях балки Грушевой. Могильник представлял собой группу, состоящую из 7 насыпей, вытянутых цепью по оси ЮВ-СЗ на расстояние 400 м (рис. 1.2–3). Спасательным исследованиям подвергся уже более чем на треть засыпанный горной породой курган 2. Кроме того, во время работ установлено, что крайний из группы курган 7 оказался целиком погребён под отвалом шахтного террикона, а насыпь кургана 3 срезана до материка. Предпринятые попытки доисследования внутреннего пространства котлована результатов не принесли.

¹ См.: Красильников К. И., Красильникова Л. И., Пробейголова А. С. Отчёт о проведении спасательных научно-исследовательских раскопок кургана № 2 могильника у г. Червонопартизанска Свердловского р-на Луганской области, у шахты Провальская первая, «Богучарская» в 1982 г. (отчёт воссоздан в 2006 г. взамен утерянного) // Архив Института археологии НАН Украины. 1982/163.

Курган 2 располагался в 70 м к В от самого крупного в могильнике кургана 1, на вершине которого находился триангуляционный знак. К моменту исследований насыпь была округлой в плане формы диаметром 40–42 м, сохранившаяся высота от современной поверхности около 4,5 м (рис. 1.4).

Основным, впущенным с уровня древнего горизонта, является катакомбное погребение 6, выкид из которого прослежен на уровне погребённой почвы вокруг входной ямы. Над захоронением возведена древнейшая насыпь кургана диаметром около 25–27 м и высотой до 2,1 м. На её вершине зафиксирован слой золы и обуглившейся древесины подовальной формы размерами 16×7,6 м и толщиной до 0,1 м, ориентированный по линии ЗЮЗ-ВСВ. Учитывая, что древесно-золистое пятно было зафиксировано в пределах первой насыпи и перекрывало основное захоронение, можно предположить, что оно появилось в результате ритуальных действий, связанных с огнём, после совершения основного погребения. Впоследствии курган был досыпан грунтом такой же структуры и доведён до высоты 3,9 м при диаметре около 32 м. По склонам этой насыпи был сооружён кромлех из камней песчаника различных размеров с внешним диаметром до 20 м и шириной кладки до 1,5 м. Он завершил строительство основного погребально-го комплекса. Связь второй насыпи, как и выявленного на её вершине каменного панциря неправильной формы размерами 14,1 × 10,8 м, с одним из позднее впущенных погребений надёжно не устанавливается.

Всего в кургане выявлено шесть захоронений (одно относится к раннему железному веку, остальные относятся к раз-

116

ным периодам эпохи бронзы). Отметим, что сарматское и бабинское погребения уже публиковались [5; 6] и в настоящей работе переиздаются с учётом контекста кургана, а также с некоторыми существенными уточнениями. Прочие погребения бронзового века прежде в научной литературе отражены лишь тезисно¹, поэтому в качестве полноценных источников публикуются впервые.

Кроме материалов из погребений, в составе данной коллекции значится находка без привязки к конкретному объекту. Она представлена фрагментом придонной части лепного сосуда без закраины (рис. 2.1). Его внешняя поверхность рыхлая, со следами многочисленных выбоин, на внутренней просматриваются параллельные линии от расчёсов, исполненных гребёнкой (рисунок и описания составлены по фото, фрагмент в фондах отсутствует).

Исследованные погребальные комплексы и инвентарь

Погребение 1 (рис. 2.2–3), впускное, срубное, зафиксировано в насыпи на расстоянии 6,3 м к СВ и на глубине 0,3 м от репера. Находилось в пределах верхнего горизонта насыпи.

Яма подовальной формы размерами 1,28×0,76 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, дно на глубине 1,52 м от репера. Заполнение гумусное, по структуре соответствует грунту верхней (второй) насыпи.

Скелет подростка очень плохой сохранности: прослежены кости ног, отдельные позвонки и фрагменты черепа. Судя по сохранившимся костям, погребённый лежал в скорченном положении на правом боку (угол в тазобедренных суставах тупой, в коленях острый), головой на В, лицевой частью черепа на С. Перед

черепом в северо-восточном углу ямы зафиксирован жертвенник в виде костей животных, рядом у северной стенки ямы стоял сосуд (1).

К этому же комплексу, по всей видимости, относятся два локальных скопления плит песчаника различных размеров, зафиксированные к востоку от погребальной конструкции. Первое скопление обнаружено непосредственно вблизи от захоронения на глубине – 1,05–1,18 м от репера, где расчищено несколько массивных плит. Удлиненные блоки, уложенные параллельно по отношению друг к другу на площади 0,8×1,3 м, своей западной частью перекрывают СВ угол погребения. Несколько восточней массивных плитняков зафиксировано ещё одно скопление небольших песчаников. В этом случае камни сложены в несколько рядов в форме круга диаметром около 0,8–0,9 м и высотой до 0,2 м. Нижние камни помещены в небольшое, до 0,1 м, углубление, на дне которого зафиксированы слабые следы золы.

В заполнении между плитами первого скопления встречены одиночные разрозненные кости животных. Таким образом, принимая во внимание следы присутствия огня и находки отдельных костей животных, можно предположить обрядово-поминальный характер выявленных объектов, имеющих непосредственное отношение к погребению 1.

1. Сосуд острорёберной формы с коротким слегка отогнутым наружу венчиком и слабовыраженным, несколько скруглённым ребром-перегибом (рис. 2.3). Его верхняя половина украшена геометрическими композициями, исполненными оттисками крупнозубчатого штампа. Основание шейки опоясывает одиночный ряд вдавлений, ниже по плечикам изображены треугольники вершинами вверх, внутреннее пространство которых заполнено косыми оттисками. Зона перегиба тулова украшена двумя горизонтальными линиями, пространство между которыми оформлено небольшо-

¹ См.: Красильников К. И., Красильникова Л. И. Обзор катакомбных древностей спасательных раскопок кургана 2 могильника у г. Червонопартизанска Луганской области // Проблемы истории и археологии Украины. 2014. С. 16–17.

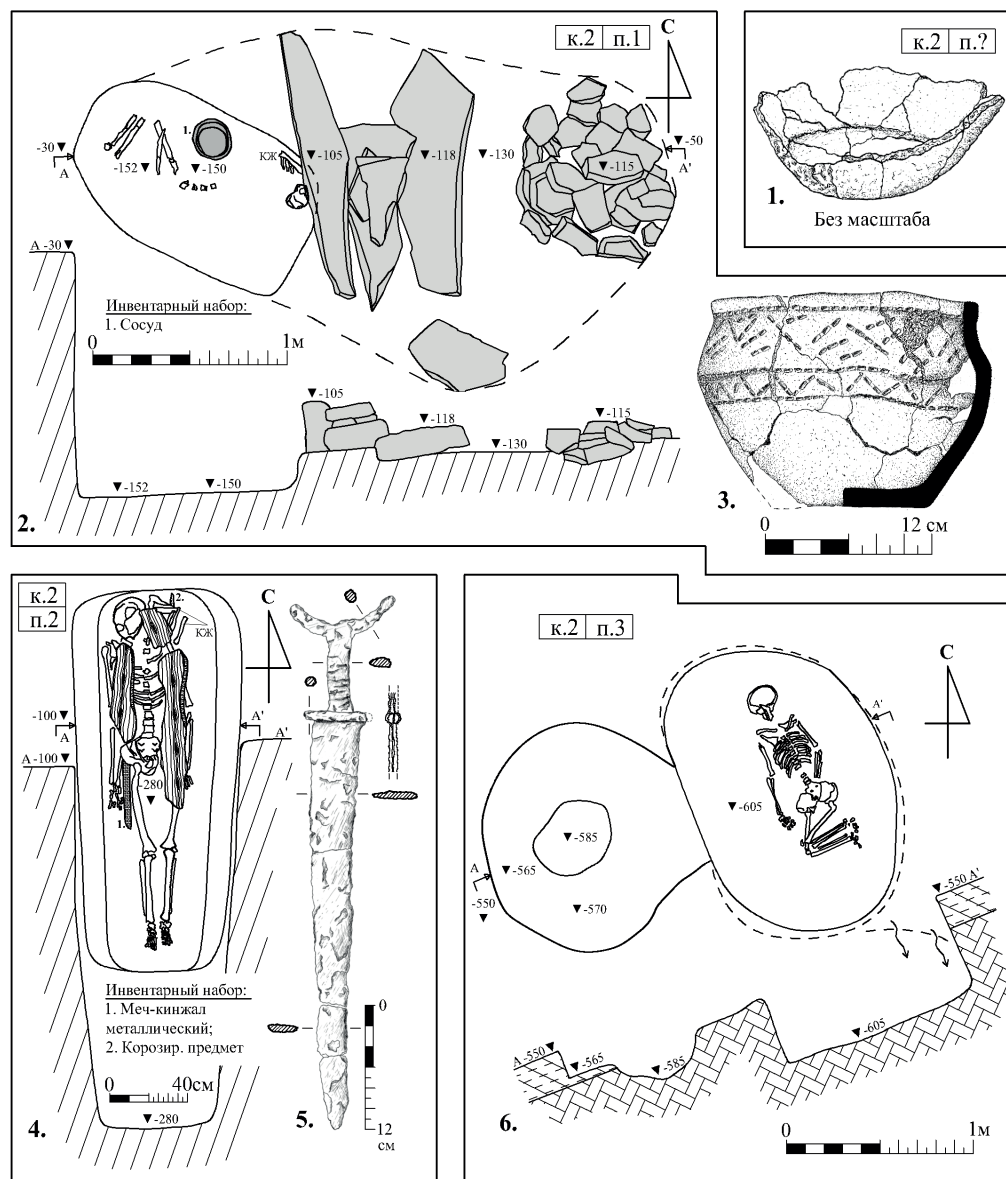

Рис. 2 / Fig. 2. Червонопартизанск, могильник шахты «Богучарская», исследования 1982 г., курган 2, погребения 1–3 / Chervonopartizansk, a tumulus at the Bogucharskaya mine, excavations of 1982, mound 2, burials 1–3.

- 1 – жаровня без привязки к комплексу; 2 – план и разрез погребения 1;
3 – сосуд из погребения 1; 4 – план и разрез погребения 2;
5 – меч-кинжал из погребения 2; 6 – план и разрез погребения 3
- 1 – a brazier without reference to the complex; 2 – plan and section of burial 1;
3 – a vessel from burial 1; 4 – plan and section of burial 2;
5 – a sword-dagger from burial 2; 6 – plan and section of burial 3

Источник: по данным авторов

ми треугольниками вершинами кверху. Размеры сосуда: Дт – 21,1 см, Дв – 19,2 см, Дд – 11,3 см, В – 15 см¹.

Погребение 2 (рис. 2.4–5), впускное, раннего железного века, выявлено в 5,5 м к ВСВ от репера. Заполнение ямы зафиксировано в бровке с глубины 1 м от репера, но в плане пятно практически не читалось, поэтому расчистка осуществлялась с глубины 2,7–2,8 м от репера.

Яма удлинённо-конусовидной формы размерами 1,9 × 0,87 м, ко дну сужалась до 0,6 м, ориентирована по линии С-Ю. Стенки с наклоном внутрь, дно со следами меловой подсыпки.

По центру ямы в вытянутом положении на спине лежал костяк взрослого человека с прямыми руками, головой на С, лицевой частью вверх. На скелете выявлена пара плах от продольного перекрытия ямы. Под костями прослежены фрагменты коричневого тлена от подстилки. Инвентарь комплекса представлен железным мечом-кинжалом (1), лежавшим вдоль правой большой берцовой кости, и сильнокорродированным железным предметом, найденным слева от черепа погребённого. Здесь же расчищен жертвенник в виде нескольких костей животного.

1. Короткий одноручный железный меч-кинжал с обоюдоострым клинком, прямым перекрестием и серповидным округлым в сечении навершием (рис. 2.5). Перекрестие изготовлено из двух плоских, состыкованных параллельно пластин, связующих клинок и рукоять орудия. На рукояти сохранились следы обмотки в виде отпечатков лент кожи и текстиля. Размеры: общая длина – 51,5 см, длина клинка – 40 см, максимальное сечение клинка – 4,6 × 0,7 см, длина рукояти – 7,5 см, максимальное сечение рукояти – 2,3 × 1,1 см, длина навершия – 10,1 см, диаметр навершия – 0,9 см.

Погребение 3 (рис. 2.6), впускное, катакомбное, зафиксировано на расстоянии

9,6 м к СЗ от репера. Пятно расчищалось с уровня предматерика на глубине – 5,5 м от репера, но признаки заполнения фиксировались выше в горизонтах насыпи.

Входной колодец в плане округлой формы размерами 1,17 × 1,12 м. Стенки прослежены на высоту до 0,2 м, дно имело небольшое понижение к южной стенке. По центру ямы расчищено небольшое углубление подовальной формы размерами 0,33 × 0,43 м. Его основание ниже уровня дна колодца на 0,15 м.

Погребальная камера сооружена к СВ от колодца, между ними имеется высокая ступенька шириной 0,52 м и с понижением к камере на 0,35 м. Камера катакомбы овальной формы размерами 1,61 × 1,09 м, ориентирована по линии ЮЮВ-ССЗ. Высота из-за обрушения свода не устанавливается. Местами на дне прослежены слабые следы охры.

Скелет хорошей сохранности лежал в центре камеры в скорченном положении на спине с ногами вправо, головой на СЗ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута, кисть лежала на костях таза. Ноги подогнуты (угол между бедренными костями и позвоночником тупой, в коленях острый).

Погребение 4 (рис. 3.1–2), впускное, эпохи средней бронзы. Пятно зафиксировано в предматерике на глубине 5,4 м и на расстоянии 6,9 м к ЮВ от репера.

Яма подпрямоугольной формы с закруглёнными углами размерами 1,71 × 2,34 м², ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Стенки прямые, прослежены на высоту до 0,26 м, дно с понижением на 0,2 м от центра до СЗ стенки. Здесь же в углу ямы на глубине – 5,9 м от репера зафиксировано небольшое линзовидное углубление подокруглой

² Указанные в первой публикации [7] параметры конструкции 2,6 × 1,8 м являются несколько искажёнными по продольной оси. Судя по сохранившимся полевым фотографиям, СВ стенка ямы устроена практически впритык с канавкой внутренней рамы, в первичной же статье она значительно удалена от внутри ямного сооружения. Таким образом, истинная форма погребальной конструкции имеет вид короткого прямоугольника.

¹ Здесь и далее при описании размеров сосудов использованы следующие обозначения: Дт – диаметр тулова, Дв – венчика, Дд – дна, В – общая высота.

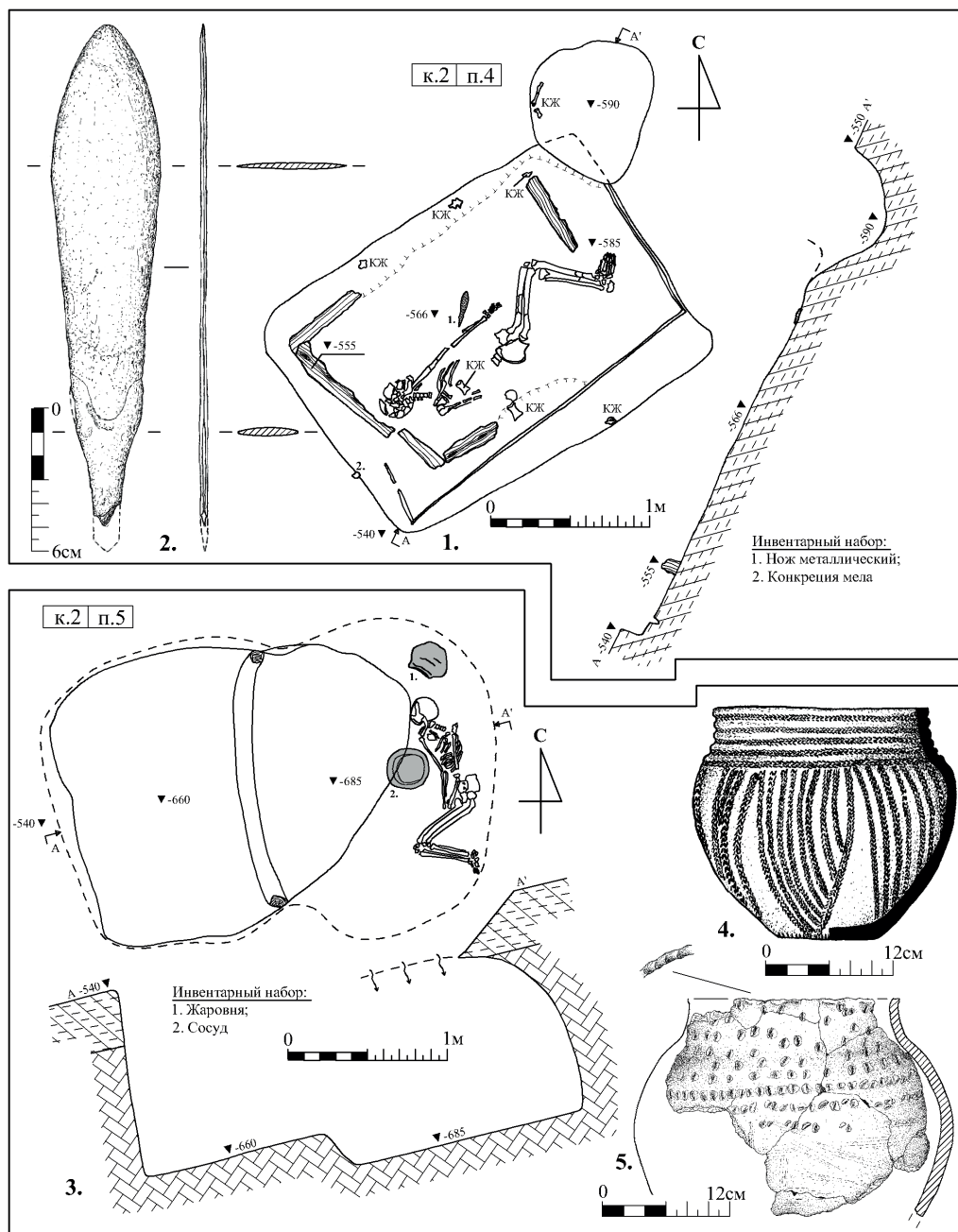

Рис. 3 / Fig. 3. Червонопартизанск, могильник шахты «Богучарская», исследования 1982 г., курган 2, погребения 4–5 / Chervonopartizansk, a tumulus at the Bogucharskaya mine, excavations of 1982, mound 2, burials 4–5.

1 – План и разрез погребения 4; 2 – нож из погребения 4; 3 – план и разрез погребения 5;
4–5 – инвентарный комплекс погребения 5 (4 – сосуд; 5 – жаровня)

1 – plan and section of burial 4; 2 – a knife from burial 4; 3 – plan and section of burial 5;
4–5 – an inventory complex of burial 5 (4 – a vessel; 5 – a brazier)

Источник: по данным авторов

формы размерами 0,18х0,21 м. В заполнении выявлено несколько невыразительных фрагментов костей животных.

Непосредственно захоронение совершено в пределах площадки размерами 1,32х2,08 м, обрамлённой канавкой и фрагментами плах от деревянной рамы. Так, вдоль ЮВ, СЗ и частично ЮЗ стенок ямы прослежена узкая, до 3–4 см шириной, ровная, почти прямая канавка глубиной до 5 см. Такого же характера обрамление, но в виде плах от остатков деревянной конструкции, расчищено преимущественно вдоль ЮЗ и частично – остальных стенок ямы. Плахи длиной от 0,3 до 0,8 м и шириной 4–10 см прослежены на высоту до 0,15 м.

Костяк взрослого человека лежал на коричневом тлене от подстилки в центральной части погребальной конструкции в скорченном положении на левом боку, головой на ЮЗ, лицевой частью на ССЗ. Левая рука вытянута вдоль тела, от правой сохранилась лишь плечевая кость. Ноги согнуты в тазу и коленных суставах под прямым углом.

Инвентарь представлен металлическим ножом (1), лежавшим у левого предплечья погребённого, и невыразительной меловой конкрецией под ЮЗ стенкой ямы. Местами, преимущественно у стенок ямы, зафиксированы отдельные кости животных.

1. Металлический нож с широким, листовидным, заточенным на всю длину лезвия клинком, едва выделенными округлыми уступами и узким коротким черешком (рис. 3.2). Черешок рукоятки обломан, но, судя по общему фото погребения, он был приострёрным. На нём сохранились отпечатки следов деревянной рукоятки с краем арковидной формы. Размеры: общая сохранившаяся длина – 21 см, длина клинка – 15 см, максимальное сечение клинка – 4,6 × 0,2 см, длина черешка – 7 см, максимальное сечение черешка – 1,1 × 0,3 см.

Погребение 5 (рис. 3.3–5), впускное, катакомбное, выявлено с уровня предма-

терика на глубине 5,4 м и на расстоянии 6,4 м к СЗ от репера.

Входная шахта подпрямоугольной с закруглёнными углами формы размерами 1,91 × 1,2 м, ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ. Стенки с небольшим расширением ко дну, устроенному на глубине 6,6 м от репера. Параметры входа из-за обвала части свода не устанавливаются, известно только, что его ширина около 1,65 м. Кроме того, по обеим сторонам от входа обнаружены признаки древесных столбов диаметром до 10 см, выполнявших, по всей видимости, роль перекрытия либо укрепляющих подпорок.

Камера овальной формы размерами 1,55 × 1,97 м, находилась к ВСВ от колодца параллельно шахте, ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ. Переход в катакомбу осуществлён при помощи наклонной ступеньки, понижающейся до уровня дна на 0,25 м. Высота сохранившейся части свода около 1,1 м. Местами на дне камеры прослежены слабые следы подсыпки охрой.

Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении на правом боку (угол между позвоночником и бедренными костями тупой, в коленных суставах – острый) под задней стенкой камеры, головой на ССЗ, лицевой частью черепа к выходу. Руки вытянуты к тазу, кисти у бедренных костей. Инвентарь: под северной стенкой за черепом обнаружена жаровня из стенки массивного сосуда (1), а перед скелетом в районе груди стоял сосуд (2).

1. Жаровня изготовлена из верхней части массивного сосуда с округлым туловом и высокой едва отогнутой наружу горловиной (рис. 3.5). Верхняя половина обломка оформлена несколькими горизонтальными рядами отпечатков пальцевых вдавлений. Для верхних опоясывающих рядов оттисков характерна небрежность и асимметричность расположения элементов. Размеры жаровни: 24,6 × 20,6 см.

2. Массивный сосуд со слабовыпуклыми плечиками, плавно переходящими

в высокую прямую горловину (рис. 3.4). Венчик украшен пятью горизонтальными поясами, выполненными оттисками трёхрядной мелкой тесьмы. Ниже таким же приёмом изображены свисающие до самого дна треугольники, внутреннее пространство которых заполнено аналогичными вдавлениями. Придонная часть оформлена рядом вертикальных насечек. Размеры сосуда: Дт – 24,8 см, Дв – 20,2 см, Дд – 9,6 см, В – 21,8 см¹.

Погребение 6 (рис. 4), **основное**, катакомбное, устроено в центральной части кургана с незначительным смещением к ССВ от репера. Зафиксировано с горизонта погребённой почвы на глубине 5,2 м от репера по выкиду тёмного гумуса и перекрывающего его слоя суглинка из катакомбы.

Входной колодец прямоугольной формы с закруглёнными углами размерами 2,1 × 1,35 м ориентирован по линии

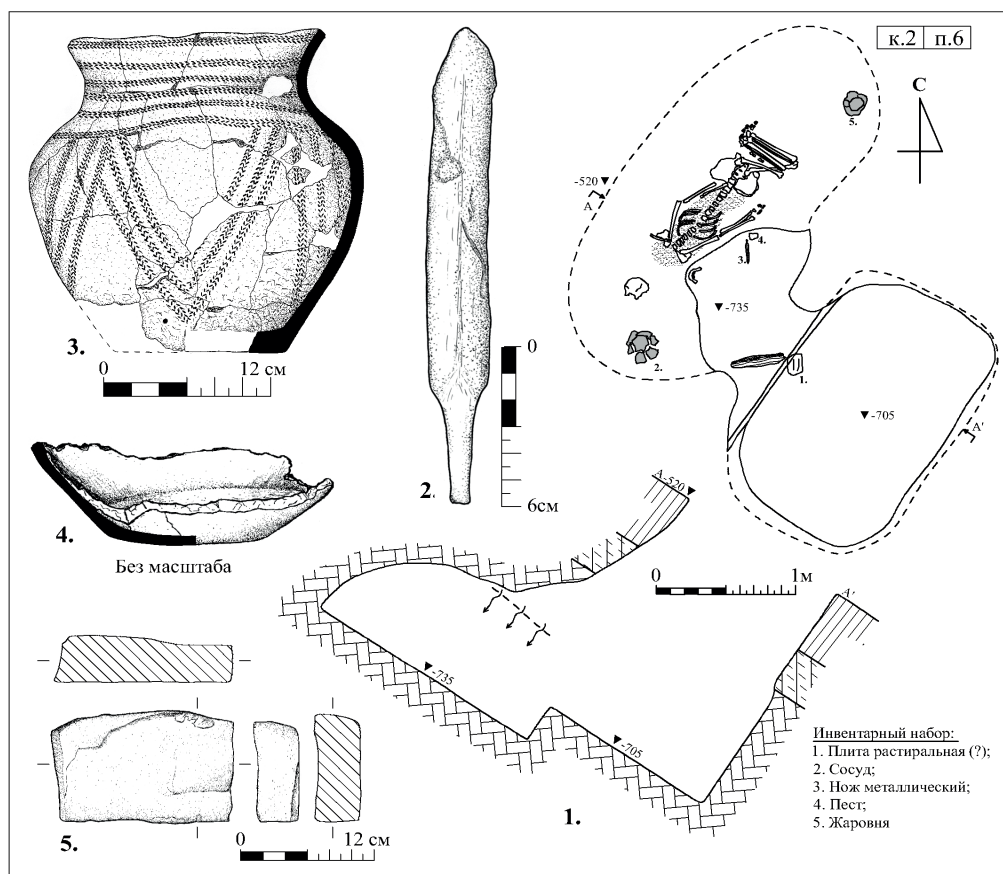

Рис. 4 / Fig. 4. Червонопартизанск, могильник шахты «Богучарская», исследования 1982 г., курган 2, погребение 6 / Chervonopartizansk, a tumulus at the Bogucharskaya mine, excavations of 1982, tumulus 2, burial 6.

1 – План и разрез погребения 6; 2–5 – инвентарный комплекс погребения 6 (2 – нож; 3 – сосуд; 4 – жаровня; 5 – плита растиральная)

1 – plan and section of burial 6; 2–5 – an inventory complex of burial 6 (2 – a knife; 3 – a vessel; 4 – a brazier; 5 – a grinding plate)

Источник: по данным авторов

¹ Сосуд отсутствует в фондах, рисунок и описание составлены по сохранившимся фотографиям, размеры указаны в соответствии с надписью на обратной стороне снимка.

ЮЗ-СВ. Стенки с небольшим наклоном ко дну, устроенному на глубине 7,05 м от репера. Вход в камеру, по всей видимости, был перекрыт плахами, обломки которых выявлены в заполнении и у дна с обеих сторон от входа. Здесь же на ступеньке при переходе в камеру оставлен обломок растиральной плиты (1).

Погребальная камера удлинённо-овальной формы размерами $3 \times 1,26$ м сооружена к СЗ от входной шахты. Переход внутрь катакомбы осуществлён при помощи ступени высотой 0,3 м и лаза длиной до 0,3 м и шириной около 0,8 м. Высота прохода из-за обвала верхней части не устанавливается. Дно ровное с локальными следами подсыпок охры. Прослеженная высота свода не более 0,8 м.

Скелет взрослого человека лежал в центре камеры в скорченном положении на спине с ногами вправо (угол между бедренными костями и позвоночником тупой, в коленях острый), головой на ЮЗ. Череп смещён, его первостепенное положение не устанавливается. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка подогнута, лежала кистью у таза. Ноги пятками прижаты к тазу. Костяк от черепа до таза обильно посыпан охрой.

Инвентарь включает серию предметов: в ногах у СВ стенки камеры стояла жаровня (2), за черепом у противоположной стенки конструкции обнаружен сосуд (3), перед грудью погребённого лежал металлический нож (4) и разрушившийся пест-растиральник из песчаника.

1. Фрагмент растиральной плиты подпрямоугольной формы с небольшим углублением на одной из поверхностей (рис. 4.5). Материал – минерал сланцевых пород (?). Размеры: $16,3 \times 10,6 \times 4,4$ см.

2. Жаровня из придонной части неорнаментированного сосуда (рис. 4.4). Размеры неизвестны (рисунок и описания составлены по фото, фрагмент в фондах отсутствует).

3. Сосуд стройных пропорций с выпуклыми высокоподнятыми плечиками и высокой раструбной горловиной (рис. 4.3).

Шейку опоясывают шесть горизонтальных оттисков мелкой трёхрядной тесьмы. Ниже от плечиков к придонной части поверхность украшена композициями в виде свисающих вершинами книзу треугольников, исполненных оттисками такой же тесьмы. Размеры сосуда: Дт – 24,8 см, Дв – 18,5 см, Дд – 12,5 см, В – 24,5 см.

4. Металлический нож с длинным, слегка расширяющимся в верхней части клинком с параллельными сторонами и длинным, узким черешком (рис. 4.2). По центру орудия проходит ребро жёсткости. Размеры: общая длина – 17,7 см, длина клинка – 13,5 см, ширина клинка – 2,3 см, длина черешка – 4,2 см, ширина черешка – 1 см¹.

Заключение

К числу древнейших погребений исследованного кургана относится серия катакомбных комплексов позднего периода. В обрядово-хронологическом отношении выявленные захоронения неоднородны и представляют несколько позднекатакомбных культур. Наиболее информативным среди них является основное погребение 6, которое, в соответствии с региональными периодизациями и аналогиями материалов, может быть отнесено к бахмутской группе памятников со смешанными чертами [1, с. 60–77]. Важным маркирующим признаком этой группы выступает высокий сосуд с раструбной горловиной (т. н. S-видный профиль). Стоит отметить, что встречаемая на посуде из кургана у г. Червонопартизанска шнуровая орнаментация, а также мотивы её исполнения, в целом более характерные для керамики донецкой культуры, изредка присутствуют и на типично бахмутской посуде (Донецк 4/12, ЛНПЗ 2/4) (см.: [4, с. 138, рис. 7.1; 13, с. 151, рис. 19.10]).

¹ В конце 90-х гг. нож был похищен из музея одной из школ г. Луганска. Рисунок и описание составлены по сохранившимся фотографиям, размеры высчитаны по снимку, где рассматриваемое орудие расположено рядом с ножом из п. 4, параметры которого известны.

Особый интерес представляет находка бронзового ножа с длинным клинком из основного погребения. На снимках орудие в верхней части клинка имеет незначительное расширение, что морфологически сближает его с ножами так называемого «пиковидного» типа [1, с. 95]. Кроме того, асимметричные края лезвия в этой части ножа свидетельствуют о явной сработанности клинка, видимо, в результате сточки, т. е. ясно указывают на его первоначально иную, вероятно, более расширенную форму. К сожалению, на фото не просматривается такой важный параметр, как участок заточенной (рабочей) части орудия. С уверенностью можно говорить лишь о том, что черешок имеет более притуплённый, чем клинок, край, но была ли кромка ножа заострённой по всей своей длине, установить затруднительно. Если наши предположения верны, тогда на рассматриваемом экземпляре лезвийной выступала именно верхняя треть орудия, подобно известным позднекатакомбным ножам обозначенного типа, а остальная часть изделия служила перехватом. Не противоречат этому и случаи обнаружения подобных форм ножей в позднекатакомбных комплексах, в том числе и с посудой бахмутского типа (например, Краматорск 2/10) (см.: [11, с. 72, 74–75, рис. 9]).

Некоторое внимание стоит уделить и находке плиты из плотного сланца с едва выделяющимся углублением из погребения 6. Отнесение данного артефакта к числу литейных форм, упоминавшееся ранее в исследованиях¹, представляется ошибочным. При поверхностном рассмотрении обломка видно его иное функциональное назначение. В пользу этого свидетельствуют и находки прочих матриц катакомбного времени, абсолютное большинство которых изготовлено из глины.

Принимая во внимание присутствие в инвентарном наборе погребённого песта, наиболее вероятно предположить, что плита выполняла функцию растиральной поверхности. Рассматриваемые изделия, как по отдельности, так и в наборе пест-ступа, довольно часто встречаются в составе инвентаря позднекатакомбных погребений маньчского типа [3], о связях которых с бахмутскими памятниками уже отмечалось [1, с. 142–143].

К позднекатакомбному времени также относятся захоронения 3 и 5. Ввиду отсутствия инвентарного комплекса атрибуция погребения 3 затруднительна, инвентарь же погребённого из катакомбы 5 сочетает в себе признаки двух культурных традиций. Так, округлобокий сосуд с прямой высокой горловиной, орнаментированный сложными тесёмчатыми композициями, является классическим для позднедонецкой группы [13, с. 99–112]. Практически полная его аналогия встречена в позднекатакомбном донецком погребении у г. Сватово [2, с. 97, рис. 24.8]. В то же время орнаментация в виде нескольких рядов пальцевых оттисков, исполненная на жаровне из этого же комплекса, совершенно не свойственна керамике донецкой катакомбной культуры, а наибольшее распространение получает на посуде бахмутско-маньчских комплексов [13, с. 54–79].

Следующий хронологический горизонт кургана у г. Червонопартизанск представлен захоронением 4, относящимся к числу посткатакомбных памятников финала эпохи средней бронзы. Как отмечалось выше, рассматриваемый комплекс прежде уже публиковался и был отнесён к раннему этапу днепро-донской бабинской культуры (культуры многоваликовой керамики) (см. подробнее [9]). Редкий нож из описываемого комплекса рассматривается авторами в качестве продукции бабинской металлообработки, сочетающей в себе признаки местных ямно-катакомбных и восточных абашевских и постабашевских традиций.

¹ См.: Красильников К. И., Красильникова Л. И. Образ катакомбных древностей спасательных раскопок кургана 2 могильника у г. Червонопартизанска Луганской области // Проблемы истории и археологии Украины. 2014. С. 16.

Эпоха поздней бронзы представлена единственным погребением срубной культуры. Для рассматриваемого комплекса характерны некоторые архаические черты, которые позволяют относить захоронение к раннему периоду либо ко времени перехода к развитому этапу срубных древностей региона (I–II горизонт срубных могильников по периодизации Р. А. Литвиненко для памятников Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья) [7; 8]. Прежде всего, это господствовавшее в предыдущую эпоху положение погребённого на правом боку, а также форма и орнаментация острорёберного сосуда. Отметим, что именно на раннем этапе срубной культуры для острорёберных сосудов характерно положение ребра посредине тулова и орнаментация, исполненная крупнозубчатым штампом. Позднее же ребро поднимается в верхнюю треть тулова, а обозначенный способ орнаментации практически исчезает из употребления.

Наконец наиболее поздним в исследованном кургане является кочевническое

захоронение 2 раннего железного века. В первой публикации [5] авторы интерпретировали рассматриваемый комплекс в качестве памятника раннего периода сарматской культуры. Диагностирующим признаком здесь выступает короткий меч с серповидным навершием и прямым перекрестием. Подобное оружие появляется ещё в IV в. до н. э. на территории Южного Приуралья и становится классическим в среде сарматских памятников Волго-Донского региона во II в. до н. э. [12, с. 117–118].

Таким образом, данные исследований кургана у г. Червонопартизанск вместе с недавно представленными материалами масштабных работ Северско-Донецкой экспедиции 1970-х гг. в Провальской степи [10] являются новыми важными источниками для изучения культурно-исторических процессов в южном Донбассе не только в эпоху бронзы III–II тыс. до н. э., но и раннего железного века II в. до н. э.

Статья поступила в редакцию 15.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова Думка, 1976. 252 с.
2. Братченко С. Н. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н. е. та майдани // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2004. № 2. С. 65–190.
3. Власкин М. В., Ильюков Л. С. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // Российская археология. 1992. № 3. С. 178–194.
4. Гершкович Я. П. Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // Советская археология. 1986. № 2. С. 132–145.
5. Красильников К. И., Красильникова Л. И. Сарматские древности в новых материалах Подонцовья // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Серія: історичні науки. 2003. № 6 (62). С. 65–75.
6. Красильников К. И., Литвиненко Р. А. Новые материалы к изучению культуры многоваликовой-керамики Северского Донца // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Серія: історичні науки. 2000. № 12 (32). С. 160–180.
7. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. 1999. С. 4–23.
8. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1994. 345 с.
9. Литвиненко Р. О. Поховання культурного кола Бабине з металевими ножами // Донецкий археологический сборник. 2006. № 12. С. 32–61.
10. Пыслару И. Курганы эпохи бронзы в Провальской степи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 76–100. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-76-100.
11. Санжаров С. Н. Курганы у г. Краматорска на Казенном Торце // Древние культуры Подонцовья. 1993. Вып. 1. С. 58–90.

12. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1990. 299 с.
13. Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.: Институт археологии РАН, 1996. 182 с.

REFERENCES

1. Bratchenko S. N. *Nizhnee Podon'e v epokhu srednei bronzy* [The Lower Don region in the middle bronze age]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1976. 252 p.
2. Братченко С. Н. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н. е. та майдани. In: *Матеріали та дослідження з археології Східної України*, 2004, № 2, С. 65–190.
3. Vlaskin M. V., Il'yukov L. S. [Stone pestles and mortars of the Lower Don catacomb culture]. In: *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1992, no. 3, pp. 178–194.
4. Gershkovich Ya. P. [Figured belt buckles of the multi-roll ceramics culture of]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1986, no. 2, pp. 132–145.
5. Красильников К. И., Красильникова Л. И. Сарматские древности в новых материалах Подонцовья. In: *Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Серія: історичні науки*, 2003, № 6 (62), С. 65–75. Krasilnikov K.I., Krasilnikova L.I. Sarmat relics in Pridontzov area new findings.
6. Красильников К. И., Литвиненко Р. А. Новые материалы к изучению культуры многоваликовой керамики Северского Донца. In: *Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Серія: історичні науки*, 2000, № 12 (32), С. 160–180. Krasilnikov K.I., Litvinenko R.A. New materials on multi-roll ceramics of Seversky Donetsk area.
7. Litvinenko R. A. [Periodization of log cemeteries in the North-Eastern Azov region]. In: *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ya* [Antiquities of the North-Eastern Azov region]. 1999. pp. 4–23.
8. Litvinenko R. A. *Srubnaya kul'tura basseina Severskogo Dontsa (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov): dis. ... kand. ist. nauk* [Log house culture of the Seversky Donetsk basin (study of burial monuments): PhD thesis in Historical Sciences]. Kiev, 1994. 345 p.
9. Литвиненко Р. О. Поховання культурного кола Бабіне з металевими ножами. In: *Донецкий археологический сборник*, 2006, № 12, С. 32–61.
10. Pyslaru I. [Bronze age barrows in the provalskaya steppe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 5, pp. 76–100. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-76-100.
11. Sanzharov S. N. [Mounds near the city of Kramatorsk on the Kazenny Torets]. In: *Drevnie kul'tury Podontsov'ya* [Ancient cultures of Podontsovia], 1993, no. 1, pp. 58–90.
12. Skripkin A. S. *Aziatskaya Sarmatiya: problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia: chronology and historical aspect.]. Saratov, Saratov State University Publ., 1990. 299 p.
13. Smirnov A. M. *Kurgany i katakomby epokhi bronzy na Severskom Dontse* [Mounds and catacombs of the Bronze Age on the Seversky Donetsk]. Moscow, Institute of Archeology of RAS Publ., 1996. 182 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коваленко Петр Петрович – младший научный сотрудник Центра археологии и этнографии Луганского государственного педагогического университета;

e-mail: p_kov@mail.ru;

Красильников Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета;

e-mail: lena_ap11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Petr P. Kovalenko – Research Assistant, Archaeology and Ethnography Center, Lugansk State Pedagogical University;

e-mail: p_kov@mail.ru

Konstantin I. Krasilnikov – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of World History and International Relations, Lugansk State Pedagogical University;
e-mail: lena_ap11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коваленко П. П., Красильников К. И. Результаты исследования кургана у г. Червонопартизанск на Донецком кряже (материалы охранных раскопок 1982 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 114–127.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-114-127

FOR CITATION

Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I Study of a tumulus near Chervonopartizansk, the Donetsk Ridge (Rescue excavations, 1982). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 114–127.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-114-127

УДК 903.2(477)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-128-163

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРСКО-ДОНЕЦКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ПРОВАЛЬСКОЙ СТЕПИ

Пыслару И.¹, Гераськова Л.²

¹ Музей археологии «Каллатис»

905500, г. Мангалия, Шоссе Констанцы, д. 23, Румыния

² Независимый исследователь, Киев, Украина

Аннотация.

Цель. Публикация результатов археологических исследований, проведённых Северско-Донецкой экспедицией Института археологии Академии наук Украины в 70-е гг. XX в. на юге Донбасса, в Свердловском районе Луганской области Украины и на территории Гуковского района Ростовской области Российской Федерации.

Процедура и методы. В работе представлены материалы, полученные в результате исследований курганов, каменных закладок, грунтовых захоронений, оградок и каменных изваяний. Памятники были оставлены в разные эпохи, начиная с энеолита и заканчивая средневековьем.

Результаты. Удалось установить, что этот небольшой физико-географический район был весьма привлекательным для скотоводческого населения в различные эпохи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённые исследования обогащают источниковую базу и углубляют наши знания о древнейшей истории Южного Донбасса.

Ключевые слова: курган, энеолит, ямная культура, культура Делакэу-Бабино, срубная культура, керамика, каменное изваяние, стела

FIELD RESEARCH OF THE SEVERSK-DONETSK EXPEDITION IN THE PROVALSKAYA STEPPE

I. Pyslaru¹, L. Geraskova²

¹ Museum of archaeology "Kallatis"

23 Sos. Constanța, Mangalia 905500, România

² Independent researcher, Kiev, Ukraine

Abstract.

Aim. To publish the results of archaeological field research carried out by the Seversk-Donetsk expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukraine in the south of Donbass, in the Sverdlovsk district of the Luhansk region of Ukraine and in the Gukovsky district of the Rostov region of the Russian Federation in the 1970s.

Methodology. The article presents the results obtained as a result of field studies of burial mounds, stone bookmarks, ground graves, enclosures and stone statues. The monuments under study belong to different eras, from the Eneolithic to the Middle Ages.

Results. It was established that this small geographical area was highly attractive for cattle breeding communities in different eras.

Research implications. The conducted studies contribute to the source base and knowledge of the ancient history of the South Donbass.

Keywords: mound, Eneolithic, Yamnaya culture, Delacau-Babino culture, Srubnaya culture, ceramics, stone statue, stele

Введение

Исследования в Провальской степи проводились Северско-Донецкой экспедицией Института археологии Академии наук Украины под руководством Иона Пыслару с 1973 по 1980 гг. [4; 5; 6; 11; 12]¹.

Балка Грушевая, идущая на север, начинается в 5 км на северо-восток от шахты «Провальская» № 2, расположенной у г. Краснопартизанск Свердловского района Луганской области. Она проходит в нескольких километрах восточнее и параллельно балке Провалье, на которой стоит село Провалье. Именно здесь проходят главные восточные отроги Донецкого кряжа, представляющие собой скалистые выходы глинистых сланцев, песчаников, кварцита и кварца в виде острых грив и гряд, протянувшихся в широтном направлении. В образованных ими долинах произрастают обильные травы, среди которых много ковыля и полыни. Не случайно здесь был создан природный заповедник «Провальская степь». Ручей, протекающий в балке, имеет узкую пойму. Первая и вторая надпойменные террасы возвышаются над уровнем ручья от 1–1,5 до 2,5–3 м.

В результате проведённой разведки вдоль балки Грушевой было обнаружено много археологических памятников: курганы, поселения, грунтовые могильники, которые относятся к различным археологическим культурам и эпохам: от III тыс. до н. э. до XI–XII вв. н. э. (рис. 1).

Для всех памятников характерна одна черта – наличие камня-песчаника на поселениях, насыпях курганов, закладках

над погребениями и в обкладках погребальных ям. Этот камень и сегодня применяется для строительства жилых и хозяйственных сооружений. Следует особо отметить, что курганы в балке Грушевой и её окрестностях очень хорошо сохранились – они никогда не распаивались и дают полное представление о своём первоначальном виде.

Наблюдения над топографией курганов оказались очень важными для определения их культурной принадлежности. Впоследствии они были подтверждены раскопками. Так, курганы эпохи бронзы, как правило, занимают возвышенное место на берегах балки, на мысах у слияния балок и на вершинах скалистых гряд, грив, гребней, откуда открывается широкая панорама. Среди курганов средневекового времени в Грушевой балке известно 2 вида, различающихся по топографии:

1) маленькие курганы с каменной наброской, расположенные в долинах между грядами или на пологих склонах, зачастую с провалившимися ямами погребений и, как правило, ограбленные в древности;

2) курганы с каменными насыпями, чаще задернованными, на участках открытых плато, с которых не открывается широкой панорамы.

Существует ещё одна группа кочевнических (половецких) курганов с каменно-земляными насыпями, которые известны в нескольких километрах на запад от с. Провалье у хутора Маяк (бывшее IV отделение совхоза «Провальский») и у с. Бобриковка под г. Свердловском. На них были найдены каменные изваяния. В отличие от описанных выше групп, эти курганы всегда располагаются на господствующих высотах.

Особым видом памятников в Грушевой балке являются грунтовые могильники с каменными закладками. Топогра-

¹ В работах активное участие принимали штатные и приглашённые сотрудники экспедиции – археологи М. Гладких, А. Кротова, Л. Бедин, А. Смоляк, антропологи Р. Орел, Т. Тананакина, топограф Д. Рудиков, художники В. Баклицкий, П. Корниенко, приглашённые сотрудники А. Горелик, О. Дубовская, М. Швецов, В. Розенбаум, В. Самойленко, В. Кульбака, Н. Чаур, Е. Руссу-Бикбаева, Р. Кравченко, В. Голышкина и многие другие.

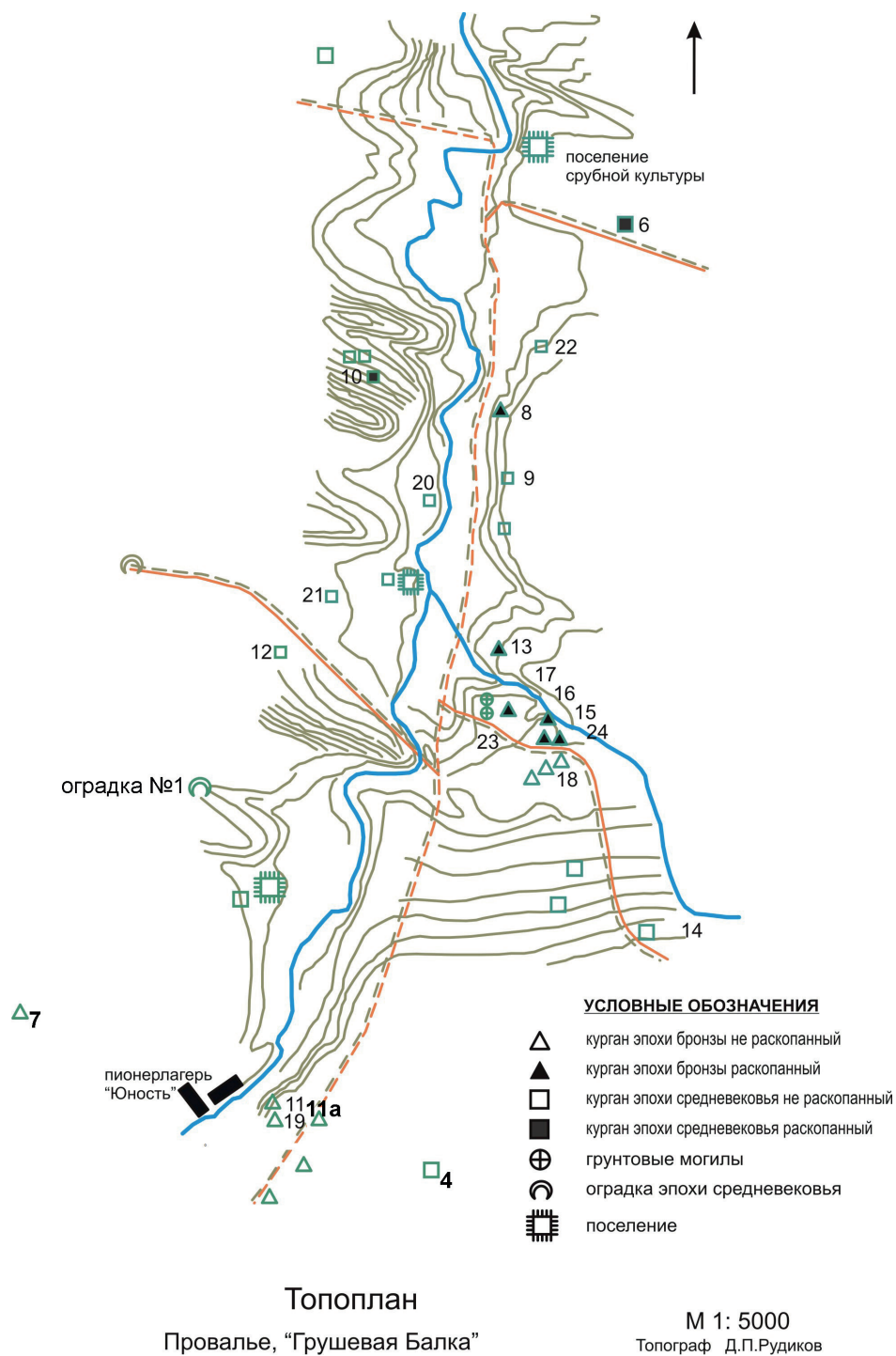

Рис. 1 / Fig. 1. Зона исследований Северско-Донецкой экспедиции ИА АН Украины / Research area of the Seversk-Donetsk expedition of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Ukraine

фически они занимают место у слияния балок. Среди исследованных закладок одна относится к энеолиту, две – к поздней бронзе, две – к железному веку. По внешнему виду они ничем не отличаются друг от друга и не имеют на поверхности никаких признаков: лишь иногда из земли выступают камни, которые не привлекают внимания в условиях каменистой степи этого района.

Основными водными артериями, которые ограничивают Провальскую степь с запада и востока, являются р. Верхнее Провалье (на западе и севере) и р. Грушевая (на востоке). Северо-восточной оконечностью исследуемого региона является пруд-накопитель Каратал, на правом высоком берегу которого было исследовано поселение эпохи поздней бронзы. Вверху, вдоль обоих берегов балки Грушевой, было открыто большое количество разнообразных археологических памятников.

Все памятники для удобства описания были разбиты на несколько групп или

комплексов, описание которых ведётся с северо-восточной части, от пруда-накопителя. Объём данной работы не позволяет дать полное описание всех открытых объектов, потому мы вынуждены ограничиться описанием лишь некоторых памятников из комплексов № 1, № 2, № 5 и № 6.

Комплекс 1

Находится на правом берегу балки Грушевой. В нескольких десятках метров от поселения эпохи бронзы был раскопан курган № 6 с погребением кочевника половецкого времени. В сотне метров на юг на правом берегу балки открыты курганы №№ 22, 8 и 9, а на левом берегу курганы №№ 10 и 20.

Курган № 8. Насыпь состояла из набросанных в беспорядке кусков песчаника серого цвета. Преобладают небольшие камни средних размеров – $0,26 \times 0,15 \times 0,12$ м. Высота насыпи – 0,4 м. На глубине 0,45 м от репера начинается материк (рис. 2).

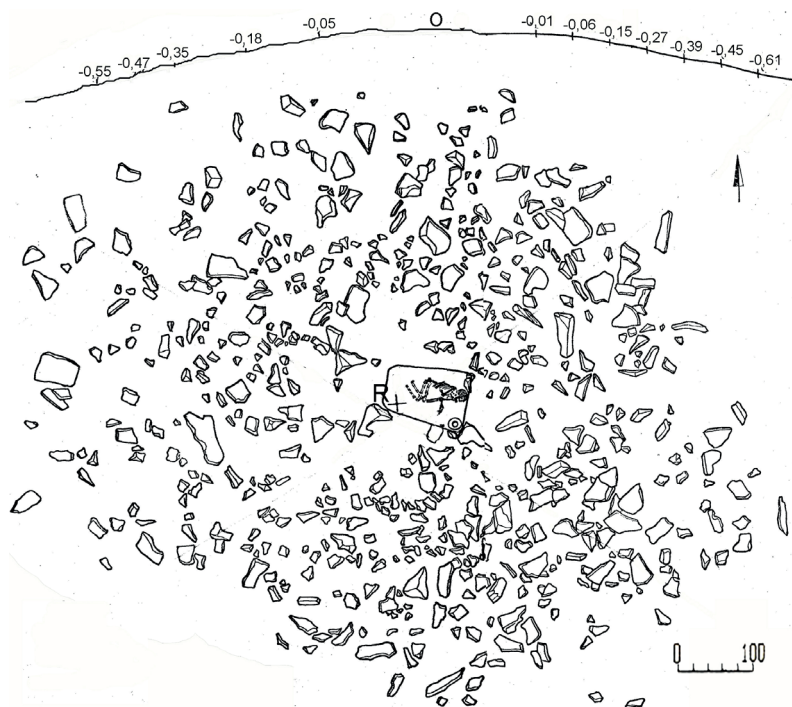

Рис. 2 / Fig. 2. Провалье. Грушевая балка. Курган № 8. План / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 8. Plan

Погребение № 1. На уровне материка обнаружено пятно ямы единственного в кургане погребения. Яма сужалась ко дну. На глубине от 0,5 м до 0,9 м яма была забита крупными плитами песчаника размерами $1,1 \times 0,3 \times 0,1$ м, лежащими друг на друге. Плиты были расположены поперёк ямы на специально оставленных уступах, образуя перекрытие погребения. По конструкции яму можно отнести к так называемым ямам с заплечиками. Яма трапециевидной формы размером $1,17 \times 0,75$ м и глубиной от репера 1,37 м (длина восточной стенки 0,75 м, западной – 0,6 м), ориентирована по линии 3-В.

Костяк ребёнка плохой сохранности лежал скорченно на левом боку, головой на В. Левая рука вытянута вдоль тела. Правая слегка согнута в локте, лежит по-

перёк левой. Ноги резко согнуты, сохранились фрагментарно.

Под черепом было найдено вещество жёлтого цвета – очевидно, истлевшие остатки подушки. Вдоль южной стенки лежало несколько костей животного. Перед лицом погребённого в ЮВ углу ямы стоял кувшинообразный сосуд (рис. 3).

Сосуд имеет слабо отогнутый венчик, высокую цилиндрическую шейку, биконическое тулово и небольшое дно без закраины. На тулове под горловиной и чуть выше ребра заметны два кольцевидных выступа – след от имевшейся ручки, отбитой ещё в древности. Сосуд орнаментирован врезными линиями. В месте отделения шейки от тулова прочерчена линия, по тулову до ребра идут вертикальные зигзаги, сгруппированные по 3 и

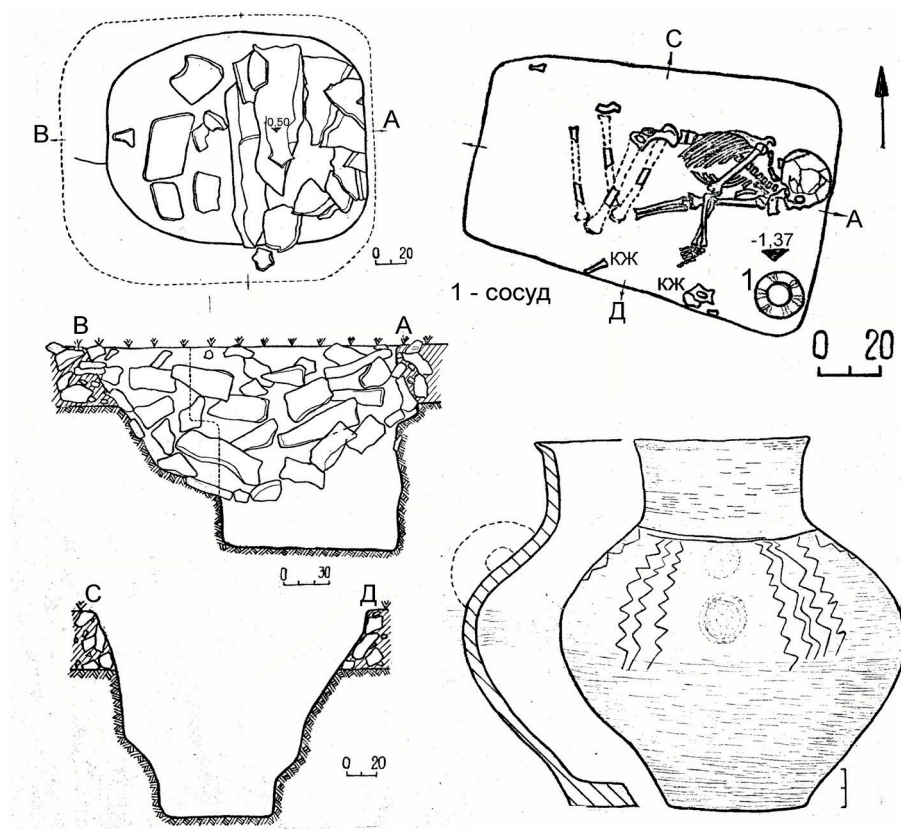

Рис. 3 / Fig. 3. Провалье. Грушевая балка. Курган № 8. Погребение / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 8. Burial

образующие в целом 6 таких групп. В 3-х из этих групп, чередуясь через одну, центральный зигзаг разветвляется на два. Поверхность сосуда серо-жёлтого цвета, тщательно заглажена и подлощена. Черепок в изломе чёрный. Высота сосуда – 20 см, диаметр горловины – 8,5 см, наибольший диаметр – 16,5 см, диаметр дна – 8 см, высота шейки – 5 см, толщина ручки – 2 см, толщина стенок сосуда 0,5 см. Тип сосуда позволяет отнести погребение к предскифскому времени – VIII – пер. пол. VII в. до н. э.

Курган № 9 расположен на правом берегу балки Грушевой в 1,3 км на ССВ от пионерлагеря «Юность» шахты «Гуковской» Ростовской области. Курган расположен на высоком берегу балки, но не занимает господствующей высоты. Он никогда не распахивался и был задернован. На его поверхности совершена наброска из камней песчаника. Диаметр насыпи – 6 м, высота – 0,3 м.

В центре кургана прослеживалась западина продолговатой формы, ориентированная по оси В-З. Курган копался вручную с оставлением центральной бровки, ориентированной по линии В-З.

Погребение № 1. В центре кургана была обнаружена прямоугольная яма размерами 2,05 × 0,95 × 0,55 м, ориентированная по оси В-З. В южной и восточной стенках прослеживался подбой на 0,1 м. Яма была забита плитами песчаника размерами 0,75 × 0,3 × 0,06 м, которые лежали наклонно к центру ямы. После расчистки в восточной половине ямы под первым слоем камней обнаружился второй. Камни лежали без какого-либо видимого порядка (рис. 4).

Судя по всему, погребение было ограблено в древности. О культурной принадлежности судить сложно, но учитывая некоторые особенности, можно предположить, что его оставили кочевники раннего железного века.

Курган № 22 расположен на правом берегу балки Грушевая, на склоне холма в 1,6 км на С-З от пионерлагеря «Юность».

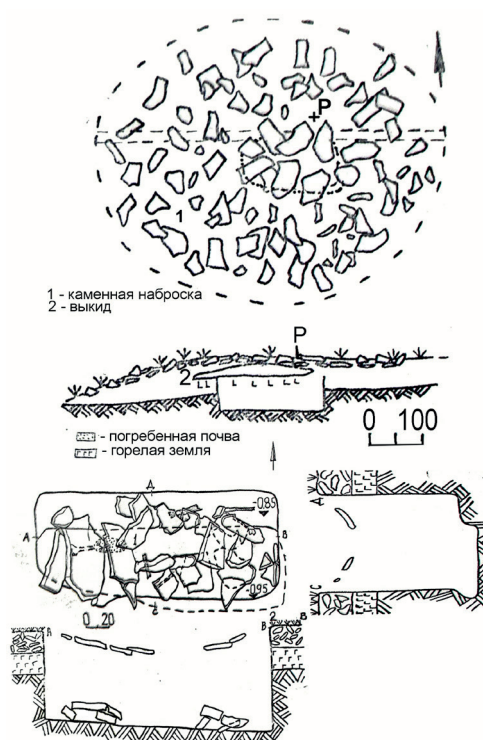

Рис. 4 / Fig. 4. Провалье. Грушевая балка. Курган № 9. План кургана и план погребения / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 8. The plans of the girder and the burial

Курган имел насыпь в виде вымостки из плит песчаника. В центре прослеживалась впадина овальной формы, вытянутая по линии В-З. Курган раскапывался вручную с оставлением бровки, ориентированной по оси С-Ю. Диаметр насыпи – 8 м, высота – 0,5 м (рис. 5).

Погребение № 1. При зачистке впадины обозначилась яма неправильной формы, которая была частично забросана камнями, однако в западной его части камни остались непо потревоженными. По-видимому, они являются частью просевшего свода из камней над могильной ямой. Погребальная камера прямоугольной формы размерами 2,4 × 0,6 × 2,25 м, ориентирована по оси В-З. Впоследствии с СВ на ЮЗ была прорезана грабительской ямой в форме сильно вытянутого овала.

В северной стенке ямы прослежена ступенька шириной 0,2-0,4 м, частично нарушенная грабительским ходом. На ступеньке в анатомическом порядке лежали кости лошади (череп, кости ног), ориентированной головой на 3.

В южной стенке ямы имелся подбой размерами 0,5 × 0,56 м, который был закрыт каменными плитами, стоящими на ребре. Две такие плиты сохранились в западном и восточном углах ямы. Обе плиты стояли на второй ступеньке, которая находилась ниже первой на 0,2 м и имела уклон в сторону подбоя. На этой ступеньке и в заполнении ямы найдены кости разрушенного скелета человека (нижняя челюсть, кости рук, рёбра, позвонки), а также кости барана и очень много обломков железного изделия (сабля?). Здесь же найдены фрагменты железных удил без перегиба.

У входа в подбой лежал разбитый череп барана. В подбое найдены кости скелета погребённого, отличавшиеся от предыдущих более крупными размерами, часть костей была в потревоженном со-

стоянии, часть «in situ». Судя по костям (череп, ключица, левая лопатка, локтевая, лучевая кости и кисть правой руки), можно установить, что скелет лежал на спине, головой на 3 (рис. 5).

Погребённый лежал в решетчатом гробу, от которого сохранились южная стенка и часть днища, благодаря которым удалось проследить его конструкцию. Его длинная сторона образовывалась двумя плахами, прикреплёнными через неравные промежутки к стоякам. Доски днища прикреплялись к боковым в промежутках между стояками, отчего имели между собой также неравные расстояния. Материалом для гроба служила берёза, что хорошо прослеживалось по сохранившимся нижним плахам.

Возле кисти правой руки погребённого были найдены пять железных наконечников стрел. Один из них имел форму срезня с пером в виде развилки под острым углом. Нижняя часть пера заканчивается валиком для упора древка. Такие наконечники стрел встречаются

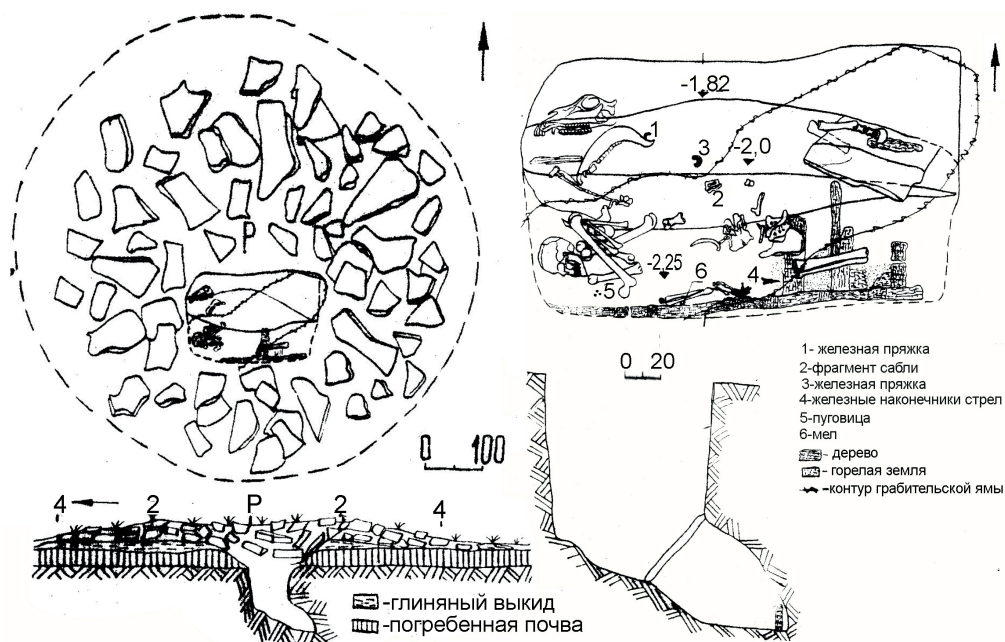

Рис. 5 / Fig. 5. Провалье. Грушевая балка. Курган № 22. План кургана и план погребения / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 22. The plans of the girder and the burial

в памятниках X–XIII вв. н. э. [2, табл. II]. Другим был маленький плоский наконечник ромбовидной формы [7, с. 68]. Перо у него постепенно переходит в черенок (рис. 6, 7). Такие наконечники встречаются в памятниках VI–XI вв. н. э. От трёх наконечников стрел сохранились лишь черенки, поэтому судить о форме этих стрел не представляется возможным.

Возле локтевой и лучевой кости правой руки был обнаружен кусочек мела, оббитый в виде призмы. Две грани её прямоугольные, а две имеют форму равнобедренных треугольников с острыми углами. Поверхность изделия носит следы грубых сколов.

Рядом с плечом правой руки найдены три бронзовые пуговицы грушевидной формы с горизонтальным валиком (рис. 5, 20–22). У ног погребённого и под гробом были обнаружены пятна горелой земли.

В засыпке подбоя найдены фрагменты сабли. Хорошо сохранилось навершие рукояти, которое имеет форму сплющенного цилиндрического колпачка (рис. 6, 4). Его длинные стороны заканчиваются острыми треугольными выступами. В навершии сохранился железный штырь, при помощи которого оно закреплялось на деревянной рукояти сабли. Одновременно его наружный край крепило кольцо для темляка. Треугольные выступы навершия сближают его с навершиями в аланских и венгерских памятниках [1], позже, в XI в., такая форма наверший уже не встречается [2]. Сохранились также формы стержня рукояти сабли с железными штырями для крепления деревянных обкладок (рис. 6, 3).

Сохранившиеся два фрагмента перекрестия дают возможность составить представление о его форме. Перекрестие

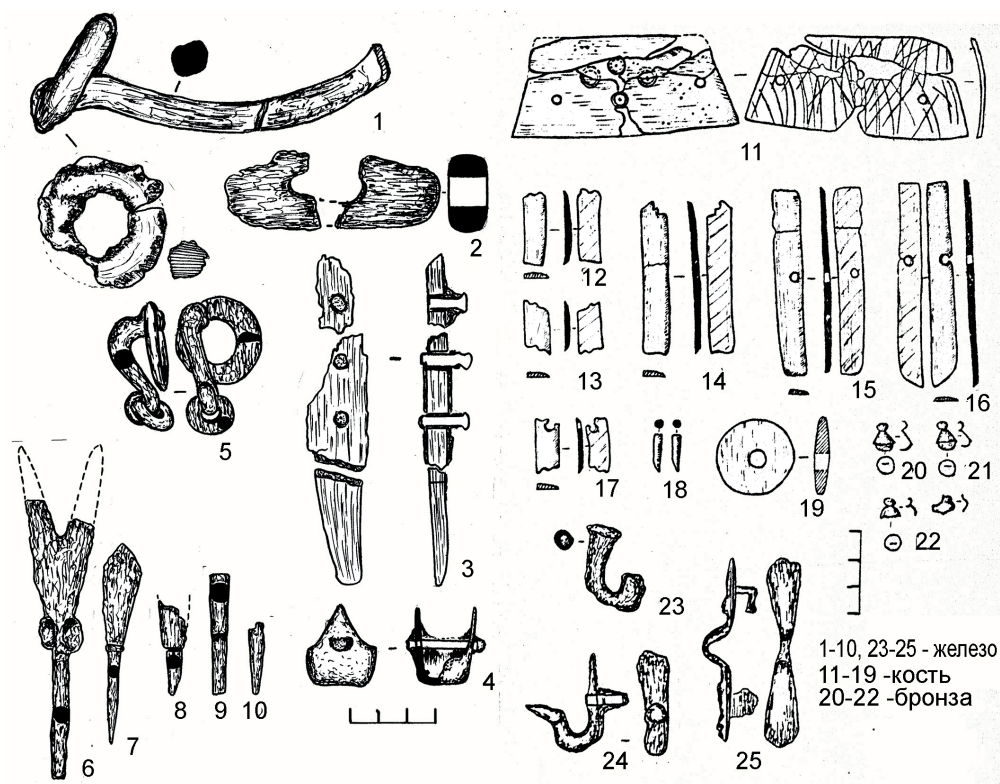

Рис. 6 / Fig. 6. Провалье. Грушевая балка. Курган № 22. Инвентарь погребения / Proval'e. Grushovaya girka. Mound no. 22. Inventory of the burial

было слегка изогнутым с небольшими шарообразного типа окончаниями (рис. 6, 2). По форме оно наиболее близко перекрестиям типа 1А по А. Н. Кирпичникову [7, с. 68], хотя изгиб и шарообразные окончания его не так ярко выражены. Перекрестия типа 1А найдены в комплексах 2-й половины X – XI в. [7, с. 68], а также в аланских [13, рис. 50], венгерских [13, рис. 484-485, 487-488] и других памятниках. Таким образом, саблю можно датировать X-XI вв. н. э.

В засыпке найдены два фрагмента железной петли для подвешивания сабли (рис. 6, 25). Петля сделана из железной пластины с расклёпанными краями и выгнута в виде скобы. Расклёпанные края имеют железные штыри для прикрепления к деревянным ножнам.

Ещё одно приспособление для подвешивания сделано из железного прута диаметром 3 мм S-видной формы. Края его загнуты в виде петель, в которые вставлены кольца разной величины для подвешивания (рис. 6, 23).

В засыпке подбоя найден железный крючок со штырём для жёсткого крепления. Край крючка слегка расклёпан и отогнут (рис. 6, 24).

В засыпке подбоя находилась и костяная круглая пуговица. Она почти плоская в сечении, с едва заметной трапециевидностью в верхней лицевой грани (рис. 6, 19). В центре имеет круглое отверстие.

Сохранились также роговые обкладки седла: седельные канты и трапециевидная пластина, украшенная циркульным орнаментом. Вместе с пластиной сохранились два роговых гвоздика (рис. 6, 11-18).

Погребение можно датировать дополовецким временем. Верхней датой его может быть XI в., нижней – X в., хотя не исключается возможность и более ранней датировки памятника.

Комплекс 6

Находится на северо-западе Провальской степи в районе села Маяки в урочище «Майка». Сюда входят поселение срубной

культуры, курганы №№ 1, 2, 3, 4, оградка и изваяние дополовецкого времени.

Курган № 4. Расположен в 4 км, на С-В от с. Провалье на границе Ростовской и Луганской областей, на водоразделе правого берега балки Грушевой. Поверхность кургана, поросшего кустарником и травой, не распаивалась. Диаметр насыпи – 16 м, высота от современной поверхности – 0,6 м.

Под слоем гумуса, толщиной 0,15–0,2 м, был расчищен каменный панцирь диаметром 10,5 м и толщиной в центре до 0,5 м. Панцирь сложен из плит серого и розового мелкозернистого песчаника размером 0,4 x 0,4 м и менее. Он имеет плоскую вершину и резкое понижение к краям. В центре кургана заметно проседание панциря, образующее выемку диаметром 7 м. Панцирь лежит на погребённой почве, состоящей из гумуса, толщиной 0,4 м (рис. 7).

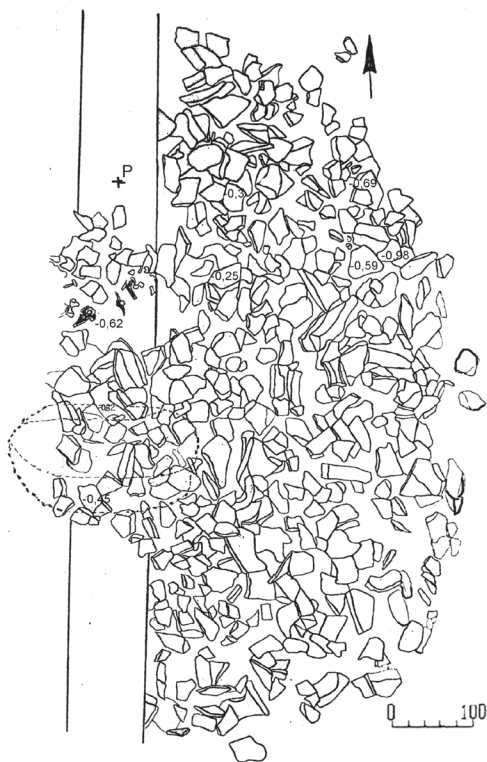

Рис. 7 / Fig. 7. Провалье. Грушевая балка. Курган № 4. План кургана / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 4. Plan of the mound

Погребение № 1. В кургане открыто 1 погребение (рис. 8). Яма вытянутой овальной формы ориентирована по линии В-3, имеет сложную конструкцию. Сверху она была перекрыта каменными плитами, первоначальное положение которых было, по-видимому, нарушено кладовщиками.

В северной стенке ямы выделяются две ступеньки: первая на глубине 1,8 м от репера, шириной 0,18 м и высотой 0,48 м; вторая – на глубине 2,28 м от репера, шириной 0,28 м. В южной стенке находился подбой.

Над ямой, в одном метре на С от неё, на глубине 0,62 м от репера найдены кости жеребёнка, а также фрагменты костяных обкладок от сбури (рис. 8).

В подбое и на второй ступеньке ямы на глубине двух метров найдены кости взрослой лошади и камни. В засыпке также встречались фрагменты железных изделий, половина перламутровой бусины и фрагменты костяных обкладок от сбури.

На дне в беспорядке лежали кости человека и лошади. Череп погребённого лежал в западной части ямы, что может свидетельствовать о его западной ори-

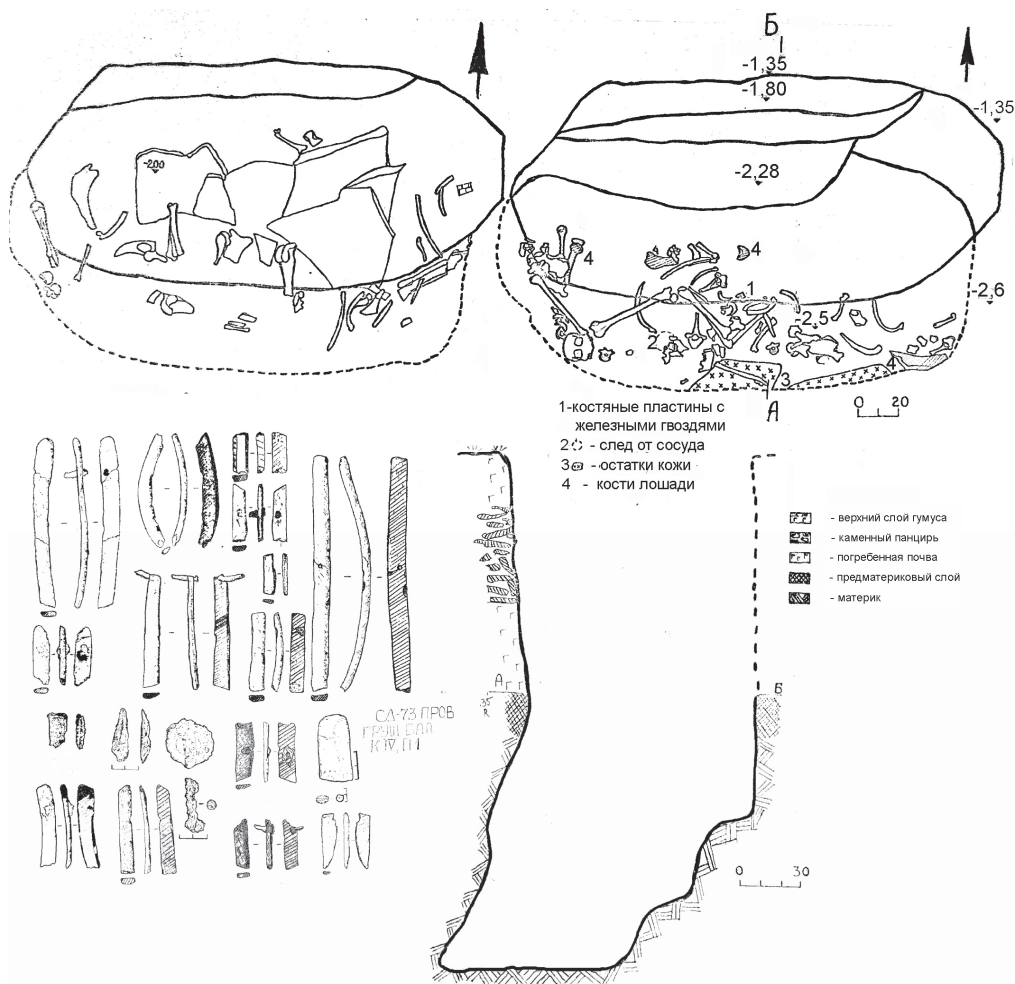

Рис. 8 / Fig. 8. Провалье. Грушевая балка. Курган № 4. План погребения и инвентарь / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 4. Plan and inventory of the burial

ентировке. От инвентаря сохранилась железная пряжка с перекрестием, два обломка мелового идоличка (?) и остатки кожи.

У южной стенки ямы прослеживается след от доньшка сосуда диаметром 0,1 м.

Курган № 1 находится у с. Провалье Свердловского района. Расположен в 50 м от правого высокого берега ручья Провалье, напротив фермы «Майка». Диаметр насыпи – 6 м, высота – 0,6 м.

Поверхность кургана была задернована, кое-где виднелись камни (песчаник). Курган раскапывался вручную с оставлением бровки, ориентированной по оси В-З с отклонением к ЮВ на 8°. Насыпь состояла из слоя гумуса, сверху прикрытого плитами песчаника, образующими панцирь. Под ним был обнаружен каменный валик шириной 1 м, образованный поставленными под углом друг к другу камнями (рис. 9).

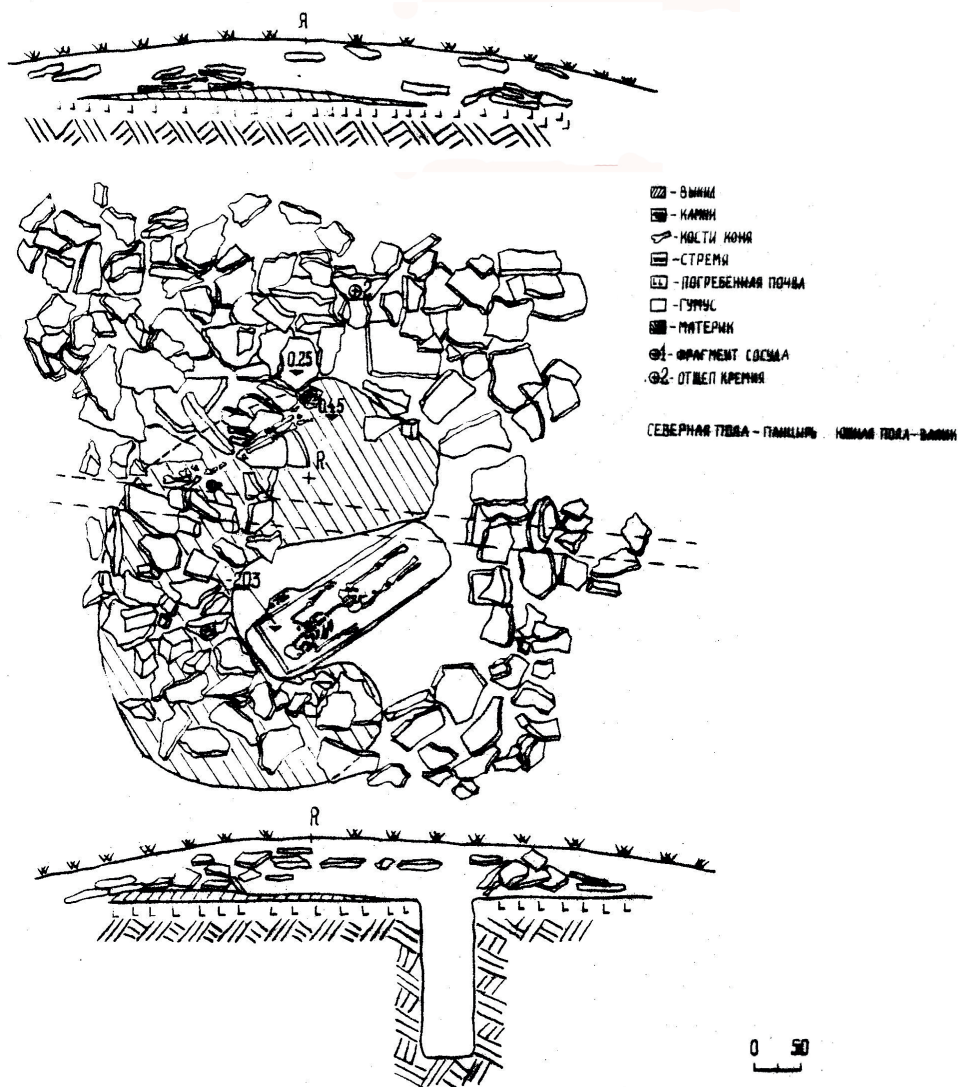

Рис. 9 / Fig. 9. Провалье. Урочище «Майка». Курган № 1. План кургана / Proval'e. Tract "Majka". Mound no. 1. Plan of the mound

Погребение № 1. Валик фиксировал выкид шириной 1 м из ямы, который подковой охватывал её с запада (рис. 9). Яма размерами 2,05 x 0,64 x 2,03 м имела форму прямоугольника с закруглёнными краями, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. На дне прослежены следы от гроба, оставившего чёткий отпечаток в глине. Ширина гроба – 0,6 м, приблизительная длина – 1,75 м. След от северной части гроба не сохранился. В заполнении найдены фрагменты дерева от угловой части гроба, которые дают представление о его конструкции (рис. 10). Следует отметить, что дерево хорошо обработано: паз имеет строгую форму прямоугольника. Оба паза хорошо подогнаны друг к другу (рис. 11, 11).

Погребённый лежал на древесной подстилке из коры (?) вытянуто на спине, головой на ЮЗ. По определению антропологов, костяк принадлежал женщине 25–30 лет.

Женщина имела искривлённый в поясничном отделе позвоночник. Лучевая и локтевая кости правой руки срослись в локтевом суставе. У правой бедренной кости погребённой лежала сильно корродированная железная пряжка, имеющая форму сдавленного с боков овала (рис. 11, 5). Она имеет аналогии среди материалов X–XI вв. в Ак-Бешике в Киргизии [9], а также в материале из клада VIII в. у деревни Вознесенки близ Запорожья [2].

На крестцовой кости – бронзовая цепочка, сделанная из тонкой проволоки.

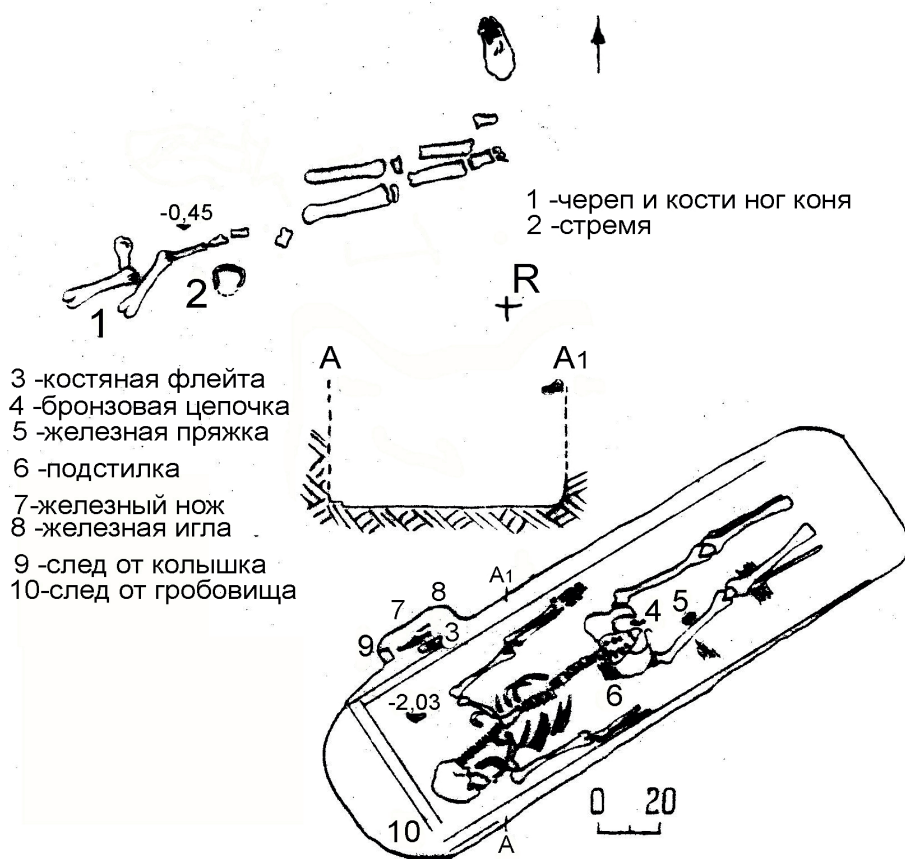

Рис. 10 / Fig. 10. Провалье. Урочище «Майка». Курган № 1. План погребения / Proval'e. Tract "Majka". Mound no. 1. Plan of the burial

Одно звено цепочки имеет форму сильно удлинённого овала, который согнут пополам (рис. 11, 4). В петли, образованные боковыми частями овала, продевается следующий овал, который также сгибается пополам и т. д.

Слева от погребённой на уровне плеча за гробом сделан подбой размерами 0,1 x 0,3 м, в южной части которого сохранился след от деревянного колышка прямоугольной формы (5 x 7 см). В подбое лежали железный нож длиной 6 см (рис. 11, 7) и трубочка с одним боковым отверстием (флейта?) (рис. 11, 3).

В северной поле кургана, в 1,4 м от погребения, на глубине 0,45 м от Р, было обнаружено захоронение коня, вернее, его частей (голова, ноги), расположенных в анатомическом порядке. Конь лежал головой на СВ, параллельно погребённой. Возле его задних конечностей найден фрагмент железного стремени (рис. 11, 2), с узкой, слегка закруглённой книзу подножкой. Дужка расплющена, её верхняя часть образует треугольный выступ. У

соединения с подножкой дужка образует небольшие выступы-«кулачки». Стремёна такого типа датируются в основном XII-XIII вв., хотя несколько экземпляров встречены в слое XI-XII вв. [8, с. 52].

В ЮЗ поле кургана под слоем камней на глубине 0,4 м от Р найдены фрагменты грубой лепной керамики (один фрагмент от удлинённой шейки сосуда) (рис. 11, 12). Черепок на изломе чёрный.

В северной поле при расчистке панциря на глубине 0,4 м от Р найден отщеп из серого кремня. Западная ориентировка, захоронение частей коня – всё это характерные признаки позднекочевнических погребений дополовецкого времени.

Говоря о хронологии погребения, отметим, что такой тип пряжки датируется VIII-XI вв., однако, если учесть форму стремени и обряд погребения, то это позволяет уточнить дату до XI в. – начала XII в.

Курган (?) № 2 расположен на пологом склоне балки Провалье в 2 км к СЗ от хутора Маяки (Черёмушки). Курган раскапывался вручную с оставлением бровок, ориентированных по оси В-3. Диаметр насыпи – 5,6 м, высота – 0,37 м (рис. 12).

В насыпи кургана обнаружены стоящие вертикально продолговатые камни из кварцитового песчаника. Камни расположены волнообразной линией с СЗ на ЮВ с отклонением на 20° от оси В-3.

Из всего количества камней выделяют 8 наиболее крупных, поставленных вертикально камней размерами 0,8×0,25 м (1), 0,85×0,2 м (2), 1,3×0,18 м (3), 1,3×0,38 м (4), 0,9×0,15×0,1 м (5), 0,67×0,25 м (6), 0,94×0,26 м (7), 0,25 x 0,12 м (8). Камни №№ 1–7 своими основаниями вкопаны в материк, а камень № 8 – в погребённую почву, и все они забутованы более мелкими камнями. Часть камней (№№ 1, 2, 3, 6, 7, 8) ориентированы широкими гранями по линии В-3, а два камня (№№ 4, 5) – по линии С-Ю (рис. 13).

Камень № 4 имеет вид антропоморфной стелы «ямного» типа, в отличие от

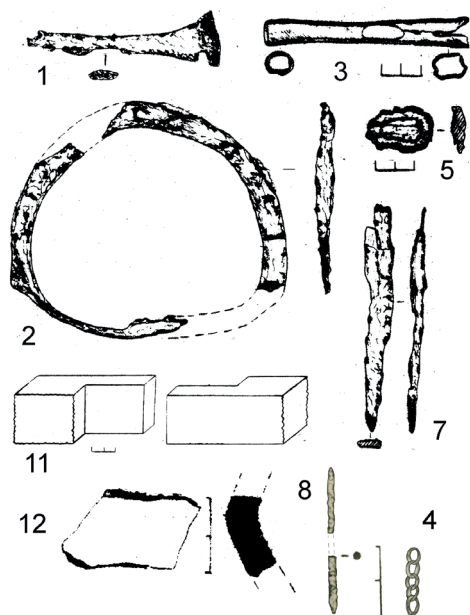

Рис. 11 / Fig. 11. Провалье. Урочище «Майка». Курган № 1. Инвентарь погребения № 1 / Proval'e. Tract "Majka". Mound no. 1. Inventory of the burial no. 1

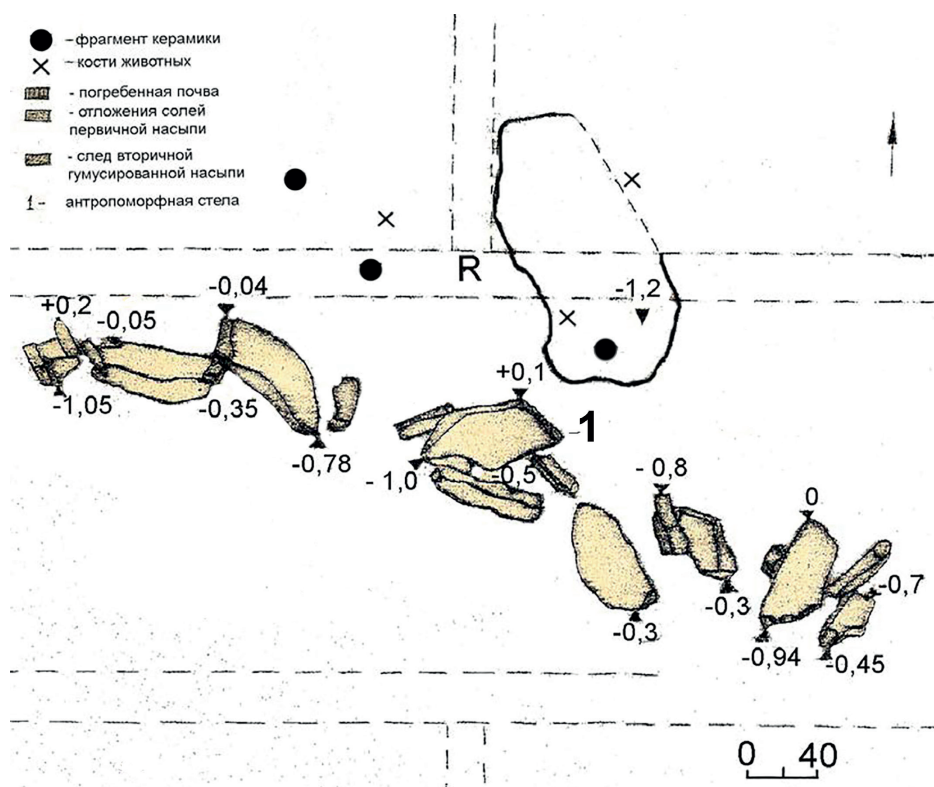

Рис. 12 / Fig. 12. Провалье. Урочище «Майка». Курган № 2 / Proval'e. Tract "Majka". Mound no. 2

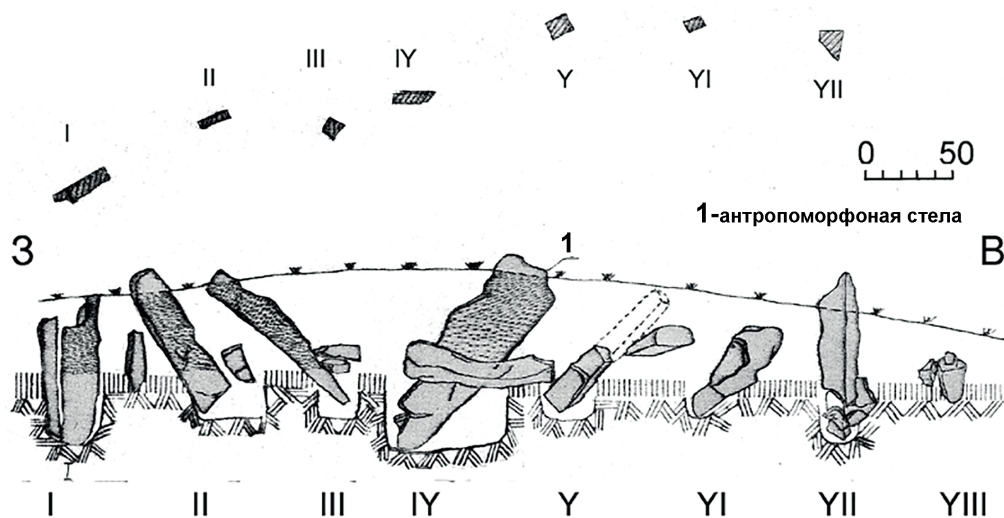

Рис. 13 / Fig. 13. Провалье. Урочище «Майка». Курган № 2 / Proval'e. Tract "Majka". Mound no. 2

других камней, не имеющих какой-либо чёткой формы (рис. 14).

У основания антропоморфной стелы лежит крупный камень размерами $0,85 \times 0,1 \times 0,2$ м, который, возможно, служил для укрепления стелы, хотя и не исключена возможность, что его первоначальное положение было вертикальным.

На камнях №№ 1, 2, 3, 4 прослеживались чёткие полосы: нижняя белесоватая, верхняя – тёмная, которые свидетельствуют о том, что камни были засыпаны в несколько приёмов, что позволяет предположить, что первоначальное положение камней было без курганный насыпи. Это подтверждается и расслоённостью камней № 1, 5, 6, которая не могла бы произойти, если бы они постоянно находились в земле.

Насыпь, по всей вероятности, была создана в результате деятельности грызунов, чьи норы во множестве расположены рядом.

Погребение (?). В 0,55 м на С от антропоморфной стелы на глубине 0,7 м

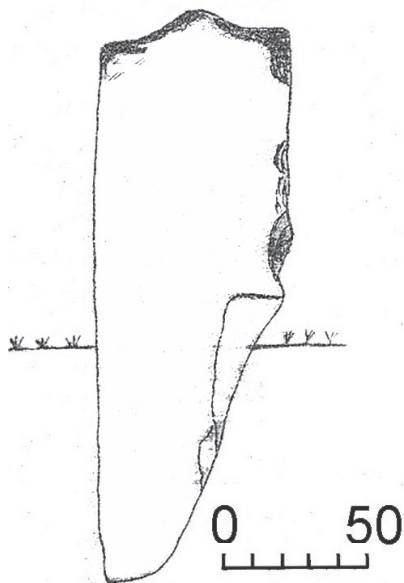

Рис. 14 / Рис. 14. Провалье. Урочище «Майка». Курган № 2. Антропоморфная стела / Proval'e. Tract "Majka". Mound no. 2. Anthropomorphic stele

от Р прослежена продолговатая яма неправильных очертаний размерами $1,76 \times 0,6 \times 0,5$ м. В её заполнении найден мелкий фрагмент керамики и кость животного. Яма так сильно повреждена грызунами, что не исключена возможность, что она возникла в результате слияния нор грызунов. В 2,2 м к Ю от камня № 2 найден второй мелкий фрагмент керамики. Культурную принадлежность их определить трудно, так как они очень малы и невыразительны. К северу от группы камней найдены четыре кости животных.

Вопрос датировки памятника осложнён невыразительностью керамики. Говоря о назначении этого памятника можно допустить, что он служил святилищем. Бытует мнение, что стелы такого типа принадлежат носителям ямной культуры. И действительно, довольно часто на территории Днепро-Днестровского региона такие стелы находили в погребениях ямной культуры.

Однако, в 1972 г. при наших совместных исследованиях со С. Н. Братченко в Александровске близ Луганска [1, рис. 16, 1, 5; рис. 19, 1, 2] мы обнаружили каменные антропоморфные стелы в древнейших катакомбных погребениях (рис. 15).

В 50 км от Провальской степи Астаховским отрядом Северско-Донецкой экспедиции [3] была найдена каменная антропоморфная стела. Отсутствие на месте разрушенной насыпи каких-либо костных останков и керамических фрагментов заставляет предполагать наличие там какого-то культового сооружения (рис. 16, 1). Пожалуй, к подобным следует отнести и каменную стелу с изображениями «змей» (рис. 16, 2), найденную в 40 км от Провальской степи возле г. Ровеньки участником экспедиции Свердловского городского краеведческого музея, Александром Р. Смоляком¹. Говоря о назначении открытого памятника, можно допустить, что он служил святилищем.

¹ Свердловский краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL: <http://svk-museum.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

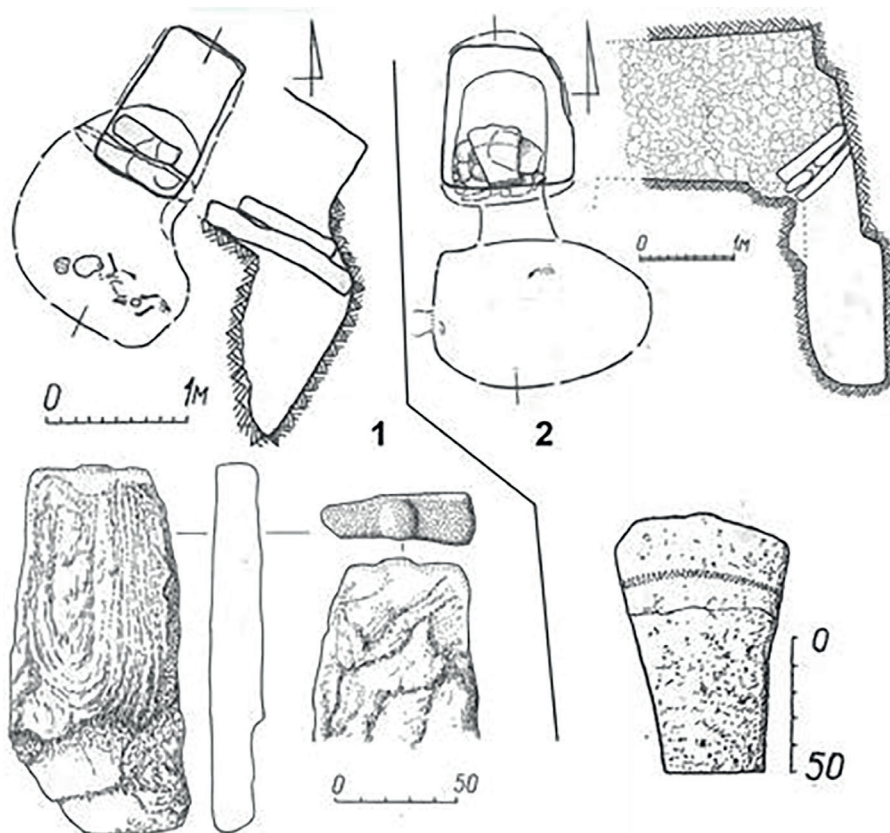

Рис. 15 / Fig. 15. Александровск / Aleksandrovsk

1 – Погребение № 2. Курган № 10 / Burial no. 2. Mound no. 10;

2 – Погребение № 4. Курган № 8 / Burial no. 4. Mound no. 8

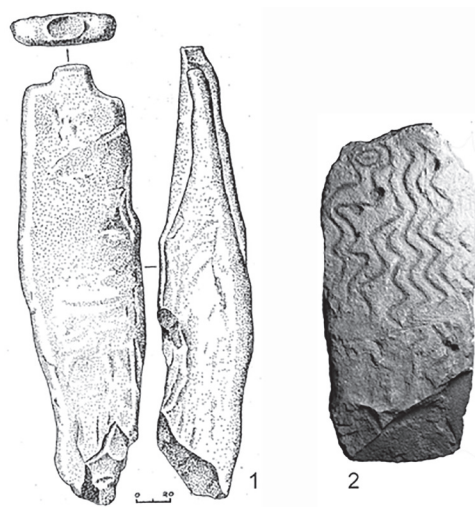

Рис. 16 / Fig. 16. Каменные изваяния эпохи бронзы с юга Донбасса: / Stone sculptures of the Bronze Age from the south of Donbass:

1 – Астахово / Astakhovo;

2 – Свердловский городской музей / Sverdlovsk City Museum

Курган № 3 находился на левом берегу балки Грушевой в 1,05 км на С от пионерлагеря «Юность», на пологом склоне долины, между двумя холмами высотой 40 м, в 200 м на запад от ручья Грушевой балки. Диаметр насыпи – 6 м, высота – 0,2 м (рис. 17).

Поверхность кургана задернована и покрыта камнями песчаника размерами

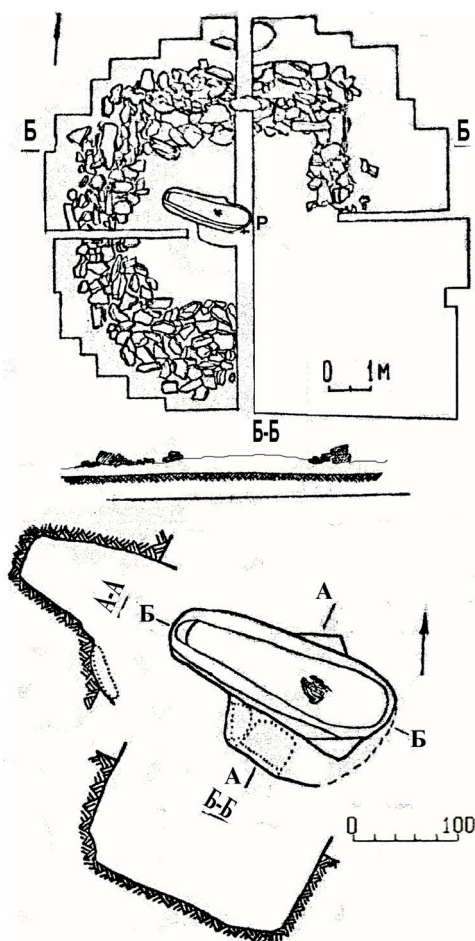

Рис. 17 / Fig. 17. Провалье. Урочище «Майка». Курган № 3 / Proval'e. Tract "Majka". Mound no. 3

от 0,7 x 0,35 x 0,1 м до 0,15 x 0,2 x 0,06 м. Камни располагались без видимого порядка. В центре кургана прослеживалась впадина округлой формы. Курган раскапывался вручную с оставлением бровки, ориентированной по линии С-Ю.

Погребение № 1. В центре кургана находилась погребальная яма подпрямоугольной формы размерами 2,54 x 1,04 x 1,7 м, ориентированная по оси СЗ-ЮВ. Она была полностью забросана камнями (рис. 17). В заполнении ямы, на глубине 0,5 м, у северной стенки, обнаружен фрагмент ручки салтовской амфоры, сделанной из хорошо отмученной глины красноватого изломе

цвета. Поверхность хорошо заглажена, красного цвета. В северной поле кургана в насыпи обнаружена кость животного. Никаких других находок не обнаружено. Очевидно, курган в древности был полностью ограблен.

Курган № 1 располагался на территории Провальского заповедника, на северном склоне хребта, протянувшегося с В на З и на 500 к В от фермы Майка у с. Провалье Свердловского района Луганской области. Курган раскапывался вручную с оставлением бровки для стратиграфических наблюдений. Высота насыпи – 0,5 м, диаметр – 7 м. В центре кромлеха находилось единственное погребение срубной культуры (рис. 18).

Погребение № 1 обнаружено на уровне 1,35 м от Р в яме подпрямоугольной формы с сильно закруглёнными углами размерами 1,2 x 0,75 м, ориентированной с небольшим отклонением по оси В-З. На уровне 0,4 м яма была перекрыта 7 крупными плитами песчаника, лежавшими поперёк.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на ВЮВ. Руки согнуты, кистями уложены у передней части черепа. Ноги резко согнуты.

Между локтями и коленями погребённого стоял сосуд баночной формы, с плоским, без закраины, слегка выступающим дном. Поверхность пятнистая, покрыта неупорядоченными расчёсами (рис. 16).

Оградка № 1. Расположена в 700 м на С от пионерлагеря «Юность» в широкой долине между двумя каменными грядами высотой 42,7 м и 36,2 м, выходящими к балке Грушевой, в 250 м на З от ручья балки. До раскопок оградка представляла собой наброску камней округлой формы внешним диаметром – 8 м и внутренним – 2 м (рис. 19).

Камень-песчаник местного происхождения. Его выход на поверхность можно встретить на вершинах гряд у балки Грушевой. Местные жители до настоящего времени для своих построек ломают песчаник.

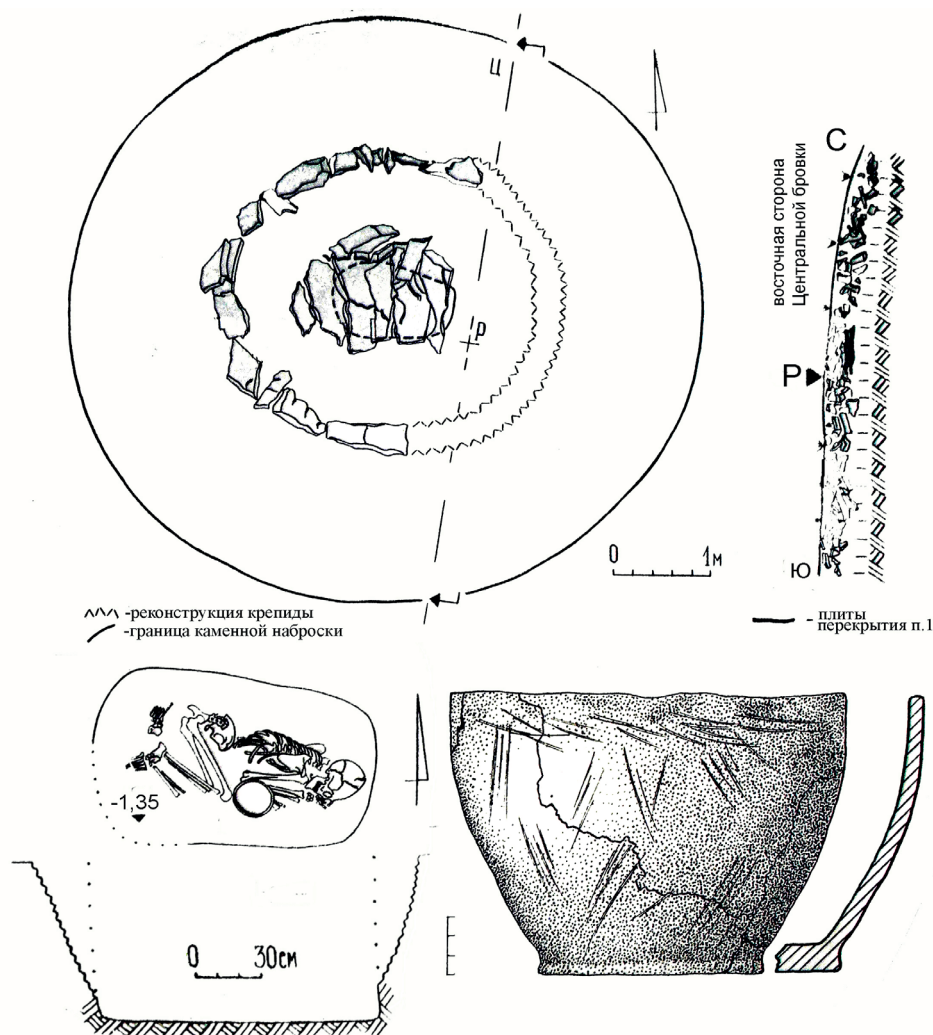

Рис. 18 / Fig. 18. Провалье. Заповедник «Провальская степь». Курган № 1 / Proval'e. Reserve "Proval'skaya step". Mound no. 1

С северной стороны оградки камней были значительно больше, чем с южной. После зачистки оградки в нескольких местах были выявлены камни, стоящие на ребре. Их с обеих сторон поддерживали другие, лежащие «плашмя» друг на друге. У основания шли крупные плиты или глыбы песчаника, выше – камни поменьше. Плиты, стоящие на ребре, и другие, лежащие в основании, находились в материке или на нём. Часть же камней лежала на дерновом слое (рис. 20).

После того как камни, лежавшие на дерновом слое, были сняты, выяснилось, что с южной стороны оградка имеет прямые линии, а её северная часть закругляется, в результате чего оградка получила форму стремени (рис. 21).

В 3-х метрах в восточном направлении от оградки одна за другой располагались две группы камней. Первая группа состояла из 6 камней. Самый крупный из них имел размеры $0,6 \times 0,19 \times 0,08$ м, самый мелкий – $0,26 \times 0,17 \times 0,06$ м.

Рис. 19 / Fig. 19. Заповедник «Провальская степь». Курган № 1 / Reserve “Proval'skaya step”. Mound no. 1

Рис. 20 / Fig. 20. Провалье. Грушевая балка. Оградка № 1 / Proval'e. Grushovaya girder. Fencing no. 1

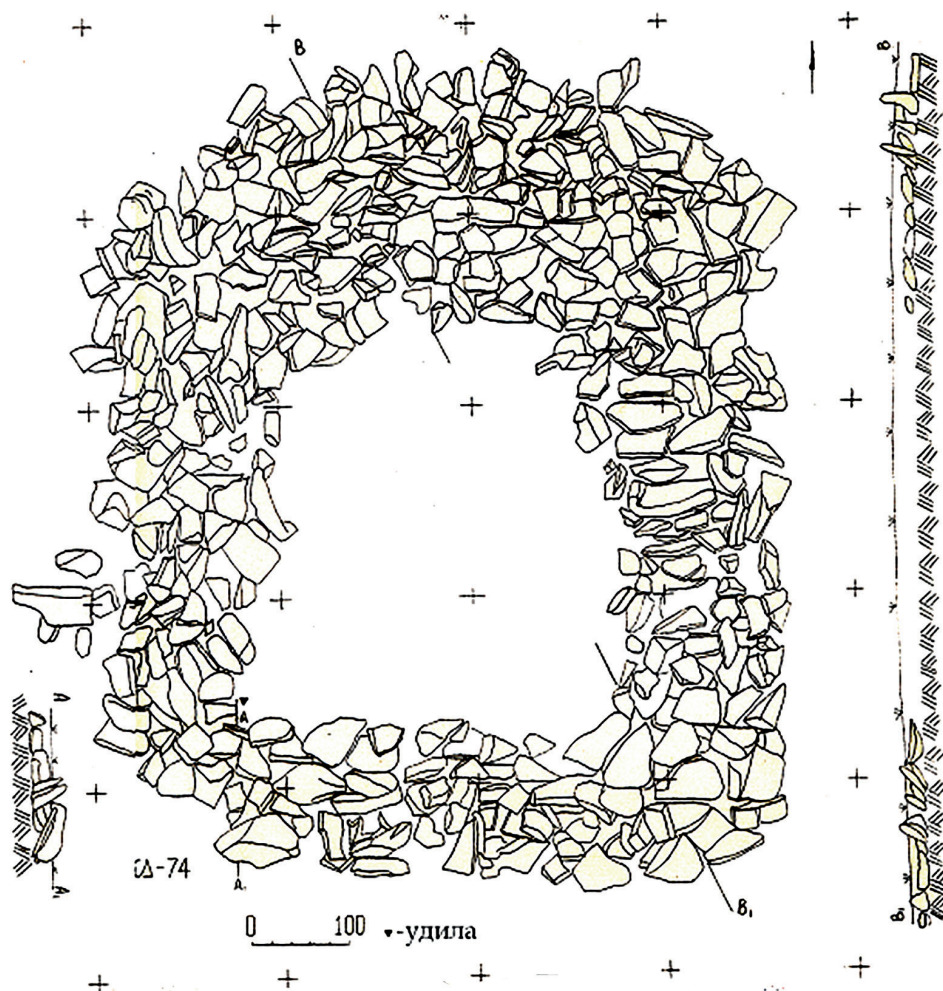

Рис. 21 / Fig. 21. Провалье. Грушевая балка. Оградка №1. План / Proval'e. Grushovaya girder. Fencing no. 1. Plan

Вторая группа имела 10 камней. Самый крупный – $0,66 \times 0,3 \times 0,08$ м, самый мелкий – $0,25 \times 0,25 \times 0,12$ м. На севере в 8 м от оградки была обнаружена ещё одна группа из 4-х камней. Наибольший имел размеры $0,7 \times 0,18 \times 0,1$ м; наименьший – $0,24 \times 0,1 \times 0,04$ м.

Следует отметить, что все камни описанных групп лежат на скальном материковом грунте. В каждой группе обязательно находится один камень удлинённой формы.

Камни, стоящие «на ребро», находят- ся *in situ*. Это подтверждается их поло-

жением на материковом грунте. Следова- тельно, стены оградки были сложены из камней, поставленных «на ребро», кото- рых с обеих сторон поддерживали камни, положенные «плашмя», друг на друге. О том, что стена впоследствии развалилась, свидетельствует положение камней, ле- жащих на дерновом слое.

Наличие большого количества кам- ней с северной стороны свидетельствует, очевидно, о желании сделать северную сторону выше, чтобы уравновесить её с южной стеной, так как оградка находится на склоне, понижающемся к северу.

Реконструировав группы камней, мы увидим, что в каждой из них находится по одному вертикально стоящему камню.

Следует заметить, что в центре западной стенки выделялся своими размерами (0,8 x 0,3 x 0,15 м) камень, который также мог стоять вертикально.

При исследовании оградки в квадрате 11, на глубине 0,1 м от современной поверхности, обнаружены железные удила с большими кольчатыми псалиями (внешний диаметр – 10,7 см) (рис. 22).

Удила состоят из двух, круглых в сечении стержней, утолщающихся к середине. Оба конца одного из них раскованы. Конец, который соединяется с псалием, загнут и образует цилиндр. В другом стержне сделано отверстие для крепления. Его края раскованы и загнуты в плоскостях, перпендикулярных друг к другу.

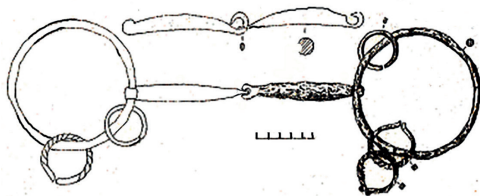

Рис. 22 / Fig. 22. Провалье. Грушевая балка. Оградка № 1. Удила / Proval'e. Grushovaya girder. Fencing no. 1. Bit

Псалии состоят из круглого (диаметр 0,7 см) в сечении железного прута круглой формы. В одном псалии надеты 2 кольца, одно из которых состоит из квадратного (0,8 x 0,3 см) в сечении прута. Его края подходят вплотную друг к другу, но не соединяются. Второе кольцо сделано из витого прямоугольного в сечении (0,5 x 0,3 см) прута. Его края раскованные и закрученные в виде волют, снимаются. В это кольцо вдето другое, такое же. На другом псалии были надеты 2 вышеописанных кольца (из простого и витого прутьев). Третье кольцо из витого прута отсутствовало.

Кроме удила в оградке среди камней попадались необработанные кусочки го-

лубоватого мела местного происхождения.

Оградка найдена на территории Украины впервые. Аналогии ей известны на Алтае, в Туве среди памятников древних тюрков. Там эти оградки имели ритуальное значение (поминальные оградки) и датировались VII–VIII вв. н.э. Они не содержали погребений, но в них находились следы жертвоприношений в виде костей животных, стремян, удила, ножей и других находок. Оградки были ориентированы по сторонам света. Часто от восточной стенки на В шли вереницы камней-балбалов, символизовавших убитых врагов. Близость оградки из с. Провалье древнетюркским оградкам несомненна. Вертикально стоящие камни выполняли роль балбалов.

Отсутствие каких-либо следов погребения позволяет видеть в ней поминальную оградку, а находку удила трактовать как жертвоприношение. Конструкция удила даёт широкую дату, однако, это не исключает возможности отнесения оградки к кругу памятников древнетюркского типа.

Заметим, что, кроме исследованной оградки, нами были отмечены ещё 2 подобных сооружения. Однако они не подвергались раскопкам.

Отметим, что возле с. Маяки было найдено каменное изваяние, представляющее собой стелу. Это женское погрудное изображение (рис. 23, 1). Голова у изваяния отбита. Руки не изображены. Также из зоны села Провалье и Провальской степи происходит ряд изваяний древнетюркского облика (рис. 23, 23), которые следует датировать VIII–X вв.

В музее города Свердловска Луганской области имеется ещё ряд изваяний, относящихся к этому же времени. Одно из них происходит из с. Красный Кут (рис. 23, 4). Из зоны Провальской степи и бассейна нижнего течения реки Северский Донец происходят ещё несколько интересных изваяний древнетюркского облика. Данные изваяния и подобные им, по-видимому,

Рис. 23 / Fig. 23. Каменные изваяния половецкого (1) и древнетюркского типа (2–4) / Stone sculptures of the Polovtsian (1) and ancient Türkic types (2–4)

1 – с. Маяки; 2 – с. Провалье; 3 – г. Свердловск; 4 – с. Красный Кут
1 – vil. Majaki; 2 – vil. Proval'e; 3 – Sverdlovsk; 4 – vil. Krasnyj Kut

следует рассматривать как свидетельство присутствия в этой местности тюрков Западно-тюркского каганата.

Комплекс 5

Находится в центральной части степи в 2 км на ЮЮЗ от пионерлагеря «Юность». Это курган срубной культуры № 7 возле отвалов шахты «Богучарская», позднекочевнические курганы №№ 5 и 6, а также курган срубной культуры № 1 в центральной части заповедника «Провальская степь».

Курган № 7. Находится в 2,3 км на СВВ до пионерского лагеря «Юность» и в 5 км от села Провалье. Расположен на высоком гористом плато, у подножья гряды, между с. Провалье и пионерлагерем «Юность», рядом с местом ссыпания породы с шахты «Богучарская». Курганная насыпь сложена из камней песчаника и имела диаметр 8 м и высоту 0,75 м

(рис. 24). Раскопки проводились с оставлением одной центральной бровки шириной 0,5 м.

Погребение № 1. В кургане открыто одно погребение срубной культуры в центральной части кургана, на уровне 2,1 м от Р.

Яма подпрямоугольной формы размерами 1,4 × 1 м, ориентирована осью с ЮЗ на СВ. Была вырыта в скальной породе, сверху перекрыта огромной плитой из песчаника размерами 1,8 × 1,7 м. Раздавленная под тяжестью насыпи, она сползла в погребальную камеру, заполненную чернозёмом.

Костяк лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. Сохранность костей плохая. Инвентарь состоял из 4-х сосудов.

Один из них (№ 4) стоял в ногах погребённого. Сосуд (рис. 25) острорёберной формы с плоским дном и слабо отогнутым венчиком, имеет красноватую

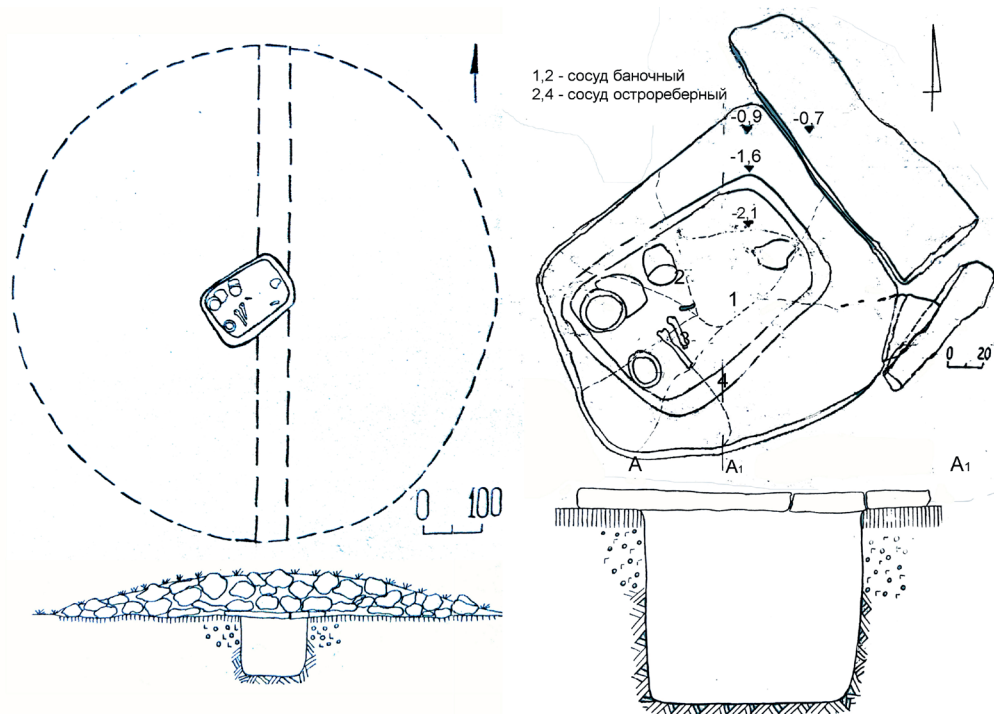

Рис. 24 / Fig. 24. Провалье. Грушевая балка. Курган № 7 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 7

поверхность, по которой нанесён орнамент. Верх венчика украшен косыми насечками, а тулова выше ребра – двойной прочерченной ломаной линией, образующей треугольники, которые ограничены линиями по основанию венчика и по ре-

бру. Внутри треугольников нанесён орнамент в виде косых крестов. Ребро сосуда и основание венчика выделены рядом косых насечек. Ниже ребра прочерчена ломаная линия, образующая маленькие треугольники.

Сосуды № 1–3 находились у СЗ стенки ямы (рис. 26). Сосуд № 1 со слегка округлым туловом и слабо выделенным венчиком. По его поверхности серого цвета нанесены два ряда вертикальных насечек. Один из них – под венчиком, другой – ниже на 3 см.

Сосуд № 2 – со слегка округлым туловом, слабо выделенным венчиком и плохо вымешанным тестом. Его поверхность серого цвета. По плечикам нанесён орнамент в виде оттисков шнура, образующих треугольники.

Сосуд № 3 – острорёберный, орнаментированный оттисками верёвочки в виде треугольников, направленных вершинами вверх.

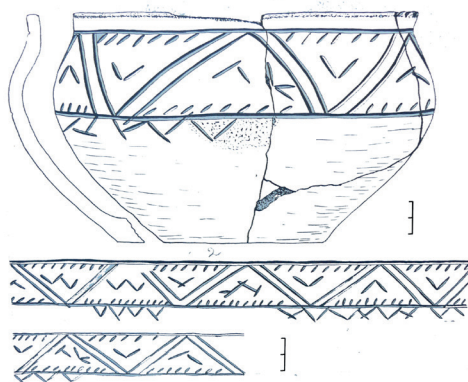

Рис. 25 / Fig. 25. Провалье. Грушевая балка. Курган № 7. Погребение № 1. Сосуд № 4 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 7. Burial no. 1. Vessel no. 4

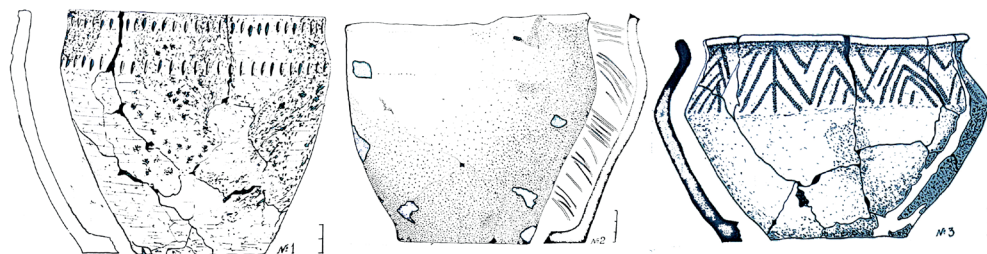

Рис. 26 / Fig. 26. Провалье. Грушевая балка. Курган № 7. Погребение № 1. Сосуды №№ 1, 2, 3 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 7. Burial no. 1. Vessels no. 1, 2, 3

Комплекс 2

Находится на мысообразном выступе в месте впадения в речку Грушевую небольшого ручья. Здесь находятся (перечисление – с верховьев ручья) курганы №№ 14, 18, 15, 23, 24, 16, 17, 13.

Курган (?) № 13 – расположен на первой надпойменной террасе правого берега Грушевой балки на правом берегу ручья, впадающего ЮВ в балку Грушевую (рис. 27).

Погребение № 1 было выявлено при расчистке камней, которые образовывали его покрытие. Погребальное сооружение представляло собой каменный ящик, поставленный в неглубокую яму, вырытую в материке (рис. 28). Яма ориентирована по линии С-Ю и имеет размеры 1,18 м в длину и 0,65 м в ширину. Над погребением, с севера на юг, лежала крупная каменная плита длиной 1,6 м, расколовшаяся на несколько частей.

Стенки ям были обложены плоскими песчаниковыми плитами. На своём первоначальном месте сохранились плиты у восточной и южной стен. На дне, которое находилось на глубине 0,7 м от дневной поверхности, лежал костяк плохой сохранности. На месте обнаружены череп, кости рук и ног.

Костяк лежал скорченно на левом боку, головой на Ю. Руки согнуты, лежали перед грудью кистями у колен. Ноги резко согнуты. За черепом в юго-восточном углу каменного ящика стоял сосуд горшковидной формы. Его поверхность хорошо заглажена.

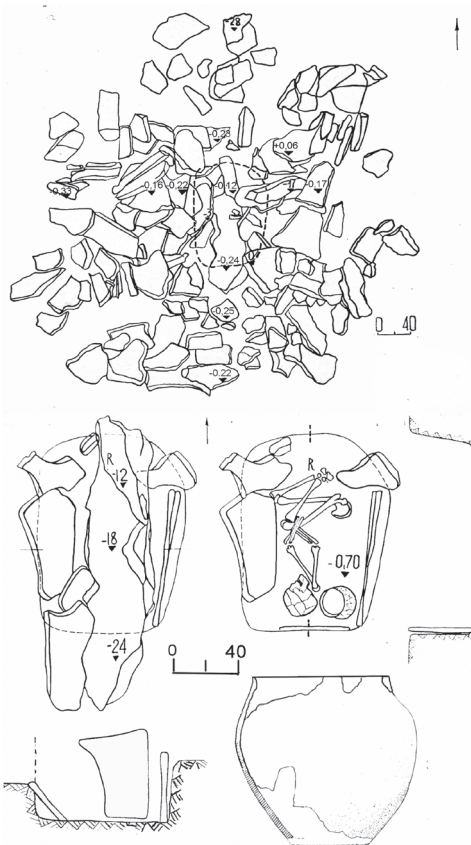

Рис. 27 / Fig. 27. Провалье. Грушевая балка. Курган № 13 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 13

Погребение оставлено носителями срубной культуры.

Курган (?) № 14. Под этим названием мы имеем в виду грунтовый могильник, расположенный в 600 м на СЗ от пионер-

лагеря «Юность» на мысу, образованном ручьём, впадающим с восточной стороны в Грушевую балку (рис. 28).

Погребение № 1. Обнаружено в яме размерами 1,3 x 0,7 x 0,4 м с зауженным восточным краем. Яма ориентирована по линии В-3 и перекрыта крупными плитами серого песчаника размерами

0,6 x 0,5 x 0,1 м и 0,5 x 0,3 x 0,06 м, которые опирались на поставленные на ребро плиты (рис. 28, п. 1).

Костяк ребёнка лежал вытянуто на спине, головой на 3.

В 0,2 м на С от погребения прослежена яма круглой формы диаметром 0,6 м и глубиной 0,25 м.

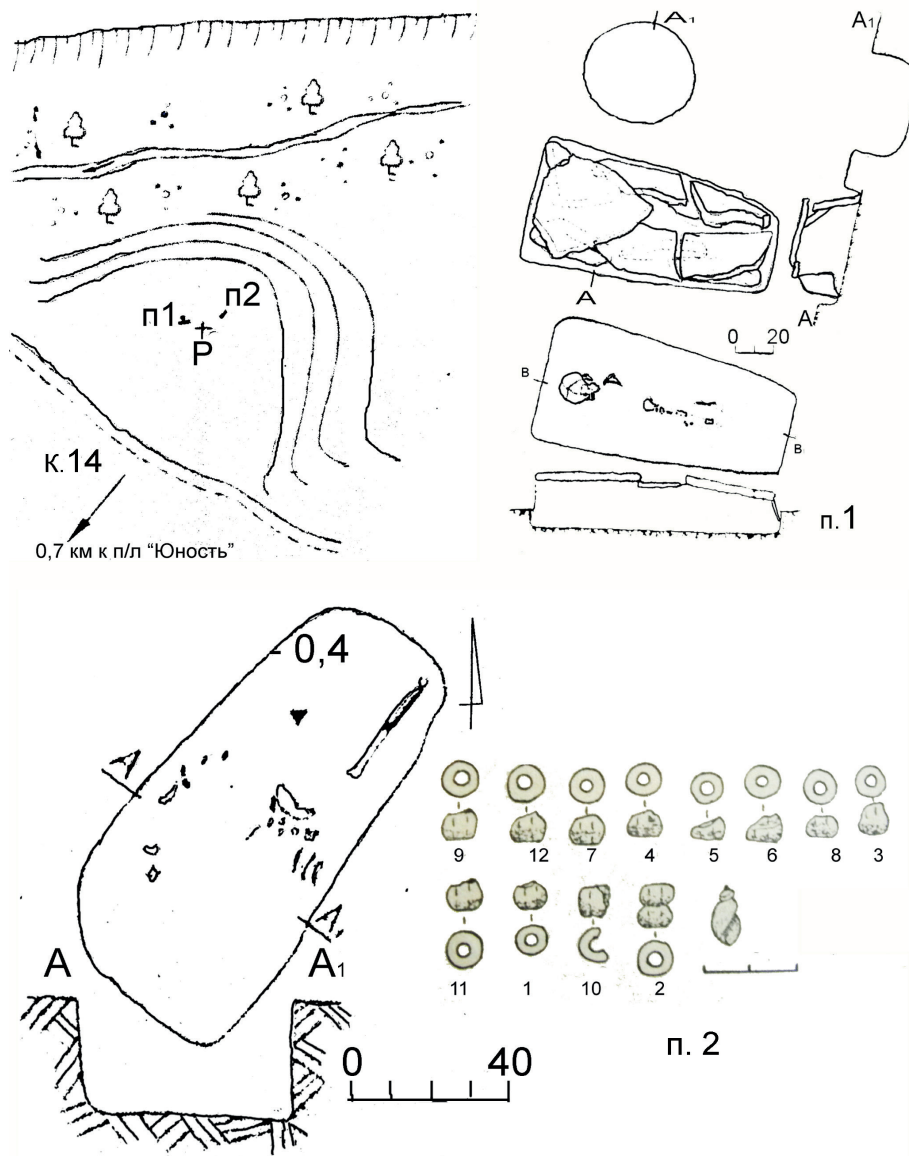

Рис. 28 / Fig. 28. Провалье. Грушевая балка. Курган № 14 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 14

Погребение № 2. Обнаружено в 3 м на СВ от погребения № 1. Яма подпрямоугольной формы, размерами $1,2 \times 0,55 \times 0,6$ м, ориентирована по оси ЮЗ-СВ, была перекрыта плоскими камнями песчаника.

Костяк ребёнка 3–4 лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ.

В заполнении ямы были найдены 13 бусин из синего стекла, позвонки крупной (осетровой) рыбы и 2 маленькие ракушки (рис. 28, п. 2).

Бусы имеют грушевидную форму. Один край бусин имеет меньшую высоту, чем другой. Такие бусы встречаются довольно редко. Их технология изготовления, форма и цвет соответствуют типу бус, описанных в классификациях А. З. Львовой [10], Ю. Л. Щаповой

[15] и Г. А. Фёдорова-Давыдова [14]. Это одноцветные бусы, изготовленные путём накручивания на твёрдый стержень размягчённого стеклянного волокна, грушевидной формы, синего цвета (ряд II, тип IV). Они встречаются в погребениях средневековых кочевников и могут быть датированы X–XI вв.

Курган № 15 расположен на первой надпойменной террасе правого берега Грушевой балки между курганами № 16 и № 18. Диаметр кургана 10 м, высота от уровня дневной поверхности 0,6 м. Курган не распахивался, поверхность его задернована. При раскопках была оставлена центральная бровка, шириной 1 м, ориентированная по линии С-Ю. В кургане обнаружено 3 погребения срубной культуры (рис. 29).

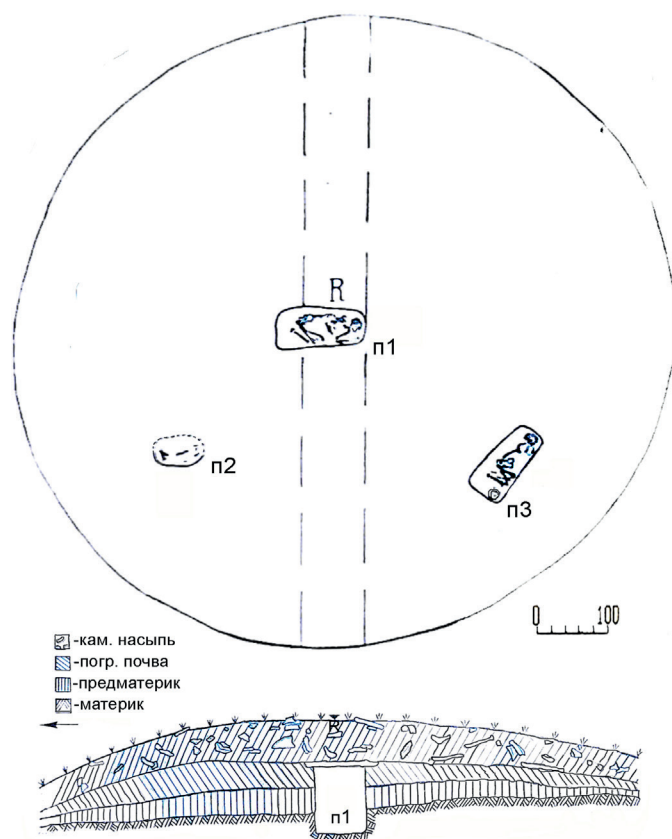

Рис. 29 / Fig. 29. Провалье. Грушевая балка. Курган № 15 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 15

В бровке под репером, начиная с уровня древнего горизонта, прослеживались контуры центрального погребения № 1.

Погребение № 1. Основное. Расположено на глубине 1,56 м. от Р. Яма перекрыта плитами песчаника, лежавшими поперёк. Сохранилась только одна плита

размерами 0,95 × 0,45 × 0,05 м.

Яма прямоугольной формы с закруглёнными углами и слегка суженной восточной стенкой, ориентирована по оси В-З. Длина ямы – 1,3 м, ширина – 0,63 м, глубина от уровня погребённой почвы 0,96 м (рис. 30, п. 1).

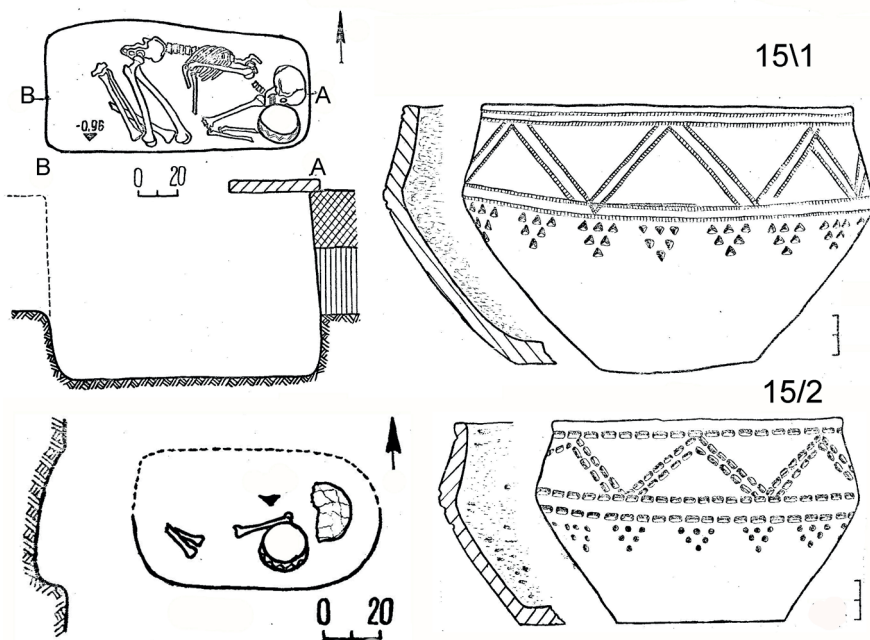

Рис. 30 / Fig. 30. Провалье. Грушевая балка. Курган № 15. Погребения №№ 1, 2 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 15. Burials no. 1, 2

Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой на восток. Левая рука резко согнута, кисть лежала у лицевой части черепа. Правая рука согнута под прямым углом. Ноги сильно согнуты.

В ЮЗ углу, перед лицевой частью черепа погребённого стоял орнаментированный острореберный сосуд биконической формы с перегибом в верхней части тулова. Дно плоское, без закраин. Наружная поверхность серо-жёлтого цвета с темными пятнами. Орнамент разделён на две зоны: 1) от ребра идёт двойной зигзаг, выполненный «гусеничным» штампом; 2) под ребром нанесены треугольные ямки, сгруппированные

в треугольники, опущенные вершиной вниз. Под венчиком и по ребру нанесены двойные полосы, сделанные тем же штампом и отделяющие одну зону от другой. На дне сосуда с внешней стороны заметны следы красной охры. Размеры сосуда: диаметр венчика – 18,5 см, диаметр ребра – 23 см, диаметр дна – 8,5 см, высота сосуда – 13,5 см.

Погребение № 2 обнаружено на глубине 1,4 м от Р. Погребение совершено в небольшой овальной ямке, вытянутой по оси В-З. Её длина 0,85 м, ширина 0,5 м. Северная стенка разрушена бульдозером.

Костяк ребёнка очень плохой сохранности был положен скорченно на левом боку, головой на восток. В анатомическом

порядке остались лежать раздавленная черепная коробка, левая (?) плечевая кость и большие берцовые кости (рис. 30, п. 2).

У южной стенки стоял орнаментированный острорёберный сосуд небольших размеров: диаметр венчика – 14,5 см, диаметр ребра – 17 см, диаметр дна – 8,5 см, высота сосуда – 10,5 см. Орнамент разделён на две зоны: 1) до ребра идёт двойной зигзаг, выполненный крупнозубчатым штампом; 2) под ребром нанесены треугольные ямки, сгруппированные в треугольники, опущенные вершиной вниз. Наружная поверхность тщательно обработана, местами видны следы заглаженности. Цвет жёлто-оранжевый с тёмными пятнами, черепок в изломе чёрный. Толщина черепка – 0,8 см. Сосуд по форме и мотиву орнаментации идентичен сосуду из погребения № 1. Отличаются они лишь по размерам и по технике выполнения орнаментации.

Погребение № 3 обнаружено на глубине 1,43 м от Р. Яма была перекрыта вдоль крупными плитами песчаника размером 1,26 x 0,63 x 0,06 м. Впоследствии плиты провалились в погребение. Яма прямоугольной формы со слегка закруглёнными углами, ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Её длина 1,28 м, ширина – 0,7 м, глубина в материке 0,5 м (рис. 31).

Погребение парное: взрослого и ребёнка. Костяк взрослого человека лежал скорченно, на левом боку, головой на СЗ, лицевой частью черепа на ЮВ. Ребра и фаланги не сохранились. Руки резко согнуты, кисти находились у лицевой части черепа. Ноги резко согнуты.

Костяк ребёнка лежал в ногах взрослого. Его череп находился в юго-восточном углу ямы, лицевой частью на С. Кости детского скелета не сохранились, но положение черепа позволяет установить, что ребёнок лежал на правом боку.

На плечевых костях и нижней челюсти взрослого человека находился неорнаментированный сосуд баночной формы с небольшим расширением к венчику. Венчик непосредственно переходит в вы-

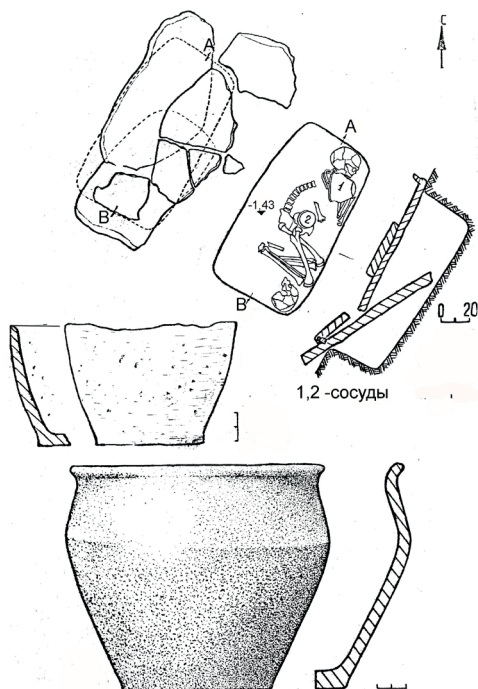

Рис. 31 / Fig. 31. Провалье. Грушевая балка. Курган № 15 Погребение № 3 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 15. Burials no. 3

сокие плечики, плавно сужающиеся к небольшому, с едва выраженной закраиной дну. Тесто содержит примесь мелких камешков. Черепок в изломе двухслойный: внутренний – чёрный, внешний – светло-коричневый с тёмными пятнами. Размеры сосуда: диаметр венчика – 17,5 см, диаметр дна – 10,5 см, наибольший диаметр – 18,5 см, высота – 15,5 см, толщина черепка – 0,9 см.

На тазовых костях взрослого стоял второй сероглиняный сосуд баночной формы. Венчик выщерблен, дно плоское с небольшой закраиной. Размеры: диаметр венчика – 11,5 см, диаметр дна – 7,5 см, высота – 8,5 см.

Все три погребения оставлены носителями срубной культуры.

Курган № 16 расположен на мысообразном выступе 2-й береговой террасы правого берега Грушевой балки между курганами № 15, № 18 и № 23 (рис. 32).

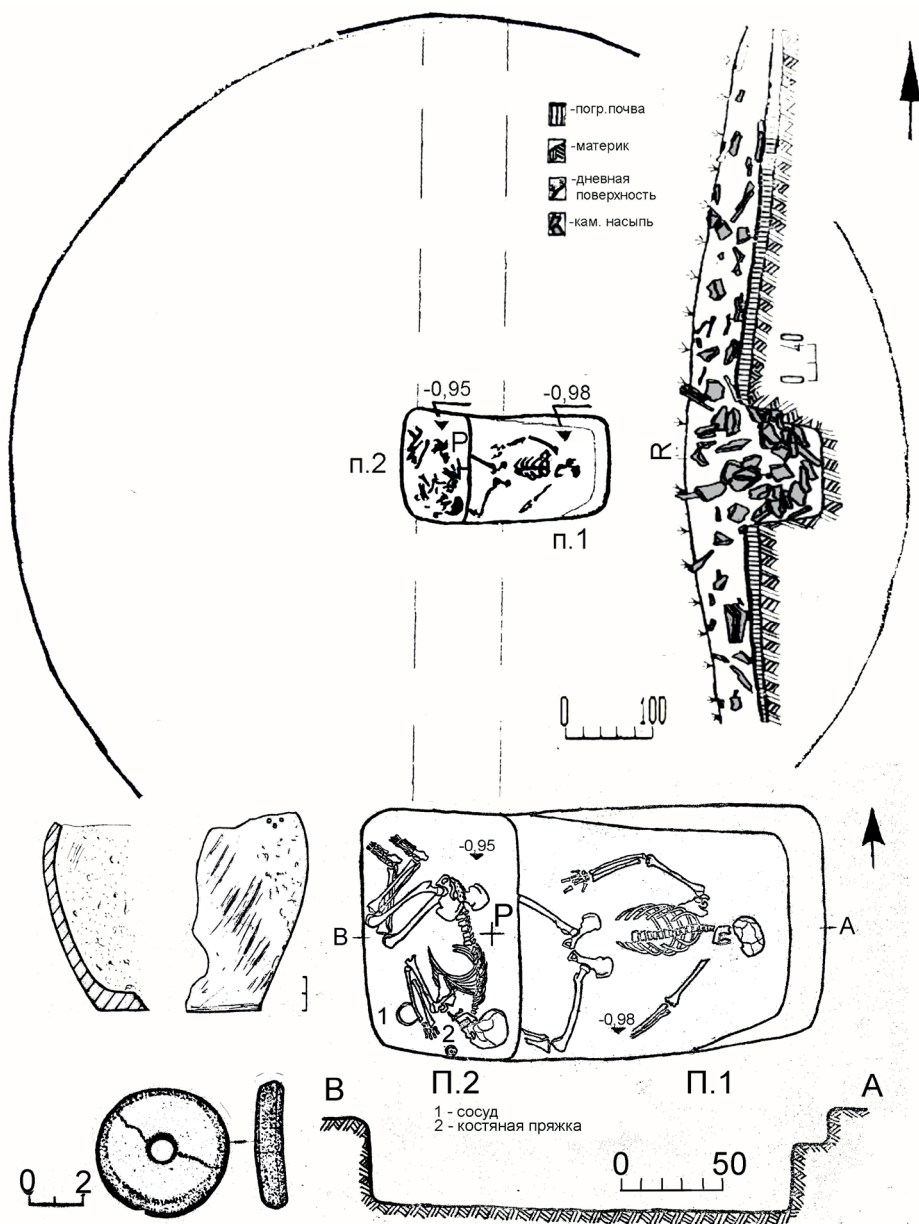

Рис. 32 / Fig. 32. Провалье. Грушевая балка. Кургan № 16 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 16

Наземное сооружение представляло собой округлую невысокую насыпь, которая имела диаметр около 10 м и высоту 0,3 м, образованную из грунта и песчаниковых камней. В центральной части закладки наблюдалось значительное проседание камней. На уровне погребённой

почвы прослеживалось пятно прямоугольной формы, ориентированное по оси В-З. При дальнейшей расчистке оказалось, что здесь находились два погребения (рис. 32).

Погребение № 1. Яма с восточной стороны имела ступеньку шириной 0,2 м и

высотой 0,2 м. Её западная часть обрезана при устройстве погребения № 2. Сохранившаяся длина ямы – 1,53 м, ширина 1,25 м, глубина 0,98 м от Р и 0,5 м от погребённой почвы.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на спине, головой на В. Руки разведены в стороны, ноги распались ромбом.

Погребение относится к ямной культуре.

Погребение № 2. Яма неправильной прямоугольной формы с закруглёнными углами размерами 1,2 м × 0,8 м, ориентирована по оси С-Ю. Дно находилось на глубине 0,95 м от Р.

Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на правом боку. Руки сильно согнуты, кистями положены у лицевой части черепа. Ноги сильно согнуты.

Под руками возле юго-восточного угла ямы стоял глиняный сосуд, а выше кистей рук лежало изделие из кости с центральным отверстием (рис. 32). Сосуд баночной формы, имел косые расчёсы на поверхности. Диаметр венчика 15,5 см, диаметр дна 10 см. Костяное изделие диаметром 5 см имело отверстие в центре диаметром 1 см. Его толщина 1 см. Края изделия были скруглены и оно, по-видимому, служило грузилом для веретена.

Погребение относится к срубной культуре.

Курган № 17 расположен на мысообразном выступе 2-й береговой террасы правого берега Грушевой балки.

Наземное сооружение представляло собой округлую, плоскую закладку диаметром 4,2 м, сложенную из плит песчаника. В центральной части закладки наблюдалось значительное проседание камней. В этом месте было обнаружено погребение (рис. 33).

Погребение № 1. Яма прямоугольной формы с закруглёнными углами, ориентирована по линии СЗ-ЮВ.

Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении на спине, голо-

вою на СЗ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и кистью положена на таз. Ноги резко согнуты, упали вперёд (рис. 33).

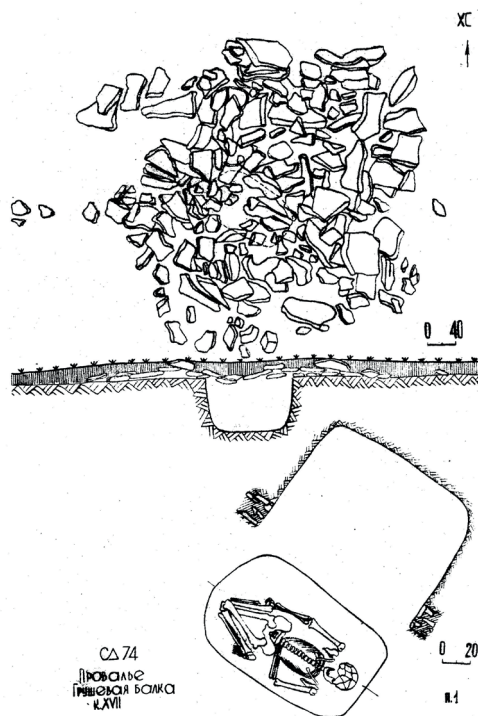

Рис. 33 / Fig. 33. Провалье. Грушевая балка. Курган № 17 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 17

Погребение может быть датировано энеолитическим временем.

Курган (закладка) № 18 расположен на расстоянии 3-х метров к ЮВ от кургана № 6. Земляная насыпь отсутствовала, но на поверхность выходили отдельные камни. После снятия дернового слоя выявилась каменная закладка округлой формы диаметром 5 м. Она состояла из камней песчаника различных размеров (от 0,1 м до 1,1 м), набросанных над погребением. При этом преобладали камни размером 0,60 × 0,50 × 0,06 м. Более крупные плиты размером 0,8 × 0,5 × 0,1 м были расположены по краю закладки (рис. 34).

Погребение № 1. Яма прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами, ориентирована по оси В-З. Размеры ямы:

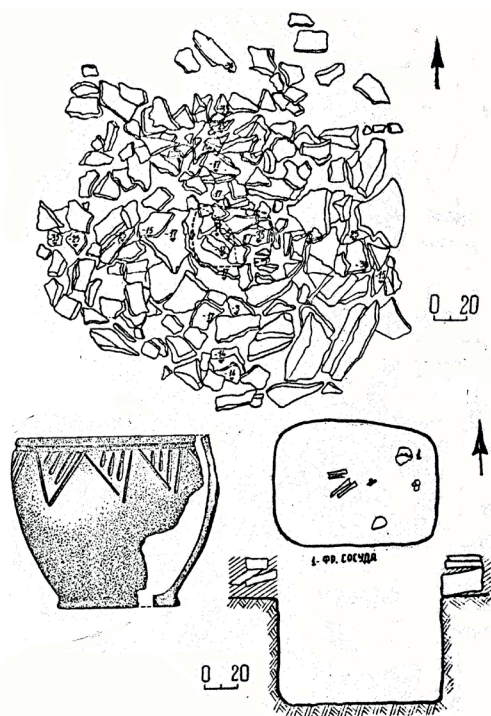

Рис. 34 / Рис. 34. Провалье. Грушевая балка. Курган № 18 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 18

длина – 1 м, ширина – 0,78 м, глубина от современной поверхности – 0,65 м. Восточная стенка (0,65 м) несколько уже западной (0,75 м).

Скелет ребёнка был растащен грызунами. От него сохранились лишь несколько кусочков черепа, диафизы нижних конечностей и две фаланги. По положению костей ног можно определить, что ребёнок был положен скорченно на правом боку, головой на В.

В северо-западном углу ямы находился упавший на бок баночный сосуд. Его края слегка загнуты, дно плоское с небольшим поддоном. Верхняя часть сосуда под венчиком украшена орнаментом из врезных линий, представляющих собой полосу свисающих заштрихованных треугольников. Высота сосуда 12,5 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна – 9 см.

В заполнении ямы на расстоянии 15 см от дна у южной стенки был найден

камень из серого песчаника грушевидной формы. Явные следы обработки камня отсутствуют, однако, не исключена возможность использования его в качестве тёрочника.

Курган № 21 расположен на левом берегу балки Грушевая, в 1,05 км на С от пионерлагеря «Юность», на пологом склоне долины между двумя холмами высотой 40 м и 10 м, в 200 м на запад от ручья Грушевой балки.

Поверхность кургана задернована и покрыта камнями песчаника размерами от 0,7×0,35–0,1 до 0,15×0,2×0,06 м. Камни располагались без видимого порядка, а в центре прослеживалась западина округлой формы. Диаметр кургана 6 м, высота – 0,2 м. Курган раскапывался вручную с оставлением центральной бровки С-Ю (рис. 35).

Погребение № 1. Находилось в центре кургана. Яма подпрямоугольной формы размерами 2,54×1,04×1,7 м, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, и была полностью забутована камнями. В засыпке ямы, на глубине 0,5 м у северной стенки, обнаружен фрагмент ручки салтовской амфоры, сделанной из хорошо отмученной глины красноватого цвета на изломе. Поверхность хорошо заглажена, красного цвета (рис. 35).

В северной поле кургана, в насыпи, обнаружена кость животного. Других находок не обнаружено. Очевидно, курган был разграблен в древности.

Курган (закладка) № 23 расположен на ровном плато 2-й береговой террасы правого берега Грушевой балки. Наземное сооружение обнаружено под дерновым слоем на глубине 0,11–0,15 м. Каменная закладка прямоугольной формы размерами 1,8×1,2 м, ориентирована по оси СВ-ЮЗ (рис. 36).

Погребение № 1. Пятно погребения прослежено на глубине 0,3 м от поверхности. Яма прямоугольной формы с закруглёнными углами размерами 1,75×0,9×0,9 м, ориентирована по оси СВ-ЮЗ.

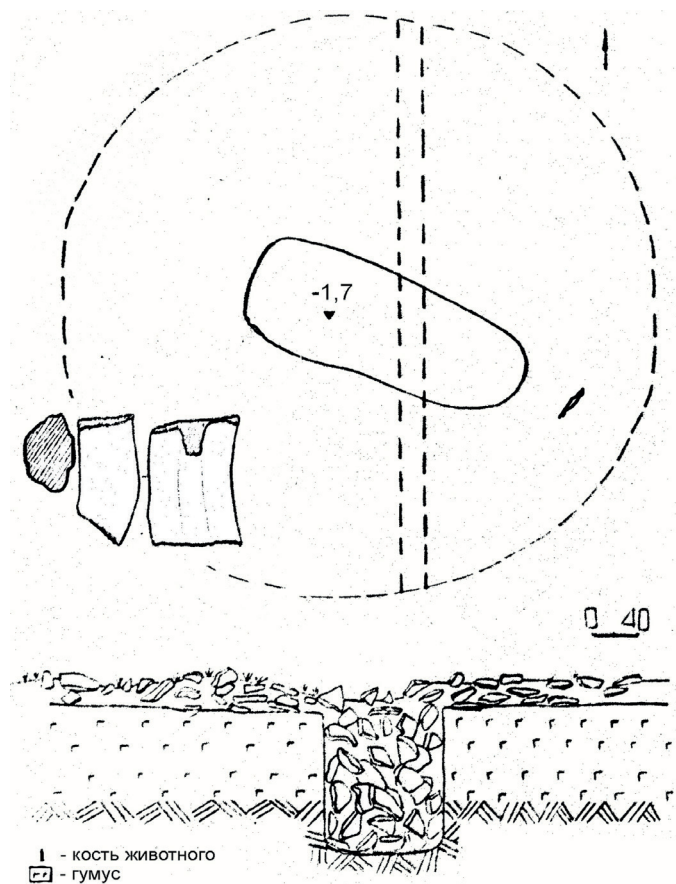

Рис. 35 / Fig. 35. Провалье. Грушевая балка. Курган № 21 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 21

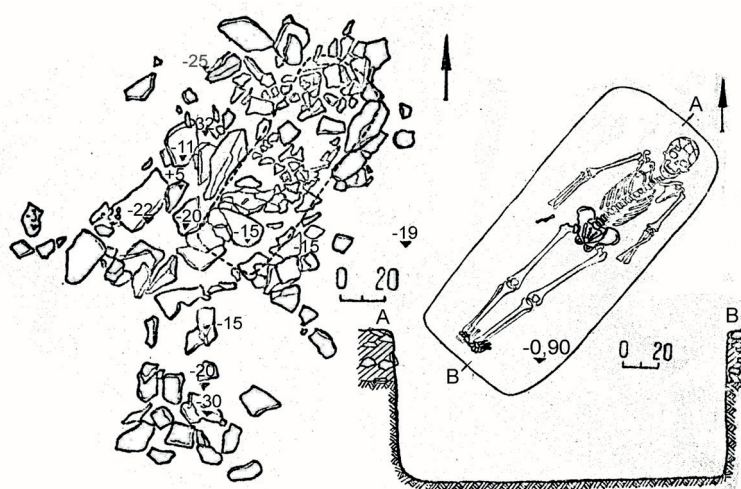

Рис. 36 / Fig. 36. Провалье. Грушевая балка. Курган № 23 / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 23

Скелет взрослого человека лежал вытянуто, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на СВ, диагонально к оси ямы.

Погребение относится к сарматскому времени.

Курган № 24 расположен на ровном плато 2-й береговой террасы правого берега Грушевой балки. Наземное сооружение представляло собой вытянутую по оси СВВ-ЮЗЗ плоскую закладку, сложенную из плит серого песчаника (рис. 37).

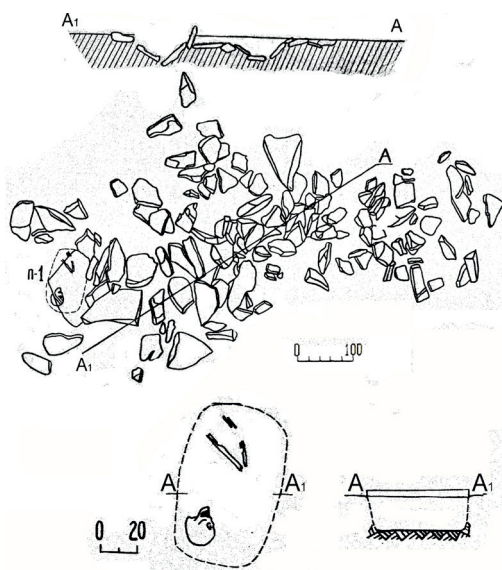

Рис. 37 / Fig. 37. Провалье. Грушевая балка. Курган № 24. План / Proval'e / Proval'e. Grushovaya girder. Mound no. 24. Plan

Погребение № 1. Обнаружено в ЮЗЗ конце закладки, под большой плитой размерами $0,9 \times 0,6 \times 0,05$ м.

Костяк ребёнка лежал на материке скорченно на правом боку, головой на Ю с отклонением 10° на В. Ноги резко согнуты. Сохранность костей плохая. Рядом с погребённым лежал кристалл молочного кварца и фрагмент бронзового предмета размером 2×3 мм.

Погребение датируется периодом эпохи поздней бронзы.

Заключение

Подводя итоги исследований, отметим, что разнообразные археологические памятники в Провальской степи сохранялись почти в первозданном состоянии на протяжении многих веков. Это и энеолитические погребения, и погребения ямной культуры эпохи ранней бронзы. Они не столь многочисленны, но являются яркими и своеобразными памятниками. Как известно, на юге Донбасса поселения этого времени не известны, поэтому нахождение святилища эпохи ранней бронзы представляет особый интерес.

Погребения катакомбной культуры массово сосредоточены в нескольких курганах (№№ 11, 11а) у пионерлагеря «Юность» в Грушевой балке [11, с. 76–100], а также в кургане № 4 в урочище Майка. К этой эпохе относится и разрушенный катакомбный могильник у пионерлагеря «Ласточка», на левом берегу реки Верхнее Провалье. Редкими в Провальской степи оказались и погребения культуры Делакэу-Бабино. Они, как правило, являются безынвентарными, в них отсутствуют целые глиняные сосуды, а среди другого инвентаря известна только одна костяная пряжка прямоугольной формы с центральным отверстием.

Наиболее многочисленными оказались памятники срубной культуры. Среди них, кроме полностью исследованного поселения, известны разнообразные виды погребальных памятников: это впускные захоронения в насыпях более ранних курганов, а также основные погребения в отдельных каменных закладках, кромлехах и курганах с каменно-земляными насыпями.

Весьма интересным следует считать нахождение погребений раннего железного века. Это каменный курганчик с киммерийским погребением и грунтовое сарматское погребение под каменной закладкой.

Затем Провальская степь длительный период оставалась не заселённой. Ситуа-

ция изменилась в VI–VIII вв., когда наряду с местным земледельческим населением салтово-маяцкой культуры появились тюркоязычные кочевники. Их появление было обусловлено продвижением тюрков Западно-тюркского каганата. Обычно западную границу их распространения проводили по р. Дон. Нахождение каменных изваяний древнетюркского типа на юге Донбасса, полностью идентичных с таковыми из восточных территорий Западно-тюркского каганата в Казахстане, Киргизии, Алтае и Монголии, а также

нахождение в Провальской степи поминальных оградок могут свидетельствовать о том, что юг Донбасса, и, в частности, Провальская степь, стали местом пребывания тюркоязычных кочевников вплоть до X – начала XI вв.

Самыми поздними памятниками, открытыми в Провальской степи, являются половецкие курганы, святилища с каменными изваяниями и отдельные каменные изваяния, датируемые XI – началом XIII вв.

Статья поступила в редакцию 24.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С. Н. Донецкая катакомбная культура раннего этапа : в 3 т. Т. 1. Луганск: Шлях, 2001. 76 с. (Свод археологических источников. Эпоха бронзы. Выпуск 1).
2. Гринченко В. А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. 1950. Т. III. С. 37–63.
3. Евдокимов Г. Л. Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья : сб. науч. трудов. Киев: Институт археологии АН УССР, 1991. С. 187–213.
4. Исследования в бассейне среднего течения Северского Донца // С. Н. Братченко, И. А. Писларий, Э. С. Шарафутдинова, В. И. Неприна, А. А. Кротова, Л. С. Гераськова, Л. С. Дубовская, А. М. Смирнов, В. Я. Зельдина, Л. Ф. Константиnescу, А. Ф. Горелик, В. Г. Самойленко // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 355.
5. Исследования на Ворошиловградщине / М. И. Гладких, И. А. Писларий, А. А. Кротова, Л. С. Гераськова // Археологические открытия 1974 года., М.: Наука, 1975. С. 267–268.
6. Исследования Северско-Донецкой экспедиции / М. И. Гладких, И. А. Писларий, А. А. Кротова, Л. С. Гераськова // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 309–310.
7. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. М.-Л.: Наука, 1966. 147 с (Археология СССР. Свод археологических источников. Серия E1-36a).
8. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 138 с.
9. Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим 1953–1954 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 184 с. (Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II).
10. Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 75. С. 307–332.
11. Пыслару И. Курганы эпохи бронзы в Провальской степи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 76–100.
12. Работы Северско-Донецкой экспедиции / М. И. Гладких, И. А. Писларий, А. А. Кротова, Л. С. Гераськова, М. Л. Швецов // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 259–260.
13. Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 56. Пг., 1914. С. 75–219.
14. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издательство Московского ун-та, 1966. 276 с.
15. Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 55. С. 164–179.

REFERENCES

1. Bratchenko S. N. *Donetskaya katakombnaya kul'tura rannego etapa: v 3 t.* [Donetsk Catacomb Culture of the Early Stage: in 3 vol.] Lugansk, Shlyah Publ., 2001. 76 p.
2. Grinchenko V. A. [Monument of the 18th century. Spikes. Ascension Day in Zaporozhye]. In: *Arheologiya* [Archeology], 1950, vol. III, pp. 37–63.
3. Evdokimov G. L. [Burials of the Early and Middle Bronze Age of the Astakhovsky Burial Ground]. In: *Katakombnye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya: sb. nauch. trudov* [Catacomb Cultures of the Northern Black Sea Region: Collection of Scientific Works]. Kiev, 1991, pp. 187–213.
4. Bratchenko S. N., Pislarij O. A., Sharafutdinova E. S., Neprina V. I., Krotova A. A., Geras'kova L. S., Dubovskaya L. S., Smirnov A. M., Zel'dina V. Ya., Konstantinesku L. F., Gorelik A. F., Samojlenko V. G. [Research in the Basin of the Middle Reaches of the Seversky Donets]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1975 goda* [Archaeological Discoveries of 1975]. Moscow, Nauka Publ., 1976. P. 355.
5. Gladkih M. I., Pislarij I. A., Krotova A. A., Geras'kova L. S. [Research in Voroshilovgradshchina]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1974 goda* [Archaeological Discoveries of 1974]. Moscow, Nauka Publ., 1975. P. 267–268.
6. Bratchenko S. N., Pislarij I. A., Sharafutdinova E. S., Neprina V. I., Krotova A. A., Geras'kova L. S., Dubovskaya L. S., Smirnov A. M., Zel'dina V. Ya., Konstantinesku L. F., Gorelik A. F., Samojlenko V. G. [Research of the Seversk-Donetsk Expedition]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1975 goda* [Archaeological Discoveries of 1975]. Moscow, Nauka Publ., 1976. P. 309–310.
7. Kirpichnikov A. N. *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 2* [Antient Russian Weapons. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 147 p.
8. Kirpichnikov A. N. *Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv.* [Inventory of Horse rider and his Loyal Horse un Russia 9th – 13th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 138 p.
9. Kyzlasov L. R. *Arkheologicheskie issledovaniya na gorodishche Ak-Beshim 1953–1954 gg.* [Archaeological Research at the Ak-Beshim Settlement, 1953–1954]. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1959. 184 p.
10. L'vova Z. A. [Glass Bracelets and Beads from Sarkel – Belaya Vezha]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on USSR's Archaeology], 1959, no. 75, pp. 307–332.
11. Pyslaru I. [Bronze Age Barrows in the Provalskaya Steppe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 76–100.
12. Gladkih M. I., Pislarij I. A., Krotova A. A., Geras'kova L. S., Shvecov M. L. [Works of the Seversk-Donetsk expedition]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1973 goda* [Archaeological Discoveries of 1973]. Moscow, Nauka Publ., 1974. P. 259–260.
13. Sahanev V. V. [Excavations in the North Caucasus in 1911–1912]. In: *Izvestiya Imperatorskoj arheologicheskoy komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission]. Vol. 56. Peterburg, 1914. P. 75–219.
14. Fedorov-Davydov G. A. *Kochevniki Vostochnoj Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, Moscow University Publ., 1966. 276 p.
15. Shchapova Yu. L. [Glass Beads of Ancient Novgorod]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archaeology of the USSR], 1956, no. 55, pp. 164–179.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пыслару Ион – доктор исторических наук, археолог-эксперт Музея археологии Каллатис, Мангалия, Румыния;

e-mail: pslr2007@gmail.com

Гераськова Любовь – кандидат исторических наук, Киев, Украина.

e-mail: kudrea2018@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ion Pyslaru – Dr. Dr. Sci (History), Archaeologist-expert, Kallatis Archaeology Museum, Mangalia, Romania;

e-mail: pslr2007@gmail.com

Lyubov Geraskova – Cand. Sci (History), Kiev, Ukraine;

e-mail: kudrea2018@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пыслару И., Геральскова Л. Исследования Северско-Донецкой экспедиции в Провальской степи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 128–163.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-128-163

FOR CITATION

Pyslaru I., Geraskova L. Field research of the Seversk-Donetsk Expedition in the Provalskaya Steppe. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 128–163.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-128-163

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-164-179

КУРГАН У С. НОГИР И ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Николаева Н. А., Сафронов А. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Представить курган у с. Ногир Пригородного района Северной Осетии как базовый памятник ранне- и среднебронзовой эпохи в Центральном Предкавказье.

Процедура и методы. Приведено описание кургана у с. Ногир и дан анализ его как эталонного памятника бронзового века в Центральном Предкавказье. Для интерпретации памятника использованы стратиграфический, сравнительно-типологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Установлено, что переход от кубано-терской к катакомбной культуре в Северной Осетии совершался по единому алгоритму, наблюдаемому в других регионах Восточной Европы: при смене типа погребального сооружения сохранялись обряд и комплекс инвентаря предшествующей культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в археологию Центрального Предкавказья, свидетельствуя о родстве и преемственности кубано-терской и раннекатакомбной культур не только между собой, но и с культурами шнуровой керамики и шаровидных амфор Европы, что подтверждается данными лингвистики.

Ключевые слова: Северная Осетия, бронзовый век, кубано-терская культура, катакомбная культура, погребальный обряд (амфоры и кружки)

A KURGAN NEAR THE VILLAGE OF NOGIR AND THE PROBLEM OF CULTURAL ATTRIBUTION OF MIDDLE BRONZE AGE MONUMENTS IN NORTH OSSETIA

N. Nikolaeva, A. Safronov

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe a burial mound near Nogir, a village in the Prigorodny District of North Ossetia as a monument characterizing the Early and Middle Bronze Age in the Central North Caucasus region.

Methodology. The mound under study was characterized as a reference monument of the Bronze Age in the Central North Caucasus region using stratigraphic, comparative typological and comparative historical methods.

Results. As a result of the study it was found that the transition from the Kuban-Terek to the Catacomb culture in North Ossetia took place according to an algorithm of the formation of the early Catacomb horizon in other regions of Eastern Europe: the change of the burial structure from the pit to the catacomb while preserving the rite and complex of the inventory of the previous culture.

Research implications. The research results give a contribution to the archaeological history of the Ciscaucasia and the Central North Caucasus. Kurgan near the village. Nogir is the most important evidence of the genetic relationship and continuity of the Kuban-Terek and Early Catacomb cultures

on the territory of North Ossetia both among themselves and with the circle of Corded Ware and Globular amphorae cultures of Central Europe that is confirmed by the data of areal linguistics.

Keywords: North Ossetia, Bronze Age, Kuban-Terek culture, Catacomb culture, burial rite, grave's goods of amphorae and mug

Введение

До 1960 г. основными источниками для исследования среднебронзового века Северного Кавказа были случайные находки в музейных собраниях [8]. В последующие десятилетия масштабные раскопки в предгорных районах Северного Кавказа и в степном Предкавказье [3; 12] полностью изменили источниковую базу изучаемого периода, дополнив её достоверными «закрытыми» комплексами, хотя и не обеспеченными в должной мере данными стратиграфии. Однако новые материалы не повлияли на устоявшееся коллективное представление археологов, сформулированное ранее в виде последовательности майкопской культуры с двумя этапами, северокавказской культуры с тремя этапами и тремя вариантами [2; 8; 10: 32–35, табл. 1]. Первая доказательная периодизация и хронология для северокавказских древностей была разработана В.А. Сафроновым [15, с. 23–174] и базировалась на последовательности отдельных северокавказских импортов в стратифицированных курганных погребениях Калмыкии в виде горизонтов (обозначены буквами А, В, С, D1, D2, E) и культурных групп (обозначены цифрами I–VII) [15, с. 23–124]¹. На Северном Кавказе для

среднебронзового века были введены параллельные обозначения: «СБ 1а, СБ 1б, СБ 1с», что расшифровывается так: Среднебронзовый I период с тремя горизонтами а, б, с, и Среднебронзовый II а и б, Среднебронзовый III [15, с. 124–173]. Для следующего этапа исследования – исторической реконструкции – необходимо было знать действующий субъект – этнос. В археологии его эквивалентом является, по умолчанию, «археологическая культура». Однако существующий термин «северокавказская культура» – собирательный, охватывающий случайные находки, относящиеся к различным культурам средней бронзы на Северном Кавказе, не отвечал поставленной задаче исследования. Следует отметить, что сложность выделения основной монокультуры среднебронзового века заключалась в неоднородности исходного пост-майкопского и докобанского массива древностей (по меньшей мере, в нём присутствовало 4 археологические культуры). Ядро монокультуры среднебронзового века Северного Кавказа было выделено сначала через аналогии чужеродной для Северного Кавказа форме – амфорам – в круге культур КШК и КША с последующим дополнением и расширением этого «амфорного» ком-

¹ В. А. Сафроновым был использован оправдавший себя методический приём для разработки периодизации бронзового века Северного Кавказа. Сначала он установил последовательность северокавказских импортов в степных стратифицированных курганах в виде культурных групп (I – поздняя культура с молоточковидными булавками с прямым стержнем и слабо выпуклыми бляхами с пуансоном; II – северокавказская в ямах с посоховидными булавками и кабардино-пятигорскими топорами; III – катакомбы с ямным обрядом и веретенообразными молоточковидными булавками; IV – катакомбы с северокавказским обрядом «вытянуто на спине» с посоховидными булавками и полусферическими бронзовыми коваными умбонами с пуансонным орнаментом; V – классическая предкавказская культура и катакомбы с захоронениями

ми на боку, скорченно; VI – катакомбы с обрядом культуры многоячеистой керамики; VII – срубная культура). Стратиграфические горизонты, в которых находились перечисленные группы, были обозначены от А до D2. В настоящее время эти культурные группы, обозначенные цифрами, переименованы в традиционном ключе как культуры: II – степная северокавказская; III, IV – раннекатакомбная полиритинальная; V – восточноманычская культура [17, с. 268]; VI – лопатинская. Сейчас доказано, что ямный обряд погребения – явление поликультурное и полиэтничное и соответствует не только ариям/индоиранцам [10, с. 213–220]. Первыми пастухами в Предкавказье были носители бескурганной «древнейшей» культуры конеголовых каменных скипетров, которым соответствует лингво-этноним 'тохары' [11, с. 570–579].

плекса, начиная со стратифицированных курганов Северной Осетии по дуге от с. Ногир на р. Терек через с. Дзуарикау на р. Фиагдон до Хазнидона на р. Урух, и далее до Усть-Джегуты на р. Кубань. Для этого культурного конгломерата нами был предложен термин «кубано-терская культура», с предгорным и степным вариантами (далее КТК) [9; 10, с. 19–23]. Кроме КТК, на Северном Кавказе известны катакомбы бронзового века разного времени и генеза. Термин для их обозначения пока не устоялся.

Публикация материалов раскопок стратифицированного кургана у с. Ногир – одного из базовых памятников для выделения и разработки периодизации кубано-терской культуры среднебронзового века центрального Северного Кавказа, имеет своей целью закрыть пробел между этапами кубано-терской культуры, представленными могильником у с. Дзуарикау¹, и первыми памятниками катакомбной культуры в Северной Осетии, а также установить форму перехода от кубано-терской культуры к катакомбной культуре на Северном Кавказе.

Результаты исследования

Курган у с. Ногир² находился в 7 км от г. Владикавказ. К началу раскопок курган представлял собой насыпь диаметром

около 50 м, высотой 2,2 м. Было оставлено три бровки, ориентированные по линии СЗ–ЮВ.

Бровка 0 (восточная сторона) (рис. 1:2). Высота бровки 0 до погребённой почвы – 2,1 м. Мощность погребённой почвы (суглинок с мелкой галькой) – 0,25 м. Слой I (длина 35 м). Под насыпью было два кромлеха, перекрытые слоем I и не связанные с ним: диаметр сохранившегося кромлеха (из двух рядов валунов размером до 0,6 м) – 24,5 м; ширина – 0,7 м; он относится к слою III. Слой II (длина – 24,5 м) отличался по цвету от слоя I; перекрывал выкид от погребения 13 в южной поле бровки 0. Слой III (длина – 24 м) состоит из земляной насыпи (IIIa) и каменного панциря (IIIб); укреплен кромлехом. Слой IV – каменный курган из булыжника над основной могилой № 6 на погребённой почве (высота – 1,5 м; диаметр – 10 м; вершина слоя IV смещена на 2 м к востоку от центра насыпи). В центре каменного кургана – след грабительского хода. В полу слоя III впущено погребение № 13 и перекрыто слоем II.

Бровка 0 (западная сторона) (рис. 1:4). Прослеживаются те же слои. С этим разрезом связана стратиграфия погребений № 8 и № 12. Погребение № 8 «село» на вершину каменного кургана (слой IV) и предположительно сооружено до возведения слоя II. Погребение № 12 впущено с поверхности слоя II, что хорошо видно на разрезе (рис. 1:4) по столбу булыжникового заполнения могилы из-под слоя I. Таким образом, по стратиграфии разрезов бровки 0 устанавливается последовательность погребений № 6, № 13, № 8 и № 12. При разборе центральной бровки был обнаружен объект № 15, состоящий из сосуда и ножа, связанный с основным погребением № 6.

Бровка 1 (западная сторона) (рис. 1:3). Прослеживался слой I–II, не отличаясь по цвету. Высота – 0,7 м по центру; длина слоя – 20 м. Слой III лежит на погребённой почве. Мощность – 1 м. Длина – 17 м, поскольку каменного кургана IV в бров-

¹ Курганы у с. Дзуарикау (12 курганов; раскопки В. А. Сафронова, Н. А. Николаевой 1976 г. [9; 10, с. 439–488] находились в 25 км на юго-запад от Владикавказа на предгорной наклонной равнине Северной Осетии на высокой террасе р. Фиагдон около входа в Куртатинское ущелье. В 2008 г. были раскопаны ещё 14 курганов и 49 погребений, являющихся продолжением этого могильника, но содержащих также комплексы и позднего этапа кубано-терской культуры, синхронные погребениям у с. Ногир. Общее руководство полевыми работами осуществлял С. В. Ляхов (Ставрополь «Наследие»); держателем Открытого Листа был Б. З. Караев (Северная Осетия). Написание отчёта и реставрация были выполнены археологами М. А. Коваленко и М. Ю. Федосовым (Ростов н/Дону).

² Курган находился в 3 км к северо-западу от села и в 7 км от северной окраины г. Владикавказ. Руководители раскопок – В. А. Сафронов, Н. А. Николаева [10, с. 396–399].

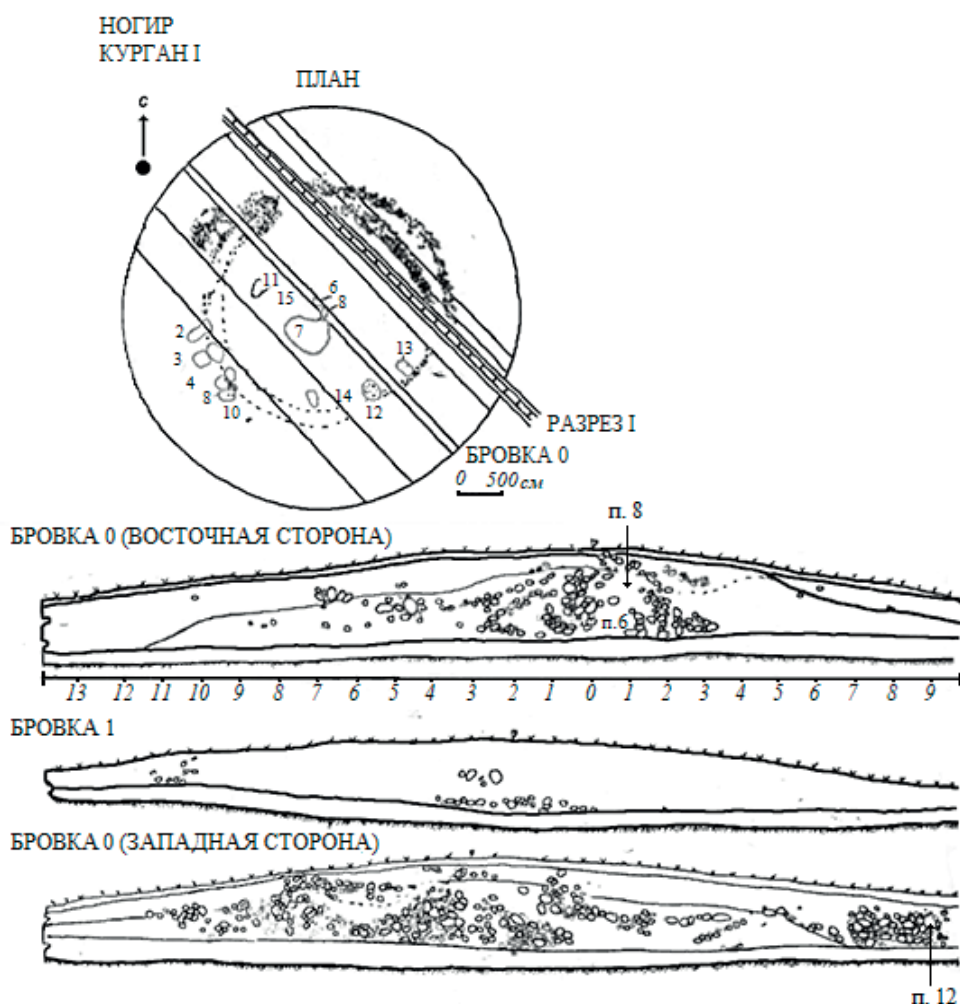

Рис. 1 / Fig. 1. План и разрезы кургана / Plan and sections of the mound

ке 1 уже нет. Каменная наброска выклинивается в бровке 1.

Стратиграфия кургана. Над основным погребением № 6 на древней дневной поверхности в ящике, сложенном из булыжника, был сооружён каменный курган (слой IV), высотой 1,5 м и диаметром 10 м. Под этим курганом (слой IV) на расстоянии 3,5 м от п.6 в бровке на глиняной площадке был найден также объект № 15, состоящий из сосуда и ножа. Погребение № 13 было последним впускным в слой III, поскольку выкид от него законсервирован

слоем II. Погребение № 8 впущено по центру после сооружения слоя II, поскольку мощность слоя должна быть достаточной для сооружения могилы. Погребение № 12 впущено также со слоя II, но не законсервировано насыпью (не отмечено выкида). Погребение № 12 находилось между кольцами кромлеха, которые связаны со слоем III. Последним впускным в слой II было погребение № 14. Перекрыто слоем I. В южную полу кургана, принявшего современный вид, были впущены катакомбы № 2, 3, 4, разрушившие часть кромлеха.

Описание погребений¹.

Погребение № 6. (рис. 2: I). Основное. Находилось под каменным курганчиком в 0,5 м от 0 к северо-востоку и в 0,85 м к юго-западу и было совершено на древней дневной поверхности в ящике, сложенном из булыжника. Погребение было

ограблено и разрушено, но конструкция ящика из булыжников в 3–4 яруса сохранилась. Дно ящика, обмазанное серо-зелёной глиной, представляло собой глиняную площадку, находящуюся в бровке и в траншее (длина её – 1,4 м, ширина – 1,2 м). Размеры площадки указывают, что

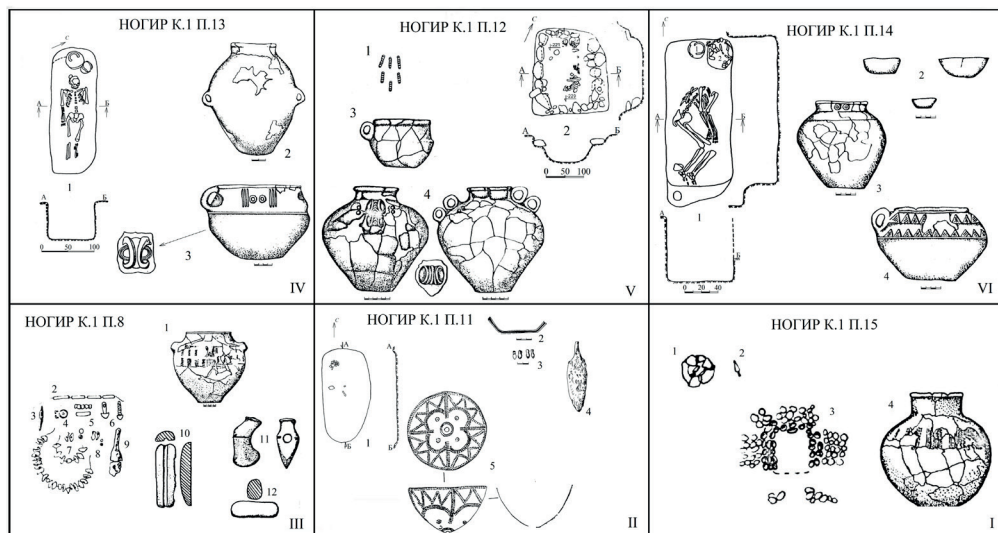

Рис. 2-I / Fig. 2-I. **Ноги́р, курган 1. Основное погребение № 15:** 1 – развал амфоры из ящика № 15; 4 – амфора; 2 – бронзовый нож; 3 – план каменного ящика / Nogir, kurgan 1. Main burial No. 15: 1 – amphora fragments from box no. 15; 4 – amphora; 2 – bronze knife; 3 – plan of a stone box

Рис. 2-II / Fig. 2-II. **Ноги́р, курган 1. Погребение № 11:** 1 – план и разрез погребения; 2 – придонная часть сосуда; 3 – ложковидные подвески; 4 – бронзовый нож; 5 – умбон полусферический / Nogir, kurgan 1. Burial no. 11: 1 – plan and section of the burial; 2 – the bottom part of the vessel; 3 – spoon-shaped pendants; 4 – bronze knife; 5 – hemispherical umbo

Рис. 2-III / Fig. 2-III. **Ноги́р, курган 1. Погребение № 8:** 1 – амфора; 2 – пронизи из белой пасты; 3 – бронзовое шило; 4 – бусина из зуба ископаемой рыбы; 5, 6 – стерженьки-подвески; 7 – сегментовидные подвески из бронзы; 8 – ложковидные подвески; 9 – бронзовый ножичек / Nogir, mound 1. Burial no. 8: 1 – amphora; 2 – beads from white paste; 3 – bronze awl; 4 – bead from a tooth of a fossil fish; 5, 6 – suspension rods; 7 – segment bronze pendants; 8 – spoon-shaped pendants; 9 – bronze knife

Рис. 2-IV / Fig. 2-IV. **Ноги́р, курган 1. Погребение № 13:** I – план и разрез погребения 13. 2 – амфора; 3 – кружка / Nogir, kurgan 1. Burial no. 13: I – plan and section of burial 13. 2 – amphora; 3 – mug

Рис. 2-V / Figure 2-V. **Ноги́р, курган 1. Погребение № 12:** 1 – бронзовые пронизки; 2 – план и разрезы погребения 12; 3 – кружка; 4 – амфора / Nogir, mound 1. Burial no. 12: 1 – bronze beads; 2 – plan and sections of burial 12; 3 – mug; 4 – amphora

Рис. 2-VI / Fig. 2-VI. **Ноги́р, курган 1. Погребение № 14:** 1 – план и разрезы погребения 14; 2 – мисочки на заплечике; 3 – сосуд; 4 – кружка / Nogir, kurgan 1. Burial No. 14: 1 – plan and sections of burial 14; 2 – bowls on the shoulder; 3 – vessel; 4 – mug

¹ С появлением нового неизвестного археологического объекта (скопление камней, пятно заполнения могилы, зола, обожжённая глина, керамика) местонахождение расчищалось и снабжалось номером. Таких объектов в кургане оказалось 22. Отсутствующие в описании номера представляли отдельные фрагменты керамики, ложные пятна и скопления камней. Однако истинных погребений было меньше. Этим объясняются нарушения в порядке нумерации погребений кургана. В кургане фактически было 9 погребений (№№ 2, 3, 4, 6, 8, 11, 13, 14, 15).

захоронение было скорченное. Такой же глиной были замазаны щели между бумажниками. Ящик был перекрыт песчаниковыми плитами, фрагменты которых были найдены в кромлехе, что говорит о времени ограбления – после строительства насыпи (слой III) и кромлеха, укрепившего слой III, и до возведения слоя II, перекрывшего кромлех. На дне ящика обнаружены фрагменты бедренных костей и цилиндрические белые пастовые бусы (размеры – $1,4 \times 0,5$ см), какие встречаются в ранних комплексах кубано-терской культуры (далее КТК) 1–3 этапов.

Объект № 15 (рис. 2: I). При снятии бровки на расстоянии в 3,85 м от 0 к востоку, на глубине 1,92 м от центра кургана на древней дневной поверхности в бровке были обнаружены следы тлена от тростниковой подстилки, на которой лежали бронзовый нож с черенком и развал большого сосуда жёлтого цвета, узкогорлого с шаровидным туловом. Размеры сосуда: высота – 29 см; ширина – 32 см; диаметр дна – 8 см; диаметр горловины – 12,4 см; высота горловины – 6 см. Верхняя часть тулова сосуда орнаментирована оттисками тонкого шнурового штампа зональным узором «ёлочка», окаймлённым с двух сторон 4-мя вертикальными параллельными линиями оттисков того же шнурового штампа, характеризующего ранний этап кубано-терской культуры¹. Вероятно, этот комплекс одновременен или связан с основным погребением № 6, поскольку никаких контуров впускной ямы для этого комплекса с амфорой и ножом в бровке не прослеживается.

Погребение № 8 (рис. 2: III). Кенотаф, в бровке 0; впускное в слой III, но не вполне ясно, с какого слоя впущено; находилось на вершине каменного курган-

чика (слой IV). Северный угол площадки могилы находился в 0, 2 м к югу. Восточный угол – в 0,45 м от 0 к югу. Размеры площадки – $1,64 \times 0,6$ м. Глубина от вершины – 1,15 м. Предполагается, что впущено с вершины насыпи II. Могила «села» на каменный панцирь слоя III. Было неровным, поэтому было выровнено глиняной обмазкой толщиной 3 см.

Инвентарь: 1) пронизи фаянсовые голубые (79 шт.) длиной 1,6 см, диаметром 0,4 см; 2) бусины цилиндрические из голубого фаянса (2 шт.) длиной 1,4 см, диаметром 0,4 см; 3) бусы цилиндрические из фаянса (16 шт.) длиной 0,6 см, шириной 0,5 см; 4) подвеска – «грибок» длиной 1,0 см; 5) стержёнок-подвеска литой; 6) бусы из зубов ископаемой рыбы (9 шт.); 7) бусы пастовые белые (63 шт.) длиной 1,3 см, шириной 0,3 см; 8) сегментовидные подвески (реплики клыков животных в бронзе) размером $1,4 \times 0,4$ см; 9) ложковидные подвески (реплики в бронзе резцов животных) (2 шт.); 10) топор из змеевика «кабардино-пятигорского типа, гладкий» (длина – 8,5 см; ширина – 4 см); 11) нож черешковый бронзовый (длина – 9 см; ширина – 2,2 см); 12) «выпрямитель стрел» ($14,8 \times 4,5 \times 2,8$ см); 13) абразивный инструмент ($10,3 \times 4,0$ см); 14) шило бронзовое четырёхгранное; 15) амфора светло-коричневого цвета из тонко отмученного теста, плотной структуры, хорошего обжига с лощением или ангобом. На плечевой части сосуда – четыре ложные ручки в виде прямоугольных выступов с вмятинами. Орнамент зональный, штамп клиновидный и шнуровой. Высота – 32,5 см; диаметр тулова – 33 см; диаметр горловины – 20, 5 см; высота горловины – 5 см; диаметр дна – 8 см.

Погребение № 11 (рис. 2: II). Впускное, с поверхности слоя II, обнаружено в материке, в траншее 0-2, в 3,8 м к северу до центральной линии бровки 0 и в 6,8 м к востоку до 0. Могила имела овальную форму размером $2,1 \times 1,2 \times 0,15$ м. Ориентировка оси – север – юг. Погребение хотя и разрушено, но это не кенотаф: при-

¹ Пример такого раннего шнурового штампа можно видеть на амфорах из погребения Дзуарикау 1/19 с «новосвободненским» топором [10: с. 468, рис. 3:1], дата которого лимитируется стратиграфически более поздним погребением Дзуарикау 1/15 с топором «сачхерского» типа [10, с. 469, рис.4:1]. Поздние памятники КТК имеют более крупные оттиски шнура.

существовали фрагменты костей. Судя по размерам могилы, обряд захоронения – вытянутое на спине, головой на С.

Инвентарь: 1) умбоны – полусферические кованые бронзовые бляхи с отверстием посередине (высота умбона – 5,3 см; диаметр основания – 9,3 м; орнамент – «пуансонным» штампом; композиция состоит из 4-х фестонов по центру и зигзага по окружности); 2) нож (длина – 8,2 см; ширина – 2,4 см); 3) ложковидные подвески (длина – 1,5 см); 4) фрагменты толстостенного большого сосуда с внутренним и внешним плотным молочнo-желтым ангобом. Ложковидные подвески в погребениях № 11 и 8 указывают на их одновременность.

Погребение № 12 (рис. 2: V). Впускное в материке, в траншее 0-2. Впущено с поверхности слоя II, поскольку прослеживается по прямоугольнику булыжникового заполнения в бровке 0 и в юго-восточном секторе кургана. Расстояние от центра могилы к северу до линии колов центральной бровки – 1,5 м. Расстояние от центра могилы до центра кургана по линии юг – север – 11,5 см, т. е. могила – за пределами слоя III и кромлехов. Было обнаружено по наброске камней над могилой. При разборке камня могила приобрела четкие трапециевидные очертания. Боковые стороны имели длину 2,5 м. Торцовые стенки могилы – 2,1 и 1,4 м. На заплечиках ямы в материке лежали булыжники. Прослеженная глубина могилы от погребённой почвы – 0,7 м. Действительная глубина могилы – 1,7 м. Яма по дну была обмазана выравнивающим раствором бело-зелёной глины с примесью песка и имела корытообразную форму. Эта конструкция, как и в пп. 6 и 8, используется в погребениях культуры шаровидных амфор, что учитывалось при сравнении КША и КТК [9, с. 133]. Могила находилась между двумя кольцами кромлеха. По стратиграфии погребение № 12 находилось между временем сооружения могилы № 13 и могилы № 14. На дне могилы находилось левобочное, сильно скорченное захоронение. Руки согнуты в

локтях, кисти перед лицом. Череп и кости позвоночника и фаланги пальцев смещены и найдены над сосудом. Берцовые кости согнуты под углом 45°, а бедренные согнуты под углом 80° к позвоночнику. Погребение было ориентировано головой на север. Обряд погребения связан с культурой шнуровой керамики Поднестровья и одновременно появляется и на Кавказе, и в Предкавказье (см. ниже). Около северо-западной стенки обнаружено два сосуда. Над ними на высоте 40 см вместе с фрагментами истлевшего черепа обнаружены бронзовые пронизи.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфора светлo-коричневого цвета с двумя сдвоенными асимметричными ручками, на разных уровнях. С двух сторон ручек – по два круглых налёпа. Ручки – псевдополшарные (основание – широкий мениск шириной 3 см, а ручка – ленточная шириной 2 см). Ленточная часть ручки имеет каннелюру по центру, украшенную насечками в виде вертикали вписанных углов. Высота сосуда – 26,5 см. Ширина тулова – 27 см. Сосуд 2 – кружка с уступом с каннелированной псевдополшарной ручкой (рис. 2:V). Цвет – светло-коричневый. Венчик отделён желобком. Уступ между частями тулова также выделен желобком. На тулове три выпуклины, как и на первом сосуде. Верхняя часть кружки украшена двумя валиками параболической формы. Высота сосуда – 13,5 см. Диаметр верхней части кружки – 14 см. Диаметр дна – 8 см. Ширина ручки у основания – 5,0 см. Ширина ручки в середине – 2,3 см. Ширина каннелюры – 1,0 см (рис. 2 :V).

3) В-образные пронизи [10, с. 499, рис. 27а: 28]¹;

4) сегментовидные пронизи [10, с. 499, рис. 27а: 25];

5) пронизи с приклёпанной шаровидной подвеской.

Погребение № 13 (рис. 2: IV). Впускное в слой III, в материке, в юго-восточном секторе кургана, находилось в тран-

¹ Номенклатура некерамического инвентаря КТК [10, с. 494–500, Приложение 3 табл. 27а и б].

шее 0-1, между двумя кольцами кромлеха. Выкид материковой гальки из ямы п. 13 наслоился с восточной полы слоя III в бровке 0 и сохранился, поскольку был перекрыт насыпью (слой II). По стратиграфии погребение № 13 сооружено раньше погребений № 12, № 14 и даже № 8. Расстояние северо-западного угла от линии колов – 1,8 м; от центра к востоку – 11,3 м. Булыжниковое заполнение ямы в форме прямоугольника с закруглёнными углами, ориентированного по линии ЗСЗ–ВЮВ, было обнаружено на погребённой почве. Размеры могилы – $2,4 \times 0,9 \times 0,7$ м. Яма была заполнена на глубину 0,5 м булыжником, ниже которого шло заполнение из чернозёма, смешанного с материковым гравием. Прослеженная глубина могилы от погребённой почвы – 0,7 м. На дне находилось вытянутое на спине захоронение человека, головой на ЗСЗ. Руки были вытянуты вдоль туловища. Некоторые кости отсутствовали. Череп имеет следы прижизненной искусственной деформации. В северном углу могилы стояли два сосуда.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфора с двумя ручками на линии наибольшего диаметра; верхняя часть сосуда – чёрная со следами лощения; придонная часть серого цвета. На дне отпечатки ткани, что указывает на использование поворотной подставки из ткани. В изломе – примесь мелко толчёной раковины. Высота – 37,3 см. Диаметр тулова – 34 см. Ручка жгутовидная, уплощённая. Ширина у основания – 5 см; в середине – 3,5 см (рис. 2: IV). Сосуд 2 – кружка биконической формы с розово-коричневой залощенной поверхностью. На дне отпечатки ткани. Ручка с каннелюрой, псевдополушарная, с тремя параболическими валиками, ось которых параллельна линии венчика. Поверхность кружки украшена такими же рельефными параболами. По бокам – полосы, окаймлённые валиками, в которых помещены две рельефные вписанные окружности. Высота – 16,5 см. Наибольший диаметр – 22,5 см. Ширина ручки

у основания – 6 см; в середине – 4 см (рис. 2: IV).

Погребение № 14 (рис. 2: VI). Впускное, в материке, со II курганного слоя и перекрыто слоем I. Расстояние северо-восточного угла могилы до линии колов – 6 м к востоку. Расстояние до центра к северу – 9,5 м. Расстояние юго-западного угла – 8 м до линии колов. Расстояние до центра – 11,2 м. Глубина края могилы от вершины кургана – 1,4 м, от восточного края – 1,86 м. Глубина дна могилы относительно вершины кургана – 2,15 м. Пятно заполнения могилы было обнаружено на материке в виде прямоугольника, ориентированного по линии север – юг. Размеры могилы: $2,1 \times 0,95 \times 0,8$ м. С южной стороны на глубине 44 см от края могилы был устроен заплечик, на котором стояли три маленькие миски. На дне могилы лежал скелет мужчины на левом боку, с согнутыми ногами, головой на СВ. Руки были вытянуты к коленям. У северной стенки стояли два сосуда. Сохранность костей хорошая, но череп отсутствовал.

Инвентарь: Сосуд 1 – биконическая кружка с уступом между плечевой и придонной частями и с седловидной псевдополушарной ручкой. Ширина ручки у основания – 5 см; в середине – 1,5 см. Орнаментирован двумя линиями заштрихованных треугольников, обращённых вершиной вверх (поздний признак КТК, как и загнутость вовнутрь края кружки). Поверхность подлощена. Цвет – серо-жёлтый с тёмными пятнами. На дне отпечатки ткани. Высота – 13 см. Диаметр горловины – 16 см. Диаметр дна – 9,5 см. Высота венчика – 0,7 см (рис. 2: VI). Сосуд 2 с широким устьем без ручек. Высота – 33 см. Диаметр горловины – 19,5 см. Высота горловины – 4 см. Диаметр дна – 14,5 см. На горловине по два круглых налёпа с пальцевидным вдавлением в середине (рис. 2: VI).

Погребение № 2 (рис. 3: I) впускное в катакомбе, в материке, в юго-западном секторе кургана. Расстояние ЮЗ угла входной ямы от линии колов – 14 м, от

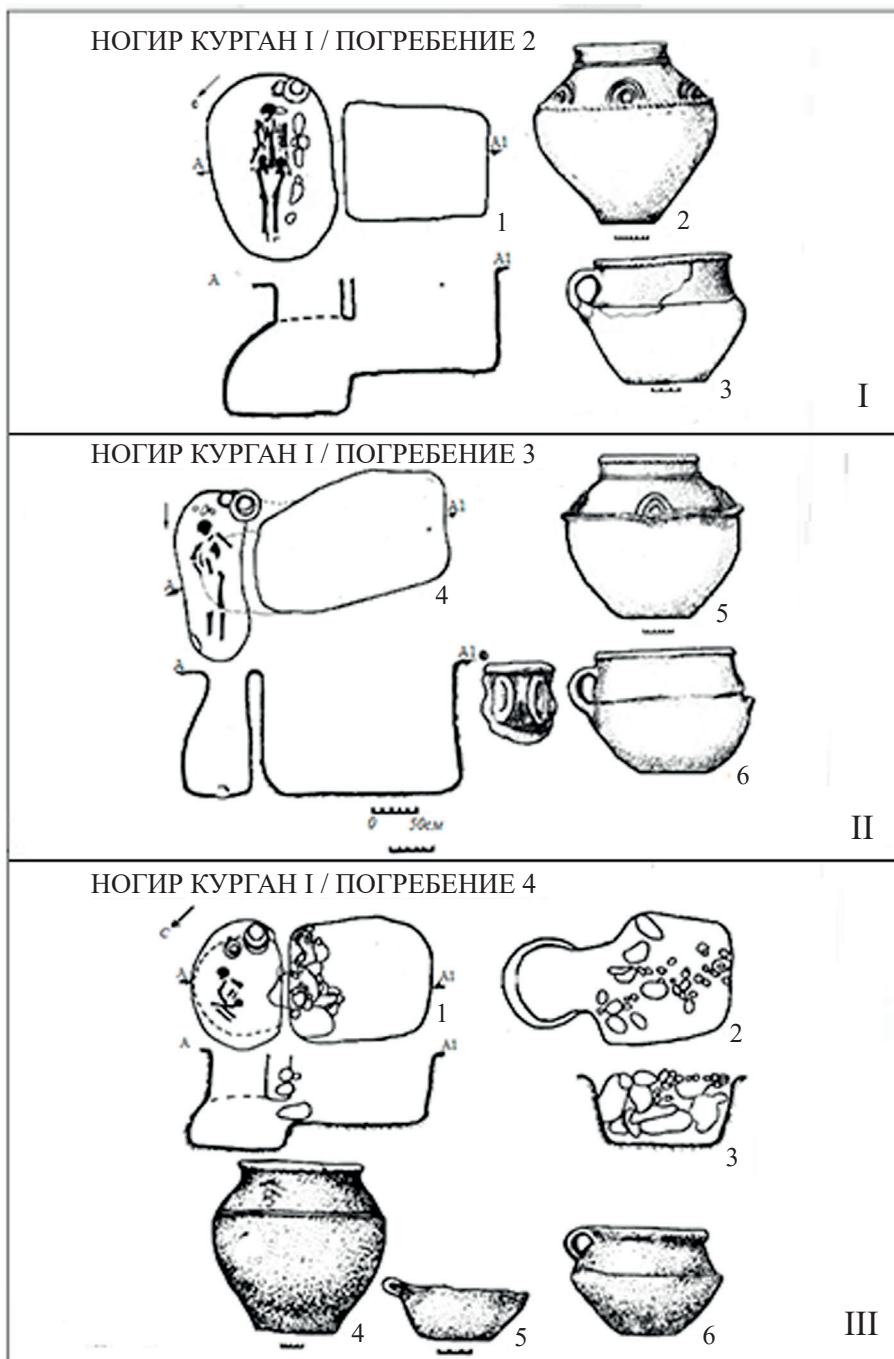

Рис. 3-I / Fig. 3-I. Ногир, курган 1. Погребение № 2: 1 – план и разрез катакомбы 2; 2 – амфора; 3 – кружка / Nogir, kurgan 1. Burial no. 2: 1 – plan and section of catacomb 2; 2 – amphora; 3 – mug

Рис. 3-II / Fig. 3-II. Ногир, курган 1. Погребение № 3: 4 – план и разрез катакомбы 3; 5 – амфора; 6 – кружка / Nogir, mound 1. Burial no. 3: 4 – plan and section of catacomb 3; 5 – amphora; 6 – mug

Рис. 3-III / Fig. 3-III. Ногир, курган 1. Погребение № 4: 1, 2 – план катакомбы 3; 4 – сосуд; 5 – мисочка; 6 – кружка / Nogir, mound 1. Burial ground no. 4: 1, 2 – catacomb plan 3; 4 – vessel; 5 – bowl; 6 – mug

центра – 8,7 м. Глубина от вершины кургана до дна входной ямы – 3,6 м. Глубина от материка до дна входной ямы – 1,5 м. Входная яма ориентирована по линии ВСВ – ЗЮЗ. Длина входной ямы по оси – 2,25 м. Наибольшая ширина – 1,45 м; западная сторона – 0,9 м. Углы сильно скруглены. Ширина ямы у входа в камеру – 1,1 м. Катакомба ориентирована по линии север – юг. Камера – овальная в плане. Размеры камеры по длинной оси – 1,95; ширина – 0,72 м. Глубина входной ямы от материка – 1,5 м. Глубина камеры от материка – 1,5 м. Между камерой и входной ямой не было ступеньки. На дне камеры лежал скелет человека, вытянутого на спине, ориентированный головой на Ю. Левая рука отведена в сторону, правая лежала на тазу. Кости стоп отсутствовали. В юго-западной части камеры, в углу стояло два сосуда.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфора с 4-мя выступами. Внешняя поверхность тёмно-жёлтого цвета: изнутри и в изломе – чёрного цвета. Горловина от плечевой части отделяется гладким валиком. Плечевая от придонной – также валиком с насечками. От валика отходят 4 выступа – ушки. Выступы имеют насечки. Над каждым выступом – три наlepных валика, параболы, концентрические. Размеры амфоры: высота – 32 см.; диаметр тулова без выступов – 35 см. Ширина ушек – выступов – 5,5 см. Толщина рельефного валика – 1 см. Сосуд 2 – кружка с седловидной псевдополусферной ручкой из-под венчика прикреплена к уступу. Ниже уступа на стороне, противоположной ручке, имеются три круглых наleпа, а выше уступа – орнамент в виде трёх концентрических парабол, выполненных наlepными валиками. На дне отпечатки ткани. Венчик уплощён и отделён желобком от горловины. Размеры: высота – 13,5 см; диаметр горла – 14 см; высота горла – 5 см; диаметр дна – 8 см; ширина ручки у основания – 5 см; ширина ручки посередине – 3,5 см. Ширина канеллюры (седловинки) – 1 см.

Погребение №3 (рис. 3: II) впускное в материке, в катакомбе, в южную полу кургана. Расстояние восточного угла входной ямы до линии колов к востоку – 14 м; к югу по линии до центра – 4,05 м. Расстояние западного угла до линии колов к востоку – 15,3 м; по линии колов до центра – 5,35 м. Размеры пятна камеры: 1,35×0,95 м. Размеры входной ямы: 1,8×1,5–1,25×2,65 м. Ориентировка длинной оси – СВ – ЮЗ. Размеры камеры: 2,4×1,55×15 м. Ориентировка камеры СЗ – ЮВ. Размеры дромоса (длина, ширина, высота): 0,15×0,66×0,65 м. Высота свода – 1,1 м. Между входной ямой и камерой была ступенька высотой 0,5 м. Камера имела форму овала. Катакомба исследовалась двумя раскопами – над камерой и над входной ямой. Вход в камеру был закрыт глиняной пробкой из серо-зелёной глины. На дне камеры лежал скелет человека, вытянутый, на спине. Руки были прижаты к туловищу. На безымянном пальце левой руки было костяное полированное кольцо. У стенки находились 2 сосуда, а вдоль левой стороны от скелета были уложены в линию несколько булыжников.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфора кирпично-красного цвета с пористой поверхностью; короткая цилиндрическая горловина отделена от плечевой части гладким наlepным валиком, а плечевая часть отделена от придонной части валиком с ногтевыми вдавлениями. Над валиком расположены 7 рельефных концентрических полуокружностей вершиной вверх. Высота сосуда – 37 см. Высота плечевой части – 13 см. Высота венчика – 4,5 см. Диаметр тулова – 42 см. Диаметр горловины – 23 см. Диаметр дна – 15,9 см. Толщина стенки – 0,7 см. Сосуд 2 – кружка с каннелированной ручкой из-под венчика и укрепленной на уступе. Высота – 15 см. Диаметр – 16,5 см. Ширина ручки у основания – 5 см, а посередине – 3 см.

Погребение № 4 (рис. 3: III), впускное, в материке, в катакомбе в юго-западной поле кургана. Расстояние ЮЗ угла до

линии колов к востоку – 1 м, а до центра к югу – 15 м. Размеры камеры: 1,4 × 0,97 × 1,09 м. Ориентировка камеры – ЗСЗ – ВЮВ. Размеры входной ямы: 1,52 × 1,34 × 1,09. Размеры коридора – 0,1 м. Высота ступеньки (разность уровней камеры и входной ямы) – 0,4 м. Высота свода – 0,8 м. Катакомба была обнаружена на погребённой почве по заполнению из камней входной ямы. Яма была заполнена булыжником на всю глубину. Камни были взяты из кромлеха, поскольку остатки его были в непосредственной близости от могилы. Вход в катакомбу был закрыт большим камнем. Катакомбная могила исследовалась двумя раскопами: над камерой и над входной ямой. Свод камеры был почти целый, поэтому можно было определить его высоту.

На дне камеры, имевшей сегментовидную форму, лежал скелет человека в сильно скорченном положении на правом боку. Руки были согнуты и, вероятно, помещены перед лицом (сохранились плечевые кости). Скелет ориентирован головой на ЮВ, лежал спиной к входу. У стенки камеры стояло два сосуда, а третий был в большом сосуде.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфоровидный без ручек, без орнамента, с цилиндрическим горлом; плечевая часть выделена уступом; небольшой поддон. Цвет – светло-коричневый с пятнами. Высота – 33,6 см. Диаметр тулова – 33,6 см. Диаметр устья – 24,9 см. Диаметр дна – 15 см.

Сосуд 2 – кружка с уступом, с седлообразной ручкой, чёрного цвета, с подлощённой поверхностью. Высота – 14,5 см. Диаметр тулова – 21 см.

Сосуд 3 – миска с выступом-ручкой. Цвет – коричнево-розовый с пятнами. Края загнуты вовнутрь. На дне отпечатки ткани. Высота – 5 см. Диаметр по краю – 11 см. Диаметр дна – 7,0 см. Длина выступа – 1,5 см.

Выводы

Курган у с. Ногир – базовый памятник, дополняющий наше представление

о ранних этапах КТК, выделенных на основе стратиграфии курганов у с. Дзуарикау. К разным этапам кубано-терской культуры¹ относятся погребения №№ 6, 8, 11, 12, 13 кургана у с. Ногир, а их культурно-определяющим признаком являются амфоры различного облика, но с одной сакральной и символической функцией (изображение Великой богини согласно поддерживаемой нами гипотезе М. Гимбутас). В катакомбных погребениях № 2 и 3 содержатся те же категории инвентаря – амфора и кружка, как и в погребениях № 12 и 13 КТК, что указывает на небольшой разрыв во времени этих объектов и на двойную культурную атрибуцию первых катакомбных погребений в этом регионе и Кубано-Терского междуречья в целом, совершённых по обряду КТК только в инновационной форме могильного сооружения.

В кургане у с. Ногир зафиксировано несколько погребальных обрядов кубано-терской культуры (на боку с разной степенью скорченности и разным положением рук, вытянутое на спине). Эти же обряды практикуются и в катакомбных памятниках Северной Осетии, и, конкретно, в Ногире 1/2, 1/3, 1/4. *Сосуществование на Северном Кавказе нескольких обрядов погребения от новосвободненского и вплоть до кобанского времени доказывает неоднородность «этнической» составляющей кубано-терской культуры Северного Кавказа, возникшей в результате взаимодействия с местным населением мигрантов из разных регионов Европы* [10, с. 222–223].

Сравнительно-типологический анализ инвентаря показывает культурно-хронологическую связь древнейших по-

¹ Уместно напомнить, что кубано-терская культура [10, с. 17, 33, 34, табл. 1], бесспорно, в определённой степени соотносится с центральным вариантом СКК [2; 8], но выделена на другой источниковой базе и на другой методологической основе. Периодизация КТК иллюстрируется на комплексах, характерных для каждого из пяти этапов КТК [10, с. 502–509], как и территориальные особенности КТК [10, с. 510, приложение 3, с. 494–517].

гребений КТК в кургане у с. Ногир и в кургане у с. Дзуарикау Северной Осетии, поскольку в обоих погребениях присутствовали амфоры с шаровидным туловом и изящным шнуровым орнаментом, представляющим ранний признак КТК. Хронология Ногир 1/6 (=1/15) определяется временем Дзуарикау 1/19, датируемым по топору типа Новосвободная-Баньябук¹. Таким образом, оба погребения характеризуют 1-ый этап кубано-терской культуры [10, с. 502, рис. 29], непосредственно сменяющей культуру дольменов Новосвободной в центральной части Северного Кавказа.

Следующий, 2-ой этап КТК в Северной Осетии характеризуется смешанными комплексами, сочетающими черты кубано-терской и пост-куро-аракской культур². Хронологию этого короткого этапа определяет Дзуарикау 1/15, содержащее бронзовый проушной топор «типа Сачхере», встречающийся в сочетании с многовитковыми браслетами и Т-образными гигантскими бронзовыми булавками, эндемичными для Сачхере [10, с. 502, рис. 29: II; 21]. Культурно-определяющим признаком керамики этого синкретичного этапа, наиболее ярко представленного в Дзуарикау, является большая амфора с двумя ручками на середине тулова, которая найдена при вытяннутом захоронении и в Ногире 1/13.

С другой стороны, категория «амфоры с двумя ручками на середине тулова» отмечается в памятниках Юго-Восточной Европы, известных под разными терминами, но тождественных по сути (буджакская культура, «памятники днестровского варианта ямной культуры усатовского времени» [4, с. 74–82], позднейшие комплексы с усатовским компонентом в Поднестровье³ [17; 18, с. 85], а также подкар-

патская культура шнуровой керамики Вольны [1, с. 51])⁴. Эти аналогии служат ключом и к происхождению и хронологии комплекса Ногир 1/13 и свидетельствуют о миграции населения из Восточной Европы с запада на Кавказ, а не наоборот.

Смешение элементов кубано-терской и деривата куро-аракской культуры в одних комплексах в бронзовом веке Северного Кавказа находит параллели в данных ареальной лингвистики, свидетельствующих о сильном влиянии северной ветви индоевропейских языков на картвельские [7; 9, с. 138–139], что было возможно только при условии прихода носителей индоевропейских языков на Северный Кавказ⁵ [10, с. 207–211]. По

⁴ Существование таких смешанных комплексов на юго-западе Восточной Европы [5, рис. 53], где в разных пропорциях представлены позднее Триполье, КШК, КША, пост-баденские производные, как и прототипы практически всей керамики новосвободненской культуры, свидетельствует о том, что формирование комплекса новосвободненской культуры происходило в позднетрипольском (усатовском) массиве с дальнейшим перенесением его на Кавказ мигрирующими пастухами-«древнеевропейцами» [9, с. 137–138]. Присутствие в одном комплексе (курган 1 погребение 21 с. Пуркары, Поднестровье, Молдавия [18]) позднетрипольского сосуда, новосвободненской бомбовидной амфоры, амфоры с двумя ручками на середине тулова свидетельствует о небольшом разрыве между временем дольменов Новосвободной и 2 этапом КТК и происхождении их из круга КШК и КША.

⁵ Пракартвельский язык, соответствующий куро-аракской культуре, распался в 21–19 вв. до н.э., а грузинско-занский, соответствующий времени Марткопи-Бедени и Тrialeti – в 13 в. до н.э. Лексические заимствования из индоевропейских языков и другие изменения в картвельском языке были сделаны во II тыс. до н.э. Значит, кубано-терские погребения и смешанные с куро-аракским компонентом могли появиться только после рубежа III/II тыс. Радиоуглеродная некалиброванная хронология соответствует ближневосточной исторической (а не археологической) хронологической шкале. Колебания египетской системы хронологии, на что ссылались организаторы «калиброванной революции» и удревнения всех дат III тыс. почти на 700 лет и на 400 лет для начала II тыс., (например, К. Ренфрю), на самом деле не соответствуют реальности, что показано А. В. Сафроновым [6, с. 3–22]. Картвело-индоевропейские взаимодействия на Северном Кавказе привели к смене куро-аракской культуры

¹ Сходный тип проушного топора отмечен как на Кавказе, так и в Подунавье в синхронных памятниках.

² Особо показательными являются погребения Дзуарикау 2/2 и 1/15 [10, с. 469, 472].

³ Важно отметить, что Е.В. Яровой обозначал эти амфоры (тип 6) как «шнуровые» [18, с. 85].

данным лексикостатистики, это период первой половины II тыс. до н.э. [7]. Это стало ещё одним аргументом в пользу миграционного происхождения и индоевропейской атрибуции кубано-терской культуры [9, с. 140; 10, с. 207–211].

III этап КТК, достаточно короткий по времени и локальный, выделен по курганам у с. Дзуарикау [10, с. 503, рис. 30], а в Ногире не представлен, но на следующем IV этапе КТК, на пике её развития [10, с. 504, рис. 31], связь между курганами Ногира и Дзуарикау устанавливается ещё по двум и даже трём погребениям: Ногир 1/8, 1/11 и Дзуарикау 1/18. Объединяющий их набор бронзовых украшений с полусферическими коваными умбонами встречается в КТК в комплексе с посоховидными булавами [8, рис. 11 с. 382–384] и маркирует сложение степного варианта КТК, для которого характерны бронзовые молоточковидные, копирующие костяные прототипы, а возможно, и Т-образные сачхерские прототипы [16], и посоховидные булавы с умбонами. В курганах Калмыкии эти артефакты встречаются в горизонте раннекатакомбных вытянутых на спине погребений (горизонт С [15, с. 77 сл.]), непосредственно сменяемых левобочными погребениями в катакомбах (горизонт D [15, с. 100 сл.]) с красноохристыми сосудами и амфорами, украшенными выпуклым зигзагом, как и в Дзуарикау 1/18 и на амфоре из Ногира 1/8. Эти памятники относятся к рубежу горизонтов С и D1 и к V этапу кубано-

терской культуры. Сосуществование КТК в ямах и в катакомбах наблюдается у самых предгорий как на востоке (Ногир), так и на западе (с. Чиколы и Хазнидон на р. Урух) Северной Осетии [10, с. 280–300], что выражается в сочетании катакомбы с комплексом КТК в инвентаре и обряде ингумации. На следующем этапе КТК исчезает, а катакомбы Чиколы с неорнаментированной керамикой соответствуют Н-образным катакомбам с неорнаментированными кружками в восточноманчской катакомбной культуре (горизонт D, по В. А. Сафронову [15, с. 100]).

Заключение

Курганы у с. Ногир, как и могильники у с. Дзуарикау, с. Чиколы и Хазнидона в Северной Осетии, являются базой для выделения, периодизации, хронологии и культурной атрибуции культуры среднебронзового века – кубано-терской культуры. Наблюдаемые аналогии в памятниках начала среднебронзового века в таких удалённых друг от друга регионах, как Кубано-Терское междуречье и Северо-Западное Причерноморье, позволяют масштабнее рассматривать вопросы происхождения КТК. Постепенный, небольшими группами приход носителей КШК, КША и их дериватов из Центральной Европы на Кавказ подтверждается данными ареальной лингвистики об индоевропейско-картвельских изоглоссах, где в качестве индоевропейских выступают корнесловы, продолжающие свое развитие во всех языках северной ветви праиндоевропейской общности (или древнеевропейцев – предков кельтов, италиков, германцев, славян). Это объясняет мозаичность и разнообразие комплексов погребально-инвентаря и ритуалов [9; 10, с. 219–220].

Согласно нашей гипотезе, новосвободненская, кубано-терская и катакомбная культура имеют, с одной стороны, общее миграционное происхождение из близких центров Европы, а с другой стороны, как устойчивые культурные образования они окончательно форми-

на триалетскую, а хронология последней согласуется с хеттской историей и хронологией, подтверждаемыми письменными источниками из Угарита и Египта [13, с. 211 сл.; 14, с. 5–10] и противоречит удревнению в виде системы калиброванных дат для новосвободненской, ямной и катакомбной культур. Между историей и археологией Ближнего Востока пролегла пока никем не интерпретируемая пропасть в 700 лет. Достаточно упомянуть известную царскую гробницу Арслан-Тепе, которая по типологии инвентаря относится ко времени исторического Аккада 23 в. до н.э., по C14 – к 23 в. до н.э., а по калиброванной дате к 3000 г. до н.э. Вероятно, уже пора прервать безмолвие по поводу такого вопиющего противоречия.

ровались уже на территории Северного Кавказа под влиянием окружения предшествующих и синхронных культур.

Переход к катакомбной культуре в Предкавказье и на Северном Кавказе совершался по единому алгоритму для всего раннекатакомбного горизонта Восточной Европы: на первом этапе усваивалась форма могильного сооружения – катакомба при сохранении погребального комплекса культуры предшествующего

периода. На следующих этапах катакомбной культуры Кавказа амфора сохраняет доминирующие позиции, что подтверждает её сакральную функцию как антропоморфного сосуда, являющегося изображением Великой Богини и потому долгоживущим элементом погребального обряда индоевропейцев как Центральной, так и Восточной Европы.

Статья поступила в редакцию 30.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёменко И. И. Культуры шнуровой керамики // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. 1987. С. 35–51.
2. Археология СССР: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза. М.: Наука, 1994. 384 с.
3. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979. Нальчик: Эльбрус, 1984. 302 с.
4. Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. 223 с.
5. Дергачёв В. А., Манзура И. В. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинёв: Штиинца, 1991. 335 с.
6. Ильин-Томич А. А., Сафронов А. В. Датировка и возможный исторический контекст «Речения Ипувера» // Вестник древней истории. 2010. № 4 (275). С. 3–22.
7. Климов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Институт языкознания, 1994. 249 с.
8. Марковин В. И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 151 с.
9. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии. 2010. № 223. С. 121–131.
10. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Издательство Московского государственного областного университета, 2011. 500 с.
11. Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2) // Oriental Studies. 2019. № 4 (44). С. 570–579.
12. Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
13. Сафронов А. В. Датировка письма RS 34 и хетто-угаритские отношения в конце XIII в. до н.э. // Вестник древней истории. 2011. № 4 (279). С. 211–218.
14. Сафронов А. В. Датировка угаритского письма RS 88.2009 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 2. С. 5–10.
15. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. 7. М.: Знание, 1974. С.23–306.
16. Сафронов В. А., Николаева Н.А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 142. С. 11–17.
17. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). Труды Государственного исторического музея. Т. 165. М., 2007. 400 с.
18. Яровой Е. В. Курганы энеолита – бронзы Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 269 с.

REFERENCES

1. Artyomenko I. I. [Corded Ware Culture]. In: *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzы lesnoy polosy SSSR* [Archaeology of the USSR. The Bronze Epoch of the forest belt of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 35–51.
2. *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzы Kavkaza i Sredney Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza* [Archaeology of the USSR. The Bronze Age in the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 384 p.
3. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979* [Archaeological research at new construction sites in Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik: Elbrus Publ., 1984. 302 p.
4. Dergachyov V. A. *Moldaviya i sosednie territorii v epokhu bronzы* [Moldova and neighboring territories in the Bronze Age]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1986. 223 p.
5. Dergachyov V. A., Manzura I. V. *Pogrebal'nye komplekсы pozdnego Tripol'ya* [Burial complexes of the Late Tripolie]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1991. 335 p.
6. Ilyin-Tomich A. A., Safronov A. V. [Dating and possible historical context of the "Speech of Ipuvera"]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 2010, no. 4 (275), pp. 3–22.
7. Klimov G. A. *Drevneishie indoevropеizmy kartvekskikh yazykov* [The oldest Indo-Europeanisms of the Kartvelian languages]. Moscow, Institute of Linguistics Publ., 1994. 249 p.
8. Markovin V. I. *Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzы (II tys. do n.e.)* [The culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age (II millennium BC)]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 151 p.
9. Nikolaeva N. A. [Ethno-cultural processes in the North Caucasus in the III–II millennium BC: data of archeology, linguistics, mythology.] In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 2010, no. 223, pp. 121–131.
10. Nikolaeva N. A. *Etnokul'turnye protsessы na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n.e. v kontekste drevney istorii Evropy i Blizhnego Vostoka (vydelenie drevneevropeiskoi linii razvitiya)* [Ethno-cultural processes in the North Caucasus in the III–II millennium BC in the context of the Ancient History of Europe and the Middle East]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2011. 500 p.
11. Nikolaeva N. A. [The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations]. Part 2. In: *Oriental Studies*. Elista, 2019, no. 4 (44), pp. 570–579.
12. Ochir-Goryaeva M. A. *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Manychskikh stepey (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.)* [Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppes: Collected descriptions of Monuments studied in the Republic of Kalmykia between 1929 and 1997]. Elista: Gerel Publ., 2008. 298 p.
13. Safronov A. V. [Dating of the letter RS 34.129 and Hittite-Ugaritic relations at the end of the 13th century. BC]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 2011, no. 4 (279), pp. 211–218.
14. Safronov A. V. [The date of Ugaritic letter RS 88.2009]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2013, no 2, pp. 5–10.
15. Safronov V. A. [Classifying and Dating Bronze Age Monuments in the North Caucasus]. Part 1. In: *Soobshcheniya Nauchno-Metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR* [Communications of the Scientific and Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments of the Ministry of culture of the USSR]. Iss. 7. Moscow, Znanie Publ., 1974, pp. 24–306.
16. Safronov V. A., Nikolaeva N. A. [The origin of bone hammer-shaped pins]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology of Academy of Sciences], 1975, no.142, pp.11–17.
17. Shishlina N. I. [Northwestern Caspian Sea region in the Bronze Age (V–III mill. BC)]. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum]. Vol. 165. Moscow, State Historical Museum Publ., 2007. 400 p.
18. Yarovoy E. V. *Kurgany eneolita – bronzы Podnestrov'ya* [The Mounds of the Chalcolithic – Bronze of the Dniester region]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1990. 269 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Prof. of the Department of Archaeology, History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Alexander V. Safronov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof. of the Department of Archaeology, History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н. А., Сафронов А. В. Курган у с. Ногир и проблемы среднебронзового века Северной Осетии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 164–179.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-164-179

FOR CITATION

Nikolaeva N. A., Safronov A. V. A kurgan near the village of Nogir and the problem of cultural attribution of Middle Bronze Age monuments in North Ossetia. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 164–179.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-164-179

УДК 03.09.23

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-180-219

БИОАРХЕОЛОГИЯ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ VII В. ДО Н. Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА НОР АРМАВИР (АРМЕНИЯ)

Худавердян А. Ю., Амаякян С. Г., Тирацян Н. Г., Амаякян М. С.

*Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения
0025 г. Ереван, ул. Чаренца, д. 15, Республика Армения*

Аннотация.

Цель. Изучение скелетных останков 10 индивидов (мужчина, 3 женщины, 5 детей и один без определения пола), обнаруженных в августе 2019 г. во время раскопок могильника Нор Армавир.

Процедура и методы. Исследование осуществлялось путём визуального осмотра скелетов, измерения, описания и рентгенографии. Выявлены следы патологических процессов на скелетах, реконструирована их этиология.

Результаты. В составе данной группы можно условно выделить два краниологических комплекса. Первый из них представлен низкоголовым мезокранным типом, второй – высокоголовым долихокранным. Одонтологический комплекс относится к южному грацильному типу с высоким уровнем редукции гипоконуса вторых верхних моляров, малыми размерами зубов. На индивидуальном уровне проанализированы тотальные размеры и формы тела взрослого населения. В структуре палеопатологического профиля выборки преобладают воспалительные заболевания, аномалии и травмы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию антропологической экспертизы.

Ключевые слова: Армения, Урарту, краниология, остеология, одонтология, палеопатология, рентгенография

BIOARCHEOLOGY OF BONE REMAINS FROM THE 7TH CENTURY BC BURIALS FOUND IN THE NOR ARMAVIR BURIAL GROUND (ARMENIA)

A. Khudaverdyan, S. Hmayakyan, N. Tiratsyan, M. Hmayakyan

*Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science, Republic of Armenia
15 Charentsa ul., Yerevan 0025, Republic of Armenia*

Abstract.

Aim. To examine the skeletal remains of 10 individuals (men, three women, 5 children and one without sex definition) discovered in August 2019 during excavations in the Nor Armavir burial ground.

Methodology. The research methodology involved visual examination of skeletons, measurements, descriptions and radiography. The applied methodology revealed traces of pathological processes, whose etiology was further reconstructed.

Results. The skeletal remains under study were conditionally distinguished into two craniological complexes, those of the low-head mesocrane and high-head dolichocrane types. The odontological complex was found to be of the southern gracile type characterized by a high level of reduction of the hypoconus of the second upper molars and small tooth sizes. At the individual level, the total

size and shape of the body of an average adult were analysed. The structure of the paleopathological profile of the sample is dominated by inflammatory diseases, abnormalities and injuries.

Research implications. The research results contribute to the theory of anthropological expertise.

Keywords: Armenia, Urartu, physical anthropology, human osteology, odontology, paleopathology, roentgenology

Введение

Изучение археологического памятника Аргиштихинили связано с возникновением в IV в. до н. э. в восточной крепости этого города столицы Великой Армении – Армавира. Аргиштихинили находится в провинции Армавир (Республика Армения). Город был основан на двух холмах в 776 г. до н. э. царем Аргишти. Оба холма (Армавир и «крепость/холм святого Давида») до настоящего времени являются местом поклонения. Впервые город был описан Мовсесом Хоренаци в V в. [12]. В первоначальном изучении Армавира незаменимую услугу оказали эчмиадзинские монахи-учёные, многократно обследовавшие местность на протяжении многих лет. Во второй половине XIX столетия эчмиадзинским учёным Месропом Смбалянцем были обнаружены в районе Армавира две клинообразные надписи Аргишти I и Русы III. Организация первых разведочно-рекогносцировочных работ была предпринята А. Д. Ерицовым и А. С. Уваровым в 1880 г. [8]. Разные годы Армавирскую археологическую экспедицию возглавляли Н. Я. Марр, С. В. Тер-Аветисян, С. Тер-Акопян, Б. Н. Аракелян, А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян, Г. А. Тиранян, И. А. Карапетян, С. Г. Амаякян.

В настоящем исследовании приводятся антропологические данные останков из захоронений VII в. до н. э. могильника Нор Армавир. Село Нор Армавир располагается на северо-западе «крепости святого Давида». Здесь, на приусадебных участках села, были обнаружены и раскопаны 24 погребения VIII–VI вв. до н. э., из которых 15 карасные (в больших керамических сосудах-пифосах) [3]. Цель и задачи, решаемые в данном исследовании, заключаются в комплексном изуче-

нии палеоантропологических материалов из захоронений, раскопанных в 2019 г.

Материал и методы исследования

Палеоантропологические находки из погребального комплекса Нор Армавир были раскопаны в секторе 3 («Левони айги») археологической экспедицией Института археологии и этнографии НАН РА под руководством С. Г. Амаякяна. При раскопках обнаружено карасное захоронение одного индивида (№ 7), с богатым инвентарём (рис. 16). Около захоронения находились погребения девяти человек (рис. 2). Кости скелета последних имеют *разную сохранность*. Рядом располагался второй карас, раздробленный и пустой. Над погребениями из восьми красных и чёрных блоков туфа было сооружено маленькое святилище (рис. 1а) с двумя небольшими туфовыми стенами аналогичных цветов. Археологические материалы переданы в музей «Эребуни» города Еревана и находятся в процессе изучения. Антропологические материалы хранятся в кабинете физической антропологии Института археологии и этнографии НАН РА.

Пол индивидов определялся на основе морфологических особенностей черепа и костей посткраниального скелета [14; 21; 36]. Возрастные определения проведены с учётом оссификации и прорезывания зубов у индивидов до 23 лет [15] и по длине диафизов длинных костей конечностей [40]. После реставрации кости черепа и посткраниального скелета были изучены по измерительным и описательным программам в соответствии с методами, принятыми в практике российских и зарубежных антропологов [1; 2; 5; 6; 10; 11]. Также рассчитана прижизненная длина

Рис. 1 / Fig. 1. Могильник Нор Армавир (раскопки 2019)¹, на карте Республики Армения обозначена кирпичным цветом провинция Армавин, святилище над погребениями (а), пифосы и материалы in situ (б, в), кувшины (г) / The Nor Armavir burial ground (excavations 2019); on the map of the Republic of Armenia, the province of Armavir is marked in brick, the sanctuary above the burials (a), pithos and materials in situ (b, c), a jug (d)

¹ Полевые фотографии для работы были предоставлены Н. Ованнисян и М. Амаякяном.

тела (формулы М. Троттера и Г. Глезера, К. Пирсон и А. Ли). Кости изучались макроскопически и рентгенологически. Патологические изменения описывались по методикам, разработанным рядом авторов [7; 17; 20; 27; 28; 35; 37]. Рентгеносъемка проводилась на аппарате GE Precision 500D на базе Республиканского медицинского центра «Армения».

Останки индивидуума 1 представлены черепом, фрагментами костей

посткраниального скелета (рис. 2). Они принадлежали ребёнку возрастной категории от 4–6 лет (рис. 3). Из 20 молочных зубов были обнаружены только 11. В альвеоле фиксируется первый постоянный моляр. Форма черепа пентагоноидная. Мозговая коробка характеризуется как долихокранный, верхнелицевой индекс свидетельствует о широком лице (эуриен), орбиты высокие, гипсиконхные, нос широкий (хамериния) (табл. 1). Из

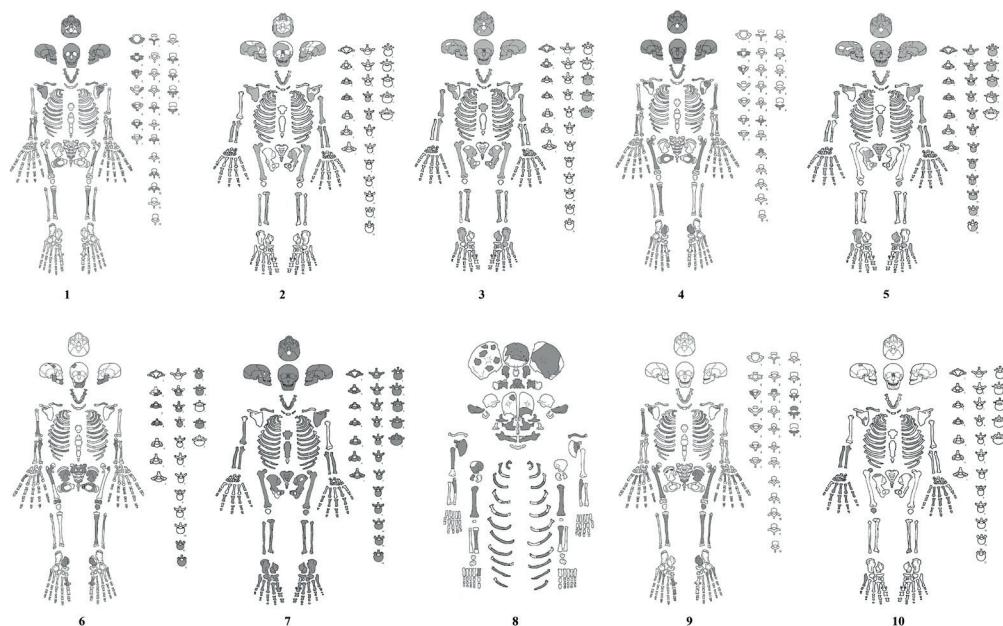

Рис. 2 / Fig. 2. Сохранность антропологического материала из могильника Нор Армавир / Preservation of anthropological material from the Nor Armavir burial ground

Рис. 3 / Fig. 3. Индивидуум № 1 / Individual no. 1

39 дискретно-варьирующих признаков на черепе обнаружены только 14 (табл. 2). Гипоконус первых верхних моляров слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2). На первых молярах фиксируются *бугорок Карабелли* (балл 4, M^1), форма 3 первой борозды эоконуса ($1eo, M^1$) и косой гребень (M^1). Бугорок Карабелли также наблюдается на молочных первых молярах. На первом нижнем моляре обнаружены внутренний средний дополнительный бугорок ($tami$), коленчатая складка метаконида (dw) и тип борозды 2 med (2 $med II$).

На костях скелета диагностируются возможные проявления детской цинги (болезни Мюллера – Барлоу). Криброзные изменения наблюдаются над носовой, вокруг слухового отверстия и на нижнелицевой поверхностях (рис. 4а) черепа, но не выражены – на внутренней поверхности глазниц (*cribra orbitalia*). У ребёнка пористость и пороз костей наблюдается на костях посткраниального скелета (в частности, области эпифизов

малоберцовых костей). Морфологическая картина характерна для локальных оссифицированных геморрагий (т. е. длившихся некоторое время кровоизлияний).

Следует остановиться ещё на одном моменте. Пальцевидные вдавления фиксируются на эндокраниальной поверхности черепа (рис. 4б). Пальцевидные вдавления называют одним из признаков развития гипертензионного синдрома и повышенного внутричерепного давления [13]. К причинам их развития относятся краниосиностозы, инфекции, опухоли, абсцессы, гематомы, паразитарные кисты, гидроцефалия и т. д.

На черепе ребёнка фиксируется непреднамеренная деформация колыбельного типа (*cradle deformation*) [30]. Возникающая в результате деформации затылка специфическая форма головы объясняется бытованием колыбелей типа «бешик».

Останки индивидуума 2 представлены фрагментами черепа и посткраниаль-

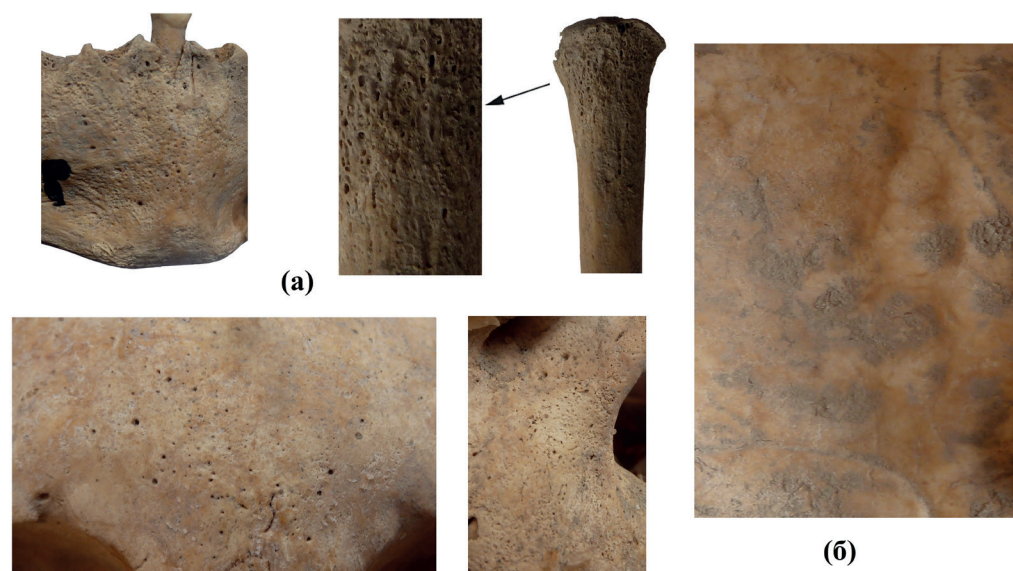

Рис. 4 / Fig. 4. Криброзные изменения на костях черепа, эндокраниальная поверхность свода черепа с пальцевидными вдавлениями в центральной части / Cribrous changes on the bones of the skull, the endocranial surface of the cranial vault with finger-like impressions in the central part

ного скелета (рис. 2). Размерные характеристики скелета, фрагмент тазовой кости указывают на принадлежность останков женщине, биологический возраст которой определяется в пределах 20–29 лет. Ширина черепа средняя, длина основания находится в пределах очень больших величин. Затылок средней ширины. Передняя ширина нижней челюсти малая. Симфиз невысокий, тело очень низкое, массивное, с большой толщиной. Из 25 дискретно-варьирующих признаков на черепе доступных для фиксации только 6 (табл. 2). Мезио-дистальный (MD_{cor}) и вестибуло-лингвальный (VL_{cor}) диаметры коронок первых нижних моляров попадают в категорию средних значений, вторых – малых значений, третьих – средних (табл. 3). Вестибуло-лингвальные (VL_{cor}) диаметры коронок первых и вторых верхних моляров попадают в категорию малых значений, а мезио-дистальные (MD_{cor}) диаметры – в категорию больших значений (табл. 3). Рассчитывалась также величина третьего стэп-индекса, который по ширине коронки (VL) составляет 94,5. На верхних первых и вторых премолярах размеры вестибулярного бугорка несколько больше, чем лингвального (тип 2). Гипоконус первых моляров слабо редуцирован (балл 4), так же, как и метаконус (балл 2). На обоих правых верхних молярах фиксируется косой гребень. Одонтоглифический фен – борозда 2'ге – отмечена на первом верхнем моляре. На вторых молярах гипоконус сильно редуцирован (балл 3+) и заметно уменьшен метаконус (балл 3). Дистальный маргинальный бугорок фиксируется на третьих верхних молярах. Нижние первые моляры 5-бугорковые, узор коронки «У». Вторые моляры имеют 4-бугорковое строение, узор основных борозд коронки относится к типу «Х». Третий левый моляр 4-бугорковый с «У» – узором коронки.

Парамолярный бугорок фиксируется на дисто-вестибулярной части коронки правого нижнего третьего моляра. Обыч-

но протостилид образуется на вестибулярной поверхности протокониды, а в данном случае фен расположен на гипокониде и простирается до окклюзионной поверхности зуба и имеет коническую форму (по А. А. Зубову балл 3–5). Как известно, данный фен является «восточным» одонтологическим критерием расового типа [23]. Дополнительные гребни тригонида, коленчатая складка метако-нида, $tam1$, центральные бугорки также фиксируются у индивида на третьих молярах.

Левая плечевая кость малой длины, наименьшая окружность диафиза характеризуется как малая (табл. 3). Указатель прочности – средний. Физиологическая длина правой лучевой кости средней длины. Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы – эуроления. Длина бедренной кости относится к категории малых величин. Указатель поперечного сечения верхней части диафиза характеризуется гиперплатимерией. Большеберцовые кости малой длины, по указателю сечений диафиза характерна мезокнемия. По берцово-бедренному указателю женщина характеризуется долихогамбией – относительным удлинением дистального отдела нижней конечности по отношению к проксимальному. Длина тела индивида (152,4 см) попадает в рубрикацию «малая».

Перегруженность мускулатуры пояса верхних конечностей – средняя (табл. 5). На левой лучевой кости развиты лучевые шероховатости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т. е. участвующей в процессе поднимания тяжести. Локтевой кости присуще достаточно хорошее развитие гребня квадратного пронатора. Фиксируется также хорошее развитие латерального края нижнего конца лучевой кости, к которому также прикрепляется эта мышца. Хорошо развита ягодичная бугристость и шероховатая линия бедренных костей.

У индивида на левой стороне лобной кости обнаружен дефект, частично проникающий в полость черепа. Дефект округлый, диаметр поражения $4,4 \times 4,8$ мм (рис. 5). Края дефекта неровные, глубина примерно 3 мм. Цвет компактного вещества и спонгиозы светло-коричневый, совпадает по оттенку с прилегающей костной тканью. Следов активного воспалительного процесса в области дефекта не отмечается. Характеристика повреждения свидетельствует о нанесении резкого удара колющим оружием по лобной кости. Повреждение предсмертное. На своде черепа 10 мм от первого поражения фиксируется травма в виде компрессионного перелома. Отмечена небольшая вмятина округлой формы. Следов активного воспаления не наблюдается. По характеру повреждений можно заключить, что они получены от прямого удара нападающего, расположенного лицом к лицу потерпевшего. Вероятно, удары были нанесены правшами. Микротравмы зубов также были отмечены у индивида. Непреднамеренная теменная деформация (cradle deformation) фиксируется на черепе.

Останки индивидуума 3 принадлежат мужчине, умершему в возрасте 60+ лет. Сохранность костей черепа – хорошая, посткраниальный скелет фрагментирован

(рис. 2). Мозговая коробка характеризуется как долихокранная, затылочные и лобные кости широкие. Лицо среднеширокое, средневysокое. Угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию очень малых (т. е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано). Высота и ширина носа средние. Из 44 дискретно-варьирующих признаков на черепе, доступных для фиксации, обнаружен только двадцать один (табл. 2). Наблюдается неравномерная атрофия костей верхней и нижней челюстей. Основной первопричиной данной патологии является потеря зубов различной этиологии. Прижизненная утрата зубов положительно коррелирует с их возрастной стёртостью, с остеоартрозом височно-нижнечелюстных суставов и пародонтозом.

Длина плечевых костей попадает в градацию средних размеров (табл. 4). Верхняя эпифизарная ширина плечевой кости попадает в градацию очень больших размеров. Межмышечковое отверстие зафиксировано на левой плечевой кости. Локтевые кости средней длины и слабomассивные. Строение верхней части диафиза правой локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы (зуrolения). Длина бедренной кости попадает в градацию средних

Рис. 5 / Fig. 5. Травмы на лобной кости / Frontal bone injury

размеров, сечение характеризуется эуримерией. Костный наплыв (*plaque*) фиксируется на шейке бедренной кости. Большеберцовые кости характеризуются средними значениями продольных размеров. По указателю платикнемии для левой стороны свойственна мезокнемия, наблюдаются также дополнительные суставные площадки на нижней суставной поверхности. По берцово-бедренному указателю мужчина характеризуется мезогамбией (пропорция средняя). Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине бедренной кости, равна 165,03 см.

Описание развития костного рельефа информирует об интенсивности работы определённых мышц. На плечевых костях наблюдается очень хорошее развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости (табл. 5). Средние величины по этим признакам суммарно равны 2,63. Также отмечается мышечная гиперфункция на фрагментах лопаток и ключиц. На правой локтевой кости наблюдается достаточно хорошее развитие дистального латерального гребня, к которому прикрепляется квадратный пронатор. На тазовых костях обнаружены следы значительных функ-

циональных нагрузок на связки лонного сочленения. На местах прикрепления верхней и дугообразной связок лобка сформировались признаки энтезопатии. На симфизальной поверхности левой лобковой кости выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1–2 мм (рис. 6а). Следует отметить, что ветвь левой седалищной кости была травмирована (рис. 6б). Вероятные причины – падение на тазовую кость, повреждение при сильном ударе, воздействие чрезмерной нагрузки или же резкое напряжение мышц таза в порывистом движении. Это могло произойти задолго до смерти и сопровождаться хромотой индивида. У индивида в верхней части крыла подвздошных костей наблюдаются ориентированные внутрь костные разрастания неправильной округлой формы. Сходной этиологии энтезопатии обнаружены в полости большого таза на верхней границе поверхности крестцово-подвздошного сочленения. Костные разрастания неправильной формы наблюдаются и в области верхнего края *вертлужной впадины*.

На бедренных костях хорошо развит межвертельная линия, которая фак-

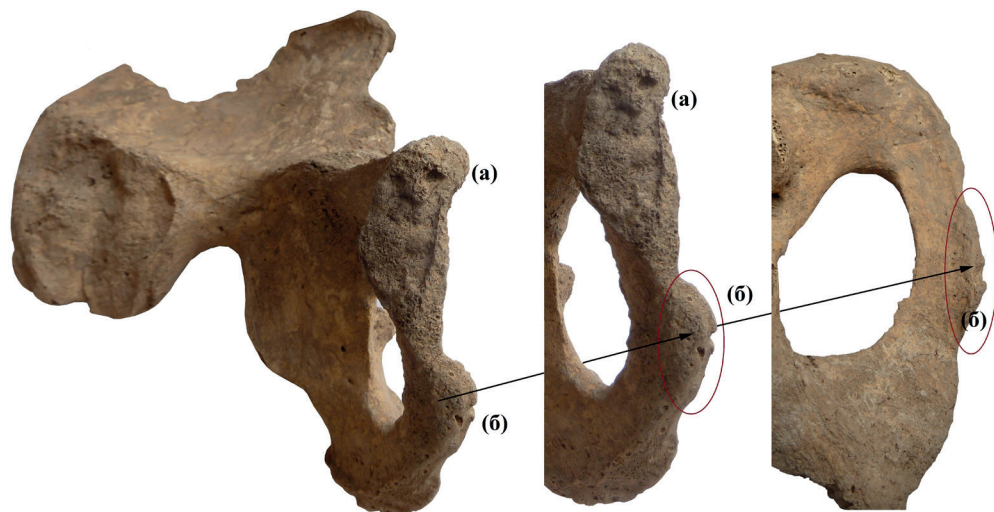

Рис. 6 / Fig. 6. Лобковый симфизит (а), травма седалищной кости (б) / Pubic symphysitis (a), ischial injury (b)

тически имеет вид гребня, значительно выступая над уровнем тела кости, *linea aspera* и ягодичная шероховатость. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (третьей головки трёхглавой мышцы голени), развит очень хорошо. Небольшие экзостозы зафиксированы на пяточных костях.

У индивида отмечены дегенеративно-дистрофические поражения позвоночного столба (особенно выраженные в поясничном отделе), которые вкупе со степенью развитости мышечного рельефа дают возможность сделать предположение, что индивид систематически подвергался сильным физическим нагрузкам. Размеры остеофитов в большинстве случаев составляют от 3 до 10 мм. Болезни позвоночника, прежде всего поясничного отдела, интенсивное развитие мышечного рельефа на костях посткраниального скелета, энтезопатии на тазовых костях характеризуют индивида как наездника [22; 32; 38]. Вероятно, верховая езда позволяла игнорировать дефект походки и равномерно распределяла нагрузки на скелет.

Травмы у индивида можно разделить условно на две группы: 1) прижизненные травмы и 2) предсмертные. Так, есть следы зажившего перелома на правой стороне лобной кости в виде овального вдавления от удара небольшим предметом (рис. 7а), который затронул только верхний компактный слой кости. Размер дефекта $22,2 \times 10,8$ мм. Наблюдается прижизненное нарушение целостности костной части шестого ребра (рис. 7б). Травма фиксируется в области его наибольшего изгиба – боковых поверхностей грудной клетки. Причины травматизации ребра – падение, прямой удар или сдавление грудной клетки. Два диагностированных перелома колюще-режущим оружием наблюдались на плечевой и бедренной костях. Исследованные травмы могут быть отнесены к категории преднамеренных повреждений,

полученных в результате агрессивных столкновений между людьми. Так, в области малого бугорка правой плечевой кости наблюдается проникающая травма острым оружием (рис. 7в). Это повреждение с погружением клинка на глубину 16 мм. Длина повреждения составила 14,9 мм, наибольшая ширина со стороны наружной костной пластинки была равна 2,5 мм. Следующее повреждение острым оружием фиксируется на правой бедренной кости, в области межвертельного гребня (рис. 7г). Глубина повреждения с погружением клинка $15,5 (\pm 2)$ мм. Длина повреждения составила $17 (\pm 2)$ мм, наибольшая ширина со стороны наружной костной пластинки была равна $2,8^?$ мм. Место внедрения обломанного острия по обоим краям повреждения отграничивалось небольшими трещинами, которые развивались поперечно краю повреждения. Аналогичная травма была обнаружена у женщины-воина из синхронного могильника с территории провинции Лори (могильник Бовер, пог. 17) [16]. Первая травма у мужчины от прямого удара нападающего по наружной поверхности плечевого сустава. Во время второго удара, вероятнее всего, индивид лежал плашмя на земле, лицом вниз, и удар пришелся сверху. Смерть индивида наступила практически сразу же после нанесения травм.

Непреднамеренная деформация (*cradle deformation*) фиксируется на черепе (рис. 8а), на котором имеются следы локального воздействия в дорзальной части теменной области. На теменных костях фиксируются множественные зажившие порезы острым предметом. Размеры повреждений от 6 до 12 мм. Одни порезы глубокие, другие слегка нарушают поверхность черепа. В традиционной интерпретации эти повреждения связывались с травмами. Однако с учётом того, что у индивида множественные линейные надрезы на теменных костях локализованы почти на одном горизонтальном уровне с двух сторон, можно отнести их

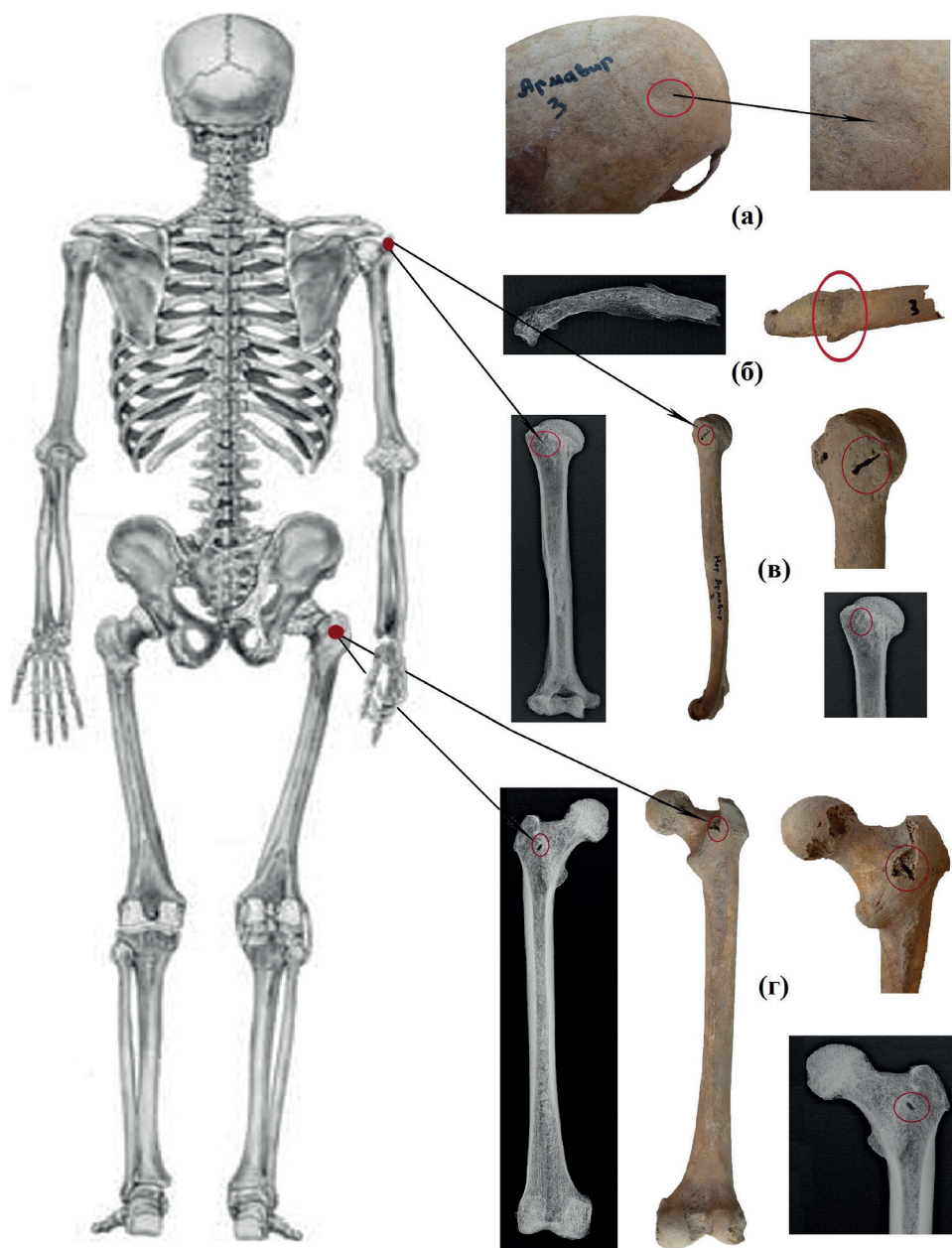

Рис. 7 / Fig. 7. Прижизненные и предсмертные травмы / Lifetime and near-death injuries

к разряду символической трепанации. На черепе выявлены затылочные структуры (развитие затылочных валиков хорошее (TOT: балл 3) (рис. 86), а позадисосцевидных отростков – среднее (PR: балл 2)). Образование затылочных

структур связано с реакцией организма человека на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму [31]. Криброзные изменения наблюдаются над наружным слуховым проходом и внутренней поверхности альвеол.

Рис. 8 / Fig. 8. Непреднамеренная деформация (cradle deformation) (a), затылочные валики (TOT) (б) / Unintentional deformation (cradle deformation) (a), occipital folds (TOT) (b)

Останки индивидуума 4 представлены черепом, фрагментами костей посткраниального скелета (рис. 2). Они принадлежали ребёнку возрастной категории от 8–10 лет (рис. 9). Мозговая коробка характеризуется как мезокранная, орбиты средневысокие, мезоконхные, нос среднеширокий (мезориния) (табл. 1). Из 43 дискретно-варьирующих признаков на черепе фиксируются только четырнадцать (табл. 2). Непреднамеренная деформация теменно-затылочной области (cradle deformation) и символическая трепанация (зажившие порезы острым предметом) на теменных костях наблюдаются на черепе. Вестибуло-лингвальные (VL_{cor}) диаметры коронок первых и вторых моляров попадают в категорию малых и очень малых значений, мезио-дистальные (MD_{cor}) диаметры – попадают в категорию средних значений (табл. 3). Высота коронки (H_{cor}) первых и вторых моляров попадает в категорию больших значений. Рассчитывалась величина третьего стэп-индекса, который по ширине коронки (VL) составляет 92,31. На первых пре-молярах отмечается дифференциация дисто-лингвальной области в трёхбугорковом типе: образуется четырёхбугорковый. Метаконус на М1 по площади едва превосходит $\frac{1}{2}$ параконуса. Наблюдается дробление метаконуса на правом первом моляре М1^{me} и небольшое вздутие, огра-

ниченное с окклюзивной и мезиальной сторон изогнутой слабо выраженной канавкой. Гипоконус на М2 сильно редуцирован, смещён на дистальную поверхность коронки, имеет вид округлого небольшого «зёрнышка», помещённого между протоконусом и метаконусом (тип 3+).

У индивида фиксируются частичное разрушение левого сосцевидного отростка, одна крупная кляка в области левого затылочно-сосцевидного шва (рис. 9а), пористость и пороз костей посткраниального скелета. Разрушение сосцевидного отростка и наличие кляки, возможно, связано с воспалением среднего уха (среднего отита). Пористость и пороз костей наблюдается в области нижних эпифизов бедренных (рис. 9б), большеберцовых костей. Дифференциальная диагностика данной палеопатологии может включать инфекционное заболевание или витаминную недостаточность.

Останки индивидуума 5 принадлежат женщине, которая умерла в возрасте 50–59 лет (рис. 10). Сохранность костей черепа – удовлетворительная, посткраниальный скелет фрагментирован (рис. 2). Мозговая коробка характеризуется как мезокранная, лоб широкий, надпереносье и надбровные дуги выражены слабо. Затылок среднеширокий, затылочные валики (TOT) – среднеразвиты. Лицо средневысокое, ортогнатное по

Рис. 9 / Fig 9. Индивидуум № 4, воспаление сосцевидного отростка, клоака в области левого затылочно-сосцевидного шва, пористость в области нижних эпифизов бедренных / Individual no. 4, inflammation of the mastoid process, cloaca in the region of the left occipital-mastoid suture, porosity in the region of the lower femoral epiphyses

общему лицевому углу, орбиты широкие и средневысокие, мезоконхные; нос очень узкий и высокий, лепторинный, средневыступающий; лицевой скелет профилирован очень резко на верхнем и среднем уровнях. Длина нижней челюсти средняя, наименьшая ширина ветви очень малая, высота – средняя. Из 47 дискретно-варьирующих признаков на черепе фиксируются только шестнадцать (табл. 2).

У индивида лабидодонтная форма прикуса, форма альвеолярной дуги – U-образная. Левый верхний латеральный резец и первый верхний премоляр имеют патологическую стёртость. Не исключено, что повышенные нагрузки на отмеченные зубы были обусловлены практикой использования зубов в различных трудовых операциях или же формой прикуса.

Обследован только левый нижний клык. Вестибуло-лингвальный диаметр (VL_{cor}) равен 7,8 мм, мезио-дистальный (MD_{cor}) – 6,2 мм. На клыке фиксируются отложения зубного камня и гипоплазия эмали. Эмалевая гипоплазия слабо выраженная. Признаки локального пародонтита (воспалительное заболевание тканей пародонта) встречаются на верхней (рис. 10) и нижней челюстях. Характеризуются разрушением нормальной структуры альвеолярного отростка верхних челюстей и альвеолярной части нижней челюсти. Развитие признака связано с возрастом, стёртостью зубов и зубочелюстными патологиями. Альвеолярный абсцесс также присутствует. Заболевание отмечено на левых верхних клыках, премолярах, правых верхних клыках, премоляре, первых и вторых молярах (рис. 10), нижних

Рис. 10 / Fig. 10. Индивидуум № 5. Воспалительные процессы на верхней челюсти / Individual no. 5. Inflammatory processes in the upper jaw

левом втором моляре и правом первом моляре. Заболевания такой этиологии образуются вокруг верхушки корня зуба в результате воспаления или попадания инфекции в его пульпу. Возникновение воспалительных процессов вокруг верхушки корня обычно провоцируют такие патологии, как кариес, травма, сильная стёртость зубной поверхности или болезни пародонта. Воспалительные процессы (тяжёлые инфекционные болезни носоглотки, ротоглотки и верхних дыхательных путей, стоматиты и прочие грибковые заболевания), протекающие в ротовой полости, затронули нёбо (размеры 11×9 мм) (рис. 10). Наблюдается прижизненная утрата левого нижнего первого моляра. Остальные зубы были утеряны.

Сохранились только некоторые кости верхней конечности (табл. 4). Длина правой плечевой кости средняя; наименьшая

окружность диафиза попадает в категорию очень малых значений. Межмышцелковое отверстие (рис. 11) зафиксировано на правой плечевой кости. Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине правой плечевой кости, равна 159,5 см. По абсолютным размерам левые лучевая и локтевая кости характеризуются средними значениями. Верхняя часть диафиза локтевой кости характеризуется зуролением.

Перегруженность мускулатуры пояса верхних конечностей была средней (табл. 5). Так, наблюдается среднее развитие гребней малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной шероватости. На правой локтевой кости значительно развита локтевая бугристость, а также гребни пронатора. Мышечная реакция на фалангах – средняя. Можно документировать значительное развитие мышц, производящих различ-

Рис. 11 / Fig. 11. Межмыщелковое отверстие, резорбция в области диафиза и эпифиза / Intercondylar foramen, resorption in the diaphysis and pineal gland

ного рода движения плечевых и локтевых суставов, а также обеспечивающих силовые действия. На фрагментах тазовых костей обнаружены следы значительных функциональных нагрузок на связки лонного сочленения. На фрагменте симфизальной поверхности правой лобковой кости выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1–2 мм. Вероятность развития симфизита наблюдается у индивидов, имеющих патологию костей и суставов, а также при беременности или после родов.

У индивида наблюдаются сращение второго / третьего шейных позвонков и третьего / четвертого грудных (рис. 12а, б). Срастание является двусторонним. Наблюдается изъеденность и разрушение (wedge-shape vertebra) тел грудных и поясничных позвонков (рис. 12г). Известно, что резорбция в местах прикрепления сухожилий плечевой кости (рис. 11), наличие костного анкилоза (рис. 12а), изъеденность и разрушение позвонков (рис. 12б) перекликаются

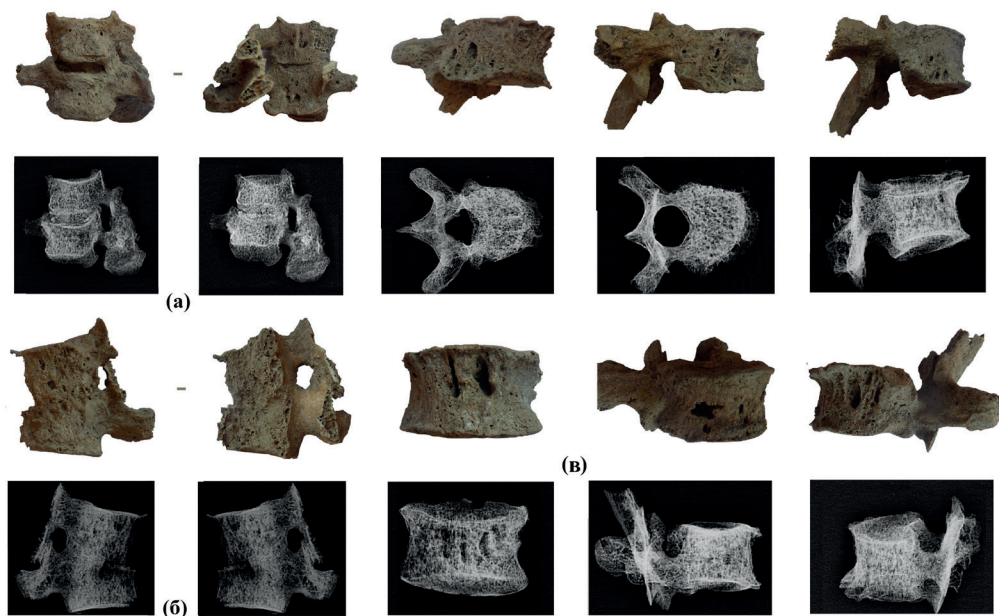

Рис. 12 / Fig. 12. Костный анкилоз шейных (а) и грудных позвонков (б), туберкулёзные очаги и дистрофические изменения позвонков (в) / Bone ankylosis of the cervical (a) and thoracic vertebrae (б), tuberculous foci and degenerative changes in the vertebrae (в)

с симптомами туберкулёза [44]. Инфекция имеет два пути распространения – респираторный путь, через лёгкие при общении с другими индивидами (возбудитель *M. tuberculosis*), и второй – при употреблении заражённых продуктов питания, в частности, некипяченного молока от больных животных (возбудитель *M. bovis*). При исследовании позвонков также определены дистрофические изменения (остеофиты, рис. 12).

На черепе наблюдаются следы компрессионного перелома лобной кости. Характер и особенности перелома позволяют предположить, что повреждение было нанесено тупым предметом, причём удар по лбу пришёлся в боковом направлении с левой стороны. Размеры поражения 15х9,8 мм.

Признаки ушного экзостоза у женщины билатеральные (рис. 13а). Степень развития экзостоза ушного канала и с правой, и с левой стороны достигает четвёртой стадии, заполняя пространство слухового прохода более чем на 75 % [39]. На правой теменной кости расположены две остеомы (доброкачественная опухоль) размерами 7,2 × 6,2 мм (рис. 13б) и 6 × 6 мм. Непреднамеренная деформация (*cradle deformation*) и символическая трепанация (закрепившие порезы острым предметом на теменных костях) фиксируются на черепе.

Останки индивидуума 6 представлены фрагментами нижней челюсти и посткраниального скелета (рис. 2). Они при-

надлежали ребёнку 8–10 лет. Передняя ширина нижней челюсти равна 39,2 мм, высота симфиза – 25,4 мм. Наблюдается развитие краевых гребней лингвальной поверхности правого верхнего медиального резца. Лингвальная поверхность оценивается баллом 2С. Лингвальный бугорок на первых премолярах поднимается до средней трети высоты коронки. Гребень несколько понижен, но не прерван, по его сторонам располагаются две глубокие ямки. Наблюдается крыловидная ротация нижнего правого клыка. На правом первом моляре наблюдается дистальный гребень тригонита, гребень образован главным гребнем метаконида и дистальным гребнем протоконида. Наблюдается крупный затёк эмали, далеко заходящий между корнями (балл 6). Гипоплазия эмали наблюдается на правом верхнем медиальном резце, а также на нижних резцах, клыках, первых премолярах. Появление линейной эмалевой гипоплазии на отмеченных зубах слабое.

Два диагностированных повреждения колюще-режущим предметом наблюдаются на 1 поясничном позвонке и на левой седалищной кости. На передней поверхности позвонка слева имеется повреждение в виде прямой слегка наклонной щели, проникающей в полость тела позвонка (рис. 14). Длина дефекта 10,9 мм, ширина 1,2 мм, глубина 4 (±1) мм, края поражения ровные и частично разрушены. Следующее повреждение на теле левой седалищ-

Рис. 13 / Fig. 13. Экзостоз слухового прохода (а) и остеома (б) на правой теменной кости / Exostosis of the ear canal (a) and osteoma (b) on the right parietal bone

Рис. 14 / Fig. 14. Предсмертные травмы левой седалищной кости и 1 поясничного позвонка / Predeath injuries to the left ischium and 1 lumbar vertebra

ной кости, здесь констатируем повреждение в виде прямой слегка наклонной щели, проникающей в полость тела кости. Длина дефекта 11,3 мм, ширина 1,5 мм, глубина 6 (± 1) мм, края поражения ровные и частично разрушены. Цвет кортикального слоя и губчатого вещества на участках края обоих дефектов светло-коричневый и не отличается от окружающей костной ткани. Травмы получены перед смертью от остролезвийного (кинжал) орудия.

Также выявлены туберкулёзные очаги на костях скелета. Деструктивные очаги локализуются в телах позвонков.

Останки индивида 7 были захоронены в карасе¹ (рис. 15). Пол погребённого женский, возраст 30–39 лет.

¹ Карасные захоронения в Араратской долине (страна Уза в урартских источниках) появляются с VIII в., в итоге мощного развития градостроительства в регионе. Новые города страны Уза Эребуни и Аргиштихинили заселяются вынужденными переселенцами из юго-западных регионов Армянского нагорья [8; 4; 7].

Мозговая коробка долихокранная, низкая, по высотно-поперечному указателю – тапейнокранная, по высотно-продольному – хамекранная. Непреднамеренная деформация теменно-затылочной области (cradle deformation) наблюдается на черепе (рис. 16а). Затылок широкий. Непостоянный позадисосцевидный отросток (processus retromastoideus, балл 2) наблюдается на нижней поверхности затылочной кости между затылочно-сосцевидным швом и вертикальной ветвью крестообразного возвышения на месте прикрепления нижней косой мышцы (*linea nuchae inferior*) (рис. 16б). Это реакция организма человека на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму. Лицо высокое, ортогнатное по общему лицевому углу. Орбиты широкие и средневысокие, мезоконхные; нос очень узкий и очень высокий, лепторинный, сильно выступающий; лицевой скелет профилирован очень

Рис. 15 / Fig. 15. Карасное захоронение, индивид № 7 / Karasnoye burial, individual no. 7

Рис. 16 / Fig. 16. Непреднамеренная деформация теменно-затылочной области, позадисосцевидный отросток (PR, балл 2) / Unintentional deformity of the parieto-occipital region, posterior mastoid process (PR, score 2)

резко на верхнем и среднем уровнях. Длина нижней челюсти очень большая, наименьшая ширина ветви и высота средние. Из 44 дискретно-варьирующих признаков на черепе фиксируются только пятнадцать (табл. 2).

У индивида V-образная зубная дуга и лабидодонтная форма прикуса. Прижизненная утрата зубов регистрируется на нижних правых вторых и третьих моля-

рах. Вестибуло-лингвальные (VL_{cor}) диаметры коронок первых моляров попадают в категорию малых значений, третьих – средних. Мезио-дистальные (MD_{cor}) диаметры коронок первых моляров попадают в категорию средних значений. Высота коронки (H_{cor}) первых моляров попадает в категорию малых значений. Были вычислены индексы коронок, величины которых для первого верхнего правого моляра

составляют 89,1 для левого моляра – 89,7. Рассчитывалась также величина третьего стэп-индекса, который по ширине коронки (VL) составляет 85,53. Лингвальный бугорок на верхних резцах образует небольшую собственную вершину, отделяющуюся от лингвальной поверхности в её цервикальной трети. Отсутствует редукция медиальных резцов. Оба бугорка верхних премоляров равны по размерам, трудно определить, какой из них является большим (тип 3). Гипоконус сильно развит на первых верхних молярах, на правом втором моляре гипоконус не образует угла, он уменьшен, вытянут, как бы срезан с дистально-лингвальной стороны, на правом третьем моляре гипоконус сильно редуцирован, смещён на дистальную поверхность коронки. Метаконус на первом моляре равен параконусу (балл 1), на втором – меньше параконуса (балл 2), на третьем – наблюдается сильная редукция метаконуса (балл 4). На первом моляре обнаружен косой гребень. На третьем моляре фиксируется дробление гипоконуса (M^3hy). Отмечается дифференциация дисто-лингвальной области в трёхбугорковом типе: образуется четырёхбугорковый первый нижний премоляр (балл 6). Лингвальный бугорок второго премоляра поднимается до средней трети высоты коронки. Гребень несколько понижен, но не прерван. По его сторонам располагаются две более или менее глубокие ямки. Нижние первые моляры 5-бугорковые, узор коронки «Y». Третий левый моляр 6-бугорковый с «+» – узором коронки. Кариозные полости имели верхние правые второй премоляр, первый моляр и нижний левый второй моляр. В двух случаях кариозное разрушение почти достигло пульпарной камеры и в одном случае привело к вскрытию пульпы. Появление признака зависит от целого ряда факторов, но ведущим среди них является питание. Для всех зубов характерна эмалевая гипоплазия (слабо выраженная).

Длина локтевых костей (табл. 4) малая, диафиз на уровне наибольшего раз-

вития межкостного гребня узкий, уплощённый в верхней части (платоления). Лучевые кости характеризуются малой длиной и округлой формой диафиза. Длина правой бедренной кости малая. Сечение бедренной кости характеризуется гиперплатимерией. На шейках правого бедра фиксируется костный наплыв (*plaque*). Берцовые кости характеризуются малыми значениями продольных размеров. По указателю платикнемии для левой стороны свойственна эурикнемия (расширена). Наблюдаются дополнительные суставные площадки на нижней суставной поверхности большеберцовых костей. Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине бедренной кости, равна 154,27 см. По берцово-бедренному указателю пропорции средние (мезогамбия).

Мышечный рельеф выражен сильно как на верхних, так и на нижних конечностях. На левой плечевой кости сильно выражена дельтовидная шероховатость. На локтевых костях, помимо сильного развития межкостного гребня, в дистальном отделе диафиза выявлено разрастание гребня квадратного пронатора (рис. 17). Эта мышца вращает предплечье внутрь. Возможно, гипертрофия места её крепления говорит о значительном усилии при выполнении такой функции. Данное усиление, вероятно, связано с резаньем или кручением волокон (к примеру, при изготовлении верёвки). Также отмечаются чётко выраженный медиальный гребень в верхней части диафиза большеберцовых костей и резкое разрастание медиального гребня на малоберцовых костях. Вероятно, такая особенность связана с сильными нагрузками на мышцы передней стороны голени, т. е. на переднюю большеберцовую (*m. tibialis anterior*). Функцией данной мышцы является разгибание стопы и поднятие её медиального края, а при зафиксированной стопе она сгибает голень в голеностопном суставе. Вероятно, что такие нагрузки могли быть связаны не только с частой переноской грузов, но и долгим нахожде-

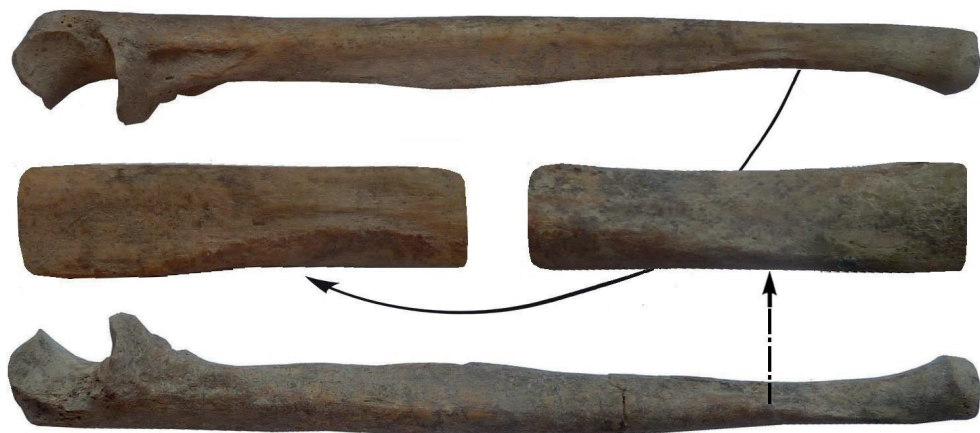

Рис. 17 / Fig. 17. Разрастание гребня квадратного пронатора / Extension of the ridge of the square pronator

нием в одной позе. На бедренных костях имеется хорошо выраженная ягодичная шероховатость и *linea aspera*. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы, также развит хорошо.

В верхней части крыла подвздошных костей наблюдаются ориентированные внутрь костные разрастания неправиль-

ной округлой формы. Сходной этиологии энтезопатии обнаружены в полости большого таза на верхней границе поверхности крестцово-подвздошного сочленения. Костные разрастания неправильной формы наблюдаются и в области подвздошной бугристости (рис. 18). Указанные следы значительных физических нагрузок у индивида могут ассоциироваться с верховой ездой.

Рис. 18 / Fig. 18. Энтезопатии на подвздошной кости / Ilium enthesopathies

Внутренняя поверхность рукоятки демонстрирует ячеистую трабекулярную структуру (рис. 19). В качестве вероятных причин подобного проявления могут быть туберкулёз [17], проказа [43], симптом аневризмы *аорты* [29], ретикулярная саркома [25], талассемия [33] и т. д.

На 5 грудном позвонке наблюдается нарушение целостности диска (грыжа межпозвоночного диска) (рис. 20). Подобные повреждения тел позвонков чаще возникают при не прямой травме, при осевой нагрузке на позвоночник в сочетании с резким чрезмерным сгибанием. Причина её формирования, вероятно, интенсивная верховая езда. Как известно, во время верховой езды мышцы спины сжимаются, чтобы сбалансировать позвоночник и предотвратить травму, что

приводит к сжатию позвонков и давлению на межпозвоночные диски [24].

Поротический гиперостоз внутренней области орбит (*cribra orbitalia*) выражен слабо (балл 1). Признак формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний [42]. Слабо выраженные признаки *cribra orbitalia* не всегда служат проявлением адаптивной реакции на анемию, а могут возникать при локальных воспалительных процессах [46].

Новообразование (остеома) выявлено на левой стороне черепа на стыке теменной и височной костей (размеры $35 \times 32,5$ мм) (рис. 21). Очень плотное образование с бугристой поверхностью, спаянное с кост-

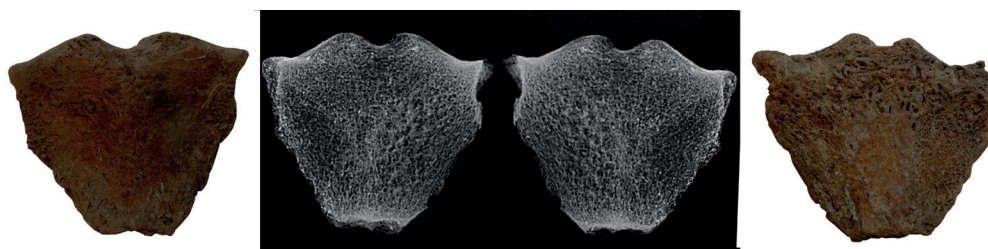

Рис. 19 / Fig. 19. Ячеистая трабекулярная структура рукоятки грудины / Cellular trabecular structure of the sternum arm

Рис. 20 / Fig. 20. Нарушение целостности диска 5 грудного позвонка / Violation of the integrity of the 5th disc of the thoracic vertebra

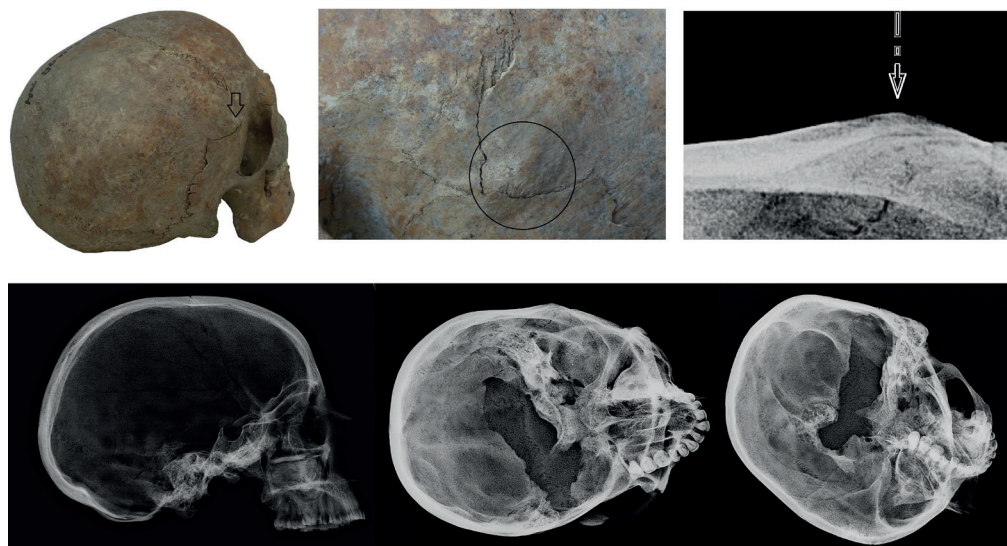

Рис. 21 / Fig. 21. Новообразование на стыке теменной и височной костей / Neoplasm at the junction of the parietal and temporal bones

ной тканью, по своей структуре ничем не отличается от нормальной кости. Небольшая остеома (размеры 4×4 мм) имеется и на лобной кости. Костные образования также фиксируются на верхней челюсти в области левого третьего моляра (размеры $13,5 \times 21,8$ мм), а также правого третьего моляра (размеры $11 \times 8,9$ мм).

На черепе встречаются признаки ушного экзостоза. По схеме градации стеноза слухового прохода развитие костных образований достигает второй степени (слуховой проход закрыт на 25–50 %) [39].

Останки индивидуума 8 представлены фрагментами черепа и посткраниального скелета (рис. 2). Они принадлежали ребёнку возрастной категории от 1,5–4,5 месяцев. На левой теменной кости зафиксирован небольшой дефект в виде отверстия *сердцевидной* формы размерами $4,3 \times 3,7 \times 4,7$ мм. Края повреждения относительно ровные (один из краёв частично вогнут). Обычно такие повреждения являются следствием удара небольшим предметом. Следов активного воспалительного процесса в области повреждения не отмечается. На фрагменте правой подвздошной кости обнаружен

колотый дефект. Дефект частично разрушен, длина 4,9 мм, ширина 4,8 мм, края ровные, расположен под прямым углом к поверхности кости. Цвет компактного вещества и спонгиозы светло-коричневый, совпадает по оттенку с прилегающей костной тканью. И здесь следов активного воспалительного процесса в области повреждения не отмечается. Следующий колотый дефект выявлен на правой плечевой кости. В области хирургической шейки фиксируется отверстие размерами $6 \times 5 \times 3,5$ мм. Все вышеперечисленные травмы получены перед смертью.

На костях черепа у ребёнка (на фрагментах лобной, теменной, затылочной костях, в нижней части лицевой поверхности, левой скуловой кости) наблюдаются крибровые изменения (рис. 22а). На указанных костях крибровые изменения фиксируются в виде хорошо просматриваемых отверстий менее 1 мм в диаметре. Дифференциальная диагностика данного проявления включает следствие воспалительного процесса. На левой теменной кости обнаружены следы воспаления в виде *dura mater* на внутренней пластинке (эпидуральная гематома)

(рис. 22в). Вокруг дефекта отмечается деструкция кортикального слоя. Эндокраниальные патологии, зафиксированные на костных останках ребёнка, являются результатом воспаления или кровоизлияния мозговых оболочек черепа и связаны с широким спектром заболеваний

(опухоли, туберкулёз, менингит, сифилис, вторичная инфекция мозговой оболочки, недостаток витаминов А, С и D и т. д.) [34; 41]. Пальцевидные вдавления также фиксируются на черепе. У ребёнка фиксируются признаки воспалительного процесса на плечевых костях (рис. 22б).

Рис 22 / Fig. 22. Левая скуловая кость, фрагменты теменной и затылочной костей с кривозными изменениями на поверхности черепа (а), субэпидуральная гематома на внутренней стороне левой теменной кости у ребёнка (б), следы воспалительного процесса на плечевых костях / Left zygomatic bone, fragments of the parietal and occipital bones with cribrous changes on the surface of the skull (a), subepidural hematoma on the inner side of the left parietal bone in a child (b), traces of the inflammatory process on the humerus

Останки индивидуума 9 представлены фрагментами черепа и посткраниального скелета (рис. 2). Они принадлежали ребёнку возрастной категории от 5–6 лет. У ребёнка пористость и пороз костей наблюдается на костях посткраниального скелета (в области нижнего эпифиза бедренных (рис. 23), больше- и малоберцовых костей). Морфологическая картина характерна для локальных оссифицированных геморрагий. Дифференциальная диагностика данной палеопатологии может включать инфекционное заболевание или витаминную недостаточность. На небольших фрагментах поверхности черепа не фиксируются следы локальных кровоизлияний, всё же, возможно, что

признаки, обнаруженные на поверхности бедренных, берцовых костей указывают на недостаток в пище витамина С (т. е. на детскую цингу).

Присутствуют равномерно отстоящие друг от друга линии задержек диафизарного роста бедренных костей (линий Гарриса). Они развиваются в области росткового диска по причине преждевременно образующейся костной замыкательной пластинки. Формирование такой пластинки не приводит к нарушению целостности хрящевого диска, при возобновлении процесса развития кости подобная остеобластическая пластинка не пропадает целиком, а входит в состав метафизарных структур. На рентгенограмме эти

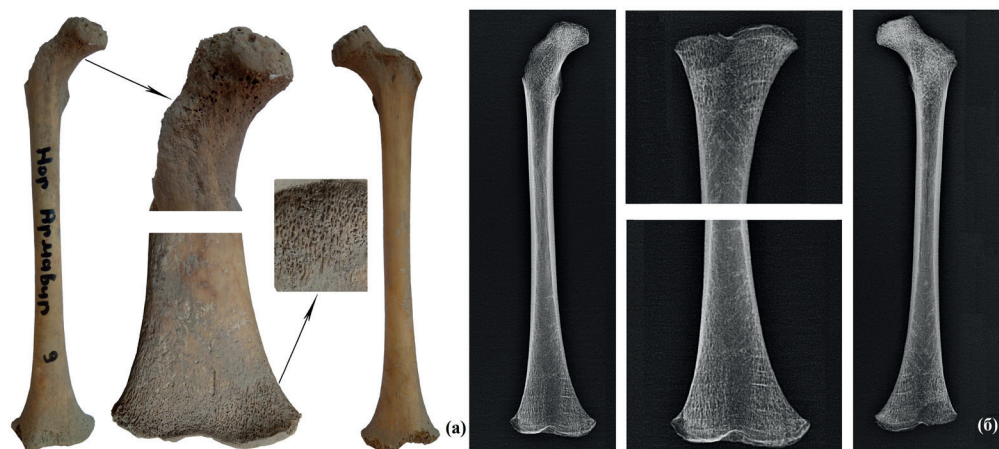

Рис. 23 / Fig. 23. Криброзные изменения на поверхности бедренных костях (а), линии задержки диафизарного роста (б) / Cribrous changes on the surface of the femurs (a), lines of retardation of diaphyseal growth (b)

образования дают густые тени, создающие впечатление образованных поперечно к диафизу пластинок (рис. 23). По нашим наблюдениям, у ребёнка их число колеблется в пределах 5–8 на одну кость как правой, так и левой стороны. Эта равномерность позволяет допустить или сезонное белковое голодание в процессе роста и развития организма индивида, или связано с болезнями.

Останки индивидуума 10 представлены фрагментами посткраниального скелета. Половая принадлежность не может быть однозначно определена, биологический возраст входит в категорию *adultus*. Правые локтевая и лучевая кости малой длины и слабомассивные. Наблюдается уплощение диафиза правой локтевой кости в латеральном направлении (платоления). Наблюдается дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности на фрагменте большеберцовой кости. Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине лучевой кости, равна 161,76 см.

Закключение

Выборка, ставшая основой данного исследования, включает в общей сложности скелетные останки 10 индивидов (мужчины, трёх женщин, 5 детей и одно-

го без определения пола). Трое детей входят в категорию *infantilis I*, двое – в период «позднее детство» (*infantilis II*). Пять из трех индивидов, на которых было возможно измерить оба диаметра черепа, долихокраничные, два – мезокраничные. У одного черепа (№ 3) средняя величина высотного диаметра (ba–br), у другого очень малая (№ 7) и у третьего большая (№ 5). Ширина затылка у двух средняя (№ 2, 5), у двух большая (№ 3, 7). Лицевой скелет характеризуется средней (№ 3) и большой (№ 7) шириной, у одного черепа высота лица малая (№ 3), у другого на границе между средним и большим величинами (№ 5) и у третьего большая (№ 7). Ширина орбит (от mf) характеризуется очень большими величинами (№ 3, 5, 7), высота у двух средняя (№ 5, 7), у одного очень большая (№ 3). Высота носа изменяется от средних (№ 3) до очень больших величин (№ 5, 7), ширина от очень малой (№ 5, 7) до средних размеров (№ 3). Симметрический и дакриальный указатели большие. В составе данной группы можно условно выделить два краниологических комплекса. Первый из них представлен низкоголовым мезокраничным типом, второй – высокоголовым долихокраничным.

Распределение некоторых генетически детерминированных (дискретно-варьи-

рующихся) признаков позволяет допустить наличие определённых родственных связей между индивидами¹. У шести индивидов фиксируются *foramina zygomaticofacialia*, *os wormii suturae squamosum*, *foramina parietalia*, у пяти – *processus temporalis ossis frontalis*, *foramina mastoidea* (вне шва), *sutura incisiva*, у четырех – *os zygomaticum bipartitum tripartitum* (следы шва), *os wormii suturae lambdoidea*, форма *sutura palatina transversa* (П-образный), *canalis craniopharyngeus*, у троих – *canalis condyloideus*, *foramina mentalia*, форма *stenocrotaphia* (X-обр.), у двоих – форма *spina processus frontalis ossis zygomatici* (прямая и выступающая), *foramina mastoidea* (на шве), *torus palatines* (балл 1), *torus palatines* (балл 1), отсутствие *foramina spinosum*, *tuberculum praecondylare*.

Одонтологический комплекс относится к южному грацильному типу с высоким уровнем редукции гипоконуса вторых верхних моляров, малыми размерами зубов. Из восточных признаков фиксируются лопатообразная форма лингвальной поверхности верхних резцов, коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре, протостилид на третьем нижнем моляре.

Прижизненная длина тела оказалась в основном малая (№ 2, 5, 7), у одного рост ниже среднего (№ 10), у другого соответствует среднему росту (№ 3). Степень развития мышечного рельефа указывает на значительные физические нагрузки в процессе трудовой деятельности. При постоянных чрезмерных нагрузках на определённые мышцы кость в местах их прикрепления перестраивается; наблюдается резкое новообразование костной ткани или, вследствие травматизации этих мест и последующих миотендопатий (заболеваний мышц и связок), осуществляется лизис или деструкция костной ткани. В двух случаях (№ 3, 7) наряду с развитием определённых мышц, выделяются комплексы признаков, характери-

зующие те или иные профессиональные занятия. Примером тому может служить т. н. «комплекс всадника».

У двух индивидов (№ 3, 7) диагностируются затылочные структуры. Под затылочными структурами мы понимаем гребни, хребты, возвышения, бугры, связанные с чрезмерными физическими нагрузками. Формирования подобных структур возможны при чрезмерных нагрузках мышц с самого раннего детства. Наличие затылочных структур связано с подъёмом и перемещением тяжёлых грузов [31]. На восьми черепах отмечена уплощённость задней части теменных костей и верхнего края чешуи затылочной кости. Причиной её является специфический способ ухода за младенцем в первые годы его жизни и длительное нахождение в определённой колыбели [30].

У двух индивидов (№ 5, 7) фиксируется гиперостоз наружного слухового прохода. Признак возникает в результате раздражения ушного канала при систематическом воздействии холодной воды [39] или же при переохлаждении под влиянием низкой температуры воздуха или холодного ветра [23]. Мы склоняемся ко второй версии.

Пороз костей свода и лицевого отдела черепа зафиксирован у двух детей (№ 1, 8) и отождествляется с таким заболеванием, как цинга [19; 45]. Следы локальных кровоизлияний (оссифицированных геморрагий) обнаружены на поверхности посткраниального скелета у четырёх детей (№ 1, 4, 8, 9), и могут указывать на недостаток в пище витамина С (т. е. на детскую цингу). У одного ребёнка (№ 8) выявлено воспаление в виде *dura mater* на внутренней пластинке черепа, что, вероятно, имеет геморрагическое свойство. Следов прижизненных травматических повреждений, следствием которых мог стать геморрагический процесс на внутренней поверхности кости свода черепа, у индивида не обнаружено, что исключает возможность возникновения воспаления из-за травмы. Вероятными причинами данной патологии могут быть

¹ Данные высоковариабельных STR-локусов и гена амелогенина пока не получены.

цинга, бактериальные или вирусные менингиты и т. д. Поражение позвонков (болезнь Потта) фиксируется у ребёнка 8–10 лет (№ 6). У одного взрослого индивида (№ 5) также были обнаружены туберкулёзные очаги на скелете.

Слабо выраженной формы эмалевая гипоплазия была зафиксирована у 3 индивидов (№ 5, 6, 7). М. Блеки и Дж. Армеллагос [18] высказали гипотезу, которая объясняет возникновение признака из-за стресса, происходящего в организме ребёнка при переходе от грудного вскармливания к постоянной пище. У индивида № 7 обнаружены кариозные полости на окклюзионных поверхностях зубов.

Группа Нор Армавир служит печальным примером возможных рисков для

детей и взрослых. В ходе антропологического анализа 10 скелетов было выявлено четыре индивида с проникающими ранениями на скелетах (№ 2, 3, 6, 8) и три с компрессионным переломом на своде черепов (№ 2, 3, 5). Двое взрослых (№ 2, 3) и двое детей (№ 6, 8), возможно, погибли насильственной смертью. В целом, результаты изучения палеоантропологического материала из Араратской долины, южной подошвы горы Арагац, дают первое представление об антропологических особенностях и состоянии здоровья населения данной части Армении в VII в. до н. э. и открывают путь для других исследований и сопоставлений.

Статья поступила в редакцию 18.06.2020

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1 / Table 1

**Индивидуальные размеры и указатели черепов из Нор Армавир /
Individual sizes and indexes of skulls from Nor Armavir**

№ по Мартину и др.	Признак	I	II	III	IV	V	VII
		4-6 лет	♀ 20-29	♂ 60+	8-10 лет	♀ 50-59	♀ 30-39
1	Продольный диаметр	164	-	195	171	184	180
8	Поперечный диаметр	116	137	136	130	141	135
8:1	Черепной указатель	70,8	-	69,8	76,1	76,64	75,0
17	Высотный диаметр от ба	-	-	135	127	132,5	118
17:1	Высотно-продольный указатель	-	-	69,3	74,3	72,02	65,6
17:8	Высотно-поперечный указатель	-	-	99,3	97,7	93,98	87,5
20	Высотный диаметр от ро	-	-	123	117	122	107,5
20:1	Высотно-продольный указатель	-	-	63,1	68,5	66,31	59,8
20:8	Высотно-поперечный указатель	-	-	90,5	90,0	86,53	79,7
5	Длина основания черепа	-	105,5	105	89	97,5	95
9	Наименьшая ширина лба	78,8	-	103	89,8	101,8	95
9:8	Лобно-поперечный указатель	67,94	-	75,8	69,1	72,2	70,4
10	Наибольшая ширина лба	93	-	118	111	116?	118
11	Ширина основания черепа	95	-	124	102,5	118,3?	125
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	81,9	-	91,2	78,9	83,91	92,6
12	Ширина затылка	97	107	115	102	106	111
29	Лобная хорда	112	-	109,5	102	122	103
30	Теменная хорда	116	-	121	114	116,8	112
31	Затылочная хорда	-	-	93	92,8	93	-
26	Лобная дуга		-	124	113	137	116
27	Теменная дуга		-	131	130,5	132	123
28	Затылочная дуга		-	126	110	100	-
40	Длина основания лица	-	-	96,8	84	95,5	97
40:5	Указатель выступания лица	-	-	92,2	94,4	97,95	102,2
45	Скуловой диаметр	94	-	136	106?	-	128
48	Верхняя высота лица	45	-	65,7	84	68,5	70,5
45:8	Поперечный фациocereбральный указатель	81,1	-	100	81,6	-	94,9
9:45	Лобно-скуловой указатель	83,9	-	75,8	84,8	-	105,5
48:17	Вертикальный фациocereбральный указатель	-	-	48,7	41,5	51,7	59,8
48:45	Верхний лицевой указатель	47,9	-	48,4	79,3	-	55,1
46	Средняя ширина лица	68,3	-	93	76,8	83,5	90
60	Длина альвеолярной дуги	37	-	54	45,5	60	55,2
61	Ширина альвеолярной дуги	50	-	53	51,2	55,2	60
62	Длина неба	31	-	-	36,5	44,7	47

Окончание таблицы 1

№ по Мартину и др.	Признак	I 4-6 лет	II ♀ 20-29	III ♂ 60+	IV 8-10 лет	V ♀ 50-59	VI ♀ 30-39
63	Ширина неба	25	-	34,9	25	29,8	31
63:62	Небный указатель	80,7	-	-	68,5	66,7	65,96
55	Высота носа	35,2	-	51	41	51,8	55
54	Ширина носа	20	-	25,5	19,9	21	22,6
54:55	Носовой указатель	56,9	-	50,0	48,6	40,6	41,1
51	Ширина орбиты от mf	33,2	-	46,3	37,8	44	43
51a	Ширина орбиты от d	29,8	-	42,8	33	38,5	40
52	Высота орбиты	30,5	-	37	32	34	35
52:51	Орбитный указатель (mf)	91,9	-	79,92	84,7	77,3	81,4
52:51	Орбитный указатель (d)	102,4	-	86,5	96,97	88,4	87,6
MC	Максиллофронтальная ширина	-	-	20	16	16	19,8
MS	Максиллофронтальная высота	-	-	7,2	7	10	8
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	-	-	36,0	43,8	62,5	40,5
DC	Дакриальная ширина	-	-	24,2	19	20,5	22
DS	Дакриальная высота	-	-	11	9,5	13,8	13
DS:DC	Дакриальный указатель	-	-	45,5	50,0	67,4	59,1
SC	Симотическая ширина	-	-	9,9	9	7,7	8,8
SS	Симотическая высота	-	-	6	3,5	7	4,2
SS:SC	Симотический указатель	-	-	60,7	38,9	90,91	47,8
32	Угол профиля лба от назиона	-	-	87	-	80	79
	Угол профиля лба от глабеллы	-	-	84	-	78	75
72	Общий лицевой угол	-	-	87	-	85	81
73	Средний лицевой угол	-	-	88	-	84	82
74	Угол альвеолярной части	-	-	92?	-	89	88
75(1)	Угол выступания носа	-	-	27	-	38?	34
77	Назомаллярный угол	-	-	131	-	133	136
<zm	Зигомаксиллярный угол	-	-	126	-	126	126
68 (1)	Длина н.ч. от мыщелков	72,5	-	103,5	-	98,8	110
79	Угол ветви н.ч.	29	-	20	-	32	26
68	Длина н.ч. от углов	56	-	86	-	75,8	78,8
70	Высота ветви	39,5	-	68,5	-	60	60
71a	Наименьшая ширина ветви	27	-	29,3	-	27,8	32,8
65	Мыщелковая ширина	84,8	-	127,4	-	-	115,8
66	Угловая ширина	68,8	-	100,8	-	95,8	86
67	Передняя ширина	35,7	42,2	40,3	-	42	43
69	Высота симфиза	21	27,2	20	-	30,8	32,1
69 (1)	Высота тела	16	24,8	21	-	25,6	27
69 (2)	Толщина тела	13	13	10	-	13	11,5
47	Полная высота лица	74	-	-	-	110,3	115,5

Таблица 2 / Table 2

Индивидуальные данные краниоскопических признаков /**Individual data of cryoscopic signs**

	Инд. 1	Инд. 2	Инд. 3	Инд. 4	Инд. 5	Инд. 6	Инд. 7
Sutura frontalis		-	-	-	-		-
Foramina supraorbitalia	+	-	-	-	-		-
Foramina frontalia	-	-	-	-	-		-
Spina trochlearis	-	-	+	-	-		-
Foramina infraorbitalia	-	-	-	-	-		-
Foramina zygomaticofacialia	+	+	+	+	+		+
Os zygomaticum bipartitum tripartitum следы шва	+		+	-	+		+
Spina processus frontalis ossis zygomatici прямой выступ отросток	+		+	+	+		+
Stenocrotaphia Н-обр. К-обр. Х-обр.			+	+	+		+
Processus frontalis squamae temporalis	-		+	-	-		-
Processus temporalis ossis frontalis	-	+	+	+	+		+
Os epiptericum	-		-	-	-		-
Os Wormii suturae squamosum	+	+	+	+	+		+
Os postsquamosum	-	-	+	-	-		-
Os parietale bipartitum	-	-	-	-	-		-
Os Wormii suturae coronalis	-		-	-	-		-
Os bregmaticum	-		-	-	-		-
Os Wormii suturae sagittalis	+	-	-	-	-		-
Foramina parietalia	+	+	+	+	+		+
Os Incae completus	-	-	-	-	-		-
Os triquetrum	-	-	-	-	-		-
Os quadratum	-	-	-	-	-		-
Os apicis lambdae	-	-	-	-	-		-
Os interparietale s. sagittalis	-	-	-	-	-		-
Os Wormii suturae lambdoidea	+	+	-	+	-		+
Sutura mendosa	+	-	-	+	-		-
Os asterion	-	-	+	-	-		-
Torus occipitalis (0-3)	0	0	1	0	0		0
Os Wormii sut. occipitomastoideum				-	-		-
Foramina mastoidea на шве вне шва	+	-	+	+	-		-
	+	-	+	+	+		+
Torus palatinus (0-3)	0		1	0	1		0

Окончание таблицы 2

	Инд. 1	Инд. 2	Инд. 3	Инд. 4	Инд. 5	Инд. 6	Инд. 7
Sutura palatina transversa (форма шва) прямой выпуклый вогнутый извилистый П-образный	+		+	+	+		+
Sutura incisiva	+	+	-	+	+		+
Foramen pterygospinosum	-		-		-		-
Canalis craniopharyngeus	+		+	-	+		+
Отсутствие foramina spinosum	-		+	-	+		-
Condylus occipitalis bipartitum			-	+	-		-
Processus paramastoideus			-	-	-		-
Tuberculum precondylare	-		+	-	+		-
Canalis condyloideus	+		-	+	-		+
Foramina mentalia			+	-	+		+
Torus mandibularis (0-3)	0		1		0	-	-
Sulcus mylohyoideus	-		-		-	-	-
Foramina mandibularia	-		-		-		-

Таблица 3 / Table 3

Индивидуальные размеры зубов из памятника Нор Армавир /
Individual tooth sizes from the Nor Armavir burial ground

	Нижняя челюсть							
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}							
	Индивид 2.		Индивид 4.		Индивид 6.		Индивид 7.	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	-	-	-	-	6,2	6,1	6,2	6,2
I2	-	-	-	-	6,3	6,2	6,3	6,5
C	-	-	-	-	7,8	7,7	7,5	7,3
P1	-	-	7,9	7,9	7,8	7,8	7,3	7,5
P2	-	-	-	-	-	-	8,2	7,8
M1	-	10,8	-	-	9,9	-	9,8	10,4
M2	9,2	8,9	9,8	-	-	-	-	-
M3	10,5	9,3	-	-	-	-	-	9,9
Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}								
I1	-	-	-	-	6	6	6	5,8
I2	-	-	-	-	6,5	6,5	6,3	6,2
C	-	-	-	-	6,8	6,8	7	6,9
P1	-	-	7,3	7,5	7	7	7,2	7,2
P2	-	-	-	-	-	-	7	7
M1	-	11	-	-	-	-	11	11,6
M2	9,7	9,2	10,8	-	-	-	-	-
M3	10,8	11	-	-	-	-	-	11,1
Высота коронки H_{cor}								
M1	-	5,3	-	-	7,5	-	5,2	5,8
M2	7	6,5	7,2	-	-	-	-	-
M3	-	7	-	-	-	-	-	7
Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}								
M1	-	8,7	-	-	7,8	-	9,3	9,1
M2	8,9	8,3	8,6	-	-	-	-	8,8?
M3	9,2	10	-	-	-	-	-	9,1
Площадь коронки MD × VL								
M1	-	118,8	-	-	-	-	107,8	120,64
M2	89,24	81,88	105,84	-	-	-	-	-
M3	113,4	102,3	-	-	-	-	-	109,89
Индекс коронки I_{cor} (VL / MD) × 100								
M1	-	98,19	-	-	-	-	89,1	89,66
M2	94,85	96,74	90,75	-	-	-	-	-
M3	97,23	84,55	-	-	-	-	-	89,19
Модуль коронки m_{cor} MD + VL / 2								
M1	-	10,9	-	-	-	-	10,4	11
M2	9,45	9,05	10,3	-	-	-	-	-
M3	10,65	10,15	-	-	-	-	-	10,5

Окончание таблицы 3

	Верхняя челюсть							
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}							
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	-	-	-	-	7,1	-	7	7
I2	-	-	6,8	6,3	-	-	6,8	6,7
C	-	-	-	-	-	-	8,3	8
P1	-	8,6	-	-	-	-	8,6	8,8
P2	8,3	-	9,3	-	-	-	-	9,2
M1	10,1	10,8	10,2	10,4	-	-	10,8	11,2
M2	10,4	10,3	10,8	-	-	-	10,5	-
M3	11	11,2	-	-	-	-	10,7	-
	Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}							
I1	-	-	-	-	9,1	-	7,3	7,5
I2	-	-	7,1	7	-	-	6,6	6,8
C	-	-	-	-	-	-	7	8
P1	-	7	-	-	-	-	7	7
P2	6,8	7	6,7	-	-	-	6	6,6
M1	10,8	11	10	10	-	-	11,6	11,1
M2	8,2	9	9,8	-	-	-	9	-
M3	10,3	9,8	-	-	-	-	9,1	-
	Высота коронки H _{cor}							
M1	7	6,8	6,8	6,5	-	-	5,8	5,2
M2	7,6	-	6,5	-	-	-	6,2	-
M3	6	7,8	-	-	-	-	5,8	-
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD _{col}							
M1	7,2	7,7	7,8	8,3	-	-	7,6	7,7
M2	6,8	7	7,2	-	-	-	6,5	-
M3	7,3	7,5	-	-	-	-	6,7	-
	Площадь коронки MD × VL							
M1	109,08	118,8	102	104	-	-	125,3	124,4
M2	85,28	92,7	105,9	-	-	-	94,5	-
M3	113,3	109,76	-	-	-	-	97,4	-
	Индекс коронки I _{cor} (VL / MD) × 100							
M1	93,6	98,2	102	104	-	-	93,2	100,91
M2	126,9	114,5	110,3	-	-	-	116,7	-
M3	106,8	114,3	-	-	-	-	117,6	-
	Модуль коронки m _{cor} MD + VL / 2							
M1	10,5	10,9	10,1	10,2	-	-	11,2	11,2
M2	9,3	10,5	10,3	-	-	-	9,8	-
M3	10,7	10,5	-	-	-	-	9,9	-

Таблица 3 / Table 3

**Индивидуальные размеры и указатели костей скелета из памятника Нор Армавир /
Individual sizes and markers of skeletal bones from the Nor Armavir burial ground**

Признак	Индивид 2		Индивид 3		Индивид 5		Индивид 7		Индивид 10	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Плечевая кость (Humerus)										
1. Наибольшая длина	-	301	324	320	317,8	-	-	-	-	-
2. Вся длина	-	298	322	316	314,7	-	-	-	-	-
3. Верхняя эпифизарная ширина	-	43	51	49	45,2	44,5	-	-	-	-
4. Нижняя эпифизарная ширина	-	52,3	62,2	61,5	-	54,3	-	56,5	-	-
5. Наибольшая ширина середины диафиза	-	21	23,7	22,6	21,7	20,3	-	23	-	-
6. Наименьшая ширина середины диафиза	-	16	18,6	18	16	16,2	-	17	-	-
7. Наименьшая окружность диафиза	-	54,5	62	62	56	55	-	57	-	-
7a. Окружность середины диафиза	-	61	70	69	63	62	-	66	-	-
7:1 Индекс массивности	-	18,2	19,2	19,4	17,7	-	-	-	-	-
6:5 Указатель сечения	-	76,2	78,5	79,7	73,8	79,9	-	73,92	-	-
Лучевая кость (Radius)										
1. Наибольшая длина	-	-	-	-	-	243	223	219	215	-
2. Физиологическая длина	235	-	-	-	-	231	215	210	207	-
4. Поперечный диаметр диафиза	14,8	14,2	-	-	-	15,2	15,2	12,3	14	-
5. Сагитальный диаметр диафиза	11	10,9	-	-	-	11	11,5	11	9,5	-
3. Наименьшая окружность диафиза	39	40	-	-	-	39	39	38	36	-
3:2 Указатель массивности	16,6	-	-	-	-	16,9	18,2	18,1	17,4	-
5:4 Указатель сечения	74,4	76,8	-	-	-	72,4	75,7	89,5	67,9	-
Локтевая кость (Ulna)										
1. Наибольшая длина	-	-	272	-	-	254	243	237	238	-
2. Физиологическая длина	-	-	235	-	-	227	215	211	207	-
11. Передне-задний диаметр	-	-	14,4	14,2	-	12	10	8,9	10,6	-
12. Поперечный диаметр	-	-	17	19,2	-	15,6	19,8	11	15,8	-
13. Верхний поперечный диаметр	21	21	20	-	-	19,9	22,8	21,2	18,3	-
14. Верхний дорзоволярный диаметр	24	22	25	-	-	24	24,8	22,3	23,2	-
3. Наименьшая окружность	-	-	36	37	-	43	37	35	31	-
3:2 Указатель массивности	-	-	15,4	-	-	18,95	17,6	16,6	14,98	-
11:12 Указатель сечения	-	-	84,8	73,96	-	76,93	50,6	80,91	67,1	-
13:14 Указатель платолении	87,5	-	80,0	-	-	82,92	91,94	95,1	78,9	-
Бедренная кость (Femur)										
1. Наибольшая длина	409м	-	440	451	-	-	427	417	-	-
2. Длина в естественном положении	398	-	436	444	-	-	417	409	-	-
21. Мыщелковая ширина	65,8	-	79	79,9	-	-	73	72,2	-	-
6. Сагитальный диаметр середины диафиза	26	25,2	31,3	31,1	-	-	27	25,2	-	-
7. Поперечный диаметр середины диафиза	26,3	26	27	27,8	-	-	25,8	26	-	-
9. Верхний поперечный диаметр	31,2	32	30	29,8	-	-	33	33	-	-
10. Верхний сагитальный диаметр	23	23,4	27	25,6	-	-	23,5	23,2	-	-
8. Окружность середины диафиза	79	81	89	92	-	-	81	80	-	-
8:2 Указатель массивности	19,9	-	20,5	20,8	-	-	19,5	19,6	-	-
6:7 Указатель пиялстрии	98,9	96,93	115,93	111,9	-	-	104,7	96,93	-	-
10:9 Указатель платимерии	73,8	73,2	90	85,91	-	-	71,3	70,4	-	-

Окончание таблицы 3

Признак	Индивид 2		Индивид 3		Индивид 5		Индивид 7		Индивид 10	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Большая берцовая кость (Tibia)										
1. Полная длина	346	-	357	-	-	-	340	339	-	-
2. Мышечно-таранная длина	303,5?	-	304,5	304	-	-	302,5	302,5	-	-
1а. Наибольшая длина	349	-	363	-	-	-	342	342	-	-
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	65	78,6	76	-	-	68	71	-	-
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	38	-	47	45?	-	-	42,8	41,5	-	-
8. Сагитальный диаметр на уровне середины диафиза	26,5	26	32	32,8	-	-	25	23	-	-
8а. Сагитальный диаметр на уровне питательного отверстия	32	31,5	37	35	-	-	33,8	27	-	-
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	19,3	20,1	21	21,2	-	-	19,7	19	-	-
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	21,1	21,8	24	23	-	-	24	19,8	-	-
10. Окружность середины диафиза	74	75	82	82	-	-	72	72	-	-
10b. Наименьшая окружность диафиза	67	-	75	76	-	-	66,5	66	-	-
9:8 Указатель сечения	72,9	77,4	65,7	64,7	-	-	78,8	82,7	-	-
10b:1 Указатель прочности	19,4	-	21,1	-	-	-	19,6	19,5	-	-
9а:8а Указатель платикнемии	65,94	69,3	64,9	65,8	-	-	71,1	73,4	-	-
10:1 Указатель массивности	21,4	-	22,97	-	-	-	21,2	21,3	-	-
Малая берцовая кость (Fibula)										
1. Наибольшая длина	-	-	-	-	-	-	332,5м	-	-	-
Реконструированные показатели пропорции и длины тела										
R1:H1 Луче-плечевой указатель	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
T1: F2 Берцово-бедренный указатель	86,94	-	81,9	-	-	-	81,6	82,9	-	-
H1+R1/F1+T1 Интермембральный указатель	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
H1+R1/ F2+T1 Интермембральный указатель	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
H1:F2 Плече-бедренный указатель	-	-	74,4	72,1	-	-	-	-	-	-
R1:T1 Луче-берцовый указатель	-	-	-	-	-	-	65,6	64,7	-	-
Длина тела	152,4		165,03		159,6		154,27		161,76	

Таблица 4 / Table 4

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей / Scoring characteristics of the development of the relief of long bones

Признак	Индивид 2		Индивид 3		Индивид 5	
	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая
Плечевая кость (Humerus)						
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	-	2	3	2,5	2	2
Tuberositas deltoidea	-	1,5	2,5	2,5	1	2
Tuberculum majus, tuberculum minus	-	2,5	2,5	3	1,5	2
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	-	1,5	2,5	2,5	1	1
Средний балл	-	1,9	2,63	2,63	1,38	1,75
Лучевая кость (Radius)						
Tuberositas radii	2,5	2	-	-	-	3
Margo interossea	2	2	2,5	-	-	2
Бороздки для сухожилий разгибателей	2	2	-	-	2,5	2,5
Processus styloideus	-	2	-	-	2	3
Средний балл	2,17	2	-	-	2,25	2,63
Локтевая кость (Ulna)						
Margo interossea, margo posterior	2	2	3	3	-	2,5
Crista musculi supinatoris	1,5	2	2	-	-	1
Tuberositas ulnae	1,5	2	2,5	-	-	2
Средний балл	1,67	2	2,5	3	-	1,84
Бедренная кость (Femur)						
Trochanter major	1,5	1,5	1,5	2	-	-
Trochanter minor	2	-	2	2,5	-	-
Tuberositas glutea	2	2	2,5	2,5	-	-
Linea aspera	2,5	2	2,5	3	-	-
Epicondili	1,5	-	2	2	-	-
Средний балл	1,9	1,9	2,1	2,4	-	-
Большая берцовая кость (Tibia)						
Tuberositas tibiae	1,5	1,5	2	2	-	-
Margo anterior, margo interossea	2	2	2,5	2	-	-
Linea m. solei, m. soleus	1	1	2,5	2	-	-
Бороздки для сухожилий разгибателей	1		3	2?	-	-
Средний балл	1,4	1,5	2,5	2	-	-
Малая берцовая кость (Fibula)						
Развитие краев	2	2	3	3	2,5	2,5

Таблица 4 (продолжение)

Признак	Индивид 7		Индивид 10	
	Правая	Левая	Правая	Левая
Плечевая кость (Humerus)				
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	-	-	-	-
Tuberositas deltoidea	-	2,5	-	-
Tuberculum majus, tuberculum minus	-	-	-	-
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	-	2	-	-
Средний балл	-	2,25	-	-
Лучевая кость (Radius)				
Tuberositas radii	2	2	1,5	-
Margo unterossea	2,5	3	2	-
Бороздки для сухожилий разгибателей	2,5	2,5	2	-
Processus styloideus	2,5	2,5	2	-
Средний балл	2,38	2,5	1,88	-
Локтевая кость (Ulna)				
Margo interossea, margo posterior	3	3	2	-
Crista musculi supinatoris	2	1,5	1	-
Tuberositas ulnae	2,5	2	1	-
Средний балл	2,5	2,17	1,34	-
Бедренная кость (Femur)				
Trochanter major	2	2	-	-
Trochanter minor	2	2	-	-
Tuberositas glutea	2	2	-	-
Linea aspera	2,5	2,5	-	-
Epicondili	2	2	-	-
Средний балл	2,1	2,1	-	-
Большая берцовая кость (Tibia)				
Tuberositas tibiae	1,5	1,5	-	-
Margo anterior, margo interossea	2	2	-	-
Linea m. solei, m. soleus	2	2	-	-
Бороздки для сухожилий разгибателей	2	2	-	-
Средний балл	1,88	1,88	-	-
Малая берцовая кость (Fibula)				
Развитие краев	3	3	-	-

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М., 1966. 251 с.
2. Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964. 128 с.
3. Амаякян С. Г., Тирацян Н. В., Амаякян М. С. Карасное и «глинящичное» захоронения из раскопок 2016 г. в Аргиштихинили. Предварительный отчёт // По ту сторону Арагаца: археологические исследования, посвящённые памяти Телемака Хачатряна / отв. ред. П. С. Аветисян. Ереван, 2018. С. 175–181 (на арм. яз.).
4. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. 264 с.
5. Зубов А. А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас / Отв. ред. А. А. Зубов. М., 1968. С. 5–122.
6. Зубов А. А. Одонтология: Методика антропологических исследований. Москва, 1968. 199 с.
7. Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения) / А. Ю. Худавердян, А. А. Енгибарян, А. А. Оганесян, С. Г. Обосян // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 93–117.
8. Мартиросян А. А. Аргиштихинили. Археологические памятники Армении. Урартские памятники. Ереван, 1974. 176 с.
9. Меликишвили Г. А. К вопросу о хетто-цупанийских перселенцах в Урарту // Вестник древней истории. 1954. № 2. С. 42–46.
10. Мовсисян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. №. 51. С. 127–150.
11. Федосова В. Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным: (Остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. №. 76. С. 105–116.
12. Хоренацци М. История Армении / Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. 323 с.
13. Худавердян А. Ю. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван, 2005. 286 с.
14. Accuracy and direction of error in the sexing of the skeleton: Implications for paleodemography / R. S. Meindl, C. O. Lovejoy, R. P. Mensforth, L. D. Carlos // American Journal of Physical Anthropology. 1985. Vol. 68. P. 79–85.
15. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption // American journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 42 (3). P. 481–490.
16. An Early Armenian female warrior of the 8–6 century BC from Bover I site (Armenia) / A. Y. Khudaverdyan, A. A. Yengibaryan, S. G. Hobosyan, A. A. Hovhanesyan, A. A. Saratikyan // International Journal of Osteoarchaeology. 2020. Vol. 30. P. 119–128.
17. Aufderheide A. C., Rodríguez-Martín C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge, 1998. 478 p.
18. Blakey M. L., Armelagos G. J. Deciduous enamel defects in prehistoric Americans from Dickson Mounds: Prenatal and postnatal stress // American journal of Physical Anthropology. 1985. Vol. 66 (4). P. 371–380.
19. Brickley M., Ives R. Skeletal manifestations of infantile scurvy // American journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 129. P. 163–172.
20. Brickley M., Ives R. The Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease. Academic Press, 2008. 350 p.
21. Brook S., Suchey J. M. Skeletal Age Determination Based on the Os Pubis: A Comparison of the Acsadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks Methods // Human Evolution. 1990. Vol. 5. P. 227–238.
22. Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. Atlas of occupational markers on human remains. Teramo, 1999. 183 p.
23. Dahlberg A. A. Analysis of the American Indian dentition // Dental Anthropology. 1963. № 5. P. 1–8.
24. Dynamic pressure effect on horse and horse rider during riding / G. Nicol, G. P. Arnold, W. Wang, R. J. Abboud // Sports Engineering. 2014. Vol. 17(3). P. 143–150.
25. Fouche J. W., Freeman Jr. B. L. Resection of the manubrium sterni for reticulum cell sarcoma // Southern Medical Journal. 1956. Vol. 49. P. 248–249.
26. Godde K. An Examination of Proposed Causes of Auditory Exostoses // International Journal of Osteoarchaeology. 2010. Vol. 20. P. 486–490.
27. Hillson S. Dental anthropology. Cambridge, 1996. 373 p.
28. Indications of stress from bones and teeth / A. H. Goodman, D. L. Martin, G. J. Armelagos, G. Qark // Paleopathology at the origins of agriculture. New York, 1984. P. 13–49.

29. Kelley M. A. Skeletal changes produced by aortic aneurysms // *American Journal of Physical Anthropology*. 1979. Vol. 51. P. 35–38.
30. Khudaverdyan A. Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia // *The Mankind Quarterly*. 2016. Vol. 56. № 4. P. 513–534.
31. Khudaverdyan A. Yu. Khachatryan H. H., Eganyan L. G. Multiple trauma in a horse rider from the Late Iron Age cemetery at Shirakavan, Armenia // *Bioarchaeology of the Near East*. 2016. № 10. P. 47–67.
32. Khudaverdyan A. Yu. Tump-line Deformation on Skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: A Cause of Enigmatic Cranial Superstructures? // *The Mankind Quarterly*. 2018. Vol. 59 (1). P. 8–30.
33. Lagia A., Eliopoulos C., Manolis S. Thalassemia: macroscopic and radiological study of a case // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2007. Vol. 17. P. 269–285.
34. Lewis M. E. Endocranial lesions in non-adult skeletons: understanding their aetiology // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2004. Vol. 14. P. 82–97.
35. Lewis M. C. *The bioarchaeology of children: perspectives from biological and forensic anthropology*. Cambridge, 2007. 255 p.
36. Multifactorial Determination of Skeletal Age at Death: A Method and Blind Tests of its Accuracy / C. O. Lovejoy, R. S. Meindl, R. P. Mensforth, T. J. Barton // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. Vol. 68 (1). P. 1–14.
37. Ortner D. J. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains*. 2nd edition. London, 2003. 645 p.
38. Pálfi G. Maladies, environnement et activités: traces sur l'os humain ancien. exemple de la série anthropologique de Solliès-Toucas (IIIe à IVe siècle A.D., Var, France) // *Préhistoire Anthropologie Méditerranéenne*. 1992. № 1. P. 61–72.
39. Prevalence of exostoses surfers of the Basque coast / A. Mariezkurrena, J. Gómez Suárez, I. Luqui Albisua, J. C. Veja Orte, J. Algaaba Guimerá // *Acta Otorrinolaringológica Española*. 2004. № 55. P. 364–368.
40. Scheuer L., Black S. *Developmental Juvenile Osteology*. London, 2000. 587 p.
41. *Serpens endocrania symmetrica (SES): a new term and possible clue for identifying intrathoracic disease in skeletal populations* / I. HersHKovitz, C. M. Greenwald, B. Latimer, L. M. Jellema, S. Wish-Baratz, V. Eshed, O. Dutour, B. M. Rothschild // *American journal of Physical Anthropology*. 2002. № 118. P. 201–216.
42. Stuart-Macadam P. Anemia in past human populations // *Diet, demography and disease. Changing perspectives of anemia*. New York, 1992. P. 151–170.
43. Tayles N., Buckley H. R. Leprosy and tuberculosis in Iron Age Southeast Asia? // *American Journal of Physical Anthropology*. 2004. Vol. 125. P. 239–256.
44. Tuberculosis origin: The Neolithic scenario / I. HersHKovitz, H. D. Donoghue, D. E. Minnikin, H. May, O. Y. -C. Lee, M. Feldman, E. Galili, M. Spigelman, B. M. Rothschild, G. Kahila Bar-Gal // *Tuberculosis*. 2015. Vol. 95. Suppl. 1. P. S122–S126.
45. Van der Merwe A. E. Adult Scurvy in Skeletal Remains of Late 19th Century Mineworkers from Kimberley, South Africa // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2010. Vol. 20 (3). P. 307–316.
46. Wapler U., Crubézy E., Schultz M. Is cribra orbitalia synonymous with anemia? Analysis and interpretation of cranial pathology in Sudan // *American Journal of Physical Anthropology*. 2004. Vol. 123. P. 333–339.

REFERENCES

1. Alekseev V. P. *Osteometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Methods of Anthropological Research]. Moscow, 1966. 251 p.
2. Alekseev V. P., Debec G. F. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranioimetry: Methods of Anthropological Research]. Moscow, 1964. 128 p.
3. Amayakyan S. G., Tiracyan N. V., Amayakyan M. S. [Karas burials and “clay-box” burials from excavations in 2016 in Argishtikhinili. Preliminary report]. In: *Po tu storonu Aragats: arkheologicheskie issledovaniya, posvyashchyonnye pamyati Telemeka Khachatryana* [Beyond Aragats: Archaeological Research Dedicated to the Memory of Telemek Khachatryan], Erevan, 2018, pp. 175–181.
4. D'yakonov I. M. *Predystoriya armyanskogo naroda* [Prehistory of the Armenian People]. Erevan, 1968. 264 p.
5. Zubov A. A. [Some Odontological Data on the Problem of the Evolution of Man and Human Races].

- In: *Problemy evolyutsii cheloveka i ego ras* [Problems of the Evolution of Man and Human Races], Moscow, 1968, p. 5–122.
6. Zubov A. A. *Odontologiya: Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Odontology: Methods of anthropological research], Moscow, 1968, 199 p.
 7. Hudaverdyan A. Yu., Engibaryan A. A., Oganessian A. A., Obosyan S. G. [Comprehensive Study of Anthropological Materials of the 14th–16th centuries from the cave Zarni Er (Armenia)]. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2018, no. 3 (42), pp. 93–117.
 8. Martirosyan A. A. *Argishtihinili. Arkheologicheskie pamyatniki Armenii. Urartskie pamyatniki* [Argish-tihinili. Archaeological Monuments of Armenia. Urartian Monuments]. Erevan, 1974. 176 p.
 9. Melikishvili G. A. [Hittite-Tsupani Migrants to Urartu]. In: *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of ancient history], 1954, no. 2, pp. 42–46.
 10. Movsesyan A. A., Mamonova N. N., Rychkov Yu. G. [Program and Methodology for the Study of Skull Anomalies]. In: *Voprosy antropologii* [Questions of Anthropology], 1975, no. 51, pp. 127–150.
 11. Fedosova V. N. [General Assessment of the Development of the Mesomorphic Component According to Osteological Data: (Osteological Technique)]. In: *Voprosy antropologii* [Questions of Anthropology], 1986, no. 76, pp. 105–116.
 12. Horenaci M. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Moscow, 1893. 323 p.
 13. Hudaverdyan A. Yu. *Atlas paleopatologicheskikh nakhodok na territorii Armenii* [Atlas of Paleopathological Finds on the Territory of Armenia]. Erevan, 2005. 286 p.
 14. Meindl R. S., Lovejoy C. O., Mensforth R. P., Carlos L. D. Accuracy and direction of error in the sexing of the skeleton: Implications for paleodemography. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 1985, vol. 68, pp. 79–85.
 15. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption. In: *American journal of Physical Anthropology*. 2010. Vol. 42 (3). P. 481–490.
 16. Khudaverdyan A. Yu., Yengibaryan A. A., Hobosyan S. G., Hovhanesyan A. A., Saratikyan A. A. An Early Armenian female warrior of the 8–6 century BC from Bover I site (Armenia). In: *International Journal of Osteoarchaeology*, 2020, vol. 30, pp. 119–128.
 17. Aufderheide A. C., Rodríguez-Martín C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge, 1998. 478 p.
 18. Blakey M. L., Armelagos G. J. Deciduous enamel defects in prehistoric Americans from Dickson Mounds: Prenatal and postnatal stress. In: *American journal of Physical Anthropology*, 1985, vol. 66 (4), pp. 371–380.
 19. Brickley M., Ives R. Skeletal manifestations of infantile scurvy. In: *American journal of Physical Anthropology*, 2006, vol. 129, pp. 163–172.
 20. Brickley M., Ives R. The Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease. Academic Press, 2008. 350 p.
 21. Brook S., Suchey J. M. Skeletal Age Determination Based on the Os Pubis: A Comparison of the Acasadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks Methods. In: *Human Evolution*, 1990, vol. 5, pp. 227–238.
 22. Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. Atlas of occupational markers on human remains. Teramo, 1999. 183 p.
 23. Dahlberg A. A. Analysis of the American Indian dentition. In: *Dental Anthropology*, 1963, no. 5, pp. 1–8.
 24. Nicol G., Arnold G. P., Wang W., Abboud R. J. Dynamic pressure effect on horse and horse rider during riding. In: *Sports Engineering*, 2014, vol. 17(3), pp. 143–150.
 25. Fouché J. W., Freeman Jr. B. L. Resection of the manubrium sterni for reticulum cell sarcoma. In: *Southern Medical Journal*, 1956, vol. 49, pp. 248–249.
 26. Godde K. An Examination of Proposed Causes of Auditory Exostoses. In: *International Journal of Osteoarchaeology*, 2010, vol. 20, pp. 486–490.
 27. Hillson S. Dental anthropology. Cambridge, 1996. 373 p.
 28. Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth. In: *Paleopathology at the origins of agriculture*. New York, 1984. P. 13–49.
 29. Kelley M. A. Skeletal changes produced by aortic aneurysms. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 1979, vol. 51, pp. 35–38.

30. Khudaverdyan A. Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia. In: *The Mankind Quarterly*, 2016, vol. 56, no. 4, pp. 513–534.
31. Khudaverdyan A. Yu. Khachatryan H. H., Eganyan L. G. Multiple trauma in a horse rider from the Late Iron Age cemetery at Shirakavan, Armenia. In: *Bioarchaeology of the Near East*, 2016, no. 10, pp. 47–67.
32. Khudaverdyan A. Yu. Tumpline Deformation on Skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: A Cause of Enigmatic Cranial Superstructures? In: *The Mankind Quarterly*, 2018, vol. 59 (1), pp. 8–30.
33. Lagia A., Eliopoulos C., Manolis S. Thalassemia: macroscopic and radiological study of a case. In: *International Journal of Osteoarchaeology*, 2007, vol. 17, pp. 269–285.
34. Lewis M. E. Endocranial lesions in non-adult skeletons: understanding their aetiology. In: *International Journal of Osteoarchaeology*, 2004, vol. 14, pp. 82–97.
35. Lewis M. C. The bioarchaeology of children: perspectives from biological and forensic anthropology. Cambridge, 2007. 255 p.
36. Lovejoy C. O., Meindl R. S., Mensforth R. P., Barton T. J. Multifactorial Determination of Skeletal Age at Death: A Method and Blind Tests of its Accuracy. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 1985, vol. 68 (1), P. 1–14.
37. Ortner D. J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. 2nd edition. London, 2003. 645 p.
38. Pálfi G. Maladies, environnement et activités: traces sur l'os humain ancien. exemple de la série anthropologique de Solliès-Toucas (IIIe à IVe siècle A.D., Var, France). In: *Préhistoire Anthropologie Méditerranéenne*, 1992, no. 1, pp. 61–72.
39. Mariezkurrena A., Gómez Suárez J., Luqui Albusua I., Vea Orte J. C., Algaba Guimerá J. Prevalence of exostoses surfers of the Basque coast. In: *Acta Otorrinolaringológica Española*, 2004, no. 55, pp. 364–368.
40. Scheuer L., Black S. Developmental Juvenile Osteology. London, 2000. 587 p.
41. HersHKovitz I., Greenwald C. M., Latimer B., Jellema L. M., Wish-Baratz S., Eshed V., Dutour O., Rothschild B. M. *Serpens endocrania symmetrica* (SES): a new term and possible clue for identifying intrathoracic disease in skeletal populations. In: *American journal of Physical Anthropology*, 2002, no. 118, pp. 201–216.
42. Stuart-Macadam P. Anemia in past human populations. In: *Diet, demography and disease. Changing perspectives of anemia*, New York, 1992, pp. 151–170.
43. Tayles N., Buckley H. R. Leprosy and tuberculosis in Iron Age Southeast Asia? In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2004, vol. 125, pp. 239–256.
44. HersHKovitz I., Donoghue H. D., Minnikin D. E., May H., Lee O. Y.-C., Feldman M., Galili E., Spigelman M., Rothschild B. M., Kahila Bar-Gal G. Tuberculosis origin: The Neolithic scenario. In: *Tuberculosis*, 2015, vol. 95, suppl. 1, pp. S122–S126.
45. Van der Merwe A. E. Adult Scurvy in Skeletal Remains of Late 19th Century Mineworkers from Kimberley, South Africa. In: *International Journal of Osteoarchaeology*, 2010, vol. 20 (3), pp. 307–316.
46. Wapler U., Crubézy E., Schultz M. Is cribra orbitalia synonymous with anemia? Analysis and interpretation of cranial pathology in Sudan. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2004, vol. 123, pp. 333–339.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амаякян Симон Георгиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: s.hmayakyan@gmail.com

Амаякян Маргар Симонович – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: margarhmayakyan@gmail.com

Тиращян Нвард Георгиевна – научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: astghul@hotmail.com

Худавердян Анаит Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Simon G. Hmayakyan – Cand. Sci (History), Senior Research Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia;
e-mail: s.hmayakyan@gmail.com

Margar Hmayakyan – Cand. Sci (Arts), Research Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia;
e-mail: margarhmayakyan@gmail.com

Nvard G. Tiracyan – Research Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia;
e-mail: astghul@hotmail.com

Anahit Yu. Hudaverdyan – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia;
e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Худавердян А. Ю., Амаякян С. Г., Тирацян Н. Г., Амаякян М. С. Биоархеология костных останков из захоронений VII в. до н. э. из могильника Нор Армавир (Армения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 180–219.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-180-219

FOR CITATION

Khudaverdyan A. Yu., Hmayakyan S. G., Tiratsyan N. G., Hmayakyan M. S. Bioarcheology of bone remains from the 7th century BC burials found in the Nor Armavir burial ground (Armenia). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 180–219.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-180-219

УДК: 930.2: 003.071

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-220-230

НАДПИСИ ИЗ АЙ-ХАНУМ И ТАНАИСА: ВОЗМОЖНЫЕ АНАЛОГИИ

Коровчинский И. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление новых аналогов надписей № 117–120 из дворцовой сокровищницы Ай-Ханум (Греко-Бактрия).

Процедура и методы. В исследовании использован метод наблюдения, а также постоянный сравнительный и историко-сравнительный методы. Проведено сравнение указанных надписей с так называемыми дипинти группы « $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\acute{\alpha}$ », найденными преимущественно в Танаисе и других пунктах Северного Причерноморья.

Результаты. Выявлено значительное сходство между названными бактрийскими и причерноморскими надписями. В той и другой группе надписи были нанесены краской на сосуды с жидкостями и содержали информацию о порядковых номерах сосудов, объёме их содержимого и переливании жидкости из сосуда в сосуд. Это позволяет высказать предположение о принадлежности указанных надписей к одной и той же традиции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований в области эпиграфики, которые позволят проверить правильность сделанного предположения.

Ключевые слова: Греко-Бактрия, Ай-Ханум, античное Северное Причерноморье, Танаис, эпиграфика, дипинти, экономика

INSCRIPTIONS FROM AĪ KHANOUM AND TANAIS: POSSIBLE ANALOGIES

I. Korovchinskiy*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To find new analogies of inscriptions no. 117–120 from the Aī Khanoum palace treasury (Greco-Bactrian kingdom).

Methodology. The mentioned inscriptions were compared with the so-called dipinti of the $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\acute{\alpha}$ group, found mostly in Tanais (Bosporan kingdom) as well as in other sites in the north of the Black Sea region. The methods of observation and comparison were used.

Results. A significant similarity between the Bactrian and Black Sea inscriptions under study was revealed. In both groups, the inscriptions were written with paint on vessels containing liquids to convey information about their serial numbers, the amount of the contained liquid and the cases of transferring the liquid from one vessel to another. This allowed the author to assume that all these inscriptions belonged to the same tradition.

Research implications. The obtained results can be used in further research in the field of epigraphy to verify the existence of such a tradition.

Keywords: Greco-Bactrian kingdom, Aī Khanoum, Black Sea region in antiquity, Tanais, epigraphy, dipinti, economy

Введение

Корпус надписей дворцовой сокровищницы Ай-Ханум является одним из ярчайших памятников античной эпиграфики, однако найден сравнительно недавно – в 70-х гг. XX в. Этим объясняется его сравнительно слабая изученность. В частности, можно отметить, что до сих пор он изучался главным образом с помощью внутренней критики, а не путём сравнения с другими схожими текстами. Между тем, такое изучение является во многом недостаточным, потому что любое явление может быть правильно понято только в контексте аналогичных ему явлений и в первую очередь традиции, к которой оно принадлежит, если таковая существует. Можно представить, насколько более скудными и ограниченными были бы наши представления, скажем, о трудах Полибия или надписях Херсонеса, если бы мы рассматривали их изолированно, без сравнения с трудами других античных историков или надписями из других античных полисов. В последнее время мы посвятили несколько исследований восполнению означенного выше пробела [4; 5]. Настоящее исследование также служит этой цели, однако сравнение в нём проводится уже с памятниками причерноморской эпиграфики.

Если быть более точным, то начиная данное исследование, мы рассчитывали обнаружить среди граффити Танаиса аналогии надписей № 117–120 из Ай-Ханум (нумерация по *Corpus Inscriptionum Iranicarum*).

История открытия и исследования надписей из Ай-Ханум

Напомним, что современное название Ай-Ханум носит древний город, основанный в начале эпохи эллинизма (конце IV или начале III в. до н. э.) на территории современного северо-восточного Афганистана (провинция Тахар), у слияния рек Пянджа и Кокчи. Город с середины III в. до н. э. входил в состав Греко-Бактрий-

ского царства, просуществовал до 2-й половины II в. до н. э. и имел в целом облик, характерный для городов античного мира. Древнее название города неизвестно, а современное дано по близлежащей деревне. Его раскопки производились французской археологической экспедицией в 1964–1979 гг.

В Ай-Ханум имелся царский дворец, являвшийся, вероятнее всего, временной резиденцией царей во время их визитов в город [4, с. 67–74]. В помещениях дворцовой сокровищницы сохранились остатки сосудов, на которых краской были сделаны надписи, извещавшие об их содержимом (как правило, это были деньги, изредка – высоко ценившиеся ладан и оливковое масло). Все эти надписи изданы с комментариями уже несколько раз. Первое издание было предпринято французскими археологами К. Рапеном и Ф. Грене [16], второе (мало отличающееся от первого) – единолично К. Рапеном, включившим их в общее издание материалов ай-ханумской дворцовой сокровищницы [15, р. 95–104], третье подготовил итальянский исследователь Ф. Канали де Росси [9, р. 207–217]. Наконец, в 2012 г. они были переизданы в рамках *Corpus Inscriptionum Iranicarum* [18, р. 212–229]. Им также посвящен ряд недавно появившихся аналитических исследований, которые уже не являются их переизданием [12; 13, р. 2046–2053; 4].

В данной статье речь пойдет конкретно о надписях № 117–120 из Ай-Ханум, поэтому стоит написать о них подробнее.

Эти надписи были нанесены на стенку и крышку одного и того же сосуда (амфоры или кувшина) – № 117 и № 118 на крышку, № 119 и № 120 на стенку. Судя по тексту, в сосуде хранилось оливковое масло [16, р. 319–323; 15, р. 96–97; 18, р. 226–229]. В Бактрии оно высоко ценилось, так как в стране не имелось благоприятных условий для развития оливководства [15, р. 108, note 249; 4, р. 66–67, прим. 2]. Текст надписей № 117 и № 119, по-видимому, был идентичен, хотя и

различается по степени сохранности. То есть, по сути, это не что иное, как одна и та же продублированная надпись. Сводный текст можно представить следующим образом:

Ἔτους κδ' [-----] ἐλαίου ἐλαίνου ἀποδεῖς α' τὸ μεταγγισθὲν ἀπὸ κεραμίων δύο διὰ Ἰππίου τοῦ ἡμιολίου καὶ ἐσφράγισται ...σὸς τὸν α' καὶ στ... [16, р. 367; 15, р. 108]¹.

Перевести его можно следующим образом: «Год 24... С оливковым маслом неполный (сосуд) 1, перелитое из двух керамиев Гиппием (в объеме) полутора (керамиев), и запечатал ...с (сосуд) 1 и...»²

С данными надписями очень схожа также другая пара надписей, сохранившихся на тех же сосудах и крышке и, вероятно, также представляющих одну и ту же продублированную, но в разной степени сохранившуюся надпись. Мы имеем в виду надписи № 118 и № 120 по *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Они сохранились хуже вышеописанных. От надписи № 118 дошли следующие фрагменты:

Παρά Φιλίσκ[ου] ἐλαί[ου] ἐλαί]νου... πα... ους... ἀποδ[εῖς...]ων τριῶν... λων... ἐσφράγισται... Θεοφραστ[...]

«От Филиск[а] с [оливк]овым масл[ом] ... ? ... непо[лный] (сосуд?) ... [из] трех... ? ... запечатал... Теофраст...»

От надписи № 120 сохранилось совсем мало:[... ἀ]ποδεῖ[ς...] ...νος, в переводе «[...н]еполны[й] (сосуд)...?» [16, р. 320–323; 15, р. 96–97; 18, р. 228–229].

Сводный текст надписей № 118 и № 120 составить, к сожалению, невозможно, именно в силу их плохой сохранности.

В научной литературе до нас ещё никем не предпринималась попытка сравнения взятых отдельно ай-ханумских

надписей № 117–120 с другими надписями эпохи эллинизма. К. Рапен и Ф. Грене сопоставили весь корпус экономических надписей из Ай-Ханум с налоговыми квитанциями из птолемеевского Египта и надписями на погребальных урнах из некрополя в Гадре близ Александрии [16, р. 355–356]. Однако позднее К. Рапен признал, что в содержательном плане надписи на сосудах и квитанции явно представляют собой разные вещи [15, р. 111]. Это же признание, несомненно, следует отнести и к надписям на погребальных урнах. Тем не менее Дж. Лернер позднее вернулся к сопоставлению экономических надписей из Ай-Ханум с птолемеевскими квитанциями [12, р. 109]. Нам представляется, что, если брать данный корпус надписей в целом, то черты сходства, выявленные названными французскими и американскими исследователями (наличие дат и имён чиновников, использование предлогов *παρά* и *διὰ* перед антропонимами), могут представлять определённый интерес. Но для анализа надписей № 117–120 они мало что дают. Датировка и имена должностных лиц вполне ожидаемы в любых официальных надписях. Что же касается *παρά* и *διὰ*, то первый из этих предлогов встречается только в надписи № 118, а второй – только в № 119 (т. е. не в дублирующих друг друга надписях, а в разных). Это мало что говорит о данной группе надписей, взятой в целом.

Мы недавно, как нам кажется, нашли более близкий аналог надписей № 117 и № 119 в лице папирусов P. Cair. Zen. 59012, P. Cair. Zen. 59013 и P. Cair. Zen. 59015 из архива Зенона (птолемеевский Египет, III в. до н. э.). Эти папирусы являются не налоговыми документами, а связаны с импортом продуктов в Египет для хозяйства диоикета (министра, аналога древнеегипетского чати) Аполлония. В них не только присутствуют дата и имена ответственных лиц, *παρά* и *διὰ*, но также упоминаются многочисленные товары (в том числе оливковое масло), хранящиеся в сосудах (в том числе керамических) полно-

¹ Ж. Ружмон считает изначальную идентичность надписей № 117 и № 119 недостаточно доказанной [18, р. 230], но нам, как и К. Рапену и Ф. Грене, она, во всяком случае, представляется весьма вероятной, поскольку все сохранившиеся детали этих надписей дополняют друг друга, как если бы речь шла о едином тексте.

² Здесь и далее переводы наши, кроме специально оговоренного случая. Обоснование данного перевода см. в [5].

го и половинного (ср. τοῦ ἡμιολίου – «в объеме полутора») объёмов. Это делает данные документы более пригодными для сравнения с надписями № 117–120 из Ай-Ханум, чем налоговые квитанции и надписи на погребальных урнах. Об этом мы подробнее писали в другой нашей статье [5].

Однако позднее нам довелось натолкнуться на другие, ещё более близкие аналоги рассматриваемых ай-ханумских надписей, причём вне пределов эллинистического мира, что делает нашу находку ещё более неожиданной. Среди дипинти Танаиса такое сходство демонстрируют, на наш взгляд, так называемые дипинти группы «γευματήρα» (термин, предложенный С. И. Ильашенко). Они представляют собой надписи, нанесённые краской на горла и плечики светлоглиняных амфор, найденных в закрытых комплексах (подвалах домов торговцев), сформировавшихся в ходе разрушения Танаиса степными племенами в середине III в. То есть, по всей видимости, данные дипинти или, во всяком случае, их подавляющее большинство следует датировать 1-й половиной III в. Вот образцы этих надписей (нумерация согласно изданию С. И. Ильашенко):

3 (№ 648). C γευμα(τηρά) πίθου θ λάγυνοι υλ («?, про(ба) (из) пифоса 9, 430 лагинов»).

4 (№ 1795). Γευμ(ατηρά) πίθου κγ, λάγυνοι υι («Пр(оба) (из) пифоса 23, 410 лагинов»).

5 (№ 1846). Γευμ(ατηρά) πίθου κε, λάγυνοι υι («Пр(оба) (из) пифоса 25, 410 лагинов»).

6 (№ 1774). Γευματη(ρά) πίθου κ, λάγυν(οι) υμα («Проб(а) (из) пифоса 20, 441 лагин»).

9 (№ 138). Πίθου α, λάγυνοι τοζ («(Из) пифоса 1, 377 лагинов»).

10 (№ 103). [Γε]υμ[ατ]ηρά π[ίθ]ου δ[ευτ]έρου λάγυνοι тоε («[Пр]о[б]а (из) п[иф]оса в[то]рого, 375 лагинов»).

11 (№ 701). Γευμα(τηρά) πίθου ι, λάγυνοι υке («Пр(оба) (из) пифоса 10, 425 лагинов»).

14 Γευματη(ρά) πί[θου]... λάγυνοι...¹ («Проб(а) (из) пи[фоса]... лагинов»).

16 (№ 979). Γευ(ματηρά) πί[θου], λάγυνοι υιζ («Пр(оба) (из) пи[фоса], 417 лагинов»).

17 (№ 2405). Ια γευμ(ατηρά) λάγυν(οι) υος («11, пр(оба), 476 лагин(ов)») [3, с. 174–178].

Мы отобрали эти надписи как лучше всего сохранившиеся и наиболее показательные, хотя в Танаисе найден ещё ряд похожих, но сохранившихся хуже [3, с. 174–178]. Согласно убедительной интерпретации С. И. Ильашенко, данные надписи были нанесены на амфоры с вином, привезённые в Танаис из Гераклеи Понтийской [3, с. 6, 42–43]. В этих амфорах содержались пробы вина, хранившегося в Гераклее в пронумерованных больших пифосах. На амфоры была нанесена информация о номере пифоса, из которого взята проба для амфоры, и об общем количестве вина, содержащегося в данном пифосе и готового для продажи в Танаис. Танаисские купцы-импортеры пробовали вино и, если вино из такого-то пифоса им нравилось и казалось подходящим для закупки, закупали большую оптовую партию вина из этого пифоса в амфорах. Лагин – мера объёма, популярная в поздней античности и равнявшаяся 12 котилам или 3,29 литра. По всей видимости, стандартный объем гераклейской амфоры того типа, на который наносились рассматриваемые надписи, равнялся как раз 1 лагину [3, с. 42–49, 57].

Цель нашего исследования мы видим в проверке вышеперечисленных надписей из Танаиса на предмет того, являются ли они аналогами надписей № 117–120 из Ай-Ханум и, в случае, если они таковыми являются, в объяснении данного факта. Задачей исследования является сравнение названных групп надписей. Основным методом, который мы намерены применить в нашем анализе, явля-

¹ После πί[θου] в этой надписи сохранились остатки цифры ε (5) или κ (20), после λάγυνοι – остатки γ (3) или τ (300).

ется постоянный сравнительный метод. Он основан на индуктивном подходе и состоит, в частности, в разбивке текстов на смысловые и лексические элементы, позволяющей выявить среди этих элементов сходные и на данной основе сравнивать тексты. Такого рода сравнение, в свою очередь, позволяет делать выводы об одних текстах на основе анализа других [8, р. 37]. Мы также намерены применить метод наблюдения и историко-сравнительный метод, следуя при этом принципам объективности и историзма.

Сравнение надписей из Ай-Ханум и Танаиса

Хотя хронологический разрыв между рассматриваемыми нами бактрийскими и танаисскими надписями велик (середина II в. до н. э. и середина III в. – около 400 лет), тем поразительнее сходство между ними. И те, и другие нанесены на сосуда красками. Сосуды с надписями во всех рассматриваемых случаях как в Ай-Ханум, так и в Танаисе предназначались для хранения пищевых жидкостей (в Бактрии – оливкового масла, в Танаисе – вина). Как известно, оливковое масло и вино наряду с хлебом составляли основу рациона древних греков. В бактрийских надписях содержится информация о порядковом номере сосуда (ἀποδείξ α'), в танаисских – о номерах многих сосудов (πίθου θ, πίθου κγ, πίθου κε и т. д.). Как в бактрийских надписях, так и в танаисских содержатся сведения об объёме жидкости в сосуде (ἀπὸ κεραμίων δύο... τοῦ ἡμιόλιου, сюда же, вероятно, относится ...ὡν τριῶν из бактрийской надписи № 118), а также указание на переливание жидкости из сосуда в сосуд (в бактрийских надписях – τὸ μεταγγίσθην ἀπὸ κεραμίων, в танаисских – γεμνᾶτρά πίθου). Интересно, что даже объём лагина (12 котил) совпадает с одним из вариантов эллинистического керамика как меры объёма [14, р. 550].

Следует также отметить, что все рассматриваемые нами надписи – как бактрийские, так и танаисские – связаны

с античной международной торговлей. Страбон¹ прямо писал об отсутствии оливководства в Бактрии. Р. Мэйрс высказывает сомнение в правильности информации Страбона и допускает наличие оливководства в эллинистической Бактрии, однако не приводит конкретных аргументов в пользу данной точки зрения [13, р. 2052]. Мы со своей стороны заметим, что, согласно недавнему исследованию климата ряда районов южного Таджикистана и северного Афганистана, территория которых в древности входила в состав Бактрии, температура зимой там даже на равнинах может опускаться до -30°C, а в горах ещё ниже². Климат той части Бактрии, которая входит в состав современного Узбекистана (район Термеза), мягче, однако и там возможно понижение температуры до -20°C [6, с. 85]. Остальные части древней Бактрии непосредственно примыкают к упомянутым выше, не отделены от них какими-либо значимыми преградами или перепадами высот, и климат там едва ли принципиально иной. В то же время оливковые деревья не выдерживают температуру ниже -12°C [10, р. 1]. Соответственно, трудно не сделать вывод о том, что оливковое масло привозилось в Бактрию извне.

В Танаисе была аналогичная ситуация не только с оливководством, но и с виноделием. Крупнейший исследователь Танаиса Д.Б. Шелов пишет: «Ни виноград, ни маслины в окрестностях Танаиса тогда не росли. Возделывать виноград на Дону научились сравнительно недавно; грекам же климат Приазовья казался чрезвычайно суровым, и создать тут своего виноградарства и виноделия они не смогли. Значит, все эти необходимые для греков товары надо было привозить в

¹ Strabo, Geogr., II, 1, 14.

² Снежко В., Круткина О. TARPI Project: "Conduct Regional Characterization Study in order to identify potential risks both in Tajikistan and Afghanistan target territories. Create hazard maps following the assessment". Отчёт о результатах выполненных работ. Душанбе – СПб., 2012. С. 10. (Опубликовано на asademia.edu).

амфорах из-за моря» [7, с. 113]. Поэтому в Танаис приходилось импортировать не только оливковое масло, как в Бактрию, но и вино.

Представляется не случайным, что именно на сосуды с импортной, но очень важной для греков продукцией наносились надписи, в которых столь тщательно фиксировались связанные с ней сведения: порядковые номера сосудов, объём, факт переливания, а в Ай-Ханум – даже имена чиновников, ответственных за их содержимое.

Это противоречит мнению С. И. Ильашенко, согласно которому вино, привозившееся в Танаис из Гераклеи, отличалось низким качеством и, соответственно, не являлось ценным продуктом. Данное мнение опирается на сообщение из византийского земледельческого трактата «Геопоники», в котором сосуды большого объёма объявляются неподходящими для хранения качественного вина [3, с. 60–61]. Действительно, судя по приведённым выше надписям, объём гераклейских пифосов был немалым: пересчёт 430 лагинов на современную меру даёт 1414,7 литров, 410 лагинов – 1348,9 литров, 441 лагин – 1450,89 литров и т. д. В «Геопониках»¹ же указывается: «Очень больших пифосов не надо. В большинстве случаев вино в таких пифосах не бродит потому, что места для него достаточно, и оно начинает от собственного обилия выливаться и теряет не только запах, но и цвет. Маленькие же сосуды много способствуют сохранению и хорошему качеству вина. Поэтому следует изготавливать маленькие пифосы. Если же у нас уже имеются старые большие пифосы, то будем вливать в них слабое и худшее вино, а лучшее в маленькие»².

Нужно, однако, иметь в виду, что «Геопоники» – это очень поздний источник, начавший создаваться в Византии в VI в., а его версии, дошедшие до нас, датируются ещё позднее – до X в. включитель-

но [19, р. 107]. Правда, по большей части он представляет собой компиляцию на основе работ более ранних, античных авторов. Но из этого не следует, что каждое его сообщение отражает единственное для времени античности мнение³. Например, мнение авторов трактата не обязательно должно было совпадать с практикой обычных людей. Для того чтобы убедиться в том, что даже у античных авторов отсутствовало единство взглядов на наличие связи между размером пифоса и качеством вина, достаточно обратиться к другому источнику, на который дополнительно ссылается С. И. Ильашенко – к трудам Галена. По его мнению, этот знаменитый врач II века считал вино, хранящееся в больших сосудах, вредным для здоровья, а хранящееся в небольших – напротив, полезным [3, с. 72–73]. Но в действительности, если мы прочтём те отрывки из трудов Галена, на которые в данном случае ссылается известный российский археолог [3, с. 73], то поймём, что дело обстоит несколько иначе.

Φεύγειν δὲ χρὴ τοὺς παχεῖς ἅμα καὶ δυσώδεις καὶ ἀηδεῖς καὶ αὐστηροὺς, οἷός ἐστιν ὁ φαῦλος Βιθυνὸς ὁ ἐν τοῖς μεγάλοις κεραμίοις, ὁ δ' ἐν τοῖς μικροῖς οὐτ' ἀηδής, οὔτε δυσώδης, οὔτε παχὺς ἄγαν ἐστίν, ἀλλ' οὐδὲ τὴν στύψιν ἔχει στρυφνὴν («Следует избегать (вин) густых, обладающих не-

³ В тексте «Геопоник» процитированный отрывок о пифосах отмечен как заимствованный у агронома Анатолия (VI, 3; подробнее об Анатолии – [11]). Оригинальный греческий текст трактата Анатолия о земледелии не сохранился, а в его сохранившемся арабском переводе сообщается, что данный трактат представляет собой компиляцию из трудов большого числа древнегреческих авторов – Гиппократа, Аристотеля, Эрасистрата, Демокрита и др. [11, р. 66]. Таким образом, ссылка составителя «Геопоник» на Анатолия представляет собой, по сути, ссылку компилятора на другого компилятора, а исходный источник приведённой точки зрения на вино в пифосах остается неясным. Возможно, впрочем, что внимательное изучение сохранившихся арабского, армянского и двух арамейских переводов труда Анатолия [11, р. 65–67; 17, р. 1] позволит прояснить данный вопрос. Однако мы пока не предприняли работу в данном направлении, поскольку она требует значительных усилий, и мы не владем названными восточными языками.

¹ «Геопоники» VI, 3, 9–11.

² Пер. Е. Э. Липшиц.

приятным запахом или вкусом, а также кислых – таких, как дешёвое вифинское, хранящееся в больших керамиях; а тому, которое хранится в малых, ни неприятный вкус или запах, ни чрезмерная густота не свойственны, и сильных запоров оно не вызывает¹»).

Εὐστόμαχοι δ'εἶσιν οἱ τοιοῦτοι πάντες παλαιούμενοι. Ὅπως δὲ καὶ τούτων ἔχοις τι παράδειγμα, τοῦ τ' ἀπὸ τῆς Νικομηδίας ἀναμνήσκω σε πᾶσιν ἀνθρώποις γνωρίμου καὶ τοῦ Σικελοῦ τοῦ Ἀμναιίου τοῦ ἐν τοῖς μεγάλοις κεραμείοις. Ὁ γὰρ ἐν τοῖς μικροῖς λαγυνίοις ἐναντιώτατος τῷδε, κακοστώμαχος ἅμα καὶ κεφαλαλγῆς ὑπάρχων («Для желудка хороши все те (вина), которые хорошо выдержаны. В качестве примера таковых напомним о никомедийском, известном всем людям, и о сицилийском аминейском – том, которое хранится в больших керамиях. А то, которое (хранится) в маленьких бутылочках, совершенно им противоположно, плохо для желудка, и к тому же ему свойственно вызывать головную боль²»).

Как видно из этих отрывков, речь идет о свойствах не вина вообще, а конкретных сортов вин, и только в случае с «дешёвым вифинским» вином Гален лучше относится к хранящемуся в малых сосудах, чем к хранящемуся в больших. А о «сицилийском аминейском» вине Гален пишет диаметрально противоположное: оно полезно для желудка (εὐστόμαχος), если брать его из больших сосудов, а если брать из малых, то оно, напротив, причиняет разносторонний вред. Применительно же к никомедийскому вину Гален вообще не уточняет, из каких сосудов его следует пить, очевидно, считая любое никомедийское полезным. Следует напомнить, что Никомедия – столица Вифинии, то есть в данном случае речь идёт снова о вифинском вине, только на сей раз, видимо, уже элитном, а не дешёвом. Указания врача на различные вифинские вина важны ещё и тем, что Гераклея Понтий-

ская находилась неподалеку от Вифинии, и её виноделие, вероятно, было схоже с вифинским.

Что касается третьего отрывка из Галена³, на который ссылается С. И. Ильяшенко, то в нём речь идёт совершенно о другом – не о вине и сосудах, а о вреде бани для больных с высокой температурой и вообще о свойствах бани применительно к медицине. По всей видимости, С. И. Ильяшенко сослался на этот отрывок по ошибке.

Таким образом, можно заключить, что Гален не делал категоричного вывода о том, что хранить вино в малых сосудах однозначно хорошо, а в больших – плохо. Скорее, он считал данный аспект зависящим от конкретного сорта вина. Вполне вероятно, что и взгляды танаисских торговцев III века были ближе к точке зрения Галена, чем к взгляду, отражённому в «Геопониках». Это подтверждается текстами рассматриваемых нами танаисских надписей, речь в которых идёт о пробах вина из конкретных пифосов. Из них следует, что танаисские купцы не считали гераклейское вино, хранящееся в больших пифосах, ни заведомо хорошим, ни заведомо плохим, а действовали по принципу «пифос пифосу рознь», закупая вино только из определённых пифосов. Очевидно, они делали это потому, что видели разницу в качестве содержимого даже между отдельными большими пифосами. Но вряд ли стоит сомневаться в том, что вино, оказавшееся на пробу хорошим и достойным закупки, должно было высоко цениться в греческом городе «на краю ойкумены», лишенном собственного виноделия – так же, как в Бактрии должно было высоко цениться оливковое масло. Именно этим можно объяснить то, что как на сосуды с оливковым маслом в Бактрии, так и на сосуды с вином в Танаисе наносились надписи, содержавшие столь подробную информацию о нём.

¹ Galen Kühn VI 802.

² Galen Kühn X 835.

³ Galen Kühn X 802.

Разумеется, всё вышесказанное говорит лишь о сходстве рассматриваемых бактрийских и танаисских надписей, но не об идентичности их содержания. В них отразились, разумеется, различные ситуации. В Бактрии оливковое масло было, скорее всего, уже импортировано в нужном количестве ещё до нанесения надписей. То есть большой пронумерованный сосуд с маслом, на крышку и стенку которого они нанесены, и есть тот самый сосуд, о котором идёт речь в бактрийских надписях. Танаисские же надписи нанесены в Гераклею на малые амфоры с предварительными пробами вина. Информация о номере и объёме содержимого относится не к амфорам, на которые они нанесены, а к оставшимся в Гераклею пифосам, из которых в будущем (позднее нанесения надписей) вино будет перелито уже для полноценного импорта в Танаис.

И всё же многочисленные черты сходства позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о том, что, вопреки более ранним исследованиям, надписи из царской сокровищницы в Ай-Ханум не относятся только к замкнутой на самой себе эпиграфической традиции эллинистических царских сокровищниц. Более того, их нельзя отнести исключительно даже к эпиграфической традиции эпохи эллинизма. По-видимому, традиция нанесения на сосуды надписей краской с информацией о порядковых номерах сосудов, объёме их содержимого и фактах переливания жидкостей из сосуда в сосуд, была широко распространена в античном мире на протяжении длительного времени, будучи связанной не только с царскими хозяйствами, но и с деятельностью обычных торговцев.

Об этом свидетельствуют находки надписей, аналогичных танаисским, и в других точках Северного Причерноморья. Так, в погребении № 18 могильника Скалистое III в Крыму (по преимуществу сарматского и датируемого II–III вв.) [2, с. 136, 138–139; 1, с. 295, 298] была найдена амфора, хранящаяся в настоящее

время в Бахчисарайском музее, со следующей надписью: Γευματηρὰ πίθου ιθ, λάγυ(νοι) σιβ («Проба (из) пифоса 19, 212 лаги(нов)») [1, с. 136; 3, с. 51]. Ещё западнее, в Одесской области Украины, недалеко от остатков римской крепости Картал была найдена (к сожалению, в перемещённом слое и потому с трудом поддающаяся датировке) амфора, на которой имеется текст, гласящий: Γευματηρὰ πίθου κη, (λάγυνοι) ρξ («Проба (из) пифос(а) 28, 160 (лагинов)» [3, с. 50–51]. Есть и другие находки похожих, но хуже сохранившихся надписей из этого же региона [3, с. 49–51]. Таким образом, традиция, схожая с ай-ханумской, охватывала самые различные районы Северного Причерноморья.

Заключение

В результате данного исследования мы пришли к выводу, что надписи № 117–120 из Ай-Ханум обладают значительным сходством с дипинти группы «γευματηρὰ» из Танаиса. Сходство это проявляется в том, что обе группы надписей связаны с экспортом в данные города не производившихся в их окрестностях, но важных для рациона живших там греков жидкостей из «средиземноморской триады» (в Ай-Ханум – оливкового масла, в Танаисе – вина). Также в надписях обеих групп мы встречаем данные об объёме жидкостей, хранившихся в сосудах, о порядковом номере или номерах сосудов, о переливании жидкости из сосуда в сосуд, происходившем в связи с экспортом. С другой стороны, между этими группами есть и различия. В надписях Ай-Ханум речь идёт о сосудах, находившихся непосредственно в этом городе, и о масле, которое уже импортировано, в то время как в причерноморских – преимущественно о сосудах, хранившихся в другом месте или местах, и о предстоящем импорте вина из них.

Тем не менее сходство достаточно велико, чтобы можно было выдвинуть предположение о принадлежности обе-

их групп надписей к одной и той же традиции античных дипинти. О прямой связи между Греко-Бактрией II в. до н. э. и Северным Причерноморьем III в. говорить, разумеется, невозможно, но вполне вероятно, что у обеих групп надписей имеются общие корни. Возможно, что

такого рода надписи были характерны и для других районов античного мира и периодов античной истории. Это предстоит проверить в ходе дальнейших исследований.

Статья поступила в редакцию 25.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А. И. Население Крыма в середине III–IV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. 5. С. 290–303.
2. Богданова Н. А., Гущина И. И. Новые могильники II–III вв. у с. Скалистое в Крыму // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. Вып. 112. М.: Наука, 1967. С. 132–139.
3. Ильяшенко С. И. Стандартные *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его окружи III–IV вв. // Боспорские исследования. Вып. 29. Симферополь – Керчь: Изд-во Крымского отделения Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной Академии Наук Украины, 2013. 288 с.
4. Коровчинский И. Н. Дворцовая сокровищница Ай-Ханум как провинциальная царская сокровищница (к постановке проблемы) // Исторический вестник. 2018. Т. 26. С. 66–83.
5. Коровчинский И. Н. К вопросу о значении слов *τοῦ ἡμιολίου* в экономических надписях Ай-Ханум // Genesis: исторические исследования. 2020. № 8. С. 1–11.
6. Хасанов И. А., Никадамбаева Х. Б. Физическая география Узбекистана. Ташкент: Университет, 2017. 252 с.
7. Шелов Д. Б. Танаис – потерянный и найденный город. М.: Наука, 1967. 144 с.
8. Bowen G. Document Analysis as a Qualitative Research Method. In: Qualitative Research Journal, 2006, vol. 9, no. 2, pp. 27–40.
9. Canali de Rossi F. Iscrizioni dello Estremo Oriente greco: un repertorio. Köln, Habelt, 2004. 410 p.
10. Connell J. History and Scope of the Olive Industry. In: Olive Production Manual. Davis (Ca.): University of California Agriculture and Natural Resources Publications, 2005. 180 p.
11. Ito T. On Anatolios in the Geoponika: one author or three? In: Byzantinische Zeitschrift, 2017, vol. 110, iss. 1, pp. 61–68.
12. Lerner J. A Reappraisal of the Economic Inscriptions and Coin Finds from Ai Khanoum. In: Anabasis: Studia Classica et Orientalia, 2011, vol. 2, pp. 103–147.
13. Mairs R. New discoveries of documentary texts from Bactria: Political and cultural change, administrative continuity. In: The Journal of Juristic Papyrology, 2016, Suppl. 28, pp. 2037–2061.
14. Pestman P. W. A Guide to the Zenon Archive. In: Papyrologica Lugduno-Batava, vol. 21 A, Leiden, Brill, 1981. 466 p.
15. Rapin C. La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane. In: Fouilles d'Ai Khanoum, vol. 8, Paris, De Boccard, 1992. 464 p.
16. Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum. L'onomaistique iranienne à Ai Khanoum. In: Bulletin de Correspondance Hellénique. 1983, vol. 107, no. 1. p. 315–381.
17. Rodgers R. H. Hail, Frost, and Pests in the Vineyard: Anatolius of Berytus as a Source for the Nabataean Agriculture. In: Journal of the American Oriental Society, 1980, vol. 100, no. 1, pp. 1–11.
18. Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale. Avec des contributions de Paul Bernard. In: Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part 2, vol. 1. London, Published on behalf of Corpus inscriptionum Iranicarum by School of Oriental and African Studies, 2012. 326 p.
19. Scardino C. Editing the Geoponika: The Arabic Evidence and its Importance. In: Greek, Roman and Byzantine Studies, 2018, vol. 58, pp. 102–125.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. [Population of Crimea in mid-3rd–4th cent.]. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archaeology, history and ethnology of Taurica], 1996, iss. 5, pp. 290–303.

2. Bogdanova N. A., Gushchina I. I. [New burial sites of the 2nd – 3rd cent. near the Skalistoe village in Crimea]. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Short reports of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences]. Iss. 112, Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 132–139.
3. Il'yashenko S. I. [Standard *dipinti* on the 3rd–4th cent. narrow-necked light clay amphorae from Tanais area]. In: *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies]. Iss. 29. Simferopol – Kerch, Crimean branch of the Institute of Oriental studies Publ., 2013. 288 p.
4. Korovchinskiy I. N. [The palace treasury of Ai Khanoum as a provincial royal treasury]. In: *Istoricheskiy vestnik* [Historical bulletin], 2018, vol. 26, pp. 66–83.
5. Korovchinskiy I. N. [Meaning of the words τοῦ ἡμιολίου in the Ai Khanoum economic inscriptions: new considerations]. In: *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Studies], 2020, no. 8, pp. 1–11.
6. Khasanov I. A., Nikadambaeva Kh. *Fizicheskaya geografiya Uzbekistana* [Physical geography of Uzbekistan]. Tashkent, Universitet Publ., 2017. 252 p.
7. Shelov D. B. *Tanais – poteryannyi i naidennyi gorod* [Tanais – city lost and found]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 144 p.
8. Bowen G. Document Analysis as a Qualitative Research Method. In: *Qualitative Research Journal*, 2006, vol. 9, no. 2, pp. 27–40.
9. Canali de Rossi F. Iscrizioni dello Estremo Oriente greco: un repertorio. Köln, Habelt, 2004. 410 p.
10. Connell J. History and Scope of the Olive Industry. In: *Olive Production Manual*. Davis (Ca.): University of California Agriculture and Natural Resources Publications, 2005. 180 p.
11. Ito T. On Anatolios in the Geoponika: one author or three? In: *Byzantinische Zeitschrift*, 2017, vol. 110, iss. 1, pp. 61–68.
12. Lerner J. A Reappraisal of the Economic Inscriptions and Coin Finds from Ai Khanoum. In: *Anabasis: Studia Classica et Orientalia*, 2011, vol. 2, pp. 103–147.
13. Mairs R. New discoveries of documentary texts from Bactria: Political and cultural change, administrative continuity. In: *The Journal of Juristic Papyrology*, 2016, suppl. 28, pp. 2037–2061.
14. Pestman P. W. A Guide to the Zenon Archive. In: *Papyrologica Lugduno-Batava*, vol. 21 A, Leiden, Brill, 1981. 466 p.
15. Rapin C. La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane. In: *Fouilles d'Ai Khanoum*, vol. 8, Paris, De Boccard, 1992. 464 p.
16. Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum. L'onomaistique iranienne à Ai Khanoum. In: *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1983, vol. 107, no. 1, pp. 315–381.
17. Rodgers R.H. Hail, Frost, and Pests in the Vineyard: Anatolius of Berytus as a Source for the Nabataean Agriculture. In: *Journal of the American Oriental Society*, 1980, vol. 100, no. 1, pp. 1–11.
18. Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale. Avec des contributions de Paul Bernard. In: *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Part 2, vol. 1, London, Published on behalf of Corpus inscriptionum Iranicarum by School of Oriental and African Studies, 2012. 326 p.
19. Scardino C. Editing the Geoponica: The Arabic Evidence and its Importance. In: *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 2018, vol. 58, pp. 102–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коровчинский Иван Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: korin3@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan N. Korovchinskiy – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Archaeology and History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: korin3@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коровчинский И. Н. Надписи из Ай-Ханум и Танаиса: возможные аналогии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 220–230.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-220-230

FOR CITATION

Korovchinskiy I. N. Inscriptions from Ai Khanoum and Tanais: possible analogies. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 220–230.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-220-230

УДК 902.2; 7.032:72.03

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-231-246

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХРИСТИАНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Клемешов А. С.,¹ Малышев А. А.²

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² *Институт археологии Российской академии наук*

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация.

Целью статьи является характеристика новых данных о христианизации северо-восточного Причерноморья в свете новых археологических находок на Верхнегостагаевском городище (Краснодарский край).

Процедура и методы. В статье приведены результаты предварительного исследования группы фрагментов надгробий с изображениями креста в круге, обнаруженных при изучении построек верхней укрепленной площадки городища.

Результаты. На основе сравнения особенностей изображений на стелах городища с вероятными аналогами, наиболее близким из которых является надгробие некрополя пос. Уташ близ Анапы-Горгиппии, можно говорить о формировании местной традиции изготовления раннехристианских надгробий.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье сделаны предположения о датировке группы надгробий, а также о существовании в регионе христианской общины в ранневизантийский период.

Ключевые слова: позднеантичное время, христианство, надгробия, Верхнегостагаевское городище

NEW DATA ON THE CHRISTIANIZATION OF THE NORTH-EASTERN BLACK SEA REGION

A. Klemeshov¹, A. Malyshev²

¹ *Moscow Region State University*

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² *Institute of Archaeology of Russian Academy of Science*

19 ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow 117292, Russian Federation

Abstract.

Aim. To characterize new data on the Christianization of the North-Eastern Black Sea region in the light of new archaeological finds at the Verkhnegostagaevskoe fortified settlement (Krasnodar Krai).

Methodology. The article presents the results of a preliminary study of a group of tombstone fragments having images of a cross in a circle, discovered during the study of the upper fortified site of the settlement.

Results. A comparison of the images on the Verkhnegostagaevsky tombstones with probable analogues, the closest of which is the tombstone of the Utaš necropolis near Anapa

(ancient Gorgippia), we assumed the formation of a local tradition of making early Christian gravestones.

Research implications. The article advances assumptions concerning the dating of the tombstones under study and the existence of a Christian community in the region in the early Byzantine period.

Keywords: late Antiquity, Christianity, gravestones, Verkhnegostagevskoe fortified settlement

Введение

Местонахождения памятников раннего христианства в Северном Причерноморье и данные письменных источников позволяют говорить о неравномерности распространения новой веры в регионе в позднеантичную эпоху. Проникновение её в первую очередь в крупные политические и экономические центры во II–III вв. [28, с. 125; 43, с. 34] вовсе не означало начала широкой христианизации местного населения. Существование первых христианских общин в регионе, как правило, относят к IV в. К этому времени предметы с христианской символикой и погребения по христианскому обряду фиксируют на Боспоре [22, с. 67–68; 9, с. 465–466], в Абхазии [12, с. 84–85; 43, с. 52–54], несколько позже – в западном Крыму, в том числе в Херсонесе Таврическом [47, с. 250–259; 28, с. 132–134; 16, с. 22–24; 14, с. 402–426].

Вместе с тем говорить о масштабности христианизации Боспора в IV и даже в первой половине V в. ещё нельзя. Утвердившаяся к этому времени в боспорских городах вера медленно проникала в сельскую местность и предгорья Северного Кавказа. Получившие отражение в сравнительно поздней церковной традиции легенды о миссии ап. Андрея в Скифии (впервые упомянута у Евсевия Памфила в третьей книге «Церковной истории» [13, с. 110; 33, с. 94–96]), а также о миссии ап. Андрея и Симона Кананита в Зихии и Абазгии (об этом пишет, в частности, Епифаний Кипрский [43, с. 46]), сложились лишь к сер. I тыс., как и легенда о ссылке и мученичестве римского папы Климента I [42, с. 116–117]. Упоминание епископов Херсона, Готии и Боспора, а также питиунтского епископа Страто-

фила в списке участников Никейского собора 325 г. [5, с. 275–287; 35, с. 56; 12, с. 81–97; 24, с. 93–114] также рассматривается как позднейшая вставка [28, с. 131; 16, с. 21; 17, с. 65–66].

Мощный импульс распространению христианства в V–VI вв. дало изменение этнополитической ситуации в регионе. Связанное с перемещением, в частности, готов-тетракситов из Крыма на территорию Азиатского Боспора, оно нашло отражение в строительстве храмов-базилик [44, с. 291]. Об участии Византии в христианизации восточного Причерноморья свидетельствует Прокопий Кесарийский. Он упоминает об отправке в 548 г. епископа к «чтущим свою веру с душевной простотой и великой безропотностью» готам-тетракситам по их просьбе [36, с. 385] и священников к абазгам [36, с. 383], христианам, «издревле сохранявшим дружбу с римлянами» [47, с. 168]. Жившие между готами и абазгами зихи также были уже христианами – в Константинопольском соборе 553 г. участвовал епископ Зихии Дометий [45, с. 47]. VI век стал, видимо, временем централизации разрозненных христианских общин Северного Причерноморья.

В церковном отношении в IV и до середины VI вв. христианское население исторической Синдики и полуострова Абрау могло относиться к территориально наиболее близкой Боспорской епархии. Боспорская кафедра в IV – первой половине VII в. была центром христианского населения восточного Крыма и, возможно, Азиатского Боспора. Затем с середины VII до конца VIII в. кафедры Херсона, Боспора и Никопсии входили в Зихскую епархию [48, р. 206; 45, с. 47]. Кафедра Зихии, располагавшаяся со второй

трети VI в. в Никопсисе (этот центр локализуют в устье р. Нечепсухо [45, с. 47]) и созданная при помощи Боспорской епархии [8, с. 258], была призвана способствовать христианизации зихов – населения Северо-Западного Кавказа. Возможно, на распределение сфер влияния кафедр оказывал действие и географический фактор: часть современного Таманского полуострова с такими крупными центрами, как Фанагория и Гермонасса, не только в античное время, но, вероятно, ещё и в первые века н. э. была отделена проливом от Синдики, располагаясь таким образом на острове [19, с. 21–27; 15, с. 150]. Поэтому не исключено, что после создания кафедры Зихии её заботам было поручено и население Синдики, хотя отнесение этой территории к Боспорской кафедре представляется наиболее убедительным.

Отсутствие упоминаний в письменных источниках каких-либо церковных центров на обширной территории от Горгиппии до Никопсиса свидетельствует в первую очередь о слабом распространении здесь христианства и отсутствии крупных христианских общин. Археологических свидетельств влияния новой веры для периода второй половины IV – конца VI вв. на территории между Фанагорией и Таматархой на западе и Абазгией на востоке вплоть до конца I тыс. крайне мало. К эпохе великого переселения народов относятся лишь единичные находки посуды с христианской символикой, в т. ч. на территории Горгиппии [32, с. 25] и в погребении грунтового могильника Натухаевский-1 близ ст. Натухаевская. Среди немногочисленных следов христианского влияния на население полуострова Абрау, которые можно отнести к середине I тыс., – надгробия некрополя из пос. Уташ и надгробие IV (?) в. из хут. Красный Курган близ Анапы [39, с. 57, рис. 3; 32, с. 25; 40, с. 25–26, рис. 2; 34, с. 76, рис. 2–3].

Новые данные о христианском присутствии в этом регионе позволяет обнаружить на Верхнегостага-

евском городище близ ст. Гостагаевская в 2017–2018 гг. группы надгробий с христианской символикой. Они были открыты Новороссийской археологической экспедицией в ходе изучения верхних проездных ворот городища, ведущих на укрепленную площадку – цитадель крепости [21, с. 162–163]. Всего к настоящему моменту учтено 25 стел с сохранившимися фрагментами изображений, в том числе 17 с изображениями креста и Голгофы или постамента (?)¹.

Большинство найденных надгробий, судя по их местонахождению, были использованы для декоративной облицовки проездного сооружения, погибшего в пожаре, явные следы которого носит вся система верхнего оборонительного пояса (рис. 1). При этом надгробия, как правило, имеют следы воздействия высоких температур именно на лицевой стороне. Вместе с тем часть фрагментов имеет следы горения и на других сторонах – видимо, стелы уложили в кладку прохода лицевой стороной наружу, однако разрушение кладки произошло до или во время пожара. Одно надгробие найдено в кладке монументального сооружения цитадели городища². Целенаправленное использование раннехристианского некрополя как источника строительного материала не обязательно свидетельствует о том, что строители не были христианами. Известно утилитарное отношение к христианским погребениям и надгробиям и единоверного населения, в частности использование их при строительстве генуэзских фортификационных сооружений Сутдеи-Солдайи [27, рис. 189,4, 194,5 и др.] (рис. 2).

Все надгробия изготовлены из ракушечника, верхние части полукруглой формы. Ни одного полностью целого надгробия не сохранилось – большинство

¹ Большинство фрагментов найденных надгробий в настоящее время хранится в фондах Новороссийского исторического музея-заповедника.

² О монументальном сооружении цитадели городища см.: [19, с. 213–220].

Все изображенные на надгробиях кресты равноконечные, с расширяющимися от средокрестья концами (такой тип креста, *сгух immissa*, или «мальтийский», впервые зафиксирован в погребении св. Люцилы в катакомбах Рима, III в. [11, с. 124–125] и к середине I тыс. уже был широко распространён на быв-

шей территории Римской империи [43, с. 301–302]). Кресты типа *сгух immissa* встречаются на изображениях, датируемых с первых веков н. э. до позднего средневековья (напр., на каменных блоках ранневизантийского храма VI в. близ совр. Динара [50, р. 196, fig. 24; р. 200]) (рис. 3).

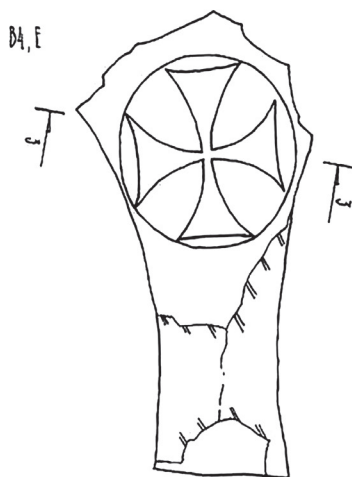

Рис. 3 / Fig. 3. Каменные блоки с крестами / Stone blocks with crosses:

1 – из раскопок ранневизантийского храма близ Апамеи Киботос [50] / From the excavations of an early Byzantine temple near Apameia Kybotos [50];

2 – храм в Алахадзы, Абхазия [49] / A temple in Alakhadzy, Abkhazia [49]

Все кресты были заключены в круговую рамку («крест в круге»), в четырёх случаях под крестом располагается изображение в форме греческой П, причем нижние концы-гасты вертикальных «ножек» в двух случаях загнуты кнаружи. Вероятно, это символическое изображение Голгофы либо постамента: на стенке погребальной камеры Верхнечиюртовского могильника Дагестана [10, с. 114, рис. 6,2-4] обнаружен рисунок креста на постаменте с загибающимися кнаружи нижними концами вертикальных ножек. Возможные аналоги – крест на вторично использованной плите из алтарной преграды храма в абхазском с. Герзеул [49, р. 265, pl. 79f], резное надгробие X–XII вв. из некрополя средневекового

Херсона [23, с. 124–125; 7, с. 83, рис. 82], где крест в круглой рамке опирается на двухступенчатое пирамидальное основание близкой к П-образной формы. Крест в круге на ступенчато расширяющемся в нижней части надгробии из кладки стены укреплений Сугдеи [26, с. 251, рис. 159,6] изображён на высоком столпе, который опирается на П-образную ступеньку. Вместе с тем на надгробиях Верхнегостагаевского городища, за одним исключением, крест не примыкает непосредственно к П-образной фигуре, как и на ближайшем аналоге – надгробии некрополя пос. Уташ [40, с. 26, рис. 2] (рис. 4).

Изображения на надгробиях имеют заметные особенности и выполнены в разной технике. Все они сделаны на ров-

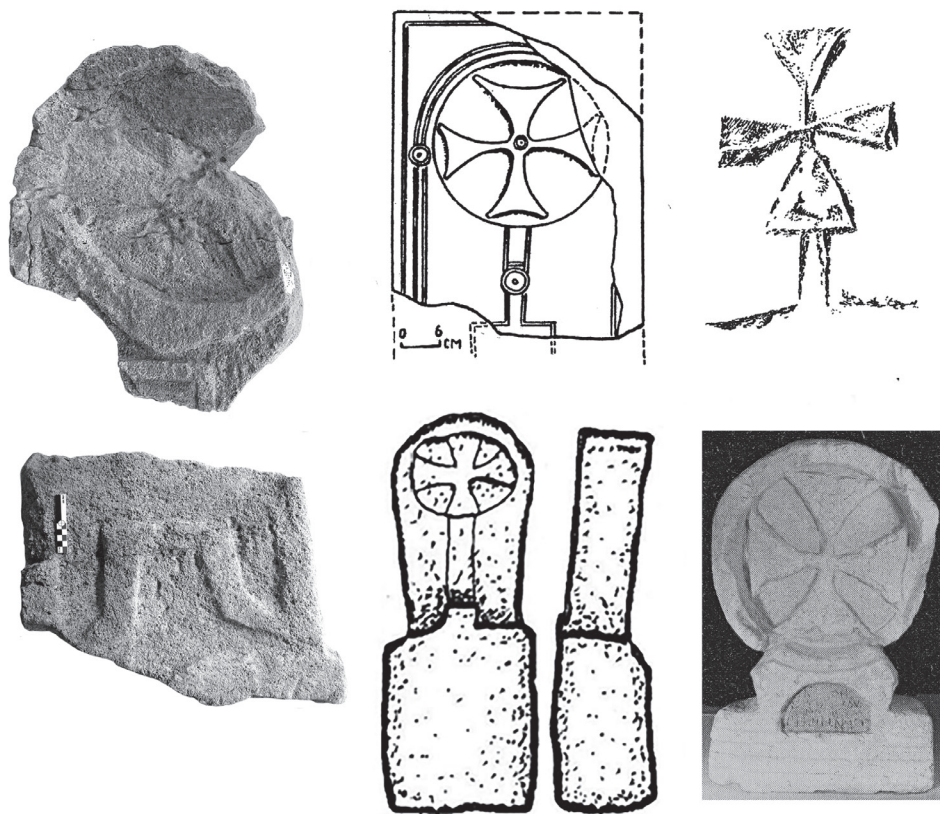

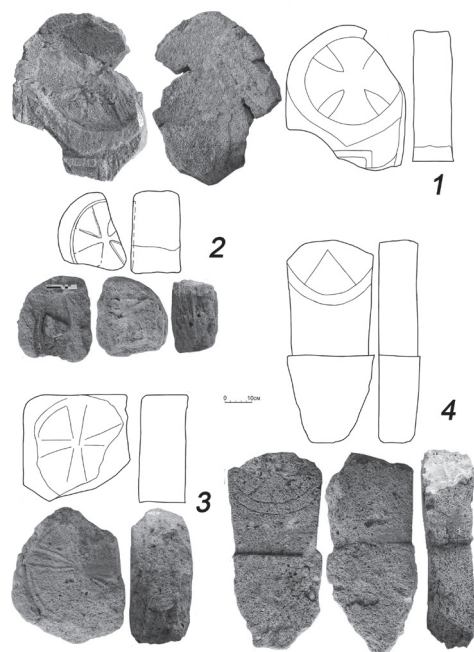
Рис. 4 / Fig. 4. Изображения крестов на постаменте / Images of crosses on a pedestal:

- 1 – надгробие из разрушенного верхнего проездного сооружения Верхнегостагаевского городища / Tombstone from the destroyed upper passageway of the Verkhnegostagaevskoe settlement;
- 2 – изображение на стенке погребальной камеры Верхнечирютовского могильника [10] / Image on a wall of the burial chamber of the Verkhnechiryurt burial ground [10];
- 3 – крест на вторично использованной плите из алтарной преграды храма в абхазском с. Герзеул [49] / A cross on a reused slab from the altar of a temple in the Abkhaz village Gerzeul [49];
- 4 – резное средневековое надгробие из некрополя Херсона [7] / Carved medieval tombstone from the necropolis of Kherson [7];
- 5 – надгробие из кладки стены укреплений Сугдеи [27] / Tombstone from the masonry of a Sugdeya fortification wall [27].

ной либо выбранной в виде ковчега части лицевой стороны, образующей гладкое поле, в 21 случае изображение образовано выборкой фона, в 12 случаях из них сохранился крест или его элементы. Глубина выборки – от 0,003 до 0,005 м, причём последний вариант явно преобладает. Изображения крестов двух надгробий образованы прочерченными на фоне бороздами, ещё одно изображение получено за счёт выемки не только фона,

но и внутренних поверхностей ветвей креста. На восьми надгробиях бортик, окружающий крест, образует клиновидный выступ в сторону расположенного ниже креста ровного поля, верхняя часть которого таким образом приобретает М-образную форму. Сравнивая сохранившиеся фрагменты с надгробием с пос. Уташ, можно в целом восстановить облик значительной части надгробий как продолговатые стелы с закруглённым

верхним окончанием, на котором изображён равноконечный крест, окружённый округлой рамкой. Ниже креста располагалось поле, М-образное в верхней части и прямоугольное в нижней, на котором в ряде случаев наличествует П-образная фигура. Однако с уверенностью так можно реконструировать лишь часть надгробий (рис. 5).

Диаметр крестов различен – от 0,25-0,29 м до 0,4 м, ветви имеют прямые либо дугообразные стороны, при этом качество изображений крестов с прямыми сторонами ветвей, кроме одного исключения, заметно ниже (видимо, прямоотонные ветви было проще изобразить).

Аналоги изображениям на надгробиях Верхнегостагаевского городища

Рис. 5 / Fig. 5. Фрагменты надгробий Верхнегостагаевского городища / Tombstone fragments from the Verkhnegostagevskoe settlement

широко известны в Средиземноморье, на Кавказе, в Малой Азии. Поскольку проникновение христианства на Боспор и в Таврику происходило, прежде всего, именно из Малой Азии [28, с. 128–129; 21, с. 59–60; 17, с. 67–68], именно отсюда могла проникнуть и традиция установки надгробий такого облика (рис. 6).

Наиболее близким аналогом, как уже сказано, можно считать надгробие некрополя хут. Уташ, хранящееся в Анапском археологическом музее [4, с. 77; 31, с. 133–134], изображение на котором в основных чертах сходно с большинством надгробий Верхнегостагаевского городища. Однако оно вырезано достаточ-

но грубо, стороны ветвей креста почти прямые, сами ветви широкие, и близкой к треугольной форме пространство фона между ними намного уже.

Значительное сходство имеют кресты в круге на надгробиях некрополя Тепсень и Партенита [3, с. 116, рис. 14, с. 118, рис. 15], как по технике создания изображения, так и по его облику, несмотря на отсутствие П-образных фигур и клиновидного расширения бортика в нижней части. Прослеживается некоторое сходство и с надгробиями могильника Скалистое [6, с. 22, рис. 11,5-6,9,13], средневековой Сугдеи [26, с. 166, рис. 109, 3-4; с. 251, рис. 159,3-6,16-17; 29, с. 83, рис. 19]

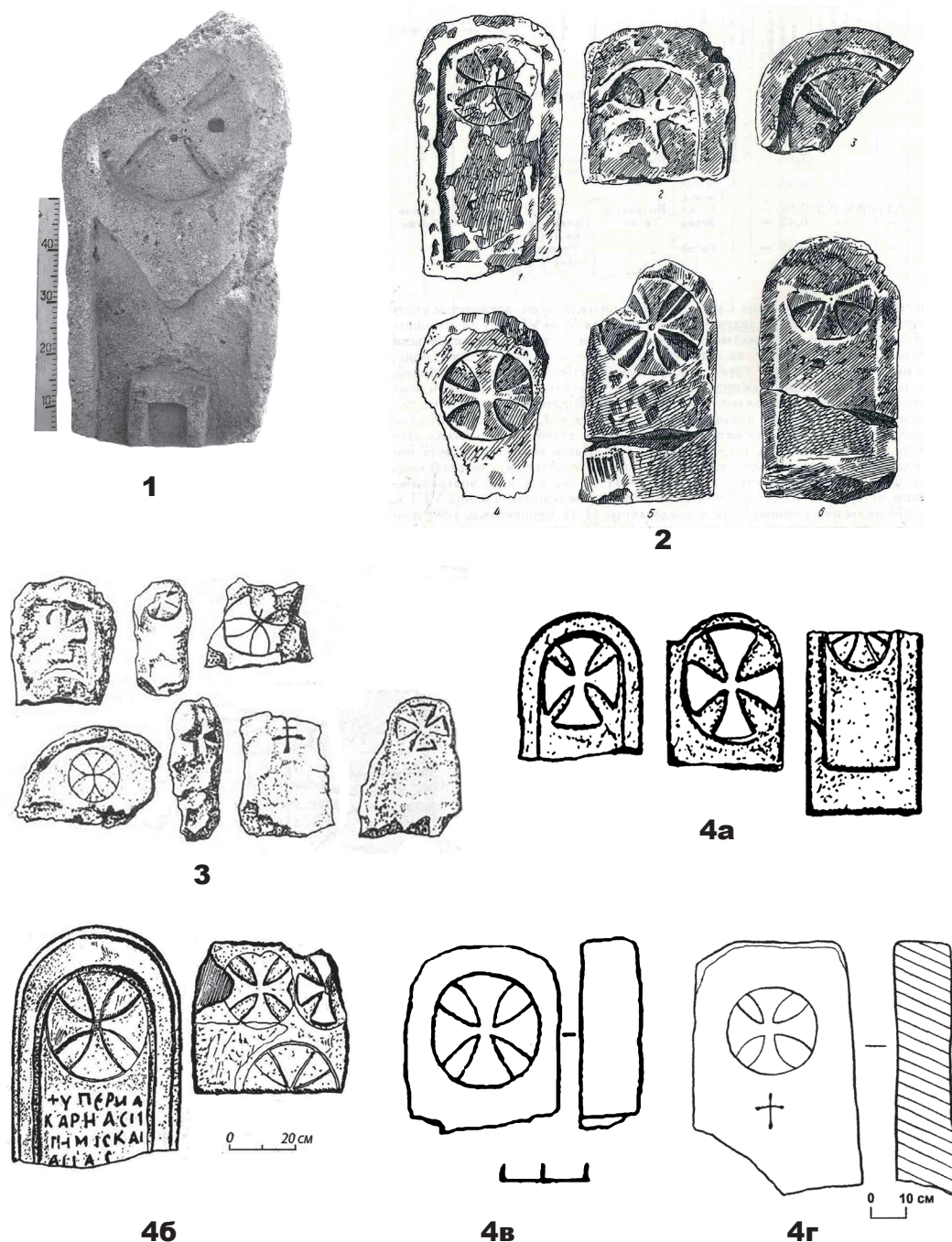

Рис. 6 / Fig. 6. Аналоги верхнегостагаевским надгробиям / Analogues of the Verkhnegostagaevskoe tombstones:

1 – стела из Уташа / Utash stele;

2 – надгробия некрополей Тепсения и Партенита [3] / tombstones from the Tepsen and Partenit necropolises [3];

3 – надгробия могильника Скалистое [6] / tombstones from the Skalistoye burial ground [6];

4 – надгробия средневековой Сугдеи [26, 27] / tombstones from the medieval Sugdeya [26, 27].

(рис. 6). Тем не менее существенные различия между надгробиями Уташа и Верхнегостагаевского городища, с одной стороны, и ближайшими аналогами, с другой, позволяют говорить о формировании местных особенностей изготовления таких стел.

Обращает на себя внимание распространение изображений равноконечных крестов в круге в Крыму – на надгробиях, в частности, из Херсонеса [41, с. 64–74; 22, с. 124–125; 23, с. 15, рис. 1,8; с. 17 и др.], Суук-Су [38, с. 60, 69, табл. IV, 30, рис. 21, 22, погр. 2; 2, с. 249, рис. 169, I, 4], а также крестов на пряжках с прямоугольным щитком из некрополей Херсонеса, Скалистого, Мангупа, как в круге [1, с. 131, рис. 53, 2–3], так и без него [2, с. 171, 178–179, рис. 98, I, 99, I, с. 360, рис. 12, 6].

Открытым остаётся **вопрос датировки надгробий** Верхнегостагаевского городища. Археологический материал и данные ¹⁴C-анализа угля из заполнения монументального сооружения (472 (430±60) и 598 (590±60) гг.) [18, с. 43–44], позволяют отнести бытование комплекса сооружений цитадели городища к позднеантичному – ранневизантийскому времени. Соответственно, это относит предположительную верхнюю датировку надгробий к V или, самое позднее, VI в., что совпадает с датировкой В. П. Бабенчиковым надгробий Тепсена (V–VII вв.) [3, с. 117] и близко к датировке Н. И. Репниковым (VI–VII вв.) близких изображений на стелах из некрополя Партенита [3, с. 117]. Вместе с тем погребения некрополя Суук-Су по инвентарю датированы не ранее второй пол. VII в. [2, с. 171], Скалистинского могильника – VII–IX вв. [6, с. 195–196], надгробие некрополя Судак-VI с крестом в круге связано с погребениями вт. четв. VIII – пер. пол. IX в. [26, с. 181], некрополь Ай-Ваня В. В. Майко широко датирует ранним средневековьем [27, с. 83]. В большинстве случаев такие надгробия найдены во вторичном использовании.

Неясна и датировка надгробия некрополя Уташ. В переписке с А. И. Саловым

В. А. Кузнецов относит его к средневековью со ссылкой на датировки аналогов некрополей в Тепсене, Судаке и Херсонесе [34, с. 75]. Обнаружение надгробий Верхнегостагаевского городища в кладке разрушенного проездного сооружения предоставляет новые данные в пользу более ранней их датировки. При этом для данного комплекса изображений характерно отмеченное выше разнообразие, что может указывать на достаточно длительное существование некрополя с христианскими погребениями и сравнительную многочисленность христианской общины.

Толщина надгробий из ракушечника, в большинстве случаев не превышающая 0,2 м, едва ли позволяла использовать их в качестве крышек каменных ящиков. Находки надгробий близкого типа в Крыму позволяют предположить, что они устанавливались вертикально в погребении, как надгробие из раскопок некрополя Судак-VI, найденное *in situ* в ногах погребённого и обращённое к нему лицевой стороной [26, с. 166, рис. 109, 3–4], возможно, вкапывались в землю. Вместе с тем в плитовых могилах из Суук-Су надгробия с крестами, в т. ч. надгробие с равноконечным крестом на закруглённом навершии, накрывали могилу сверху в области головы погребённого [38, с. 69, рис. 21, 2], подобно средневековой (IX–X вв.) плитовой могиле из некрополя у с. Дачное близ Судака [27, с. 82, рис. 18, 4] (рис. 7). Вероятно, данные различия связаны с только идущим процессом формирования погребальной христианской традиции у местного населения.

Отметим, что среди обработанных изделий из ракушечника, найденных на Верхнегостагаевском городище, помимо надгробий с крестами, также имеются два продолговатых предмета близкой к прямоугольной формы. Одно, размерами 0,56×0,17×0,15 м, обнаружено при изучении верхних проездных ворот и носит, как и фрагменты надгробий, следы термического воздействия. Предмет имеет

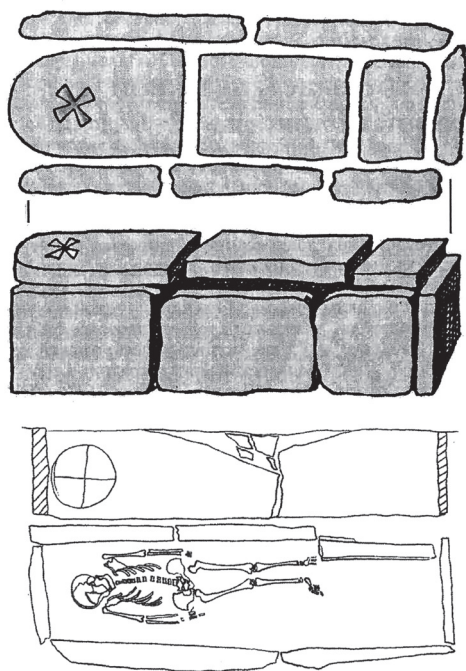

Рис. 7 / Fig. 7. Надгробия с равноконечными крестами в захоронениях / Tombstones with equal-pointed crosses in burials:

1 – Суук-Су [2] / Suuk-Su [2];

2 – некрополь в с. Дачное Судакского района [27] / necropolis in the Dachnoe settlement, Sudak region [27].

хорошо обработанные как лицевую, так и обратную стороны. Другое изделие выявлено в развале кладки нижнего проездного сооружения городища, имеет размеры 0,62×0,25×0,17 м и сохранило следы отёски на обработанной лицевой стороне. Оба они также могли представлять собой надгробия.

На верхних проездных воротах и в кладке монументального сооружения цитадели городища найдены также фрагменты обработанного ракушечника округлой формы, которые могли быть частями наверший антропоморфных надгробий, характерных для боспорской погребальной традиции с V в. до н. э. и вплоть до IV в. н. э. [29, с. 71]. Число таких деталей из известняка позволяет предположить использование при строительстве городища антропоморфных

изваяний античного времени, близких найденным при исследовании некрополя Гориппии [29, с. 152]. Исходя из общего местонахождения данных фрагментов, нельзя исключать и соседство античных и раннехристианских погребальных традиций на одном некрополе. Общеизвестна консервативность таких обрядовых практик, в частности, при наличии письменных свидетельств о существовании в Пителинте епископской кафедры уже в нач. IV в., в поднеантичном некрополе Пителинта следов христианизации местного населения практически нет [43, с. 53].

Заключение

Основания для предположений о локализации самого некрополя пока отсутствуют. Перемещать достаточно хрупкие надгробия на большие расстояния едва ли было целесообразным, так что, вероятно, могильник находился в ближней округе городища. Использование надгробий более ранних захоронений в качестве материала для плитовых могил и при домостроительстве и проведении фортификационных работ имело самое широкое распространение. Именно так были применены происходящие с неизвестного некрополя иудейские надгробия, предположительно I–V вв., в средневековой Таматархе [44, с. 229–234]. Из ст. Гостагаевская происходит опубликованное В. П. Яйленко [46, с. 169] надгробие с надписью, однако оно содержит дату (1100 г.) и может свидетельствовать лишь о судьбах христианского населения XI–XII вв. [30, с. 28–29]. Отметим, что для Таврики характерно хронологическое совпадение строительства христианских базилик в VI в. и изменения в погребальном обряде с распространением плитовых могил, к которым относились надгробия с крестами в круге, найденные, в частности, в Тепсене [17, с. 147]. В восточном Причерноморье христианские храмы появляются уже с V в. [43, с. 54]. Вместе с находками на Верхнего-

стагаевском городище архитектурных деталей, которые могли происходить из разрушенной общественной постройки позднего эллинизма – римского времени, это позволяет предположить бытование

в близких окрестностях городища античного или раннехристианского общественного здания.

Статья поступила в редакцию 22.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
2. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (сер. III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 367 с.
3. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. Киев: Взд-во АН УССР, 1958. С. 88–146.
4. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии. Вып. III. М., 1928. С. 71–86.
5. Васильев А. А. Готы в Крыму: В 2 ч. Ч. 1 // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. 1. С. 265–344.
6. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 203 с.
7. Византийский Херсон: Каталог выставки / сост. И. С. Чичуров. М.: Наука, 1991. 256 с.
8. Виноградов А. Ю. Зихия // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 257–259.
9. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
10. Гмыря Л. Б. Атрибуты раннехристианских погребений с территории Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии (Дагестанский научный центр Российской академии наук). 2006. № 1. С. 95–119.
11. Гнутова С. В. «Константинов крест» – древнейший памятник раннехристианского искусства на территории России // Родное и вселенское: к 60-летию Николая Николаевича Лисового : сб. статей. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2006. С. 124–142.
12. Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э.: (социально-экономические и политические отношения). Сухуми: Алашара, 1989. 254 с.
13. Евсевий Кесарийский. Церковная история / Пер. И. В. Кривушина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. 544 с.
14. Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 402–426.
15. Завойкин А. А. «Боспор Кубанский» – Остров – Гермонасса (замечки по исторической географии Таманского полуострова) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 3. С. 147–163.
16. Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика : сб. науч. трудов (к XVIII конгрессу византинистов). Киев: Наукова думка, 1991. С. 8–29.
17. Зубарь В. М., Сорочан С. Б. У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера. Киев: Стило, 1995. 182 с.
18. К истории азиатского Боспора в ранневизантийское время: по материалам комплексных исследований Верхнегостагаевского городища / А. А. Малышев, Д. О. Дрыга, А. С. Клемешов, Т. Н. Смекалов // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. № 4. Новосибирск, 2017. С. 35–45.
19. Кельтербаум Д., Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Исследования в области палеогеографии Таманского полуострова // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М., 2016. С. 21–27.
20. Клемешов А. С., Малышев А. А. Монументальное сооружение цитадели Верхнегостагаевского городища: проблемы интерпретации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 209–225.
21. Клемешов А. С., Малышев А. А. Ранний этап христианизации Азиатского Боспора (по материалам Верхнегостагаевского городища) // Древний мир: История и археология. М.: Спутник+, 2020. С. 160–168.

22. Кубланов М. М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Т. 2. М.-Л., 1958. С. 57–68.
23. Латышев В. В. Эпиграфические памятники южной России (находки 1905 года) // Известия Императорской археологической комиссии. 1906. № 18. С. 95–137.
24. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // Известия Императорской археологической комиссии. 1918. №. 65. С. 9–21.
25. Ломоури Н. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Разыскания по истории Абхазии / Под ред. Г. Жоржоллиани, Э. Хоштария. Тбилиси, 1999. С. 93–114.
26. Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев: Академперіодика, 2007. 273 с.
27. Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.
28. Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма : сб. трудов. Л., 1978. С. 121–134.
29. Молева Н. В. Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Нижний Новгород, 2012. 178 с.
30. Новичихин А. М. Коллекция христианских древностей Анапского музея: история формирования и изучения // Музейный вестник (к 25-летию музея-заповедника). Краснодар, 2001. С. 26–31.
31. Новичихин А. М. О древнем христианском храме в окрестностях Анапы (К интерпретации надписи из Хан-Чокрака) // Историко-археологический альманах. 2002. №. 8. С. 133–135.
32. Новичихин А. М. Христианские древности Анапы // Актуальные проблемы развития социально-культурной сферы и туризма. I науч.-практ. конференция : сб. тезисов. Анапа, 2003. С. 24–26.
33. Новичихин А. М. Апостольская миссия в Синдике: свидетельства христианской агиографии в свете данных эпиграфики и археологии // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2010. № 2 (12). С. 94–97.
34. Новичихин А. М. Два письма А. И. Салову: к истории изучения христианских древностей Анапы // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. III. Армавир-Отрадная, 2015. С. 73–77.
35. Пиоро И. С. Крымская Готия. Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье. Киев: Лыбидь, 1990. 200 с.
36. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
37. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993. 573 с.
38. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 19. СПб., 1906. С. 1–80.
39. Салов А. И. Случайные находки у х. Красный Курган в 1971 и 1972 гг. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1985. № 182. С. 56–58.
40. Салов А. И. Раннесредневековые находки в Анапском районе // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Краснодар-Анапа, 2014. С. 25–26.
41. Созник В. В., Туровский Е. Я., Иванов А. В. Новый христианский памятник из некрополя Херсонеса у Карантинной бухты // Археологія. 1997. № 1. С. 64–74.
42. Уханова Е. В. Обретение мощей Св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // Византийский временник. Вып. 59. М.: Наука, 2000. С. 116–128.
43. Хрушкова Л. Г. Раннесредневековые памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002. 500 с.
44. Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус, 2008. 328 с.
45. Чхаидзе В. Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» : сб. научных трудов. Севастополь, 2013. С. 47–68.
46. Яйленко В. П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // Византийский временник. Т. 48. М.: Наука, 1987. С. 160–171.
47. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 63. М.-Л., 1959. 364 с.

48. Darrouzès J. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1981. 538 p.
49. Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire: Abkhazie, IVe–XIVe siècles. Turnhout: Brepols, 2006. 340 p.
50. The Early Byzantine church near Apameia Kibotos (Dinar). A preliminary report / V. Sedov, M. Vdovichenko, J. Fomicheva, E. Judina // *Kelainai – Apameia Kibotos: une métropole achéménide, hellénistique et romaine*. Sous la direction de Askold Ivantchik, Lâtife Summerer, Alexander von Kienlin. Ausonius Éditions – Kelainai II – Bordeaux, 2016. Paris, 2016. P. 175–201.

REFERENCES

1. Ajbabin A. I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, DAR Publ, 1999. 352 p.
2. Ajbabin A. I., Khajredinova E. A. *Krymskie goty strany Dori (ser. III–VII v.)* [Crimean Goths of the Dory Country (mid-3rd – 7th centuries)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017. 367 p.
3. Babenchikov V. P. [Results of the Study of a Medieval Settlement on the Tepsen Hill]. In: *Istoriya i arkhologiya srednevekovogo Kryma* [History and Archaeology of Medieval Crimea], Kiev, 1958, pp. 88–146.
4. Bashkirov A. S. [Archaeological Survey of the Taman Peninsula in the Summer of 1927]. In: *Rossiyskaya associatsiya nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk. Institut arkheologii i iskusstvovaniya. Trudy seksii arkheologii. Vyp. III*. [Russian Association of Humanities Research Centres. Institute of Archaeology and Art Studies. Proceedings of Archaeology Department]. Moscow, 1928, pp. 71–86.
5. Vasil'ev A. A. [Goths in the Crimea. In 2 vol.]. In: *Izvestiya Rossijskoj akademii istorii material'noj kul'tury* [News of the Russian Academy of the History of Material Culture], 1921, vol. 1, pp. 265–344.
6. Vejrnar E. V., Ajbabin A. I. *Skalistskij mogil'nik* [Skalistsky Burial Ground]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993. 203 p.
7. Chichurov I. S., comp. *Vizantijskij Kherson: Katalog vystavki* [Byzantine Kherson: Exhibition catalogue]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 256 p.
8. Vinogradov A. Yu. [Zhihiya]. In: *Pravoslavnaia enciklopediya. Vyp. 20* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 20.], Moscow, 2009, pp. 257–259.
9. Gajdukevich V. F. *Bosporskoe Tzarstvo* [Bosporus Kingdom]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1949. 624 p.
10. Gmyrya L. B. [Attributes of Early Christian Burials in Dagestan Territory]. In: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Dagestanskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk)* [Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography (Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)], 2006, no. 1, pp. 95
11. Gnutowa S. V. ["Constantine's Cross" – the Oldest Monument of early Christian Art on the Territory of Russia]. In: *Rodnoe i vselenskoe: k 60-letiyu Nikolaya Nikolaevicha Lisovogo : sb. statej* [Native and Universal: To the 60th Anniversary of Nikolai Nikolaevich Lisovoy: collection of works]. Moscow, 2006, pp. 124–142.
12. Gunba M. M. *Abkhaziya v pervom tysyacheletii n. e. (social'no-ekonomicheskie i politicheskie otnosheniya)* [Abkhazia in the first millennium AD (Socio-economic and Political Relations)]. Sukhumi, Alashara, 1989. 254 p.
13. Evsevij Kesarijskij. *Tserkovnaya istoriya* [Church History]. St. Petersburg, Oleg Abyshko's Publ., 2013. 544 p.
14. Zavadskaya I. A. [Christianization of Early Byzantine Chersonesos (4–6th Centuries)]. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Vyp. X* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tavria. Issue X], Simferopol, 2003, pp. 402–426.
15. Zavojkin A. A. ["Bospor Kuban" – Island – Hermonassa (Notes on the Historical Geography of the Taman Peninsula)]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Issues of History, Philology, Culture], 2017, no. 3, pp. 147–163.
16. Zubar' V. M. [Introduction and Establishment of Christianity in Tauric Chersonesos]. In: *Vizantijskaya Tavrika : sb. nauch. trudov (k XVIII kongressu vizantinistov)* [Byzantine Taurica: Collection of Articles (For the 18th Congress of the Byzantine Studies)], Kiev, Naukova dumka publ., 1991, pp. 8–29.
17. Zubar' V. M., Sorochan S. B. *U istokov khristianstva v Yugo-Zapadnoj Tavrike: epokha i vera* [The Origins of Christianity in South-West Taurica: Era and Faith]. Kiev, Stilos Publ., 1995. 182 p.

18. Malyshev A. A., Dryga D. O., Klemeshov A. S., Smekalova T. N. [On the History of the Asian Bosphorus in the Early Byzantine Time: Based on the Materials of Complex Studies of the Verkhnegostagaevskoe Settlement]. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], Novosibirsk, 2017, vol. 45, no. 4, pp. 35–45.
19. Kelterbaum D., Zhuravlev D. V., Shlotcauer U. [Research of Taman Peninsula Paleogeography]. In: *Drevnie elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoy* [Ancient Hellenes between Pontus Euxinian and Meotida]. Moscow, 2016, pp. 21–27.
20. Klemeshov A. S., Malyshev A. A. [Monumental Construction of the Citadel of the Verkhnegostagaevskoe Settlement: Problems of Interpretation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 5, Cirkumpontika, pp. 209–225.
21. Klemeshov A. S., Malyshev A. A. [The Early Stage of the Christianization of the Asian Bosphorus (Based on the Materials of the Verkhnegostagaevskoe Settlement)]. In: *Drevnij mir: Istoriya i arheologiya* [Ancient World: History and Archaeology]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2020, pp. 160–168.
22. Kublanov M. M. [Religious Syncretism and the Emergence of Christianity in the Bosphorus]. In: *Ezhegodnik muzeya istorii religii i ateizma* [Yearbook of the Museum of the History of Religion and Atheism], vol. 2, 1958, pp. 57–68.
23. Latyshev V. V. [Epigraphic Monuments of Southern Russia (Finds in 1905)]. In: *Izvestiya Imperatorskoj arheologicheskoy komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], 1906, no. 18, pp. 95–137.
24. Latyshev V. V. [Epigraphic News from Southern Russia]. In: *Izvestiya Imperatorskoj arheologicheskoy komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], 1918, no. 65, 1918, pp. 9–21.
25. Lomouri N. [Abkhazia in the Late Antique and Early Medieval Era]. In: *Razyskaniya po istorii Abkhazii* [Research on the History of Abkhazia], Tbilisi, 1999, pp. 93–114.
26. Majko V. V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoj doliny* [Medieval Necropolises of the Sudak Valley]. Kiev: Akademperiodika Publ., 2007. 273 p.
27. Majko V. V., Dzhanov A. V. *Arkheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological Sites of the Sudak Region of the Republic of Crimea]. Simferopol, Arial Publ., 2015. 448 p.
28. Meshcheryakov V. F. [Time of Appearance of Christianity in Tauric Chersonesos]. In: *Aktual'nye problemy izucheniya istorii religii i ateizma: sb. trudov* [Issues of studying the history of religion and atheism: collection of articles], Leningrad, 1978, pp. 121–134.
29. Moleva N. V. *Bosporskie antropomorfnye izvayaniya. Kross-kul'turnye i mezhetnicheskie kommunikatsii vo vremeni i prostranstve* [Bosphorus anthropomorphic sculptures. Cross-cultural and interethnic communications in time and space]. Nizhnij Novgorod, 2012. 178 p.
30. Novichihin A. M. [Collection of Christian Antiquities of the Anapa Museum: The History of Formation and Study]. In: *Muzeynyj vestnik (k 25-letiyu muzeya-zapovednika)* [Museum Bulletin (To the 25th Anniversary of the Museum-Reserve)]. Krasnodar, 2001, pp. 26–31.
31. Novichihin A. M. [About the Ancient Christian Temple in the Vicinity of Anapa (The Interpretation of the Inscription from Khan-Chokrak)]. In: *Istoriko-arkheologicheskij al'manakh* [Historical and archaeological almanac]. 2002. no. 8, pp. 133–135.
32. Novichihin A. M. [Christian Ancient Relicts in Anapa]. In: *Aktual'nye problemy razvitiya social'no-kul'turnoj sfery i turizma. I nauch.-prakt. konferenciya: sb. tezisov* [Modern Problems of the Development of Socio-cultural Sphere and Tourism. I Scientific-practical Conference. Collection of abstracts], Anapa, 2003, pp. 24–26.
33. Novichihin A. M. [Apostolic mission in Sindica: evidence of Christian hagiography in the light of epigraphic and archeological data]. In: *Vestnik Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta turizma i kuroortnogo dela* [Bulletin of the Sochi State University of Tourism and Resort Business], 2010, no. 2 (12), pp. 94–97.
34. Novichihin A. M. [Two letters to A. I. Salov: On the History of the Study of Christian Antiquities in Anapa]. In: *Otradnenskie istoriko-kraevedcheskie chteniya. Vyp. III* [Otradnaya historical and regional studies readings. Is. III], Armavir-Otradnaya, 2015, pp. 73–77.
35. Pioro I. S. *Krymskaya Gotiya. Ocherki etnicheskoy istorii naseleniya Kryma v pozdnerimskij period i rannee srednevekov'e* [Crimean Gothia. Essays on the Ethnic History of the Crimean Population in the Late Roman Period and the Early Middle Ages]. Kiev, Lybid' Publ., 1990. 200 p.

36. Prokopij Kesarijskij. *Vojna s gotami* [War with the Goths]. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1950. 516 p.
37. Prokopij Kesarijskij. *Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaya istoriya* [War with the Persians. War with the Vandals. Secret History]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 573 p.
38. Repnikov N. I. [Some Burial Grounds of the Crimean Goths Region]. In: *Izvestiya Imperatorskoj arheologicheskoy komissii. Vyp. 19* [News of the Imperial Archaeological Commission. Is. 19], St. Petersburg, 1906, pp. 1–80.
39. Salov A. I. [Random Finds at Red Kurgan in 1971 and 1972]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR* [Brief Reports of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], 1985, no. 182, pp. 56–58.
40. Salov A. I. [Early Medieval Finds in the Anapa Region]. In: *Sindika, Gorgippiya, Anapa: issledovaniya po arheologii i istorii* [Sindika, Gorgippia, Anapa: Research in archaeology and history], Krasnodar, Anapa, 2014, pp. 25–26.
41. Soznik V. V., Turovskij E. Ya., Ivanov A. V. [New Christian Monument from the Necropolis of Chersonesos near Karantinnaya Bay]. In: *Arheologiya* [Archaeology], 1997, no. 1, pp. 64–74.
42. Uhanova E. V. [Finding the Relics of St. Clement, Pope, in the Context of the Foreign and Domestic Policy of Byzantium in the Middle of the 9th Century]. In: *Vizantijskij vremennik. Vyp. 59* [Byzantine timeline. Is. 59], Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 116–128.
43. Khrushkova L. G. *Rannesrednevekoveye pamyatniki Vostochnogo Prichernomor'ya (IV–VII veka)* [Early Medieval Monuments of the Eastern Black Sea Region (4th–7th Centuries)], Moscow, 2002. 500 p.
44. Chkhaidze V. N. *Tamartarkha. Rannesrednevekovyj gorod na Tamanskom poluostrove* [An Early Medieval Town on the Taman Peninsula]. Moscow, Taus Publ., 2008. 328 p.
45. Chkhaidze V. N. *Zikhs kaya eparkhiya: pis'mennye i arheologicheskie svidetel'stva* [Zikh Diocese: Written and Archaeological Evidence]. In: *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiya» i «polis»: sb. nauchnykh trudov* [ΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: “Empire” and “Policy”: Collection of Articles]. Sevastopol, 2013, pp. 47–68.
46. Yajlenko V. P. [The “Corpus of Byzantine Inscriptions in the USSR”]. In: *Vizantijskij vremennik. T. 48* [Byzantine Times. Vol. 48], Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 160–171.
47. Yakobson A. L. [Early medieval Chersonese]. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. 63* [Materials and Research on Archaeology of the USSR. Is. 63], Moscow, Leningrad, 1959. 364 p.
48. Darrouzès J. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, Institut Français d'Études Byzantines, 1981. 538 p.
49. Khrushkova L. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire: Abkhazie, IVe–XIXe siècles*. Turnhout, Brepols, 2006. 340 p.
50. Sedov V., Vdovichenko M., Fomicheva J., Judina E. The Early Byzantine Church near Apameia Kibotos (Dinar). A Preliminary Report. In: *Kelainai – Apameia Kibotos: une métropole achéménide, hellénistique et romaine*. Sous la direction de Askold Ivantchik, Lâtife Summerer, Alexander von Kienlin. Ausonius Éditions – Kelainai II – Bordeaux, 2016. Paris, 2016. P. 175–201.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ, проект № 18-09-40121 «Юго-восточная периферия Азиатского Боспора в ранневизантийское время: экология, система расселения и хозяйствования, этнополитическая ситуация»

ACKNOWLEDGMENT

This work was supported by the grant from Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-09-14121 “Southeastern periphery of the Asian Bosphorus in the Early Byzantine era: ecology, settlement system and economic management, ethno-political situation”

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клемешов Алексей Станиславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;

e-mail: klemeshovas@mail.ru

Малышев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом скифо-сарматской археологии ИА РАН;

e-mail: maa64@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey S. Klemeshov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Archaeology and History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Regional State University;

e-mail: klemeshovas@mail.ru

Alexey A. Malyshev – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Scythian-Sarmatian archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences;

e-mail: maa64@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Клемешов А. С., Малышев А. А. Новые данные о христианизации северо-восточного Причерноморья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 231–246.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-231-246

FOR CITATION

Klemeshov A. S., Malyshev A. A. New Data on the Christianization of the North-Eastern Black Sea Region. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 231–246.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-231-246

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К ЮБИЛЕЮ НАДЕЖДЫ АЛЕКСЕЕВНЫ НИКОЛАЕВОЙ

В этом году отмечает юбилей профессор кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков МГОУ Надежда Алексеевна Николаева.

Надежда Алексеевна родилась в год Великой Победы в Ленинграде. Отец, Алексей Сергеевич Николаев, будучи заведующим кафедрой физики Ленинградского высшего инженерного морского училища, видел будущее дочери в области точных наук. Однако окончив в 1966 г. химический факультет Ленинградского государственного университета, Н. А. Николаева поступила в 1970 г. на исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, выбрав специализацией археологию. Этот выбор был не случаен – к тому времени Надежда Алексеевна уже принимала участие в экспедициях. В 1963 г. она работала в составе Астраханской археологической экспедиции под руководством Л. Н. Гумилева, занимавшейся поисками хазарской столицы Семендер, и в экспедиции ЛГУ под руководством Т. Д. Белановской, исследовавшей уникальный памятник Ракушечный Яр у ст. Раздорская на Дону.

В период учёбы в МГУ Н. А. Николаева проходила практику в экспедиции И. В. Яценко на греко-скифском городище Чайка (1971 г.), а также принимала участие в раскопках золотоордынских памятников в экспедиции МГУ Г. А. Фёдорова-Давыдова (1972 г.). Кроме того, она вела и самостоятельные раскопки в экспедициях, изучавших курганные памятники на юге СССР: в Прикубанье – в отряде экспедиции Краснодарского музея в 1972 г., в Днепропетровской области – в отряде экспедиции Института археологии Украины в 1973 г., в Север-

В Государственном научно-исследовательском институте реставрации. Надежда Николаева демонстрирует отреставрированный Горский барельеф, раскопанный ею в 1975 году в подкурганной катакомбе эпохи средней бронзы под Луганском.

At the State Research Institute of Restoration. Nadezhda Nikolaeva demonstrates the restored Gorsky bas-relief excavated by her in 1975 from a Middle Bronze Age kurgan catacomba near Lugansk

ном Попрутье – в Курганной экспедиции Института археологии Молдавской ССР в 1974 г. Расширению научного кругозора способствовало и исследование памятников каменного века в составе Молдавской палеолитической экспедиции в 1973 г.

Проучившись три года на кафедре археологии в МГУ и закончив кафедру археологии ЛГУ в 1974 г., Надежда Алексеевна в течение 15 лет проработала на новостройках страны в экспедициях со своим мужем, выдающимся археологом и исто-

риком Владимиром Александровичем Сафроновым, став его верной соратницей. В 1975 г. вместе с В. А. Сафроновым она исследует курганы в Ворошиловградской (Луганской) области УССР. В 1976–1982 гг. Н. А. Николаева работает во ВЦНИЛКРе (ныне Институт реставрации – ГосНИИР), проводя исследования курганов на новостройках Северной Осетии в 1976–1978 гг. в сотрудничестве с Северо-Осетинским государственным университетом (СОГУ). Материалы её раскопок легли в основу коллекции Археологического музея в СОГУ и были изданы в четырёх сборниках СОГУ с 1980 г. по 1983 г. В период 1978–1981 гг. Северо-Осетинским государственным университетом была создана Северокавказская археологическая экспедиция (СКАЭ) под руководством В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой, которая провела масштабные спасательные раскопки как в Нижнем, так и в Среднем Прикубанье.

Полученные материалы позволили Н. А. Николаевой сформировать свой взгляд на происхождение и культурно-хронологическую принадлежность памятников бронзового века Северного Кавказа, что стало основой её диссертации по теме «Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы (выделение и периодизация кубано-терской культуры)», защищённой в 1987 г. в Ленинградском государственном университете.

В 1984–1987 гг. не менее масштабные раскопки курганов проводятся экспедицией Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова на базе Калмыцкого Научно-исследовательского института истории, филологии и экономики, которые помимо открытия уникальных памятников внесли и весомый вклад в изучение энеолита – бронзового века Предкавказья.

Конец 1980-х гг. – начало 1990-х гг. в её научной деятельности связаны с охранными раскопками в Москве, в том числе и с работами на Манежной площади, многочисленные находки из которых ныне экспонируются в Музее археологии Москвы.

С 1996 г. Н. А. Николаева – доцент исторического факультета Московского педагогического университета (МПУ, ныне МГОУ). Во время работы в университете Надежда Алексеевна создаёт вместе с В. А. Сафроновым новаторский курс археологии для студентов истфака «Основы археологии. Введение в индоевропейскую историю», в котором были учтены последние достижения археологии и смежных наук – лингвистики и мифологии. Результатом лекций и обсуждений их с В. А. Сафроновым стал выход совместной монографии «Истоки славянской и евразийской мифологии», опубликованной в 1999 г.

За четверть века работы на кафедре археологии, истории древнего мира и средних веков Н. А. Николаевой были разработаны несколько специальных курсов и спецсеминаров по археологии, индоевропейской праистории, библеистике и мифологии, которыми она вводит студентов-первокурсников в сложный и одновременно увлекательный мир древности.

В течение 17 лет заботами Надежды Алексеевны студенты факультета имели возможность проходить археологическую практику в экспедициях на территории Московской области и на юге России, что для некоторых из них стало ориентиром при выборе профессии. Так, студенты МГОУ под руководством В. Ю. Коваля и Н. А. Николаевой фактически участвовали в становлении Ростиславльской археологической экспедиции Института археологии РАН, где ежегодно постигали азы полевых исследований. Немало усилий приложила Надежда Алексеевна вместе с А. В. Сафроновым к участию студентов МГОУ в раскопках столицы Боспорского царства – Пантикапея (совр. г. Керчь), которое продолжалась с 2005 г. по 2016 г.

Результаты анализа огромного материала полевых и теоретических исследований обобщены в монографии «Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближне-

го Востока», вышедшей в издательстве МГОУ в 2011 г.

Надежда Алексеевна продолжает обрабатывать полученные за десятилетия раскопок материалы и ежегодно публиковать большое количество научных работ. Она постоянно участвует в международных и общероссийских конференциях, с успехом совмещая научную и препода-

вательскую деятельность, щедро делясь своими знаниями со студентами.

Друзья и коллеги факультета истории, политологии и права и Историко-филологического института МГОУ от души поздравляют Надежду Алексеевну с юбилеем, желают крепкого здоровья, научных свершений и талантливых, благодарных учеников!

*Друзья и коллеги факультета истории, политологии, права
и Историко-филологического института МГОУ*

Основные работы Н. А. Николаевой

Монографии

1. Истоки славянской и евразийской мифологии / Н. А. Николаева, В. А. Сафронов. М.: Белый волк, 1999. 310 с.
2. Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию / Н. А. Николаева, В. А. Сафронов. М.: Изд-во Московского педагогического университета, 1999. 66 с.
3. История Древнего Востока в Ветхом Завете / Н. А. Николаева, В. А. Сафронов. М.: Русская панорама, 2003. 423 с.
4. Этнокультурные процессы в Кубано-Терском междуречье в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока / Н. А. Николаева. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 536 с.

Статьи

5. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения Научно-Методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 174–199.
6. Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе // Проблемы энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург: Издательство Оренбургского гос. университета, 1980. С. 29–30.
7. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Проблемы хронологии раннебронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1982. С. 9–29.
8. Северная Осетия в раннем и среднем бронзовом веке (модель выделения археологической культуры) // Учёные записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов. М.: Центр «Шелковый путь», 1990. С. 3–74.
10. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки». 2006. № 1. С. 3–12.
11. Индоарии на Северном Кавказе / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 1. С. 3–26.
12. Хронология, периодизация и происхождение некоторых элементов славянской мифологической системы // Северное Причерноморье. К истокам славянской

- культуры : Пятые чтения памяти академика О. Н. Трубачева. Киев; Москва, 2008. С. 125–130.
13. В поисках индоевропейцев. Современное состояние индоевропейской проблемы и новые пути её решения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2008. №4. С. 66–75.
 14. Мифы как источник по реконструкции индоевропейской праистории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2008. № 4. С. 76–83.
 15. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 162–173.
 16. Древнеевропейцы II тыс. до н.э. (механизм формирования раннекатакомбного горизонта) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 153–161.
 17. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2009. № 223. С. 121–142.
 18. О культе Великой богини в религии индоиранцев по данным археологии (к вопросу о семантике костяных молоточковидных булавок) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 1. С. 98–106.
 19. Четыре прародины индоевропейцев в концепции В. А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: ИИУ МГОУ, 2010. С. 58–72.
 20. Картвело-индоевропейские контакты в III / II–II тыс. до н. э. по данным лингвистики и археологии // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы научной конференции. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 157–160.
 21. Индоевропейцы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. по данным лингвистики и археологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2012. № 16. С. 610–619.
 22. Происхождение мифов «северного цикла» древних греков, иранцев и индийцев в свете позднеиндоевропейской и арийской прародин в Центральной Европе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 82–89.
 23. О хронологии древнейшего слоя в индоевропейской мифологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2014. № 18. С. 717–729.
 24. Мифология Великой богини в праиндоевропейской древности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2016. № 4. С. 33–40.
 25. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций // Oriental Studies Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 4 (44). С. 570–579.
 26. От археологии к истории (к методологии вопроса) // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 ч. Ч. 2. Томск, 2019. С. 64–70.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

Петре РОМАН

(29.06.1935 – 25.07.2019)

С уходом профессора Петре Романа археология Румынии и всей Центральной и Юго-Восточной Европы потеряла одного из наиболее выдающихся и ярких своих представителей. Его имя тесно связано с необычайно важными и исключительно ценными по своим результатам археологическими исследованиями, позволившими выделить основные периоды в древнейшей истории региона Нижнего Дуная и выявить закономерности его культурной эволюции. Будучи одарённым учёным, профессор Петре Роман работал с высоким профессионализмом и полной самоотдачей, нередко жертвуя при этом не только своим временем, но и здоровьем. Он словно читал зорким глазом загадочную книгу земных тайн. За время своей долгой и плодотворной работы П. Роман принял участие во множестве археологических исследований во всех исторических провинциях Румы-

нии. Помнят его и в жудеце Вылча, где он начинал свою научную деятельность, и в ставшим для него родным Бухаресте.

После окончания университета Петре Роман без колебаний идёт работать школьным учителем, совмещая преподавание с археологическими разведками и раскопками. В итоге он достиг своей цели – стал работать в научном учреждении, специализирующемся в области археологии. Здесь Петре Роман отдаёт все свои силы и энергию полевым исследованиям. Его имя становится всё более известным не только в румынской археологии, но и за рубежом. Европейское признание пришло к нему вместе с принятием в число стипендиатов фонда «Александра фон Гумбольдта» в Германии и приглашениями участвовать в различных научных форумах.

И в дальнейшем его профессиональная карьера складывалась успешно. Пройдя путь от простого исследователя

до старшего научного сотрудника I степени, он защитил диссертацию на степень доктора археологии. С 1991 по 1999 год П. Роман занимал пост вице-президента Национальной комиссии по археологии и одновременно активно работал в системе университетского образования.

В конце 1989 года Петре Роман перешёл из Института археологии в Институт Фракологии, директором которого он впоследствии стал (1990–2003). Благодаря его усилиям Институт Фракологии получил права юридического лица и занял своё место среди исследовательских институтов Министерства образования Румынии (1988–2003).

Деятельность института постоянно расширялась – открывались филиалы в Клуж-Напоке, Яссах, Тимишоаре, Сибиу, Констанце, Крайове и Кишинёве (Республика Молдова). Это научное учреждение было задумано им как междисциплинарный и мультидисциплинарный институт, с отделами археологии и истории, антропологии и археозоологии, лингвистики, этнологии и музыковедения. В результате специалисты института исследовали фракийское наследие не только на территории Румынии.

При поддержке государственных структур и в сотрудничестве с музеями Брэилы, Сату-Маре, Констанцы и Мангалии, а также с университетами и Национальными Академиями наук Украины и Республики Молдова, был реализован ряд научных проектов, включая археологические исследования на территории этих стран. Нужно отметить, что совместная деятельность Института Фракологии не ограничилась указанными выше странами. С каждым годом она расширялась и развивалась, включая в свою орбиту всё новые научные учреждения в России, Югославии/Сербии, Болгарии, Греции, Албании, Турции, Венгрии, Австрии, Германии, Италии, Франции, Великобритании и Туркменистане.

Усилиями профессора Петре Романа продолжилось издание журнала «Thraco-

Dasica». Сознывая также высокую ценность результатов полевых исследований, изучения музейных коллекций и архивной документации, он, совместно с коллегами или самостоятельно, основывал новые серии публикаций: *Bibliotheca Thracologica* (Библиотека Фракологии), *Cercetări Arheologice* (Археологические исследования) в *Aria Nord-Tracă* (Северо-Фракийский ареал), *Symposia Thracologica* (Фракологический Симпозиум), *Bulletin de Thracologie* (Бюллетень Фракологии), *Studia Danubiana* (Дунайские исследования), *Istorie și tradiție în spațiul românesc* (История и традиции в румынском пространстве). При его активной поддержке началось издание международного ежегодника «Циркумпонтика» (Москва). В этих изданиях были опубликованы работы специалистов не только из Румынии, но и из США, стран Европы и Азии. Это позволило наладить интенсивный обмен научной литературой с исследовательскими центрами по всему миру. Создавался и рос фонд публикаций библиотеки Института Фракологии.

В условиях взаимовыгодного сотрудничества с университетами и музеями в Сату-Маре, Карей, Решица, Карансебеш, Дробета-Турну Северин, Пятра-Нямц, Брэила, Констанца, Мангалия, Кэлэраш, Сибиу, Алба-Юлия, Клуж-Напока, Институт выступил организатором научных встреч и конференций на региональном, национальном и международном уровне, важнейшей из которых стал 7-й Международный Конгресс фракологов, состоявшийся в Констанце-Мангалии, в 1996 году.

Благодаря настойчивости и усилиям Петре Романа, Институт вместе с румынскими и иностранными партнерами приступил к созданию международных организаций, призванных стать генераторами транснациональных программ и проектов (например, в Республике Молдова и Украине). Созданные научные объединения сосредоточили свои усилия главным образом на исследованиях о фракийцах.

Результатом успешной деятельности Института, созданного профессором Петре Романом в содружестве со своими коллегами, стала активизация научной деятельности в ряде университетов (в Констанце, Клуж-Напоке, Алба-Юлии, Галаце, Тырговиште, Кагуле – Республика Молдова). Более того, в стенах Института развернулась подготовка научных кадров. Многие из коллег, работающие сейчас в университетах, исследовательских институтах или музеях, были докторантами профессора Петре Романа. При непосредственной поддержке учёного некоторые из них стали стипендиатами фонда «Александр фон Гумбольдт», DAAD, DÖAD или Academia di Roma, академий, университетов и исследовательских институтов Болгарии, Албании, Венгрии, Украины, Республики Молдовы.

Даже после выхода на пенсию профессор Петре Роман не отказался от научной

деятельности. Он продолжал работать в специализированных лабораториях и хранилищах, подготовил публикацию о результатах археологических исследований, проведённых в районе Железных ворот, а также на территории Бухареста и его окрестностей.

Его коллеги, сотрудники и ученики, а также все те, кто знает и ценит научную деятельность профессора Петре Романа, никогда не забудут его обаяние, целеустремлённость и научную эрудицию. В нашей памяти навсегда останутся его открытость и доброжелательность, а также уникальный организаторский талант, поставленный на службу археологии и делу консолидации учёных-историков всех научных направлений в Румынии и сопредельных странах.

Кристиан Шустер

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шустер Кристиан – доктор исторических наук, директор Центра фракологии Института археологии им. Василе Парван Румынской Академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Schuster Christian – doctor of historical Sciences, Director of the Center of thracology at the Institute of archaeology Vasile Parvan of the Romanian Academy of Sciences

ЗНАК СУДЬБЫ. ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА ЮРЬЕВИЧА МУРЗИНА

(4.09.1951 – 30.12.2019)

В канун Нового 2020 года – 30 декабря 2019 г. ушёл из жизни ведущий скифолог, доктор исторических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Украины, член Оргкомитета ежегодника «Циркумпонтика» Вячеслав Юрьевич Мурзин.

В. Ю. Мурзин – человек, безусловно, яркий и неординарный. Он был не только археологом, внесшим значительный вклад в развитие европейской скифологии, но и историком, юристом, преподавателем, писателем и журналистом. Он родился 4 сентября 1951 г. в небольшом уютном городке Мелитополь в Запорожской области Украины. После войны сюда переехали его родители, и поскольку в разрушенном городе не было жилья, семья своими силами слепила из самена небольшой домик на окраине – в районе самостроев под названием Юровка.

Именно здесь, в одном из частных дворов на улице Первомайской (ныне Скифской) при рытье колодца было случайно обнаружено подземелье с куполообразными сводами, оказавшимся скифским царским захоронением. Хозяин участка, обнаружив в заполнении древние находки, не спешил делиться открытием. Однако об этом узнали соседи и тут же сообщили в милицию, откуда информация попала в Киев. В результате на городской окраине Юровка 1 июня 1954 г. начала работу экспедиция Института археологии Академии наук Украины под руководством А. И. Тереножкина. По его свидетельству, раскопки были чрезвычайно сложными не

только технически, но и из-за ажиотажа, который они вызвали у местных жителей. В итоге исследования завершились блестящими находками скифской эпохи. Спустя годы, В. Ю. Мурзин узнал от своей прабабушки, что она неоднократно водила его на раскопки, чтобы хоть как-то развлечь трёхлетнего мальчика. Детская память этот эпизод не сохранила, но символично, что впоследствии именно Алексей

Иванович Тереножкин стал научным наставником Вячеслава Мурзина, который всю свою жизнь посвятил изучению скифской культуры.

Ещё в школе он заинтересовался археологией. В 7 классе стал посещать археологический кружок при Детской экскурсионно-туристической станции в Запорожье, куда переехала семья. С удовольствием участвовал в различных походах, во время которых окончательно определился с выбором профессии. После окончания 8 класса произошла знаменательная для него встреча с А. И. Тереножкиным в экспедиции у с. Бельное Запорожской области, где велись раскопки скифских курганов.

После окончания средней школы он поступает и в 1973 г. с отличием оканчивает Харьковский университет. «Красный диплом» открывает прямую дорогу в науку, и в том же году молодой выпускник поступает в аспирантуру Института археологии АН УССР. После этого научная карьера В. Ю. Мурзина успешно развивается. В 1979 г. он защищает кандидатскую (на-

учный руководитель В. А. Ильинская), а в 1992 г. – докторскую диссертацию. Вскоре после этого В. М. Мурзин в течение 10 лет (1993–2002) возглавляет отдел скифо-сарматской археологии в Институте археологии АН УССР. В это время раскрывается его талант организатора и полевого исследователя. С 27 лет он стал руководить археологическими экспедициями и почти 40 лет жизни провёл лето в полевых условиях. При его участии велись раскопки таких известных скифских памятников, как Бердянский курган, Чертомлык, Бельское городище и другие. Итоги раскопок и исторических выводов были изложены в ряде знаковых научных монографий и более 250 статей, которые были опубликованы не только в СССР, Украине, но и в Болгарии, Румынии, Германии, Польше, Австрии, Франции, США и в других странах. Немало сил Вячеслав Юрьевич уделял и международному сотрудничеству. В частности, он был инициатором создания, а затем и одним из руководителей совместной Украинско-Немецкой экспедиции, проводившей раскопки скифских памятников на территории Украины. Вячеслав Юрьевич стал одним из первых организовывать международные археологические выставки, с которыми посетил ряд стран.

В 2003 г. В. Ю. Мурзин переехал в Запорожье, где получил второе высшее образование по специальности «правоведение» и стал преподавать в Запорожском юридическом институте МВД и Бердянском государственном педагогическом университете. Но основное место в жизни по-прежнему занимала наука: он активно пишет научные и научно-популярные статьи, входит в редколлегия ряда научных периодических изданий, рецензирует монографии и диссертации, консультирует научно-популярные фильмы и активно участвует в издательской деятельности.

Именно поэтому, когда встал вопрос о представителе Украины в новом ежегоднике МГОУ, было принято решение обратиться к Вячеславу Юрьевичу с просьбой войти в состав Оргкомитета нового издания. Он сразу же ответил согласием и прислал в первый номер статью, которая

увидела свет буквально за несколько дней до ухода автора. Возможно, она стала последней в его научной биографии.

Мы не были лично знакомы, но давно знали друг друга заочно, а после того, как выяснили, что являемся земляками, испытывали взаимную симпатию. У меня на видном месте в книжном шкафу стоят книги с его дарственными надписями. Несмотря на непростые отношения между нашими странами, он сохранил верность своим убеждениям и разделял основной принцип Оргкомитета: наука находится вне политики и должна служить объединению народов!

Несколько лет назад В. Ю. Мурзин подал идею журналисту и историку Валерию Тимофееву издать переписку А. И. Тереножкина с женой во время раскопок Мелитопольского кургана. В результате появилась книга «Мелитопольский курган («трудный случай в археологии»)» (2018), ставшая данью памяти В. Ю. Мурзина своему научному руководителю. И этот факт не случаен в его биографии.

«Теперь я часто задумываюсь, была ли это случайность или знак судьбы, связавший всю мою сознательную жизнь с изучением истории и культуры скифов?», – задавал себе вопрос археолог, вспоминая детские визиты на раскопки царского кургана. Думаю, что со временем он пришёл к однозначному выводу: безусловно, это, был Знак судьбы, о котором ему поведала прабабушка, и который он успел рассмотреть при жизни!

Вячеслав Юрьевич не дожил всего лишь один день до наступления Нового 2020 г. Кто-то из археологов сказал, что он навсегда ушёл в небеса к любимым скифам. Его уход – тяжёлая потеря не только для украинской науки. Пожелаем же ему счастливого кочевья в Вечности.

Е. В. Яровой

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2020. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор А. Д. Дзюбак
Переводчики А. С. Барминова, Н. Г. Попова, Н. Г. Юрышева
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 20,25, усл. п.л. 16.

Подписано в печать: 30.12.2020. Выход в свет: 04.02.2021. Заказ № 2020/12-17.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А